

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

История внешней политики России

XVIII век

(От Северной войны до войн
России против Наполеона)

«Парадигма»
Москва, 2018

«Академический проект»
Москва, 2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Редакционный совет:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор) — член-корр. РАН;
А.В. Игнатьев (заместитель ответственного редактора) — д-р ист. наук;
О.В. Орлик — д-р ист. наук; *Г.А. Санин* — д-р ист. наук;
В.М. Хебролина — д-р ист. наук

Редакционная коллегия тома:

Г.А. Санин (ответственный редактор) — д-р ист. наук;
В.Н. Пономарев (ответственный секретарь) — канд. ист. наук;
А.В. Игнатьев — д-р ист. наук

История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век (От Северной И90 войны до войн России против Наполеона). — М.: Академический проект; Парадигма, 2018. — 293 с. — (Концепции).

ISBN 978-5-8291-2364-2 (Академический проект)
ISBN 978-5-902833-45-1 (Парадигма)
ISBN 978-5-8291-2366-6 (Академический проект. Т. 2)
ISBN 978-5-902833-47-5 (Парадигма. Т. 2)

Это одна из книг пятитомника «История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)», посвященная веку XVIII. В ней рассказывается о превращении Русского государства в великую державу, об осуществлении выхода ее к Балтийскому и Черному морям. На основе обширного архивного и опубликованного исследовательского материала авторы анализируют внешнюю политику Петра I и его преемников; раскрывают деятельность Екатерины II и Павла I. Показаны отношения России со странами Европы и Азии, освещена ее позиция в американском вопросе. Отдельная глава вводит читателя в сферу деятельности дипломатического ведомства — Коллегии иностранных дел.

Для специалистов и читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-2364-2
ISBN 978-5-902833-45-1
ISBN 978-5-8291-2366-6 (Т. 2)
ISBN 978-5-902833-47-5 (Т. 2)

© Г.А. Санин и др., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2018
© «Парадигма», 2018

Предисловие

XVIII век занимает особое место в истории внешней политики России. Это было время, когда российское великодержавие поднималось на новую ступень, а сам характер политики страны стал постепенно меняться, приспособляясь к новому положению великой страны, когда сформировались главные направления международной активности русского государства, когда в новых социально-экономических, политических международных условиях были заложены основы идеологии и традиций, которыми станут руководствоваться правящие круги в XIX и начале XX столетия». Новые явления были тесно связаны как с внутренним развитием страны, превратившейся в дворянскую империю, так и с изменениями в международных отношениях: с выдвиганием на первый план борьбы государств за торговое и политическое преобладание, за колонии; с превращением англо-французского соперничества в главный фактор мировой политики и появлением на европейской арене новых великих держав; с актуализацией восточного вопроса; с развитием международного права.

Россия вступила в новый век «под стук топора и гром пушек», разветывая внутренние преобразования и пролагая новые пути во внешней политике. Вступление в XVIII век совпало с началом великой коалиционной войны со Швецией за выход к Балтийскому морю. Кончалось столетие правлением Павла I, противоречиво сочетавшим продолжение политических традиций с новыми принципами стратегии, получившими развитие в последующие столетия. В области внешней политики участие в коалиции против агрессивной постреволюционной Французской республики сменилось за это время скоропалительным, но отнюдь не нелепым союзом с наполеоновской Францией в целях раздела турецкого наследства и обуздания усилившейся Англии. Недаром в антипавловском заговоре присутствовала тень уже высланного из России британского посланника Ч. Витворта.

Обобщающая работа о внешней политике России XVIII века имеет большое научное значение. После выхода в свет многотомных «Очерков истории СССР» (тома, охватывающие XVIII в., вышли в 1954–1957 гг.) и «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (тома III и IV, посвященные XVIII в., изданы в 1967 г.) других работ, где достаточно подробно освещалась бы внешняя политика России, у нас в стране не издавалось. Между тем за последние два с половиной десятилетия накопился обширный фонд исследовательской литературы по отдельным вопросам этой проблематики. Достаточно напомнить монографии и статьи советских, российских историков А.И. Алексеева, А.П. Бажовой, В.С. Бо-

былева, В.И. Буганова, В.Е. Возгрина, О.П. Марковой, Г.В. Мелихова, Н.Н. Молчанова, В.С. Мясникова, АЛ. Нарочницкого, Г.А. Некрасова, С.Ф. Орешковой, Н.И. Павленко, Г.А. Санина, А.М. Станиславской и др. Появились также значительные документальные публикации. Продолжалось издание «Писем и бумаг императора Петра Великого». Вышли в свет работы «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.» (1984 г.), «Исследования русских на Тихом океане» (т. 1–2) (1984–1989 гг.), «Под стягом России» (1992 г.).

Значительное внимание внешней политике России в XVIII столетии уделялось также зарубежной историографией. Если для периода холодной войны были характерны версии об извечной агрессивности России и о «русской угрозе» Европе (см. работы Г. Дёрриса, Р. Кернера, Дж. Паула, Г. Рауха, Э. Хассингера), то в последние годы стали появляться более объективные исследования, авторы которых стремятся сбалансированно оценить включение России в большую европейскую политику (Х. Баггер, А. Рибер, Х. Рэгсдейл). Показательны в этом отношении коллективные работы «Имперская внешняя политика России»* и «Граница в истории России»***, вышедшие в США в 1992–1993 годах, в которых принимали участие и отечественные ученые.

Вполне очевидна потребность в обобщении результатов пройденного наукой пути, использовании новых документальных материалов, освещении менее изученных проблем и аспектов. Важное значение имеет также возможность расширить методы исследования, выйти за рамки тесных идеологических схем прошлого.

Во внешней политике России XVIII века отчетливо просматриваются три основных периода, которые ассоциируются с именами Петра I, его преемников и Екатерины II.

В первой четверти столетия главное внимание русского правительства было направлено на утверждение на Балтике, путь к которой преграждала одна из сильнейших держав того времени — Швеция. Длительные военные усилия и сложная дипломатическая борьба увенчались успехом. Ништадтский мир (1721 г.) вновь превратил Россию в балтийскую державу. Борьба же с Османской империей за выход в Черное море и свободу торговли через Босфор и Дарданеллы закончилась неудачей. Военное столкновение с шахской Персией позволило временно укрепиться на западном и южном берегах Каспийского моря. Предпринимались попытки занять посредническое положение в торговле между Востоком и европейскими странами. Посылались, хотя и мало результативные, экспедиции в Среднюю

* Imperial Russian Foreign Policy / Ed. and transl. by H. Raglsade. Cambridge — N.Y.; Melbourne, 1993.

** The Frontier in Russian History / Russian History (University of Southern California). 1992. Vol. 19. No 1–4.

Азию. Делались попытки расширить торговлю с Китаем. Продолжалось продвижение русских на Дальний Восток. Но наибольшее значение имела победа в Северной войне, которая превратила Россию в великую державу общеевропейского ранга.

В антирусской политической агитации начиная уже с XVIII века нередко использовалось так называемое «завещание Петра I», якобы подтверждавшее начавшуюся при нем разработку планов европейского и едва ли не мирового господства России. Отечественные и зарубежные исследователи пришли к однозначному выводу о фальшивом характере этих псевдодокументальных свидетельств.

Несомненно, однако, что при Петре I наметились важные направления внешней политики, которые продолжали его преемники. В петровскую эпоху были созданы регулярная армия и военно-морской флот, что имело немалое значение для проведения эффективной внешней политики, вырос промышленный потенциал страны, расширилась ее внешняя торговля.

На протяжении всего столетия, начиная с Петра I, модернизировалось управление внешнеполитическим ведомством. Место Посольского приказа заняла Посольская канцелярия, а затем Коллегия иностранных дел. Были учреждены постоянные дипломатические представительства России в главных странах Европы и в Турции. Сложилась основные принципы и приемы русской дипломатии нового времени Петр I не только лично принимал самое активное участие во внешнеполитической деятельности, но и воспитал плеяду талантливых дипломатов и военачальников.

После смерти императора, когда наступил период дворцовых переворотов, петровские традиции во внешней политике в основном сохранялись, хотя в осуществлении курса имели место непоследовательность и колебания. Главными задачами оставались укрепление позиций страны на Балтийском море, сохранение ее влияния в Речи Посполитой, получение выхода к Черному морю и права свободной торговли через проливы (Босфор и Дарданеллы). Международная обстановка побуждала изменить направление усилий, обратив их на юг. В этой связи первостепенное значение приобрели союзные отношения с Австрией. Россия сохранила и закрепила за собой ранг великой европейской державы. Она выступала полноправным членом европейских коалиций того времени. В Семилетней войне с участием России решались вопросы равновесия сил на континенте.

В последней четверти столетия внешнеполитический курс России становится более последовательным и устойчивым. Центр тяжести был перенесен на решение черноморской проблемы. В результате двух войн и дипломатической борьбы Россия вышла широким фронтом к Черному морю, приобрела право проводить свои торговые суда через Босфор и Дарданеллы, а также покровительствовать поработанным Турцией христианским народам. В польском вопросе правительство Екатерины II

сначала ограничивало свою задачу сохранением слабой и подверженной русскому влиянию Речи Посполитой. Однако ситуация в Европе побудила встать на путь раздела этого государства, инициаторами которого выступали Пруссия и Австрия. В результате трех разделов Польши во второй половине века к России отошли находившиеся под властью поляков белорусские земли, Правобережная Украина, Курляндия и Литва. Собственно польские и западноукраинские земли были аннексированы Пруссией и Австрией. Национальная политика постепенно перерастала в имперскую.

Важным новым моментом явилось стремление Петербурга играть роль организатора коллективных акций и арбитра в европейских делах. Уже в 60-е годы русская дипломатия выступила инициатором создания так называемого «Северного аккорда», то есть союза государств Северной Европы, противостоящего франко-австрийскому блоку. Позднее правительство Екатерины II сумело упрочить свое влияние на германские дела, добившись прекращения австро-прусского столкновения из-за Баварии и выступив гарантом мирного договора между Австрией и Пруссией — Тешенского трактата 1779 года.

В 1780 году, в период борьбы североамериканских колоний за независимость, Россия приняла Декларацию о вооруженном нейтралитете, дабы ограничить не регулируемое никакими правовыми нормами хозяйничанье британского флота на морях. Россия поддержала таким образом и становление нового Североамериканского государства.

Русско-австрийский союз 1781 года преследовал далеко идущие, но большей частью оставшиеся нереализованными цели, среди которых фигурировал и известный «греческий проект» — план изгнания турок из Европы и создания на Балканах вассального России греческого государства.

Великая французская революция встретила враждебное отношение царского правительства, которое, однако, не спешило примкнуть к коалиции монархических государств, направленной против Франции.

В политике России в Азии определились важные перспективные направления — движение как на восток (тихоокеанские исследовательские и промысловые экспедиции, основание Русской Америки), так и на юг (присоединение части Казахстана, страдавшего от жестокой агрессии Джунгарии). В Закавказье по Георгиевскому трактату 1783 года царь Карталинский и Кахетинский Ираклий II признал покровительство и верховную власть России. Рост влияния империи в Европе и расширение ее владений в Азии и Северной Америке создавали предпосылки для превращения России в державу мирового класса.

К концу столетия задачи укрепления связей с государствами Центральной и Западной Европы, выхода к незамерзающим морям, утверждения великодержавного статуса страны были решены. Российская империя

настолько подняла свой международный престиж, что, по словам канцлера А.А. Безбородко, ни одна пушка в Европе не смела выпалить без ее позволения. Царские дипломаты и полководцы XIX и XX веков нередко обращались к традициям петровской и екатерининской эпох.

Структура книги в основном соответствует трем охарактеризованным выше периодам (главы I–III). Кроме того, в отдельные главы выделены такие аспекты, как разделы Польши, русско-китайские и русско-американские отношения, а также механизм управления внешней политикой страны.

Авторами книги являются: канд. ист. наук *Ж.А. Ананян* (глава I, раздел 3; глава III, раздел 7), д-р ист. наук *А.П. Бажова* (глава III, разделы 1–6), д-р ист. наук *Г.В. Мелихов* (глава V), д-р ист. наук *Г.А. Некрасов* (глава II, разделы 1 и 2, 3 — совместно с канд. ист. наук *А.Н. Шапкиной*), канд. ист. наук *В.Н. Пономарев* (глава VI), д-р ист. наук *Г.А. Санин* (Предисловие, глава I, разделы 1 и 2; глава IV, Заключение), *С.А. Турилова* (глава VII).

Глава I. Петр I и его внешняя политика

1. Традиционное и новое в политическом курсе

Сумбурное и «бунташное» XVII столетие уходило в прошлое. Наследие его, доставшееся России, было сложным и противоречивым. Крупные успехи переплетались с тяжелыми поражениями. Россия уже вошла в круг ведущих государств Восточной Европы, с ней считались Речь Посполитая, Швеция, Австрия, не говоря о Крымском ханстве и Иране. Ее влияние среди народов Предуралья, Сибири, Северного Кавказа было бесспорным. Из-за права торговать с ней соперничали голландские и английские купцы, был заключен торговый договор с Францией. Наконец, Россия участвовала в международных коалициях государств Европы.

И вместе с тем русским дипломатам все еще приходилось слышать уничижительное название своего государства — «Московия», разъяснять (как это делал П.И. Потёмкин на великолепной классической латыни в Мадриде), что хотя Россия и граничит с Крымским ханством, но вовсе не платит дани татарам, а посылает хану подарки (поминки).

Но, пожалуй, самым обидным и тяжелым последствием XVII века была утрата Балтийского побережья по Столбовскому миру со Швецией 1617 года. Россия лишалась удобной морской дороги в Европу.

В других сферах дела обстояли удачнее. Успешно закончилась война с Речью Посполитой за Украину. В 1667 году было подписано Андрусовское перемирие, а в 1686-м — «Вечный мир», по условиям которых Россия возвращала себе Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов, захваченные в начале века Речью Посполитой.

Начинался процесс воссоединения Украины и Белоруссии с Россией. Киев, Левобережная Украина, Запорожье переходили под скипетр российского монарха на условиях весьма широкой автономии, как бы мы сейчас сказали — конфедерации. Впрочем, и России, и Украине, и Белоруссии до окончательного воссоединения было еще очень и очень далеко.

Шло медленное, но неотвратимое наступление России на кочевую степь — Дикое поле, и к 1680-м годам южная граница России была закрыта крепостной стеной, непрерывной полосой крепостей, частоколов и засек: это были Изюмская, Белгородская, Симбирская и Сызранская оборонительные линии. Укрепления начинались неподалеку от Полтавы, тянулись на Белгород, Воронеж, Тамбов и южнее Симбирска, у города Сызрани, выходили к Волге¹.

Построенные для защиты русских и украинских земель от набегов стремительных и безжалостных степных кочевников, эти укрепления

к концу века стали опорной базой для походов на Крым и Азов, для отвоевания выхода в Черное море².

В 80-е годы XVII века международная обстановка явно благоприятствовала этому. Войска турецкого султана Мухаммеда IV осадили в 1683 году Вену. Император Священной Римской империи германской нации Леопольд I (его часто называют австрийским императором, так как Австрия была политическим центром германских и других земель Центральной Европы) мог потерять не только значительную часть своих владений, но и сам трон. Лишь стремительный бросок к Вене войск польского короля Яна Собеского спас город.

Нависла угроза и над землями Украины. В 1672 году турки отобрали у Речи Посполитой г. Каменец-Подольский, всю Подолию и другие земли, а в 1678–1681 годах пытались захватить украинские земли, воссоединившиеся с Россией.

Для отражения агрессии Османской империи европейские государства объединились в Священную лигу (Австрия, Польша, Венеция, некоторые мелкие германские княжества). С 1686 года войну с Турцией возобновляет и Россия, после того как по условиям «Вечного мира» Речь Посполитая отказалась от Левобережной Украины, Киева, Запорожья, Смоленска, Чернигова и Новгород-Северского. Формально Россия примкнула к Священной лиге позже — лишь в 1697 году.

Вступление России в войну с Турцией диктовалось не только необходимостью защиты украинских земель. Крупное, сильное, централизованное государство не могло больше существовать в изоляции от ведущих европейских держав. Страна, будучи отрезанной от живительных морских артерий (на юге — Османской империей, на севере — Швецией), находилась в противоестественном положении.

Решение о выходе к южным морям напрашивалось само собой: со времени воссоединения Украины с Россией политическая активность России была нацелена на юг, южные оборонительные линии могли стать базой для дальнейшего продвижения к морю, в Священной лиге Россия обретала союзников в борьбе с Турцией и Крымом.

Вступление России в войну было важно и для европейских стран: Россия создавала угрозу Османской империи с востока и оттягивала на себя почти 150 тыс. стремительных и жестоких степных всадников. Далеко отходить от Перекопского перешейка они не рисковали, опасаясь наступления русских и украинских войск. Это давало возможность другим участникам Священной лиги активизировать свои военные действия и потеснить османов на Дунае и на Балканах, освободить почти всю Подолию³.

Россия тоже добилась заметных успехов, хотя до обладания выходом в Черное море было еще далеко. В 1696 году удалось захватить турецкую крепость Азов. Это была крупная победа царя Петра I: был уничтожен

один из самых беспокойных, постоянных очагов вторжений в российские владения; русские военные корабли теперь пенили воды Азовского моря и беспокоили побережье Крымского ханства; Крымское ханство, жившее грабежом украинских, русских, молдавских, польских земель, стало испытывать тревогу за безопасность своих владений.

Тем не менее выход в южные моря оставался закрытым для России. Впереди были теснины Керченского пролива, Дарданеллы и Босфор. Между тем союзники России уже в основном достигли желаемого и постепенно начали сворачивать военные действия, тогда как Россия сделала только первый шаг на пути к южным морям.

Пассивность других членов Священной лиги вызвала гнев и недоумение молодого и пока еще не искушенного в дипломатии Петра. Росло острое чувство тревоги: если такие мощные европейские государства, как Австрия и Венеция, не могли в одиночестве противостоять Османской империи, то тем более трудно было это сделать России, которая только приступала к долгим преобразованиям и реформам. Суровая «троевременная школа» Северной войны еще даже не начиналась. Война со Швецией длилась 21 год (с 1700 по 1721 г.), а для постижения полного курса наук в европейских университетах требовалось в то время 7 лет, поэтому Петр и назвал Северную войну «троевременной школой».

Впрочем, петровская аллегория не относилась к дипломатии. Петр и его дипломаты занимались не первоначальным обучением искусству дипломатии, а сложным процессом соединения европейских и российских дипломатических методов и приемов. Многоопытные русские дипломаты были профессионалами высочайшего класса, возможно, придерживавшимися несколько иных, нежели европейские, обычаев, прошедшими свою школу мастерства.

Уже в 1696–1697 годы им предстояло решить сложные дипломатические проблемы. Перед ними встал вопрос о сохранении Священной лиги, ее активизации. С этой целью петровская дипломатия предпринимает энергичный шаг — готовит Великое посольство в Европу с целью оживить Священную лигу, а при возможности и расширить ее состав. Посольству надлежало посетить как те страны, которые входили в состав Священной лиги (Австрия, Рим, Венеция, Бранденбург), так и те, которые предполагалось привлечь к союзу (Нидерланды, Англия, Дания).

Уже в организации посольства мы видим интересное сочетание нового, внесенного самим Петром, и старого, традиционного. Как и повелось издавна на Руси, посольство возглавляли три великих и полномочных посла, но первым, главным послом был назначен не родовитый боярин, а фаворит Петра, швейцарец, генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт, вторым послом — генерал и комиссар Федор Алексеевич Головин и третьим — думный дьяк Прокофий Богданович Возницын.

Три посла как нельзя лучше дополняли один другого. Франц Лефорт, 35 лет от роду, имел несколько поверхностное образование, служил многим государям, а потому знал русский, английский, голландский, немецкий и французский языки. Остроумный и жизнерадостный, он был силен и ловок, великолепно фехтовал и лихо управлялся с конем. Впрочем, не менее ловко и непринужденно мог вести и светский разговор. Чиновник курфюрста Бранденбургского, принимавший Великое посольство в замке Тапенау (Восточная Пруссия), писал, что он «с господином Лефортом, который, несмотря на множество фистул и ран на теле, ненасытен, должен был потреблять столько вина, табаку и водки, что на следующий день не мог провозжать их в экипажи. Лефорт великолепно одевается и, вероятно, выписал свое платье из Франции. Однако странным кажется множество колец, которые он носит на пальцах, а также повязка из изумрудов, которую он носит на волосах. Он очень вежлив и с гордой осанкой, поддерживает с двумя товарищами значение своего сана. Мне очень нравится его постель, украшенная персидской парчой. Он с товарищами говорит по-московски, с другими — по-французски...»⁴.

К тому же Лефорт исколесил всю Европу, был осведомлен об интригах царствующих европейских домов. Поэтому Петр и поставил его во главе посольства. Но Франц Яковлевич не знал обычаев и приемов русской дипломатии, а потому в Великом посольстве был скорее «свадебным генералом», чем первым лицом. Он мог блеснуть на приемах и при случае эффектно обнажить клинок. Возглавил посольство фактически сам Петр Алексеевич, а будничную работу вели Ф.А. Головин и П.Б. Возницын. Ф.А. Головин происходил из знатного боярского рода, имел большой опыт дипломатической службы: в 1689 году он в труднейших условиях заключил Нерчинский договор с Китаем, после возвращения из Великого посольства и до своей смерти возглавлял Посольский приказ (1698–1706 гг.).

П.Б. Возницын — опытный дипломат, человек старого закала, осторожный и сдержанный в речах и суждениях. Старая школа русского дипломатического искусства чувствовалась у него во всем. Это был грузный, важный, внешне не общительный человек. Суждения его были неспешны и продуманны, стоял он на своем крепко и упорно. В 1681 году заключил Бахчисарайское перемирие, приостановившее войну России и Османской империи.

В должности переводчика в состав посольской свиты был включен и будущий вице-канцлер России П.П. Шафиров. Шафиров попал в состав посольства благодаря счастливому случаю: однажды на московском базаре в лавке купца Евреинова Петр заметил разбитного приказчика. Приказчик оказался остроумным, находчивым да к тому же знал польский, французский, немецкий языки. Так польский еврей П.П. Шафиров попал на службу в Посольский приказ.

Вопреки обыкновению, посольство получило не один, а два наказа-инструкции. Один наказ был составлен в Посольском приказе, другой — лично Петром I. Первый наказ касался проблем дипломатии, второй — вопросов найма моряков, закупки морского снаряжения и вооружения кораблей. Эти указы четко отражали две цели посольства: дипломатия должна была возродить наступательный антиосманский союз и обеспечить России выходы к Черному морю, а сильный современный флот был необходим для закрепления на море.

Внешне наказ Посольского приказа напоминал традиционные указы русским дипломатам XVI–XVII веков. В нем очень много внимания уделялось вопросам протокола: кому наносить первый визит в стране пребывания; сидя или стоя соседний государь должен спрашивать о здоровье царя; если иностранный государь устроит пир в честь русских послов, то на пиру не должно быть дипломатов других стран. Послу следить, чтобы подьячие и переводчики «сидели бы за столом чинно и остерегательно, не упивались (Ф.Я. Лефорт этому, кажется, и сам не следовал. — *Авт.*) и непригодных слов меж собой не говорили»⁵.

Но главное было, конечно, не в этом. Составитель наказа, известный русский политический деятель и дипломат, думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев формулировал цель посольства как «подтверждение древней дружбы и любви для общих всему христианству дел к ослаблению врагов Креста Господня салтана турецкого, хана крымского и всех бусурманских орд»⁶. Иными словами, целью была активизация Священной лиги.

Что же касается норм дипломатического протокола, то им сам Петр придавал достаточно серьезное значение и во время Великого посольства, и позднее, вплоть до переговоров о мире со Швецией в Ништадте в 1721 году. Так, например, в ходе Великого посольства Петр долго откладывал официальную аудиенцию у австрийского императора Леопольда I только потому, что никак не могли договориться, когда русские послы должны снимать шапки. Послы настаивали, что до самых дверей тронного зала они пойдут в шапках и снимут их только тогда, когда распахнутся двери и они воочию увидят императора на троне. «Мы приветствуем не стены, а императора», — должны были говорить Лефорт, Головин и Возницын.

Австрийские дипломаты были не менее упорны и педантичны: по крыльцу гости могут подниматься в шапках, но, когда войдут в покои, шапки надлежит снять, «потому что в тех палатах будут стоять цесарского величества (императора. — *Авт.*) думные люди, графы и кавалеры без шляп... и этот древний обычай изменен не будет»⁷.

Спорили и о многих других деталях протокола. Только известие о начавшемся в России стрелецком бунте в 1698 году заставило Петра пойти на уступки в протокольных вопросах, ибо необходимо было срочно

возвращаться в Москву, а уезжать, не проведя официальной аудиенции, означало разорвать дипломатические отношения.

Петр и позднее придавал вопросам дипломатического ритуала важное значение. Когда в 1713 году датский король Фредерик IV наградил его и А.Д. Меншикова высшим датским орденом «Белого Слона», Петр и Меншиков стали носить этот орден под «кавалерией»* высшего русского ордена Андрея Первозванного и не ежедневно, чем вызвали недовольство датского короля⁸.

Правда, упрощение дипломатического протокола было велением времени. Происходило это и в Европе, и в России. Сам Петр с его горячей, непоседливой натурой немало тяготился излишними церемониями и, где это не умаляло чести государства, избегал их. Так, уже при подготовке Великого посольства по указу Петра от 23 декабря 1696 года было отменено «богословие» в царских грамотах — изложение догматов православия перед царским титулом. Вместо пышного и для дела бесполезного набора слов царь приказал писать: «Государь милостью Божией».

Впрочем, в тонкости дипломатической кухни Петр старался активно не вмешиваться, доверив это своим дипломатам. Но другая задача посольства — наем специалистов и закупка кораблей, прочих необходимых товаров для боеспособного флота, который мог бы вести борьбу за море, — стала прямым делом Петра. Во всей России не было равного ему знатока в этих вопросах, и только он мог составить дельную и продуманную инструкцию.

Как известно, в состав посольства вошли 35 «волонтиров» — добровольцев, в том числе и «десятник Петр Михайлов» (Петр I), направлявшихся для обучения всевозможным наукам, и прежде всего навигации и кораблестроению. России предстояло выдержать главные морские баталии, правда, не на Черном море.

В нашей исторической литературе принято уделять больше внимания именно этой — образовательной и морской — части Великого посольства. Возможно, для самого Петра это имело особое значение. В действительности, как уже говорилось, главной целью посольства было вдохнуть жизнь в Священную лигу. Да и Петр по ходу посольства все более и более втягивался в вопросы дипломатии и политической жизни Европы. Вице-канцлер России П.П. Шафиров писал в своем известном труде «Рассуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны против короля Карла XII Шведского в 1700 году имел»: поездка в составе посольства позволила Петру «видеть политическую жизнь Европы, ибо ни он сам, ни его предки ее не видели. По примеру европейских стран устроить свое государство в политическом, особенно

* Кавалерией в XVIII веке называли орден.

военном порядке. Своим примером побудить подданных к путешествиям в чужие края, чтобы воспринять там добрые нравы и знание языков»⁹.

9 марта 1697 года генерал и адмирал Франц Лефорт дал в своем московском дворце прощальный пир, и в тот же день Великое посольство выехало из Москвы по направлению к шведским рубежам. 31 марта посольство въехало в Ригу, которая тогда принадлежала Швеции.

Уже первый прямой контакт Петра с Европой вызвал споры и недоумение. Позднее, когда Петр объявил войну Швеции, возникло мнение, что инцидент в Риге послужил одним из поводов к войне. Петру не воздали там должных почестей как царю. Вряд ли это объяснение было логически обоснованным: официально Петр путешествовал инкогнито. (Впрочем, это был, как говорится, секрет Полишинеля.) Больше всего Петру не понравилось то, что ему не разрешили осмотреть рижскую крепость, которую в 1657 году безуспешно осаждал его отец Алексей Михайлович. Царь был сильно рассержен, впечатления от Риги у него остались самые неблагоприятные: «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением. Торговые люди ходят здесь в мантиях (пальто. — *Авт.*), а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за копейку матерные лаются и клянутся, а продают втрое»¹⁰, — писал Петр. В официальном статейном списке (отчете) посольства отмечено, что в Риге с послов взяли большие деньги за постой, питание, корм коням, за переправу через Даугаву. Дороговизна могла быть вызвана и не проявлением какой-то неприязни: в тот год в Лифляндии был неурожай, а по условиям существующих межгосударственных договоров Россия и Швеция содержали посольства за свой счет.

С 9 апреля по 2 мая Петр и Великое посольство путешествовали по Курляндии. Герцог Курляндский Фридрих-Казимир был тогда вассалом Речи Посполитой, союзницы России по Священной лиге, а потому приняли здесь русских послов весьма радушно. Въезжая в Миттаву в сопровождении почетного конвоя, Петр и его спутники видели «множество людей мужеска и женска полу», приветствовавших их с тротуаров и обочин дороги. 16 апреля была встреча у герцога. Герцог сошел с крыльца прямо к дверцам кареты, «просил, чтобы они шли вперед, и по многих спорах взяв первого посла за руку, и шел по левую сторону на крыльцо, и в сени, и в палаты позади великих и полномочных послов»¹¹.

В вассальной Курляндии посольство никаких переговоров не вело. Не пристало, согласно тогдашнему этикету, переговариваться с вассалом, не побывав на приеме у сюзерена. Да и сюзерена-то как раз не было в живых. В 1696 году в Польше умер Ян Собеский, и в стране шла борьба за власть между различными группировками крупных феодалов-магнатов, каждая из которых предполагала посадить на польский трон своего претендента. Одним из них был французский принц Конти, другим — саксонский курфюрст Август Сильный, которого поддержи-

вала Россия. В этой ситуации Петр решил не проезжать через Польшу, чтобы не осложнять положение своего ставленника Августа Сильного. Правда, на всякий случай у границ Речи Посполитой стояла армия под командой Ромодановского.

Визит к герцогу Курляндскому, конечно же, не должно было использовать, но разве что для сообщения через него в Речь Посполитую и далее в Европу о целях посольства. 17 апреля герцог лично прибыл к послам и имел с ними тайную беседу «о настоящих делах». Открыл ли свое инкогнито Петр в Курляндии — об этом русские источники молчат. Скорее всего, тайны уже не было. Местные курляндские предания повествуют, что Петр встречался с Фридрихом-Казимиром три раза, причем держался запросто, поднимал и целовал маленького наследника Фридриха-Вильгельма, шутил с ним и обещал женить на какой-нибудь московской царевне. (В 1710 г. его действительно женили на племяннице Петра I Анне Иоанновне, но брак оказался недолгим: уже в 1711 году герцог Фридрих-Вильгельм умер.)

Во время бесед, конечно же, поднимались и политические вопросы, проблемы войны с Турцией и др. Но встречи имели и иное значение: через герцога Курляндского Фридриха-Казимира Европа начинала познавать обновляющуюся Россию.

Барон Бломберг, сам беседовавший с Петром в Миттаве, в 1701 году составил «Описание Лифляндии», в котором привел свои впечатления о Петре I. Отметив грубость нравов «москвитов», барон писал: «Царь очень желает сообщить им лоск: вот почему он путешествует, взяв с собою большую свиту из молодых людей из высшей знати; и вообще он посылает многих людей путешествовать. Он берет немецких офицеров, которых назначает на все места командиров. Но повелительное обращение этих офицеров с москвитами, которых приходится обучать при помощи палочных ударов, дает мне повод думать, что если у них будет война с какой-либо нацией, которая носит платье, похожее на немецкое, то они примут этих неприятелей за офицеров, бывших их раньше палками, и присутствие этих суровых командиров может внушить им страх. Царь опасается чего-нибудь в этом роде: вот почему он решил приучать москвитов к немецкому платью и уже приказал им брить бороды»¹².

Если оставить в стороне глупость или неуместную шутку Бломберга, или элементарную пустую болтовню за столом во время попойки по поводу нелюбви «москвитов» к немецким мундирам, то остается утверждение о возможной войне России с нацией, «которая носит платье, похожее на немецкое». Такой нацией для России в 1697 году могли быть только шведы. В конце своего рассказа Бломберг прямо пишет, что царь всегда будет стремиться занять какой-нибудь город на Балтийском море, ибо это нужно ему для торговли.

Вероятно, уже в этих беседах с герцогом Курляндским вставал вопрос о балтийских интересах России. Более четко эта мысль прослеживается в беседах Петра с другим владельцем — курфюрстом Бранденбурга. В Миттаве — столице Курляндии, европейском захолустье — Петр серьезного внимания европейским проблемам не уделял. Речь шла в основном о найме знающих и образованных людей: Петр не скрывал отсталости России, а порой и сам глумился над дикостью старорусских нравов. «Он рассказал нам, — писал Бломберг, — забавную историю, как по смерти последнего патриарха московского* он хотел назначить на его место человека ученого, который путешествовал и говорил по-латыни, по-итальянски, по-французски (псковский митрополит Маркел. — *Авт.*), но русские настойчиво просили его отнюдь не ставить над ними такого человека по следующим причинам: 1) потому, что он говорит на иностранных языках, 2) потому, что борода у него недостаточно длинна для патриарха, 3) потому, что его кучер садится на козлы кареты, а не верхом на лошади, как принято обычаем»¹³.

Достаточно остро политические проблемы континента встали перед Петром и великими послами во время встреч с курфюрстом Бранденбурга Фридрихом-Вильгельмом III. (Бранденбург и Восточная Пруссия до 1701 г. были вассалами Речи Посполитой, а с 1703 г. из них сформировалось самостоятельное королевство Пруссия. Бранденбургский курфюрст стал прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I.) Встреча Петра с Фридрихом-Вильгельмом произошла в Кёнигсберге 9 мая 1697 года.

Оба государя при встрече обнялись, уселись в кресла, распили бутылку токая и около полутора часов разговаривали о мореплавании. Говорили, скорее всего, без переводчика. Последний тост Петр произнес за тех, кто ведет войну против Турции: Бранденбург входил в состав Священной лиги.

Тост был, что называется, «со смыслом», он как бы готовил почву для официального приема посольства, состоявшегося 21 мая 1697 г. Ф.А. Головин в приветственной речи объявил цель посольства: подтверждение антитурецкого союза и активизация военных действий против Османской империи. Благодарил за присылку офицеров-констапелей.

В ответной речи курфюрст лишь в общих чертах заявил о своей готовности содействовать царю, причем в делах гораздо более важных, чем присылка констапелей, но ни турецкий султан, ни крымский хан в речи Фридриха-Вильгельма упомянуты не были.

Такое умолчание о главных противниках Священной лиги, конечно же, не было случайным. Фридриха-Вильгельма гораздо больше волновали другие проблемы. Бранденбург стоял накануне обретения государственной

* Бломберг ошибается: Петр в 1697 году рассказывал не о последнем патриархе Адриане, умершем в 1700 году, а о его предшественнике — патриархе Иоакиме, умершем в 1690 году.

самостоятельности и искал союзников где только возможно. Он пытался найти союзника в лице Петра I. Бранденбургского курфюрста больше волновала Балтика.

Вечером 24 мая курфюрст пригласил к себе послов и «знатных волонтиров» на ужин. За бокалом вина русским послам был предложен проект нового союзного договора, состоящего из семи пунктов. Этот ужин у курфюрста явился своего рода дипломатическим дебютом Петра. Часть пунктов курфюрста послы и Петр приняли тут же, не вставая из-за стола. На вечные времена провозглашался союз России и Бранденбурга: обе стороны обязывались не предоставлять убежища бунтовщикам и всякого рода возмутителям спокойствия; курфюрст обещал помогать тем русским людям, которые будут посланы на учебу будь то в Бранденбург либо в другие государства; бранденбургские купцы, торгующие янтарем, получали право свободного проезда в Иран.

По другим статьям Петр и его дипломаты спорили несколько дней. Курфюрст предлагал, чтобы его послам оказывали в Москве почести как королевским послам; Петр должен твердо гарантировать курфюрсту обладание Пруссией; курфюрст, со своей стороны, в весьма общей форме обещал любую помощь, которая была бы необходима Петру.

Поскольку на прусские земли претендовали только Речь Посполитая и Швеция, этот пункт мог бы столкнуть Россию с соседями, с которыми уже более 30 лет поддерживались нормальные отношения. Особенно нужен был мир с могущественной Швецией: все силы России отвлекала война на юге против Османской империи.

Не было никакого смысла обострять отношения и с Речью Посполитой, от которой ждали активизации военных действий на юге, против османов. К тому же любая недоброжелательная по отношению к Польше акция могла сорвать важнейшее дело — избрание на королевский престол протеже России Августа Сильного и привести, к победе французского претендента принца Конти.

Если учесть, что Франция в своем соперничестве с Австрией постоянно поддерживала Османскую империю, переход власти в руки Конти мог бы создать реальную угрозу выхода Речи Посполитой из Священной лиги. Турецкий султан обещал в случае избрания королем Конти заключить с Речью Посполитой сепаратный мир и вернуть ей Каменец-Подольский.

Естественно, уже первый самостоятельный шаг Петра на поприще дипломатии потребовал знания и учета международной ситуации в Европе конца XVII века. Без этого было невозможно четко определить позиции России и относительно Священной лиги, и в польском «безкорольеве», и в балтийской проблеме.

В то время, когда Петр, Лефорт, Головин и Возницын пировали у курфюрста Бранденбурга в Кёнигсберге, в Европе заканчивалась война Аугс-

бургской лиги против французского короля Людовика XIV — «короля-солнце», который стремился подчинить некоторые германские княжества на правом берегу Рейна, номинально подвластные императору Леопольду I, а также Бельгию, Италию, Испанию, мечтал он и о том, чтобы потеснить Англию на море и в заокеанских колониях. В состав Аугсбургской лиги вошли противники «короля-солнце»: Священная Римская империя, Нидерланды, Испания, Савойя, Швеция, мелкие немецкие и итальянские княжества под эгидой папы Иннокентия XI.

Осенью 1697 года в Риксвике будет заключен договор, по которому Франция уступит часть захваченных территорий в Южных Нидерландах, весь правый берег Рейна, кроме Страсбурга. Впрочем, все понимали, что это только временное соглашение и что главная схватка впереди.

В Испании доживал последние дни король Карл II Габсбург. Он не имел детей, и этот печальный факт как бы подчеркивал закат старой испанской королевской династии и вместе с ней старой Испании, который начался с разгрома «Великой армады» в 1588 году. («Великая армада» — испанский флот, направленный к берегам Англии с целью захвата страны.) Тогда Испания потеряла более 500 судов. В Тридцатилетнюю войну 1618–1648 годов Испания потерпела поражение вместе с Австрией и лишилась еще 300 кораблей. К концу XVII века у Испании оставалось всего 15 крупных судов¹⁴.

И тем не менее большая часть Южной Италии, Южные Нидерланды, Южная Америка, за исключением Бразилии, Центральная и часть Северной Америки оставались под властью испанской короны. Ей принадлежали и крупные владения в Африке, Филиппинские, Канарские, Антильские и Каролинские острова. Назревала новая война. Разразится она в 1700 году и войдет в историю под названием «Война за испанское наследство» (1700–1713 гг.)

На это наследство претендовали две королевские династии, находившиеся в родственных связях с испанскими Габсбургами, — австрийские Габсбурги и французские Бурбоны. Юридически права Бурбонов были несколько весомее: Людовик XIV был женат на старшей сестре Карла II — Марии Терезии, и их сын считался наследником испанского трона. Император Леопольд I был женат на второй сестре Карла II — Маргарите Терезии и имел от этого брака сына — эрцгерцога Австрийского Карла.

К борьбе на суше добавлялась борьба на море. Англия и Нидерланды опасались перехода испанских владений только к Бурбонам или только к Габсбургам; к тому же их тревожили возросшая сила Франции на море и появление у нее заокеанских владений. Все же главное соперничество шло за власть и влияние в Центральной Европе.

Этот основной европейский конфликт дополнялся и осложнялся борьбой за берега Балтийского моря. На протяжении XVII века Швеция

стремилась захватить все балтийское побережье. В 1617 году она захватила русский берег в районе устья Невы, затем последовал захват части германских и, наконец, некоторых польских и датских земель. Теперь в Стокгольме намеревались окончательно превратить Балтийское море во внутреннее шведское озеро и поставить под контроль торговлю всех прибалтийских государств.

Таким образом, продолжая ли войну с Турцией за выход к южным морям, начиная ли войну против Швеции за выход в Балтийское море, Россия находилась на пересечении ведущих противоречий Европы. Вполне понятно, что, не использовав всех возможностей уже существующего союза (Священной лиги), Петр на переговорах с курфюрстом Бранденбурга не рискнул вступать в новый конфликт и принять предложенный антишведский союз.

Но и обострять отношения с Бранденбургом прямым отказом от союза он тоже не хотел. Нужно было найти какой-то новый вариант решения, который не возлагал бы невыполнимых обязательств на Россию, но и не отталкивал бы от нее Бранденбург и Пруссию. Петр предложил оригинальный выход: в письменный договор статью о союзе не включать, ибо эта статья может вызвать недовольство Польши и Швеции. Союз же заключить только в устной форме, ибо «все равно единственной гарантией, хотя бы и письменного договора, служит совесть заключивших его государей, потому что кроме Бога нет на свете судии, который мог бы судить государей в случае нарушения договоров». Петр и Фридрих-Вильгельм дали взаимное обещание помогать друг другу против неприятелей, а особенно против Швеции, подали друг другу при этом руки, поцеловались и утвердили соглашение клятвой¹⁵.

Переговоры с Фридрихом-Вильгельмом III весьма знаменательны для оценки дипломатических приемов Петра I. Были ли эти приемы у российских дипломатов раньше или они появились именно у Петра и вдруг, неожиданно, силой природного ума, силой интеллекта? Несомненно, они не возникли на пустом месте. Практика русской дипломатии XVII века делала царя не только центральной символической фигурой, но и реально главным участником переговоров. Последнее слово было не за чиновником Посольского приказа, не за великими послами и даже не за Боярской Думой, а за царем. Бывали случаи, когда царь Алексей Михайлович непосредственно руководил переговорами. Например, в 1672 году во время русско-польских переговоров о союзе против Турции Артамон Матвеев с боярами несколько раз прерывали встречу, поднимались в царские палаты и советовались с царем.

Петр, как истинный дипломат, в критических, неординарных ситуациях мог найти новое решение. Устный договор между монархами, заключенный во время личной встречи, — явление, несомненно, новое. Но вместе с тем

оно шло в русле российской внешней политики в балтийском вопросе. Этот вопрос в очередной раз вставал перед отечественной дипломатией, ситуация для его решения еще не созрела, но и отказываться от возникающих новых возможностей было бы опрометчиво. Их нужно было зафиксировать, закрепить и дать им возможность дальнейшего развития. Итогом русско-прусских отношений стало вступление Пруссии в 1714 году в антишведский Северный союз.

Переговоры в Кёнигсберге показали и другую характерную особенность Петра как дипломата: Петр необычайно высоко ставил честность и обязательность в выполнении заключенных договоров и соглашений, даже если эти договоры носили устную форму. Позднее, во время пребывания в Вене, Петр искренне негодовал по поводу двуличия Нидерландов и Англии. Эти страны радушно принимали у себя русского царя и одновременно выступали посредниками в заключении мирного договора Австрии и Османской империи.

Принципа верности слову и союзническому долгу Петр придерживался до конца своих дней. Уже во время ништадтских переговоров о мире со Швецией он упорно добивался включения в текст соглашения требований последней своей союзницы, еще продолжавшей войну, — Речи Посполитой. Добивался несмотря на то, что король Август II проявлял сильнеешие колебания и непостоянство, нанесшие ущерб России. Петр считал, что верность слову и обещаниям — залог успеха в политике. В противном случае, выиграв в малом, можно подорвать «кредит» и проиграть в главном. «Генеральное сохранение, — неоднократно подчеркивал Петр, — превосходит партикулярных дел». На этой основе Россия и в дальнейшем строила свою внешнюю политику и отношения с союзниками.

Несмотря на всю важность вопросов обучения русских людей за границей, закупки кораблей, станков, книг, товаров и оборудования, совершенно очевидно, что главной задачей российской дипломатии было другое. Выше уже говорилось о политических проблемах, стоявших перед Россией. В деятельности Великого посольства, как и самого Петра, пожалуй, как никогда до того полно и весомо прозвучали торгово-экономические аспекты дипломатии. В Нидерландах Великое посольство запросило оружие и морское снаряжение в обмен на право транзитной торговли с Ираном и Арменией. Через эти страны проходил знаменитый шелковый путь из Китая и Индии в Европу, и голландские купцы давно уже намеревались взять под свой контроль ответвление этого пути, проходящее через земли России.

И вот тут-то искренний и еще не искушенный в дипломатических интригах Петр допустил довольно грубый просчет. Не изучив как следует тогдашнее конкретное положение Нидерландов, он сразу же предложил максимум того, что мог дать, — свободу торговли через Россию.

Он рассчитывал, что голландские купцы поймут выгоду такого договора и быстро согласятся. Между тем, только что заключив в Риксвике мир с Людовиком, Нидерланды не рисковали сразу же поставить его под угрозу срыва, оказывая открытую помощь России, воюющей с дружественной Франции Османской империей. К тому же осторожные купцы опасались ответных мер Стамбула против их торговли на востоке Средиземного моря. В общем, выгодное для Голландии предложение в данный момент оказалось неприемлемым.

В Нидерландах тем не менее кое-что сделать удалось: на русскую службу завербовали 600 человек, это были морские офицеры, инженеры, врачи, матросы, в основном — голландцы, но также и немцы, венгры, греки, венецианцы (среди которых было значительное число славян из Далмации и других подвластных Венеции славянских земель Балканского полуострова).

В то время, когда посольство находилось в Нидерландах, в Гааге, Петр лично руководил его работой. Неудачные, порой даже наивные действия предпринимались по его указаниям, и на Петре лежит ответственность за допущенные просчеты. Верхом наивности были надежды втянуть Нидерланды в Священную лигу.

Тем не менее ни для Петра, ни для российской дипломатии пребывание в Нидерландах не прошло бесследно. Приемы дипломатической деятельности менялись прямо на глазах. Если бы раньше тому же Ф.А. Головину или П.Б. Возницину кто-то сказал, что они в Нидерландах будут встречаться и принимать дипломатов других стран (например, шведского или бранденбургского послов), они бы сочли это за полное невежество в вопросах дипломатического этикета, а то и просто за оскорбление России. Но теперь в Гааге послы европейских держав к ним, что называется, зачастили. С благословения Петра этих послов по обычаям русского застолья принимали весьма гостеприимно и сами наносили ответные визиты. Таким образом, посланцы России вступали в круг общеевропейского дипломатического концерта.

27 сентября Великим посольством был принят шведский посол барон Лилленрот, на другой день нанесли визит бранденбургские послы фон Шметау и фон Данкельман, английские послы граф Пемброк, лорд Виллес, рыцарь Вильямсон. 29 сентября у русских послов были представители Дании — фон Плессен и фон Ленте фон Сарлгаузен. 30 сентября послы Австрии вручили грамоту Леопольда I с уведомлением о блестящей победе принца Евгения Савойского над турками под Зентой. Польский посол Бозе, саксонец по происхождению, буквально дневал и ночевал у русских послов, склоняя их к еще более активной поддержке Августа II. Конечно же, иностранными послами двигало не только служебное рвение. Хотелось своими глазами посмотреть на восьмое чудо света — «плотника

из Саардама», как прозвали Петра. Ну что же, и праздное любопытство, и экстравагантность Петр умел использовать в интересах дела. Затем последовали ответные визиты русских дипломатов.

Существует расхожее мнение, что, живя в Голландии, Петр больше работал топором на верфях Амстердама и Саардама, чем занимался дипломатией. Вряд ли правильно такое противопоставление. Политическим заботам посвящал он основное свое время. На встречах послы России делали все, чтобы поднять политический престиж страны. Они рассказывали о взятии Азова, что открыло дорогу в Турцию, много и охотно говорили о взятии других мелких крепостей у Крымского ханства (городки Тавань и Казы-Кермень). Они уверяли, что турецкий флот разбит на Черном море, захвачено несколько кораблей, каторг и фуркатов с большой добычей, а другие корабли сожжены. Все это великий государь делает, «помогая всем христианам».

Связанным с турецкой проблемой оказался и вопрос о королевской власти в Речи Посполитой. К сентябрю 1697 года королем стал Август II, которого поддерживала Россия. (Он попросту захватил в Кракове королевскую корону и короновался.) Однако Людовик XIV не терял надежды посадить на польский трон своего кузена принца Конти. Литовский гетман Сапега и другие сторонники Конти ждали от принца решительных действий, но тот вовсе не хотел покидать Париж ради беспокойного королевского трона в окружении своевольных магнатов. Конти лишь уступал давлению своего короля. Пришлось подчиниться, и 6 сентября 1697 года Конти поднялся на борт корабля знаменитого корсара Жана Барта. Во главе эскадры из 5 фрегатов и 3 корветов он отправился из Дюнкерка в Гданьск.

Август II поручил своему послу в Гааге Бозе умолять царя о помощи. В Литве в поддержку Конти выступил гетман литовский Сапега, 11-тысячный отряд угрожал столице Саксонии, городу Дрездену (Август II был одновременно и курфюрстом Саксонии).

Петр очень внимательно следил за событиями в Речи Посполитой, был заинтересован в поддержке короля Августа, а потому старания Бозе увенчались успехом. 3 октября ему была вручена грамота на имя главнокомандующего русской армии М.Г. Ромодановского. В случае нужды польские власти могли вручить эту грамоту по назначению. Ромодановскому предписывалось немедленно помочь польскому королю в борьбе против его неприятелей — принца Конти и Сапеги, для чего, по просьбе польской стороны, вступить со своими войсками в Речь Посполитую.

Передача иностранному дипломату указа для своего главнокомандующего — дело не совсем новое в русской дипломатии, хотя и далеко не обычное. Кстати, отметим, что Петр не раз использовал этот эффективный прием в условиях слабой связи. Само собой разумеется, что такие действия красноречиво свидетельствовали о доверии к союзнику и о верности союзу со стороны России.

Нельзя забывать, что, защищая союзника, Россия в первую очередь защищала свои интересы. Через Августа II предполагали усилить политическое влияние в соседнем государстве. Наконец, приход к власти французского принца Конти мог привести к быстрому выходу Речи Посполитой из войны против Османской империи и сближению ее с Францией и Турцией.

Петр использует малейшую возможность для поддержки Августа II. На встречах с датскими дипломатами поднимался вопрос о том, чтобы не пропускать Конти и его флотилию в Балтийское море¹⁶. Когда корабли Конти все-таки дошли до Гданьска, который поддерживал Августа II, Конти и его солдатам было запрещено появляться в городе и покидать корабли. Продовольствие к ним тоже не подвозили. В сентябре Петр направил специальную грамоту бургомистрам Гданьска, в которой благодарил город за все это.

Узнав, что в Стокгольме французский посол подкупает сановников, которые обещали поддержать Конти, Великое посольство шлет письмо канцлеру Оксеншерне с требованием пресечь интриги французских дипломатов. В ответ шведский посол в Гааге уверял Франца Лефорта, что отношения у Швеции с Францией достаточно напряженные и поддерживать интриги французского короля Швеция не будет, что Август II вполне устраивает Швецию. Это была явная дезинформация (Карл XII поддерживал своего претендента С. Лещинского), но она свидетельствовала, что время открытого обострения русско-шведских отношений еще не наступило.

Пребывание Петра и «волонтиров» в Англии не имело большого значения для внешней политики России. Правда, Петр лично заключил договор, устанавливающий монополию английских купцов на продажу в России табака, но политическое и экономическое значение этого договора не следует преувеличивать. 18 апреля 1698 года Петр был на прощальной аудиенции у британского короля Вильгельма III Оранского.

Финалом неудачной попытки активизировать действия Священной лиги были переговоры в Вене. Еще в январе 1697 года между участниками Священной лиги вместе с Россией было подписано соглашение об активизации наступательной войны против Турции. Еще до отправки Великого посольства из Москвы Россия формально вступает в Священную лигу (фактическое ее вступление произошло в 1686 г.).

Когда Великое посольство 9 марта выехало из Москвы, российские дипломаты ожидали встретить понимание и содействие союзников своей миссии. О закулисных маневрах членов Лиги в Москве ничего не знали. Между тем уже в феврале 1697 года Турция, Австрия и Венеция начали разработку условий мира. Посредниками выступали Англия и Нидерланды.

Только 1 мая 1698 г., когда Петр по пути из Лондона в Вену остановился в Амстердаме, он получил известие о переговорах союзников

с неприятелем: через русского посланника в Варшаве А.В. Никитина император Леопольд I переслал грамоту, в которой приглашал Петра принять участие в переговорах о мире и сообщал мирные условия османов. Император все подготовил втайне, за спиной России, теперь же только старался соблюсти видимость приличия. После поражения под Зентой вопрос о мире в принципе был решен без России.

Вероятно, Петр еще надеялся своим экстренным вмешательством заставить союзников на переговорах учесть интересы России. Медлить в сложившейся ситуации было нельзя, и уже 14 мая 1698 года состоялась прощальная аудиенция с представителями Генеральных Штатов (Нидерландов). Лефорт, Головин и Возницын резко высказали возмущение действиями Нидерландов, которые на словах желали царю победы над турками, а на деле тайно, во вред России, посредничали в заключении мира¹⁷.

11 сентября 1697 года знаменитый полководец принц Евгений Савойский, командовавший армией Леопольда I в сражении под Зентой, разбил войска султана Мустафы II. После этого поражения Турция готова была отдать Австрии богатые земли Венгрии, уже занятые империей. Угроза имперским землям с востока перестала существовать, особенно если удерживать как можно дольше в состоянии войны Россию и Османскую империю. Другой участник Священной лиги — Венеция — тоже получила все, или почти все, что надеялась отобрать у Турции на Балканском полуострове. Хотя Каменец-Подольский еще оставался в руках султана, практически вся Подолия контролировалась Речью Посполитой. Дело шло к миру, и только одна Россия стремилась активизировать войну.

Мирные переговоры Турции с Австрией начались еще 6 декабря 1697 г., как раз тогда, когда Петр «махал топором» в Голландии. Посредниками выступили Англия и Нидерланды прежде всего потому, что в предстоящей войне за Испанское наследство они стремились обеспечить Леопольду I мир на восточных границах и тем самым дать возможность ему вести войну против Франции. В интересах Англии и Нидерландов было сделано так, чтобы Россия продолжала войну против Турции в одиночестве, оттягивая на себя силы османов.

11 июня 1698 года Великое посольство прибыло в Вену. Только 27 июня Петр получил извинения британского короля Вильгельма III Оранского за то, что в Англии ему не было сообщено о посредничестве. Вильгельм Оранский, которого Петр до этого боготворил как политика и полководца, объяснял свое молчание обязательством перед императором не разглашать тайну переговоров¹⁸.

В этой сложной для России ситуации, когда время и инициатива были ею явно упущены, не оставалось ничего иного, как принять участие в начавшихся переговорах и либо добиться выхода в Черное море мирными

средствами, либо по возможности сохранить свое достоинство и территориальные приобретения (Азов, Таганрог, некоторые городки в низовьях Днепра), добытые русским оружием. Для этого требовалось с честью, достоинством и достаточно жестко вести дела посольства в Вене. Упорство в вопросе о шапках было отнюдь не пустым чванством: это была заявка на стиль поведения дипломатов державы, которая не склонна унижаться перед союзником.

19 июня 1698 года состоялась встреча 26-летнего Петра и 58-летнего Леопольда I. Император славился осторожностью, опытностью и не отличался хорошими манерами. Еще в начале своего правления, в 1683 году, когда на поле брани под Веной Леопольд приветствовал спасителя столицы Яна Собеского, он демонстративно «не заметил» протянутой руки, чем глубоко оскорбил этого прославленного воина и короля.

Петр был молод, энергичен, преисполнен планов и надежд. Но беседа свелась к обмену ничего не значащими любезностями. Опытность и хитрость Леопольда взяли верх над энергией и прямоотой Петра. Скованные светскими приличиями и дипломатическим ритуалом, энергия и злость на пустую беседу требовали выхода. По окончании встречи, увидев в придворном парке пруд и лодку, Петр схватил весла и некоторое время бешено греб, восстанавливая душевное равновесие, вызывая смех и удивление придворных. Впрочем, случай с лодкой был единственным «срывом» Петра. И на аудиенции, и в последующем Петр держался вполне по-европейски, так что иностранные дипломаты дружно писали своим монархам: слухи об экстравагантности Петра сильно преувеличены, это воспитанный и вполне цивилизованный человек, скромный и с хорошими манерами.

И все же политический вес и влияние России были еще не столь значительны, как в конце правления Петра. Позицию России учитывали при раскладе сил, намеревались использовать ее как своего рода дополнительную карту в дипломатической игре. Австрийцы не сочли нужным даже пояснить Петру свою позицию и требования. Только после того, как Петр направил имперскому канцлеру графу Кинскому специальное письмо, был дан ответ. Кинский писал, что каждый союзник будет вести переговоры с Османской империей на свой страх и риск, что каждый выдвигает и отстаивает свои требования, Австрия заключит мир на условиях сложившегося положения: «Кто чем владеет, да владеет». Таким образом, не предупредив Россию о начавшихся мирных переговорах, Австрия поставила ее в весьма затруднительное положение, но зато для себя приобретала лишний шанс на успех в переговорах. Указанные условия мира для России были малопривлекательны, ибо не решали проблему выхода в южные моря. Петр видел все эти хитрости, но открыто не протестовал, ибо осложнять отношения с союзниками по Священной лиге означало обречь Россию на международную изоляцию.

Нужно было не допустить разрыва отношений. Обстоятельства требовали компромисса на основе реального учета своих возможностей.

На встрече с Кинским 27 июня Петр еще раз говорил о наступательной войне, обвинял императора в нарушении условий союза, отказался признать принцип «кто чем владеет, да владеет» и потребовал передать России город Керчь. Кинский отвечал, что император будет заключать мир, но на переговорах обещал поддержать требования России¹⁹. Таким образом, удалось достичь главного: Россия в условиях разваливающейся Священной лиги не осталась в международной изоляции. Что же касается австрийской поддержки, то вплоть до заключения Константинопольского мира эта поддержка все-таки была, хотя и весьма слабая, формальная.

Поддерживала Россию и Речь Посполитая, поскольку без помощи Петра Август II чувствовал себя на троне неуверенно.

Еще в Нидерландах Петр предложил посланнику Августа II Бозе направить в Вену доверенное лицо от короля для совместных с Россией действий при императорском дворе. Таким доверенным лицом стал генерал Карлович. Генерал прибыл секретно от императора, в венских переговорах участия не принимал, но его встречи с Петром показали совпадение позиций России и Августа II в вопросе о мире с Османской империей. Польшу тоже не устраивал принцип «кто чем владеет, да владеет». Каменец-Подольский еще оставался в руках Османской империи. Таким образом, миссия Карловича давала основания к сближению России и Польши на предстоящих переговорах о мире.

Великое посольство пришлось неожиданно прервать после того, как 15 июля 1698 года в Вене Петр получил известие о том, что восстали четыре стрелецких полка и, покинув армию М.Г. Ромодановского, от польской границы идут к Москве освобождать царевну Софью из заключения в Новодевичьем монастыре. 19 июля Петр принял наследника престола эрцгерцога Австрийского Карла и в тот же день всего в пяти колясках выехал в Россию, хотя до этого намеревался из Вены держать путь в Венецию и там продолжить переговоры.

Но только ли опасения за судьбу престола заставили Петра столь неожиданно переменить планы? Уже после переговоров с графом Кинским Петр знал, что Венеция не будет продолжать войну. Следовательно, поездка туда попросту лишалась смысла и стала бы еще одной личной (и не только личной) неудачей царя. Священная лига приказала долго жить, и нужно было искать новые политические комбинации для достижения генеральной цели политики — выхода к морям. Подготовить эти комбинации лучше было дома, в обстановке нормальной, повседневной работы дипломатии, а не в экстраординарных условиях путешествия.

Пять суток почти без остановок мчались от Вены до Кракова, оставив позади посольский обоз. 24 июля в Кракове Петр получил известие, что

мятеж стрельцов подавлен. Теперь можно было ехать не спеша, а заодно решить кое-какие совместные проблемы с Августом II.

31 июля в городе Рава-Русская произошла личная встреча Петра и короля Августа. Взаимная симпатия между ними возникла еще во время переписки. Теперь состоялось и личное знакомство. Внешне они были очень похожи и под стать один другому. Оба высокие, стройные, физически очень сильные, оба молоды (Петру 30 мая исполнилось 26, Августу II было 28 лет). Оба далеко не равнодушны к прекрасному полу. В юности Август II много путешествовал по Европе (что тогда было принято в благородном обществе), но, в отличие от Петра, тратил время и силы не на учебу, а на амурные похождения и беззаботное веселье. Это была натура увлекающаяся, но не способная к длительным и планомерным усилиям. Возжаждав воинской славы и лавров, каковыми были увенчаны его современники король Баварии Макс-Эммануил и марк-граф Баденский Людвиг-Вильгельм, он выхлопотал себе командование в Венгрии императорской армией, присоединил к ней 8000 своих саксонцев, но в 1695–1696 годах понес большие потери в войне с Турцией. После этого ввязался в борьбу за польский престол, для чего с легкостью, подобно Генриху IV, перешел из протестанства в католицизм.

Между Петром и Августом сразу же сложились дружеские отношения. Три дня они провели вместе, заполняя их военными смотрами, а то и попойками, по отзывам современников, даже слишком обильными. Но среди шума, сопровождавшего эти мероприятия, Петр и Август иногда уединялись и обсуждали серьезные проблемы. О чем шла речь на секретных переговорах, известно лишь в самых общих чертах. Польский вельможа Ян Яблоновский, тогда еще молодой человек, присутствовавший на одной из таких конференций в качестве переводчика, вспоминал много позднее, что монархи «заключили между собой союз без Речи Посполитой (т. е. без магнатов и шляхты. — *Авт.*) на ту несчастную шведскую войну»²⁰. Открыто говорилось лишь о том, что ни Россия, ни Речь Посполитая не заинтересованы в заключении мира с Османской империей на условии «кто чем владеет, да владеет».

Сам Петр писал в «Истории Свейской войны», что в Рава-Русской было заключено устное соглашение о союзе против Швеции. Расставаясь, Петр и Август в знак приязни и верности слову обменялись шляпами и шпагами. Так в ходе Великого посольства начали складываться зачатки нового, антишведского союза.

Великое посольство завершилось. Принесло оно успех или неудачу русской дипломатии — ответить однозначно трудно. Ясно прежде всего то, что итоги Великого посольства отражали реальную ситуацию в Европе. Война против Турции заканчивалась, но появилась возможность пробиться к морским берегам в районе Балтики. И Петр, как талантливый политик и дипломат, увидел эту возможность.

11 ноября 1699 года был заключен письменный союзный договор с Августом II как саксонским курфюрстом, который обязывался немедленно начать войну против Швеции. 26 ноября Петр ратифицировал союзный договор с Данией о совместной войне против Швеции. По условиям договора Россия обязывалась начать военные действия немедленно, едва только будет подписан с Турцией мир, а не перемирие. Август II обещал склонить к союзу и Речь Посполитую. Так на севере завершилось создание антишведской коалиции — Северного союза.

Свободе рук на севере мешали неурегулированные отношения с Турцией. Турецкие дела завершались на конгрессе стран Священной лиги и Османской империи в городе Карловицы, на берегу Дуная. Уже само участие России в таком конгрессе подчеркивало ее вступление в «концерт» европейских держав. Приходилось действовать в новых условиях. Конечно же, эти новые условия лучше всего знали те, кто возглавлял Великое посольство. Франц Яковлевич Лефорт по свойствам характера и по слабости знаний российской дипломатии не мог возглавить новую миссию и действовать самостоятельно. Федора Алексеевича Головина давно уже заждались в Москве дела Посольского приказа. Оставался Прокофий Богданович Возницын, он и возглавил российскую делегацию на конгрессе.

Трудности начались уже на венском причале Дуная. Имперские власти не стали утруждать себя заботами о транспортных средствах для посольства (хотя тогдашние международные нормы это предписывали). Возницыну предоставили только девять недостроенных речных барок. Палубы и каюты пришлось делать за свой счет. 20 сентября 1698 г. (через два месяца после отъезда Петра) русское посольство двинулось вниз по Дунаю.

Очень трудно было с продовольствием и фуражом. Барки плыли мимо сожженных сел и заброшенных полей. 5 октября прибыли в Петроворадин (в 80 км от которого располагались Карловицы). Петроворадин — «городец на горе, весь розсыпан и разорен, только немцы для осады некоторые кругом него учинили бастионы и шанцы; под ним домиков с десять убогих, в которых все союзные послы поставлены...»²¹ — писал П.Б. Возницын в своем статейном списке.

Впрочем, трудности снабжения были не главными заботами Возницына. Приходилось ежедневно преодолевать сопротивление и турок, и союзников (особенно австрийцев), и посредников — Англии и Нидерландов. Ввиду приближающейся смерти испанского короля и войны за его наследство Австрия, Англия и Нидерланды спешили быстрее договориться с Турцией и поднять оружие против Франции. Договориться предпочитали за спиной союзников по Священной лиге (так было проще и быстрее). В итоге каждый участник Священной лиги должен был вести переговоры с противником самостоятельно. «Карловицкий конгресс не был форумом для совместного ведения переговоров... На нем не предусматривалось, напри-

мер, проведение общих заседаний, где присутствовали бы все делегации. Вместо них, по предложению австрийцев, каждый из союзников должен был проводить «съезды» с турками в присутствии посредников. Первыми будут встречаться, конечно, цесарцы (австрийцы. — *Авт.*), а за ними уже все остальные, согласно очередности, установленной в соответствии со временем вступления каждой страны в союз: «кто первый с цесарцами договор заключил, тот раньше и с турками о своих делах говорить будет»²².

Такой порядок работы конгресса был выгоден для императора — ему предстояло «снять пенки», добиться наибольших льгот. В самом невыгодном положении оказывалась Россия. Как уже говорилось, формально она вступила в Священную лигу последней, в 1697 году, хотя фактически в союзе с Речью Посполитой вела военные действия с 1686 года. Положение России на переговорах оказалось наиболее сложным.

Первый съезд П.Б. Возницына с турецкими дипломатами состоялся 9 ноября 1698 года. По традиции обе стороны выдвинули требования с большим «запросом»: русские требовали в прибавку к занятым Азову, Таганрогу и днепровским городкам передать России Керчь. «Турецкие послы, — писал П.Б. Возницын, — то услышав, в великое изумление пришли и вдруг во образе своем переменились, и друг на друга поглядя, так красны стали, что больше того невозможно быть»²³. Османский посол, драгоман грек Маврокордато, требовал вернуть все захваченные Россией территории. Все это было, конечно, явным блефом и с той и с другой стороны. В дипломатической практике всегда на первой встрече выдвигались самые крайние требования, чтобы потом постепенно прийти к разумному компромиссу, если, конечно, хватало желаний и терпения.

Впрочем, П.Б. Возницын как дипломат старой русской школы, был «крутенок» и на последующих встречах не снизил, а увеличил претензии. В прибавку к прежнему он стал требовать уступки Очакова и права свободной торговли России на Черном и Средиземном морях²⁴. Последнее особенно важно. Требование свободного торгового судоходства исходило, скорее всего, не от Возницына, а от самого Петра. Неслучайно Петр энергично взялся за создание южного военного и торгового флота, строил гавани. Так, российские дипломаты впервые на международных переговорах подняли проблему черноморских проливов.

Такие требования грозили завести переговоры в тупик, а это было тем более опасно, что Австрия и Речь Посполитая уже подписали мирный договор. Необходимо было найти разумный компромисс. В последних инструкциях П.Б. Возницыну Посольский приказ уже отказался от дополнительных приобретений и требовал только удержать завоеванное: «кто чем владеет, да владеет»; внешняя политика России постепенно начинает переориентацию на север. На таких условиях в январе 1699 года Возницын подписал договор о перемирии на два года с Османской империей.

Но России нужен был мир, а не перемирие. С задачей заключить мир в Турцию 5 августа 1699 года был отправлен один из самых талантливых послов России Емельян Игнатович Украинцев. К этому времени уже стала очевидной невозможность пробиться к южным берегам. Поэтому главной задачей Украинцева было подписать мир хотя бы на условиях сохранения за Россией Азова, Таганрога и днепровских татарских городков. Тем не менее Украинцеву предписывалось вновь требовать свободы мореплавания российских кораблей по Черному морю и проливам.

Трудно сказать, почему этот вопрос вновь был поднят российской дипломатией. Уступка, сделанная в Карловичах, фактически предопределяла неудачу. Вряд ли это был обычный прием дипломатов и купцов — завесить требования в начале переговоров, чтобы выторговать побольше в конце их. Уж слишком тщательно шла подготовка именно по этому пункту: чтобы подкрепить требования моря, Петр устроил настоящую демонстрацию морской силы. Украинцев прибыл в Стамбул на русском тридцатипушечном корабле «Крепость», причем до Керчи его сопровождали 22 военных судна более скромного ранга. Эта демонстрация должна была сделать Турцию уступчивой²⁵.

Но реакция в Стамбуле получилась совсем иной. Верх стали брать сторонники войны с Россией. Они уверяли, что когда царь построит еще 30 таких кораблей, то он захватит Стамбул.

На требование Украинцева предоставить свободу мореплавания по Черному морю и через проливы турки реагировали так остро, как если бы в их гарем вторгся посторонний мужчина. Они отвечали, что Черное море для Турции — это непорочная девицами к ней они не подпустят ни одного чужестранца, разве что «турское государство падет и вверх ногами обратится»²⁶.

Желание укрепиться на Черном море пока не соответствовало реальному положению вещей, да к тому же после заключения Северного союза действительно необходим был мир с Турцией. Новые инструкции требовали быстрее заключить мир. Глава Посольского приказа Ф.А. Головин писал Е.И. Украинцеву из Воронежа: «Изволь, ваша милость, ведать, что сей мир зело здесь нужен потому, что некоторые новые к прибытию сего государства дела начинаются и уже начались». Петр торопил тоже: «Только заключи мир. Зело, зело нужно»²⁷.

Пришлось отказаться от требования свободы мореплавания и быстрее заключить мир. Уже 3 июля 1700 года* был подписан Константинополь-

* События, происходившие в России и государствах Востока, датируются по старому стилю (юлианский календарь), западноевропейские и американские — в основном по новому (григорианский календарь), который к 1700 году был принят большинством западных стран (Великобритания и Швеция перешли на григорианский календарь в 1752–1753 гг.). В ряде случаев для удобства изложения дается двойная дата. Если дипломатические документы

ский мир (формально — перемирие на 30 лет), по условиям которого Россия сохраняла Азов, Таганрог и земли по нижнему течению Днепра. Петр получил известие о заключенном с Турцией мире 8 августа 1700 года и на другой же день вызвал к себе шведского посланника Книпперкрона и объявил войну Швеции. Тотчас же было послано уведомление Августу II, что русским войскам отдан приказ выступить²⁸.

Константинопольский мир стал принципиально важным рубежом и в русско-крымских отношениях. По условиям мира Россия прекращала ежегодную посылку подарков (поминок) крымскому хану и прерывала официальные дипломатические сношения с ним. Хан был вассалом турецкого султана, его подданным, и царю не пристало вести переговоры с подчиненным султана, дабы не унижить царскую честь и достоинство. Отныне официально Россия не признавала хана полноправным властителем — «потентатом», как говорили в XVIII веке.

Но прекращение дипломатических контактов не означало, что исчезла сама южная проблема. По-прежнему нужно было защищать от набегов южную границу, торговать, выкупать пленников, заниматься промыслом рыбы и зверя в порубежных землях и т. п. В ханстве были весьма недовольны Константинопольским миром, который запрещал набеги на Россию, а это могло повлиять на всю систему внутренней жизни ханства²⁹. Нельзя было оставлять без внимания и династические распри среди Гиреев, от исхода которых прямо зависела ситуация на южной границе России и Украины.

Отношения с крымским ханом практически были передоверены украинскому гетману И.С. Мазепе. Так, в 1700 году претендовавший на ханский трон Казы-Гирей обратился к Мазепе с просьбой помочь ему отобрать престол у брата — хана Девлет-Гирея II. Казы-Гирей даже просил принять его в русское подданство. Мазепа отказал, и в Москве одобрили его действия³⁰.

Гетман вместе с В.И. Украинцевым проводил в 1705 году размежевание (демаркацию границы) с ханством³¹.

Кстати, отметим, что в 1700–1708 годах украинский гетман с ведома Москвы вел переписку с польским королем Августом II и магнатами Речи Посполитой (о контактах его со Станиславом Лещинским и с Карлом XII Петр, конечно, не знал).

Если учесть, что и во внутреннем управлении И.С. Мазепе была предоставлена практически полная свобода действий³², можно сделать вывод, что в начале XVIII века, как и в веке XVII, Украина оставалась своеобразным политическим буфером, который ослаблял заботы и тревоги России на южном фланге. Петр имел возможность все внимание сосредоточить на войне против Швеции.

имеют обе даты, они сохраняются. В XVIII столетии разница между старым и новым стилями составляла 11 дней, в XVII веке — 10 дней.

Однако отношение Петра к автономии Украины было резко негативным, но по натуре своей он был прагматик. Измена Мазепы в значительной степени способствовала падению авторитета украинской автономии и украинской государственности. Полностью автономия Украины была ликвидирована к концу XVIII века, когда в итоге русско-турецких войн исчезла опасность с юга, а в качестве «барьера» Екатерина II намеревалась использовать ослабевшую Речь Посполитую и (если бы удался «греческий проект» императрицы) Дакию и Грецию³³.

Начало Северной войны было для союзников неудачным. После сильного обстрела корабельными пушками Копенгагена уже в 1699 году вышла из войны Дания, в 1700 году Россия потерпела поражение под Нарвой, в 1706-м Август II подписал Альтранштадтский мир со Швецией и в знак капитуляции вручил Карлу XII ту самую шпагу, которую подарил ему в 1698 году в Раве-Русской Петр I.

Россия оказалась в одиночестве против грозного Северного Льва, как называли шведского короля. Нужны были поистине титанические усилия, чтобы в ходе боев реформировать армию и уже весной 1703 года пробиться в устье Невы к берегам Финского залива, заложить здесь Санкт-Петербург. В этих условиях требования России были сокращены до минимума, дальше которого отступать было просто невозможно: побережье Финского залива от устья Невы до города Нарва. Но Карл XII отклонил эти требования.

2. Становление великой державы

Переломным моментом и в войне, и в политике России стала Полтавская битва. Сам Карл XII расценивал сражение под Полтавой как тактическое поражение. Ему казалось, что дело можно поправить, набрав новую полевую армию из гарнизонов Выборга, Прибалтики, Финляндии и Померании. Однако в Европе расценили итог Полтавской битвы совсем по-другому. Впечатление, произведенное на Европу этим сражением, поистине сравнимо было со взрывом бомбы. Сама мысль о том, что Карл XII может потерпеть поражение, казалась абсурдом, и, когда слухи о бое докатились до Европы, газеты по шаблону стали прославлять очередную победу Северного Льва над Русским Медведем. Лишь через несколько дней выяснилось, что армия Карла XII фактически уничтожена. Среди трофеев русские нашли и шпагу Августа II.

Постепенно оправившись от шока, в Европе и в Турции поняли, что Полтава привела к резкому изменению расстановки сил на востоке и северо-востоке Европы, изменению в пользу России. Так, советник Людовика XIV герцог Сен-Симон писал, что «1709 год принес полное изменение положения на севере, упадок, если не сказать уничтожение, Швеции, которая так часто приводила в трепет весь север и не раз заставляла

дрожать Империю и Австрийский дом, и необычное возвышение другой державы, доселе известной лишь по названию и никогда не влиявшей на другие страны, за исключением ближайших соседей»³⁴.

Полтавская победа 27 июня 1709 года положила начало превращению России в великую европейскую державу. «В послеполтавский период обращают на себя внимание русские политические инициативы, более свойственные великим державам, чем странам, серьезно ущемленным в своих международно-правовых интересах... Такие задачи, как борьба за престиж, за признание России в качестве ценного союзника или просто достойного партнера по переговорам, как заимствование дипломатического и военного опыта, были в целом решены»³⁵, — писал отечественный историк В.Е. Возгрин. Такие же мысли высказывали и другие историки — Л.А. Никифоров, Н.И. Павленко, Н.Н. Молчанов.

После Полтавы отношение к России стало меняться даже у Франции, которая ранее традиционно занимала враждебную ей позицию или, в лучшем случае, не поддерживала с ней дипломатических отношений. Теперь государственный секретарь Франции по иностранным делам Торси подготовил специальную записку о возможных русско-французских переговорах. Он писал: «Нельзя было предвидеть, что царь сможет в столь короткое время осуществить столь значительные завоевания. ...Московия получила известность с того времени, когда правящий в ней государь вызвал к себе уважение других наций своими великими деяниями и своими личными качествами».

Если раньше Россия просила у Франции посредничества в заключении мира со Швецией при условии сохранения только одного Санкт-Петербурга, то в январе 1710 года тогдашний глава Посольского приказа Г.И. Головкин сам предлагает Людовику XIV посредничать «в нынешнем между Францией и на оную нападающих держав несогласии»³⁶.

В 1709 году восстанавливается, а затем и расширяется Северный союз. Получив известия о Полтаве, Август II немедленно возобновил военные действия, и его 14 тыс. саксонцев выбили из Польши в Померанию шведского генерала Крассау и короля Станислава Лещинского. После того как русские полки прошли по землям Украины и Белоруссии и вступили в Люблин, Август II вновь заговорил о союзе. И снова Петр помогает ему взойти на королевский трон Речи Посполитой. Союз был возобновлен, и вновь, как в 1698 году, Петр дарит Августу II шпагу, ту самую, которую он дарил тогда и которую Август II так позорно сдал шведскому королю. Конечно, и тот и другой сделали вид, что не узнали старой шпаги.

Договор о союзе был подписан 20 октября 1709 года. Секретным артикулом определили, что Лифляндия перейдет к Речи Посполитой, а Эстляндия — к России.

Через два дня, 22 октября, русский посол в Копенгагене В.Л. Долгорукий подписал союзный договор с Данией. До Полтавы Дания не соглаша-

лась на союз даже в том случае, если Россия отдала бы ей Дерпт (Тарту) и Нарву, а вдобавок к тому послала бы 10 тыс. солдат и 300 тыс. талеров, но теперь все это было отброшено. В.А. Долгорукий с триумфом доносил: «Не дал ни человека, ни шеляга»³⁷. По договору Дания обязывалась начать войну и в этом же году высадить десант на южный берег Швеции, в провинции Сконе. России предстояли военные действия в Восточной Прибалтике и в Померании.

Помогая союзникам, Петр старался как можно меньше вмешиваться в те территориальные споры, которые шли между участниками Северного союза, хотя именно русская армия несла на своих плечах основное бремя военных действий. Царь неоднократно заявлял и закреплял в официальных документах то, что России нужен только надежный выход в море и никаких иных территориальных интересов ни в Европе, ни в Скандинавии она не имеет. Было бы неправильным утверждать, как это порой встречалось в нашей исторической научной литературе, что Россия стремилась лишь вернуть ранее принадлежавшие ей земли. Если устья рек Нарвы и Невы были исконно русскими владениями, то Ревель и Лифляндия с Ригой России никогда не принадлежали. Они были завоеваны петровскими солдатами в 1710 году. Владея этими землями, можно было контролировать весь Финский залив, подходы к нему и держать в руках рижский и ревельский порты.

Весной 1713 года союзные войска под командой Петра нанесли поражение генералу Стейнбоку в Шлезвиге, а в августе корпус русских войск под командой А.Д. Меншикова овладел островом Рюген и городом Штеттин в устье Одера. В Померании оставались небольшие шведские гарнизоны в двух-трех незначительных крепостях побережья. Петр настаивал на немедленном десанте союзников в Сконе, но, не имея нужного числа крупных кораблей, здесь он полностью зависел от датского короля Фредерика IV.

Дело с десантом продвигалось крайне медленно, и осенью 1713 года главные военные действия Россия перенесла в Южную Финляндию и овладела городами Або и Гельсингфорс. Русские войска из Померании были выведены. В июне 1714 года последовала крупная морская победа России у мыса Гангут. К зиме этого года почти вся Финляндия оказалась завоеванной. Вскоре русские десанты стали высаживаться в районе Стокгольма. Последняя шведская крепость в Финляндии — Каенбург — была взята в апреле 1716 года.

Вспомним, что в то время в Европе шел процесс складывания государственных территорий народов и наций, границы как бы «дышали», сокращаясь и увеличиваясь, а порой исчезая вовсе. Петр сознательно или непроизвольно следовал появившейся тогда концепции «естественных границ» государства. Позднее Шарль Монтескье писал в «Духе законов» (1748 г.) о монархии, покоряющей соседние земли: ее завоевания должны продолжаться, но «только до тех пор, пока они не выйдут из границ,

своих природных правления. Благоразумие предписывает ей остановиться, когда только она переступила эти границы»³⁸.

Последовательно укрепляясь в Европе, Россия ставила целью прочно «врасти» в европейскую политическую систему как часть так называемого европейского концерта. Для достижения этой цели очень подходили мелкие германские княжества, слабые, ищущие покровителя, но имеющие в то же время обширные политические и родственные связи с ведущими европейскими дворами. «С бесконечными фамильными делениями и подразделениями, с принцами брауншвейг-люнебургскими и брауншвейг-вольфенбюттельскими, саксен-гомбургскими, саксен-кобургскими, саксен-готскими и саксен-кобург-готскими, мекленбург-шверинскими и мекленбург-стрелицкими, шлезвиг-голштейнскими, голштейн-готторпскими и готторп-эйтингскими, ангальт-дессаускими, ангальт-цербстскими и цербст-дорнбургскими это был запоздалый феодальный муравейник, суетливый и в большинстве бедный, донельзя перероднившийся и перессорившийся, копошившийся в тесной обстановке со скудным бюджетом и с воображением, охотно улетающим за пределы тесного родного гнезда»³⁹, — очень точно определил ситуацию В.О. Ключевский.

Петр выдает племянницу Анну Иоанновну за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, сына Алексея женит на вольфенбюттельской принцессе Шарлотте, другая племянница — Екатерина Иоанновна — вышла замуж за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда. Наконец, старшая дочь Петра Анна была просватана и уже после смерти Петра вышла за герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха. «Серия династических браков лишь закрепила фактически установившееся влияние России на политику этих княжеств, хотя и не столь глубокое, как в Польше»⁴⁰, — отмечал В.Е. Возгрин.

Укрепление позиций России на Балтике и рост ее влияния в европейских делах обострили отношения с Великобританией, крупным морским государством. Петр опасался вмешательства Англии в Северную войну и поэтому активизировал связи с ее противницей Францией.

В 1711 году Петр сообщил о своем намерении направить в Париж в качестве резидента (посла) Б.И. Куракина (удалось это сделать, правда, только в 1724 г.). Впрочем, французский дипломат Балюз с апреля по сентябрь 1711 года был в России и вел переговоры о сотрудничестве с канцлером Г.И. Головкиным. Однако обстановка для русско-французского сближения еще не сложилась. Французские и шведские дипломаты в Турции всеми мерами провоцировали султана к войне против России, и в 1710 году Турция объявила эту войну. Балюз предложил посредничество в переговорах о мире с султаном и Карлом XII. 16 мая 1711 года. Петр в личной беседе с Балюзом заявил, что посредничество Людовика XIV возможно только в переговорах с султаном, но не со шведским королем⁴¹. Людовик XIV до конца своей жизни

(умер 1 сентября 1715 г.) так и не пожелал замечать очевидное — начавшееся ослабление Швеции и рост силы и политического влияния России.

С Англией и с Нидерландами Петр тоже старался наладить дипломатические и торговые отношения. Известен его указ 1713 года о переносе торговли из Архангельска в Петербург. Петр особенно стремился перенести торговлю лесом, пенькой, юфтью, полотном, то есть теми товарами, которые были нужны для кораблестроения и мореплавания. Шведские каперы и пираты пытались захватывать торговые корабли, идущие в Россию и из России, что вредило морским державам и сближало их интересы с Санкт-Петербургом. Порой дело доходило даже до совместного крейсирования британских, датских и русских кораблей. И все же в целом политика Британии оставалась враждебной, а в 1720–1721 годах ее флот даже угрожал российским владениям, правда избегая военных столкновений.

Отношения с Османской империей временно отходили на второй план, но, подобно незаживающей ране, тревожили царя. Он стремился сохранить с Турцией мир до того момента, как будет решен главный вопрос войны — овладение балтийским берегом.

Блеск и слава Полтавской победы вызвали новые опасения на Босфоре. Слабовольный султан Ахмед III постоянно колебался между двумя придворными группировками, одна из которых жаждала реванша после неудачной войны 1683–1699 годов, а другая искала мира. Еще в январе 1710 года Ахмед III подтвердил Константинопольский мир, но уже в июне визирем стал воинственный Нуман-паша, который охотно внимал соблазнительным призывам осевшего в Бендерах после Полтавского сражения Карла XII, а также Станислава Лещинского и Людовика XIV. Те уверяли, что после Полтавы Россия, сокрушив окончательно Швецию, соединится с Австрией и двинется на Османскую империю, на Крым и Причерноморье, а по пути проглотит и Польшу. Лещинский и Карл XII обещали отдать под покровительство султана всю Речь Посполитую, прямо передать Турции Южную Польшу, украинскую Подолию с Каменец-Подольском и выплачивать ему ежегодно 4 млн дукатов⁴². Безусловно, Нуман-пашу и его сторонников манила возможность отвоевать у России Азов и Таганрог. Партия сторонников войны с Россией одержала верх.

В середине октября 1710 года 70-тысячная турецкая армия сосредоточилась в районе Ясс и Бендер. По замыслу Карла XII война должна была начаться с набега татар на Азов и Киев, чтобы оттянуть основные силы русских в Восточную Украину; в это время армия султана вступает в Южную Польшу, а навстречу ей от шведских владений в Южной Прибалтике двинется корпус генерала Крассау, соединившись в Польше, обе армии идут походом на Москву и там заканчивают победоносную войну. Австрия и Дания не могли бы помочь России, так как первая была занята

войной за Испанское наследство, а вторая — военными действиями в южной шведской провинции Сконе.

20 ноября 1710 года султан объявил войну России. Стратегический план русской армии сводился к тому, чтобы не допустить соединения турок со сторонниками С. Лещинского в Польше и с силами Крассау; опираясь на помощь молдаван, сербов и других восставших народов Балканского полуострова, наступать на Стамбул и закончить войну блистательной, молниеносной победой⁴³.

Как видим, ни шведско-османский план, ни российский план войны не отличались реализмом. Стремительный бросок русской армии к реке Прут воспрепятствовал соединению сил противника, но расчеты на поддержку народов Балкан в полной мере не оправдались. Армия России не смогла пробиться на соединение с ними и была блокирована на реке Прут. Это стало серьезным поражением.

По условиям Прутского мира 1711 года Россия потеряла Азов, Таганрог, значительную часть Запорожья. Но политические цели Карла XII, С. Лещинского и Людовика XIV достигнуты не были: Россия вышла из войны на юге и вновь могла активизировать Северную войну. Поэтому с их стороны продолжались провокации новой русско-турецкой войны. В сентябре 1712 года в Бендерах был подписан франко-шведский договор о союзе против России. По условиям союза Людовик XIV обязывался вовлечь Турцию в новую войну, восстановить на троне Речи Посполитой Станислава Лещинского, передать Турции Каменец-Подольский и украинскую Подолию, потребовать у России вернуть Польше Киев с прилегающими к нему землями на правом берегу Днепра. Карл XII, со своей стороны, обязывался атаковать Австрию. Как всегда, французы выплатили своему ослабленному союзнику огромную сумму — миллион ливров и согласились на ежегодные субсидии⁴⁴.

Не без влияния Франции и Карла XII еще дважды — в 1712 и 1713 годах — Османская империя объявляла войну России. И хотя дело не доходило до кровопролития (если не считать походов крымского хана на украинские земли), Россия ради сохранения мира уступала ей новые и новые земли. По Адрианопольскому миру 1713 года к Османской империи отошла вся территория Запорожья, и граница России с Крымским ханством стала проходить посередине между реками Самара и Орель⁴⁵.

Тем не менее развернувшаяся на Балканах с 1710 года активная антиосманская пропаганда явно свидетельствовала о том, что Петр намерен был не только твердо стоять у северных берегов Черного моря, но и увеличить влияние и популярность России среди православного населения Балкан⁴⁶.

Таким образом, и после Полтавы перед Россией были те же главные проблемы — Балтика и Черное море, но ситуация меняется коренным образом. После Полтавы Россия вступает на долгий и сложный путь

превращения в великую европейскую державу, то есть в такую державу, позиция которой оказывала порой решающее влияние на развитие международной ситуации. Положение великой державы имело и свои плюсы, и свои минусы. Внешнеполитические задачи страны стали неизмеримо сложнее.

Нужно было прежде всего добиться поддержки ведущими европейскими державами новых территориальных требований России. Если до Полтавы, оставшись один на один со Швецией, Петр готов был ограничиться устьем Невы, то теперь по Туруньскому договору 1709 года между участниками Северного союза к России отходила бы Эстляндия, а Лифляндию с Ригой надлежало передать Польше.

Несколько месяцев спустя, в 1710 году, русские войска выбили шведов из Риги, но передавать город Августу II Петр не спешил. Он мотивировал это тем, что слабая Речь Посполитая и Саксония своими силами не удержат Ригу, а значит, для защиты ее все равно придется держать там русские войска, создавать российскую администрацию⁴⁷. Определенные причины для таких опасений были, хотя столь же несомненным оставалось желание Петра подготовить законные основания для сохранения Риги и Лифляндии за Россией.

Особенно важно было знать реакцию Англии на новые территориальные требования России. 10 января 1715 года Петр приказал послу в Англии Борису Ивановичу Куракину сообщить английскому двору следующее: по новому проекту договора со Швецией города Нарва, Выборг, вся Ингрия, Карелия, Эстляндия с Ревелем отходят к России. Лифляндию с Ригой надлежало передать Речи Посполитой, но об условиях этой передачи Россия должна была предварительно договориться с Польшей, все занятые финские земли возвращаются Швеции⁴⁸.

Неофициально Б.И. Куракин должен был сообщить тем министрам британского короля, которые хотят сближения с Россией, следующее. Защищая Речь Посполитую, Россия в 1711 году вступила в войну с Турцией (выше уже говорилось о том, что С. Лещинский, Карл XII и Людовик XIV намеревались передать Турции Южную Польшу и Подолию), но не получила от Польши никакой помощи. В итоге по Прутскому и Адрианопольскому договорам пришлось отдать Азов, Таганрог, все Запорожье. За это Россия должна получить в качестве компенсации Лифляндию и Ригу. Швеция наверняка отобрала бы эти земли и города у слабой Речи Посполитой, а это будет не в интересах Британии. Куракин должен был во что бы то ни стало получить согласие британского кабинета. В крайнем случае ему пришлось бы дать министрам взятку в 200 тыс. иоакимс-талеров, если они сумеют склонить в пользу России Ганноверского курфюрста Георга и Нидерланды⁴⁹. (Ганноверский курфюрст Георг в 1714 г. унаследовал британский трон.)

В 1716–1717 годах заметно усилились разногласия в рядах Северного союза. Так, у Дании, не без «подсказки» Ганновера и Англии, вызывало беспокойство присутствие русских войск в Финляндии и Мекленбурге. В Мекленбург русские войска были введены в 1716 году после того, как герцог Мекленбургский Карл-Леопольд женился на племяннице Петра Екатерине Иоанновне и в апреле 1716 года заключил союз с Россией.

Петр обещал герцогу Мекленбургскому передать Висмар, занятый шведским гарнизоном. Корпус генерала Аникиты Ивановича Репнина, стоявший в Мекленбурге, двинулся к Висмару, который уже был осажден датскими, английскими, ганноверскими и прусскими войсками. Датский генерал Девиц, командовавший осадой, сообщил шведам о подходе русских войск и предложил немедленно капитулировать, пока крепостью не завладел Репнин и не отправил всех шведов в ссылку в Сибирь. Репнин со своим корпусом был всего в 3–4 верстах от Висмара, когда город открыл ворота. Как видим, русские войска одним только своим приближением вынудили крепость капитулировать. И тем не менее именно русский корпус Девиц и прочие генералы отказались пустить в крепость. Вывод для Петра был очевиден: военные успехи России ведут не к укреплению Северного союза, а к росту разногласий *внутри* него. Союзники *опасались* присутствия войск России в Северной Германии, хотя Петр много раз заявлял, что никаких земель в Германии и Финляндии ему не нужно.

Висмар был последней шведской крепостью вне пределов Скандинавского полуострова. Петр считал падение ее предрешенным, а потому не спешил. Представлялось более важным предпринять десант на юг Швеции. С этой целью и были в 1716 году сосредоточены русские войска в Мекленбурге (близ города Ростока) и в Померании у Штральзунда. Сам царь с 6 июля 1716 года находился в Копенгагене, руководя подготовкой к десанту. Сюда же прибыла и английская эскадра под командой адмирала Норриса. Против Швеции сосредоточилось более 50 тыс. русских и датских войск. Все было готово для высадки в Сконе. Одновременно у Аландских островов ждали сигнала 21 тыс. русских воинов для удара по Стокгольму. Десант должен был завершить войну⁵⁰.

Однако Дания все больше колебалась: для нее важно было вести борьбу за Норвегию. Колебалась и Англия. Временное потепление русско-английских отношений в 1715–1716 годах, когда шведские корсары вынудили Норриса соединить флот с Россией для защиты торговли, кончилось.

Дело доходило до абсурда: концентрацию русских войск в Мекленбурге датский двор расценивал как угрозу Копенгагену. Проволочки Англии и Дании вынудили Петра отложить десант до весны 1717 года. В отсрочке десанта напуганные датчане усматривали злокозненные махинации русской дипломатии, заключившей якобы тайное соглашение со Швецией⁵¹. Десант в Швецию так и не состоялся, а несколько позднее Петр вывел свои

войска из Мекленбурга и Померании, дабы не обострять и без того напряженные отношения между союзниками. Борьба за влияние в Мекленбурге между Россией и Данией привела к выходу Дании из Священного союза, был утрачен удобный плацдарм для высадки десанта на шведский берег.

Несколько лучше развивались отношения России с Пруссией. Прусский король Фридрих-Вильгельм I опасался, что без поддержки Петра он не сумеет удержать город Штеттин и Переднюю Померанию. Эти земли летом и осенью 1713 года русские войска сумели очистить от шведов и с согласия Августа II передали Пруссии. В свою очередь, Пруссия присоединилась к Северному союзу.

На Штеттин и Померанию претендовали Речь Посполитая, Саксония, Дания и Гольштиния. 12 ноября 1716 года в прусском городе Гавельсберге встретились Петр I и прусский король Фридрих-Вильгельм I. Дело решилось быстро. Уже через четыре дня они подписали соглашение, по которому Петр обязался помогать прусскому королю, если кто-нибудь из союзников выйдет из Северного союза, согласует свои действия со Швецией и попытается отнять у Пруссии Штеттин и Переднюю Померанию. Король обещал помогать России, если кто-нибудь попытается отнять у нее завоеванные прибалтийские земли. *Английский* резидент в Берлине Витворт пришел к печальному для Георга I (британский король в 1714–1727 гг., первый из Ганноверской династии) выводу и писал в своем донесении, что Пруссию оторвать от союза с Россией не удастся, что царя там считают «душой Северной войны» и что прусский король готов согласиться с закреплением России в Мекленбурге. В этом случае Англия может объявить войну либо, по крайней мере, послать флот в Балтику для оказания услуг шведам, даже без их согласия⁵².

Заключенное с Пруссией соглашение и взаимопонимание имели недолгий век, они нужны были Фридриху-Вильгельму I только для того, чтобы закрепиться в Померании. Уже в 1718 году новоиспеченный участник Северного союза повел себя крайне вызывающе. Королевский резидент в Петербурге Мардефельд позволял себе говорить, что в случае смерти царя Швеция потребует возвращения всей Ливонии⁵³, а сам король высказывался несколько осторожнее, но все же достаточно ясно: «Я люблю сильных друзей, но не могущественных соседей»⁵⁴.

Трещины, появившиеся в Северном союзе в 1716 году, казалось, давали надежду Швеции выйти из войны с минимальными потерями. Она возлагала надежды на Францию, своего давнего и традиционного союзника в борьбе со Священной Римской империей.

В 1713 году закончилась война за испанское наследство, которую Франция проиграла, и ведущее положение в европейских делах перешло к империи и морским державам. Людовик XIV в последние годы жизни вместе со своим министром Торси разработал план сохранения Швеции

как антиимперской силы. Суть плана сводилась к удержанию германских владений Швеции при удовлетворении территориальных претензий России. Французский посол в Стокгольме Круасси рекомендовал заключить мир с Россией и направить военные усилия против империи. Круасси предлагал не враждовать с Пруссией и смириться с переходом к ней Штеттина и Передней Померании. Другое дело — Дания: датский король Фредерик IV, «слабый и нерешительный государь, легко отступавший перед препятствиями», должен вернуть Швеции все отнятое у нее. План этот, в отличие от многих проектов Людовика XIV, имел реальные основания: в Северном союзе обострились отношения между Данией и Россией из-за мекленбургской проблемы, Петр выдал замуж свою племянницу Екатерину Иоанновну за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда. В качестве приданого царь обещал отвоевать у шведов на балтийском побережье город Висмар и передать его герцогу. Карл-Леопольд предоставлял свою территорию русским войскам как плацдарм для борьбы со Швецией. Договор препятствовал поглощению Мекленбурга Данией или Ганновером. (С 1714 г. Ганноверский курфюрст Георг стал королем Англии.) Россия была заинтересована в сближении с Францией из-за обострения отношений с ее противницей — Британией.

К сближению с Францией подталкивали Россию и ухудшившиеся русско-австрийские отношения: император Карл VI поддерживал Данию и Ганновер в мекленбургском вопросе, был очень недоволен отказом Петра участвовать в очередной войне против Османской империи. Карл VI предоставил убежище беглому царевичу Алексею да к тому же неофициально обещал ему военную помощь в борьбе с отцом.

Вместе с тем политика Франции не отличалась последовательностью, особенно когда речь шла о династических претензиях регента при малолетнем Людовике XV — герцога Орлеанского. Герцог и английский король Георг I в 1716 году заключили договор, по которому корона Франции должна была в случае смерти Людовика XV перейти к герцогу Орлеанскому. 4 января 1717 года к договору присоединились Нидерланды, а в 1718 году — Империя. Сложился блок государств, который создавал неблагоприятную для России ситуацию, ибо с Англией и Австрией отношения были весьма напряженными.

Петр и российские дипломаты видели выход в сближении с Францией. Нужно было нейтрализовать этот новый союз. В 1717 году Петр поехал во Францию. На переговорах с регентом он заявлял, что если раньше, после Вестфальского мира 1648 года, Франция объединялась со Швецией потому, что Швеция «уравновешивала могущество Австрийской империи», то теперь Швеция почти уничтожена и противвесом может стать Россия. «Я для вас займу не только место Швеции, но и приведу с собой Пруссию»⁵⁵, — говорил Петр.

План, предложенный Петром, безусловно, имел массу изъянов: у России не было общей границы с империей и хотя бы уже только поэтому она не могла стать надежным «противовесом» Австрии; Франция традиционно поддерживала Османскую империю — врага России на юге и т. д. Однако главная причина того, что правительство регента не пошло на союз с Россией, состояла в другом: Францию накрепко связывал союз с Англией и Нидерландами (а с 1718 г. и с Австрией). Аббат Дюбуа, возглавлявший внешнюю политику Франции, внушал герцогу Орлеанскому: «Поддерживая царя и изгоняя англичан и голландцев из Балтийского моря, вы будете вечно ненавистны своим народам». Во французских дипломатических документах того времени указывалось, что король «не считает нужным облекать свои связи с царем в формы иные, чем простые выражения дружбы, и переписки, дополненные торговым договором»⁵⁶.

Единственное, что удалось Петру, это добиться от регента устного обязательства не предоставлять больше субсидий Швеции. И все же это был заметный дипломатический успех Петра. Успех закреплялся Амстердамским договором 15 августа 1717 года между Россией, Францией и Пруссией. От России договор подписали канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер П.П. Шафиров и посол в Нидерландах Б.И. Куракин. По условиям договора Россия признавала Утрехтский мир 1713 года (закончивший войну за испанское наследство), Франция соглашалась заранее признать условия будущего русско-шведского договора, отказывалась от пролонгации франко-шведского договора 1712 года, то есть Швеция оставалась без французской политической и финансовой поддержки. Участники Амстердамского договора обязывались поддержать друг друга в случае нападения других стран на кого-нибудь из них. Конечно же, во многом этот договор остался на бумаге, но реальным фактом стал разрыв франко-шведского союза. Все это и главным образом, конечно, военные успехи Петра и побудили Карла XII начать с Россией переговоры о мире. Переговоры со Швецией проходили на Аландских островах в 1719 году и получили название Аландского конгресса. К тому же заключение договора вынудило Австрию выдать Петру царевича Алексея. Внутренняя оппозиция реформам была обезглавлена.

Итак, в период, предшествовавший Аландскому конгрессу, перед русской дипломатией стояла задача укрепления европейских связей и ослабления антирусской направленности союза Франции, Англии и Нидерландов, к которому позднее примкнула Империя. Это была новая расстановка политических сил на континенте, когда против России начали активно действовать морские державы, обеспокоенные успехами ее на Балтике.

Гавельсбергское соглашение с Пруссией, поездка во Францию и Амстердамский договор 1717 года нейтрализовали враждебную политику Англии и Нидерландов. Создавалась новая ситуация, в которой Россия

выступала уже как влиятельная политическая сила. Место ее в Европе определялось внушительными успехами в Северной войне.

К 1719 году союзники России, получив с ее помощью почти все, что хотели, вышли из войны. Исключение составляла только Речь Посполитая, но и она продолжала войну лишь формально. Следовательно, и со стороны России были весьма веские основания к быстрейшему завершению Северной войны.

Даже такой по-солдатски упрямый человек, как Карл XII, понял необходимость и спасительный характер мира для Швеции. Пройдя трудную школу Полтавы, он четыре года прожил в Османской империи, в основном в крепости Бендеры, тщетно пытаясь поднять султана на новую войну с Россией. В 1714 году он тайно уехал, фактически бежал из Турции, пересек с юга на север всю Европу и в сопровождении всего одного солдата (остальные пропали на полях России и в Турции) появился в шведской крепости Штральзунд в Померании, а потом перебрался в Швецию.

Для Карла XII стало очевидным, что, если Швеция хочет сохранить хоть какие-то остатки своего могущества и влияния, она должна подписать мир с Россией. Дело на Аландском конгрессе явно шло к миру, когда шальная пуля со стен осажденной датской крепости Фридрихсгаль (в Норвегии) пробила висок шведскому королю. Обстоятельства смерти неясны. Был ли это случайный выстрел со стены крепости или преднамеренное убийство — сказать трудно. Факт остается фактом: переговоры были сорваны, а в Швеции к власти пришла партия сторонников продолжения войны против России во главе с сестрой Карла XII принцессой (теперь — королевой) Ульрикой и ее мужем королем Фредриком (принцем Гессен-Касельским).

Новое шведское правительство заключило союз с Англией против России. По условиям союза Британия должна была направить свой флот в Балтийское море на помощь Швеции, а Швеция отказывалась от своих владений в Германии, чтобы все силы сосредоточить против восточного соседа. До прямых военных действий между Англией и Россией дело не дошло. Три навигации (1719–1721 гг.) эскадра адмирала Норриса крейсировала на Балтике, так ни разу и не встретив русских кораблей. Впрочем, Норрис имел приказ держаться подальше от тех мест, где можно их встретить, а Петр, со своей стороны, приказал избегать столкновений с кораблями Норриса.

Военный эффект британской экспедиции был равен нулю. Только летом 1720 года шведско-английский флот высадил десант на пустынный остров под Ревелем и сжег там брошенные избу и баню. Петр в письме к Б.И. Куракину в Нидерланды приказал как можно шире сообщать об этом «успехе» англичан и шведов, «а особливо об избе и бане». Меншиков иронически советовал Петру не расстраиваться по поводу такой «страш-

ной» потери: «Уступите добычу сию на раздел, а именно баню шведскому, а избу английскому флотам»⁵⁷.

Тем временем в 1720 году русский флот нанес поражение шведскому флоту у острова Гренгам в Аландском архипелаге, русские высаживали десанты у стен Стокгольма. Ульрика и ее правительство убедились, что, затянув войну и пойдя на союз с Англией, они допустили крупный просчет.

28 апреля 1721 года в финском городке Ништадте вновь начались переговоры о мире. Основные их участники сидели за круглым столом. Отдельно стоял столик для секретарей, ведущих протокол. С самого начала решили, «чтоб с обеих сторон никаких церемоний от министров ни в чем учинено не было»⁵⁸, что переговоры будут идти без посредников. Так надеялись быстрее, не затягивая дела, подписать мир. 31 августа шведские представители Лилиенштедт, Стрёмфильд и российские представители Я.В. Брюс и А.И. Остерман подписали Ништадтский мир, венчавший Северную войну. По условиям мира Россия получала балтийское побережье от Выборга до Риги, часть Карелии, острова Эзель, Даго и Мен.

Яков Вилимович Брюс был выходцем из семьи обрусевших шотландцев, энциклопедически образованным, умным сподвижником Петра со времен Азовских походов, носил чин генерала. Генрих Иоган Фридрих Остерман (в России именовался Андреем Ивановичем) носил титул барона, а потом графа. Сын вестфальского пастора, в молодости камердинер голландского вице-адмирала, он дослужился в России до чина генерал-адмирала, ничего не смысля в морском деле. «...Великий дипломат с лакейскими ухватками, который никогда в подвернувшемся случае не находил сразу что сказать и потому прослыл непроницаемо-скрытным, а вынужденный высказаться, либо мгновенно заболел послушной тошнотой или подагрой, либо начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя, — робкая и предательски каверзная душа»⁵⁹ — таким предстает этот политик в изображении В.О. Ключевского.

Представляется, что историк несколько сгустил краски. Я.В. Брюс и А.И. Остерман были, безусловно, способными дипломатами. Но они, скорее всего, талантливо исполняли волю Петра, ибо фактически работу на мирном конгрессе возглавил сам царь. Дело было слишком важным, чтобы передоверить его даже талантливым и преданным подчиненным.

Еще до начала переговоров Петр лично составил «кондиции, на которых мы мир вечной с короною свейскою заключить желаем».

Он внимательно следил за ходом переговоров и сам решал наиболее важные проблемы. Так, он настойчиво требовал включить в текст договора пожелания короля Августа II, хотя знал, что тот готов заключить враждебный России союз с Англией и Швецией.

Первоначальные симпатии и даже дружеские чувства к Августу II остались в прошлом. Петр давно уже понял, что представляет собой этот

двуличный человек, неумный политик и бездарный полководец. Общее между ними — разве что высокий рост и физическая сила. Но Петр никогда не исключал из дипломатии моральных понятий, особенно рыцарской верности слову и клятве. В конечном счете это приносило и хорошие практические результаты, как и в данном случае. Защита притязаний ненадежного «друга» к Швеции могла способствовать усилению влияния России в Речи Посполитой.

Важным был вопрос о возвращении шведских дворян в свои имения в Лифляндии и Эстляндии. Для закрепления за Россией завоеванных провинций крайне необходима была поддержка местного дворянства. Сразу после присоединения Лифляндии и Эстляндии в 1710 году Петр твердо гарантировал сохранение прежних прав и привилегий населения. Продолжая эту линию, он и теперь без колебаний согласился на возвращение прежних владельцев имений при условии, что они принесут присягу на верность России. В тогдашней Европе подобная практика еще только утверждалась, и Петр во многом опережал своих современников. Значительно позже Ш. Монтескье в «Духе законов» писал: «...Надо, чтобы в завоеванной стране все оставалось в прежнем положении: те же суды, те же законы, те же обычаи, те же привилегии; ничто не должно быть изменено, кроме армии и имени государя»⁶⁰.

Очень тревожил Петра вопрос о линии границы в районе Выборга. Нужно было обезопасить город, и царь настаивал на трехмильном отдалении границы. Шведы хотели провести границу прямо у города. 3 сентября 1721 года Петр был в Кронштадте и готовился еще раз лично осмотреть эту трехмильную зону под Выборгом, чтобы выяснить возможность компромиссного решения. Неожиданно из Ништадта прибыл капрал Обресков с текстом «мирного трактата». Брюс и Остерман так спешили, что послали текст без перевода, составив на русском языке лишь «экстракт». Ведь Петр еще 7 июля предписал его первого уведомить о заключении мира, «понеже не чаю, чтоб хтоб более моево в сей войне трудился (и для того сему никому являтца кроме меня). Також чтоб и партикулярных писем с конгресса о том никуда ни от кого не было от наших людей»⁶¹.

Окончание войны венчал большой народный праздник с маскарадом и фейерверком. 22 октября на торжествах по случаю мира Петр произнес речь, в которой говорил о необходимости продолжать преобразования, «дабы народ чрез то облегчение иметь мог». Двумя днями раньше, 20 октября, Сенат торжественно преподнес Петру титул «Император Всероссийский», приставку к имени «Великий» и звание «Отец Отечества». Петр принял только новый титул императора, отказавшись от всего остального.

Принятие императорского титула знаменовало принципиально важные перемены и в международном положении России. В итоге Северной войны Россия вошла в «концерт» (как говорили тогда) великих европей-

ских держав. Из страны, занимавшей в Европе заметное, но отнюдь не ведущее место, поддерживающей оживленные контакты в основном с сопредельными государствами, Россия становится влиятельной державой, от позиции которой зависит решение важнейших европейских проблем. Россия, дипломаты которой еще в 1668 году должны были доказывать, что крымскому хану посылают «любительские подарки», а не дань, теперь с успехом противостояла изощренным и влиятельным дипломатическим службам Британии, Франции, Империи.

3. Политика России в Закавказье

Основная задача восточной политики России XVI–XVII веков — положить предел военно-политической экспансии Турции к Каспийскому морю — была выполнена лишь в первой четверти XVIII века Петром I. Политическая программа Петра I заключалась в том, чтобы создать в Восточном Закавказье плацдарм для установления и расширения всесторонних связей России со странами Востока. Из-за обстоятельств объективного и субъективного характера, возникших в то время как в самом Закавказье, так и в сопредельных с ним регионах, эти задачи, помимо воли Петра I, были реализованы лишь частично*.

В осуществлении стратегических планов России в Восточном Закавказье, в частности в намерении обеспечить свое твердое присутствие в этом регионе, не входя при этом ни в политический, ни тем более в военный конфликт с Персией и Турцией, большую роль могли сыграть христианские народы Армении и Грузии. В течение XVI и XVII веков народы Закавказья и Кавказа находились в сфере постоянных притязаний Турции и Персии. Четкие границы сфер влияния этих стран в Закавказье были установлены в 1639 году. К началу XVIII века вся Западная Грузия — Имеретинское царство, княжества Абхазии, Гурии, Мегрелии, а также земли Западной Армении находились под владычеством Турции. Восточная Грузия, состоявшая из царств Картли и Кахети, вся Восточная Армения с Карабахом, а также Азербайджан и Дагестан перешли под власть персидского государства Сефевидов⁶².

Царство Картли издавна находилось в наследственном владении определенной династии. Правители (вали, т. е. наместники шаха) Картли назначались и утверждались в столице Персии самим шахом. Обязательными условиями были отказ от христианства и принятие мусульманства. Кахети в это время потеряло свой полунезависимый статус и уподобилось ханству персидской державы⁶³. В Восточной Армении и Азербайджане власти Персии создали свои административно-территориальные струк-

* В разделе автором использован материал очерка, подготовленного им совместно с В.М. Мартиросяном для русского издания «Истории армянского народа».

туры — бегларбегства и ханства. Так возникли Ереванское, Бакинское и другие ханства, в которых функционировала администрация, назначаемая шахскими властями. Однако в отдельных провинциях Восточной Армении в качестве последних носителей армянской государственности и независимости выступали мелики (князья) Карабаха и Капана.

С конца XVII века Сефевидское государство охватил политический и экономический кризис. Он еще более усугубился в начале XVIII века. В стране шел процесс феодальной децентрализации. Тяжелое внутреннее положение Персии усугублялось брожением и восстаниями покоренных народов в разных концах Сефевидского государства. Опустошительными были и набеги лезгин. Но роковым для шаха оказалось восстание афганцев. Под знаменем Мир-Махмуда объединились многие вожди афганских племен. 23 октября 1722 года после восьмимесячной осады столица Персии Исфаган была взята войсками Мир-Махмуда. Шах Гусейн вынужден был отречься от престола в пользу Махмуда. Но восемнадцатилетний сын Гусейна Тахмасп, вовремя покинувший Исфаган, в ноябре объявил себя шахом Тахмаспом II. В стране наступило фактическое двоевластие.

За положением дел в Персии пристально следили главным образом две державы — Россия и Турция. Оба государства были заинтересованы в том, чтобы взять под свой контроль западное побережье Каспийского моря. Особую агрессивность при этом проявляла Турция. Прекращение османского наступления во второй половине XVII века не означало, что турецкие власти окончательно расстались с мыслью о дальнейших завоеваниях. Свидетельством этому стали войны первых трех десятилетий XVIII века, в результате которых Турция добилась некоторого успеха и укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и в Закавказье. Правящие круги Османской империи были озадачены постоянным и все более активным участием России в политических делах Закавказско-Персидского региона. Опасность для Турции столкновения с Россией состояла не только в растущей военной мощи последней, но и в большом ее влиянии на закавказское население. К исходу второго десятилетия XVIII века после падения Сефевидского государства Турция объявила себя его «законной» наследницей.

Интересы России требовали выхода к Каспийскому морю. Она стремилась взять под свой контроль транзитную торговлю Востока со странами Европы, особенно торговлю шелком, и пристально следила за развитием политических событий в Закавказско-Персидском регионе. Русский двор понимал, что в случае утверждения турецкого господства в Закавказье и Персии Россия лишится выхода к южным морям, прекроются ее коммуникации в Закавказье, что не только ликвидирует возможность перевода торговли шелком на Волжско-Каспийский путь, но и вообще отстранит русское купечество от восточной торговли. Таким образом, предотвра-

щение турецкой экспансии в Закавказье и Персии, недопущение османов к западному побережью Каспийского моря представляли важные задачи русской внешней политики в первой четверти XVIII века.

В период военно-политического кризиса державы Сефевидов о своих правах заявила и третья политическая сила в лице национально-освободительного движения христианских народов Восточного Закавказья. Еще в 1701 году к Петру I с программой освобождения Армении от иноземного гнета приехал Израел Ори — выдающийся деятель армянского освободительного движения. Он был сыном одного из карабахских меликов. В Москву Ори прибыл после длительного путешествия по странам Запада, правители которого остались глухи к его просьбам. В русской столице Ори вошел в контакт с бывшим имеретинским царем Арчилом — руководителем освободительного движения в Грузии, возглавившим в свое время восстание против персидско-турецкого владычества и под конец обретшим приют в Москве.

Ори представил Петру I план освобождения Армении, который мог бы реализоваться лишь после вступления русских войск в пределы Персидской империи. Одновременно он передал русскому правительству письмо армянских меликов, в котором последние просили русских прийти на помощь Армении. И наконец, Ори представил в Посольский приказ географическую карту Армении. Показательно, что мелики были готовы признать «политические перспективы» России в отношении юго-западного побережья Каспийского моря⁶⁴. Поэтому не без основания можно сказать, что толчком для формирования у Петра I идеи каспийской кампании, а в дальнейшем и ее воплощения в жизнь послужила миссия Израела Ори. Однако его политические идеи опережали возможности России. Поэтому Петр I в 1708 году послал Ори в Персию с ознакомительной миссией, пожаловав звание полковника русской армии. В 1711 году по пути из Персии в Россию в Астрахани Ори внезапно умер.

Если в Армении опорой для России служили мелики Карабаха, то в соседней Грузии наблюдалась другая картина. Грузинские царства Картли и Кахети раздирались политическими междоусобицами и страдали от усиливающихся феодальных распрей⁶⁵. Все это снижало значение Грузии как политической и военной силы. Однако при русском дворе рассчитывали на роль царя Картли Вахтанга VI, которому вплоть до 1723 года отдавали предпочтение как лидеру, способному содействовать решению внешнеполитических задач России в Закавказье. Будучи убежденным сторонником русской ориентации, Вахтанг VI принялся за реализацию своей программы по освобождению родины лишь в 1719 году, то есть по возвращении в Тбилиси из Персии, где он находился с 1712 года.

Вследствие общности политических интересов России с Арменией и Грузией к 20-м годам XVIII века завершается оформление военно-

политического союза России с деятелями армянского и грузинского освободительного движения. В начальный период армяно-грузинское боевое содружество возглавил царь Картли Вахтанг VI. Уже в 1719 году грузинские войска во главе с Вахтангом VI стали готовиться к выступлению против Сефевидской Персии. Грузинский царь вел в это время переговоры с армянскими военачальниками о совместных боевых действиях,

В начале 20-х годов XVIII века произошло объединение разрозненных армянских дружин и отрядов и формирование в восточных провинциях Армении самостоятельного армянского войска. Этот процесс стал следствием создания военно-политических организаций — сыгнахов. Сыгнахами назывались крепости и естественно защищенные места горной Армении, являвшиеся опорными пунктами самообороны армян. Боевым ядром сыгнахов были вооруженные отряды, возглавляемые меликами Карабаха и Капана. Наставником и руководителем армянских меликов до 1724 года был католикос Гандзасара (Карабах) Есаи Асан Джалалян.

В течение 1719 и 1722 годов развернулась вооруженная борьба народов Закавказья, направленная главным образом против Сефевидов. В этой борьбе особенно отличился отряд под руководством армянского полководца Давид-бека, посланного царем Вахтангом в Армению по просьбе армян Капана. Развернувшееся в Восточном Закавказье освободительное движение явилось прологом, предшествовавшим вступлению русских войск в пределы Персидской империи на западном побережье Каспийского моря.

Высадившись в конце июля 1722 года на берег Каспия, русские войска направились к Дербенту и 23 августа без боя овладели городом. Армия, возглавляемая Петром I, дальше Дербента не пошла. Русский император ждал прихода объединенных армяно-грузинских войск под предводительством царя Вахтанга и католикоса Есаи Асан Джалаляна. Однако ни Есаи, ни Вахтанг до соединения с русской армией не собирались предпринимать активных военных действий. Петр I через придворного царя Вахтанга VI князя П.А. Туркестанова, который в качестве связующего звена осуществлял челночные поездки между ставками русского и грузинского царей, передал Вахтангу, что встреча войск может состояться где-то между Дербентом и Баку.

Выступив в сентябре из Тбилиси и направляясь к Гяндже, царь Картли послал католикоса Есаи в Карабах за армянским войском.

22 сентября в местечке Чолак, неподалеку от Гянджи, состоялось соединение грузинской армии с войсками карабахских армян во главе с Есаи⁶⁶. Несмотря на договоренность выступить к Шемахе и очистить город от лезгин, армия Петра I и армяно-грузинские вооруженные отряды простояли без движения в течение двух осенних месяцев 1722 года. Пауза в каспийской кампании была вызвана не только потерями в обозе и губительным действием климата на русских солдат. Она имела и опре-

деленный стратегический смысл. Заняв Дербент, Петр I стал выжидать, стремясь выяснить, какое впечатление произведет эта акция на Турцию. После ввода русских войск в Дербент события разворачивались не так, как задумал Петр I.

Реакция турецких властей проявилась в значительно более бурной форме, чем ожидали в Петербурге. В начале октября турецкий визирь от имени своего правительства заявил И.И. Неплюеву, российскому резиденту в Константинополе, что он советует русскому императору в свое государство «ретироваться», угрожая в противном случае войной. Опасность вторжения турок в пределы Восточного Закавказья становилась вполне реальной. 12 октября 1722 года И.И. Неплюев уведомил свое правительство о том, что турецкие власти решили ввести в Грузию свои войска и занять Тбилиси.

В преддверии войны турецкая дипломатия пыталась нейтрализовать предводителей армянского и грузинского освободительного движения. В декабре 1722 года официальные представители турецких властей указывали руководителям армянских сыгнахов в Карабахе, чтобы «в начинаемом против персиян» деле армяне «туркам не мешали», обещая, что султан не пойдет на них войной⁶⁷. Еще раньше турецкий паша в Эрзруме от имени своего правительства неоднократно предлагал царю Вахтангу VI принять турецкое подданство.

То, чего не смогли добиться турки в отношении армян и грузин, они с легкостью осуществили в отношении лезгинских феодалов, приняв их в конце 1722 года под свой протекторат. Этот шаг был, безусловно, направлен против России: в секретном предписании предводителю дагестанских лезгин Дауд-беку турецкий султан поручил приложить старание к изгнанию русских из Прикаспия.

К Персии Россия относилась с меньшей настороженностью, чем к Турции. Перед тем как покинуть Дербент, Петр I через своего представителя и резидента Ивана Толстого переслал в Тбилиси как руководство к действию грамоту для Вахтанга VI. После этого, передав командование войсками генералу М.А. Матюшкину, он покинул армию и в октябре прибыл в Астрахань.

Грамота Петра I предлагала грузинскому царю взять на себя посредничество между русским двором и персидским шахом. Российский император просил Вахтанга VI отправить к шаху нарочного с миссией обнадежить персидскую сторону в миролюбии России, в желании русского государства помочь шаху избавиться от «бунтовщиков». Правительство Петра I рассчитывало, что шах за эту помощь добровольно откажется в пользу России от прибрежной полосы Западного Каспия и согласится на образование армяно-грузинского государственного объединения под протекторатом России. Петр I полагал создать военно-политический

буфер в лице армяногрузинского царства, которое могло бы обеспечить со стороны Турции неуязвимость Закавказья и российских владений Прикаспия⁶⁸. Установление протектората России над армяно-грузинским государством преследовало также задачу обеспечить политическое равновесие на Кавказе после того, как Турция приняла под свою протекцию владения лезгин.

События, развернувшиеся в декабре 1722 года, не позволили реализовать замыслы правительства Петра I. Узнав от гонца Вахтанга VI о предложениях России, шах Персии Тахмасп II отверг их, а самого Вахтанга обвинил в измене. В наказание Вахтангу шах передал должность вали (главы) Картли его политическому сопернику — царю Кахети Константину, известному под магометанским именем Мухамед-кули-хан. Константин одновременно получил от шаха должность бегларбека (правителя) Еревана, Гянджи и Карабаха.

В столь критический момент Вахтанг VI обратился за помощью к римскому папе Иннокентию XIII и австрийскому императору Карлу VI. Но это был глас вопиющего в пустыне⁶⁹. Лишившись благоволения шаха и не имея реальной поддержки со стороны русской армии, Вахтанг оказался изолированным и потерпел поражение в междоусобной войне со своим противником царем Константином (зима и весна 1723 г.). Политическая ситуация, сложившаяся в Закавказье, Персии и Турции, не позволяла России вмешиваться во внутренние дела Грузии. Поэтому Петр I долгое время оставался глухим к просьбам Вахтанга VI прислать для его поддержки русские войска. Лишь в апреле 1723 года Петр подписал указ о посылке в Картли отряда под командованием А. Баскакова, перед которым государь поставил сравнительно скромную задачу — расположиться у границ Грузии и выступить лишь в том случае, если турки первыми нарушат границу.

Политический кризис в Восточной Грузии обострился весной 1723 года. После поражения в борьбе с Константином Вахтанг VI оставил столицу и отступил в горы. В начале мая Константин со своим войском вошел в Тбилиси. В критический момент Вахтанг VI принял решение о подчинении турецкому султану. Поэтому власть нового правителя Грузии оказалась недолговечной. Не прошло и трех недель, как грузинскую столицу заняла 60-тысячная турецкая армия. Царь Константин был смещен и заключен в тюрьму, а правителем Картли был назначен принявший ислам Бакар (Шанаваз) — сын Вахтанга VI. Через год бывший царь Картли, отвернувшись от турок, покинул родину и с семьей и большой свитой выехал в Россию.

Со второй половины 1723 года в русско-закавказских отношениях наметился поворот, а освободительная борьба армянского и грузинского народов получила новое развитие. Поворот в политике был обусловлен реалиями, сложившимися в Закавказье после каспийской кампании 1722 года. Уже в ходе самой кампании выяснилось, что расчеты на безропотное под-

чинение ослабевшей Персии внешней силе оказались ошибочными. Она не намерена была уступить России земли Восточного Закавказья. Подобное развитие событий было неприятным сюрпризом для Петра I. Однако даже не это обстоятельство заставило императора переосмыслить свою политику в Восточном Закавказье. Кампания 1722 года показала русскому двору, что Турция не останется безучастной к развернувшимся в этом регионе событиям. Государство османов целенаправленно рвалось к Западному Каспию.

Это, однако, была лишь одна сторона создавшейся в Восточном Закавказье ситуации. Другое обстоятельство касалось общей политики. Петр I совершил промах, в результате чего в какой-то мере пошел на поводу султанской дипломатии. Претворение Россией в жизнь своей политической программы в Закавказье хотя и противоречило интересам Турции, но в то же время отвлекало внимание России от такого жизненно важного для Турции региона, как Северное Причерноморье. Не решив проблемы Крыма и Азова, Россия ввязывалась в сложные перипетии закавказской проблемы. Это противоречие Петр I довольно быстро понял и сделал соответствующие выводы. Русский двор четко уяснил, что, пока Крым и побережье Северного Причерноморья контролируются османами, Россия должна опасаться в Закавказье серьезного вооруженного конфликта с Турцией⁷⁰.

Понимание этого привело русское правительство к выработке и осуществлению в Закавказье со второй половины 1723 года совершенно новой стратегии — политического сдерживания Турции. Идея сдерживания состояла в том, чтобы дипломатическими средствами противодействовать попыткам султана завладеть побережьем Каспия. Центр тяжести с военного вмешательства переносился на политическое урегулирование сложного клубка проблем, возникших в Закавказье⁷¹.

Новая стратегия правительства Петра I состояла из следующих основных элементов. На первый план выдвигались дипломатические рычаги, с помощью которых предполагалось, с одной стороны, затормозить экспансию турок к Западному Прикаспию, с другой — подчинить себе или, по крайней мере, нейтрализовать мусульманских правителей Кавказа и Восточного Закавказья. Венцом этой тактики стало заключение в июне 1724 года в Константинополе договора между Россией и Турцией. До подписания этого документа в июне 1723 года Россия, воспользовавшись паузой в дипломатических отношениях, заняла Баку и Гилян. В ответ турецкие войска начали продвижение в сторону Гянджи, Еревана и Нахичевана. Таким образом, Константинопольский договор юридически закрепил реальную расстановку сил в Восточном Закавказье. Этот регион с 1724 года был поделен между двумя державами. Земли христианских народов переходили под власть султана, Россия же контролировала западное побережье Каспия.

Вторым существенным элементом той же стратегии явилось стремление русской державы обеспечить в Закавказье и на Ближнем Востоке

баланс политических и военных сил. По замыслу Коллегии иностранных дел противодействующей Турции силой должно было выступить централизованное Персидское государство. Оно пресекло бы распространение влияния Османской империи на Восточное Закавказье. Однако сначала желательно было юридически закрепить занятие Россией западного побережья Каспия. С этой целью в сентябре 1723 года в Петербурге русским правительством был подписан договор с Исмаилом — полномочным представителем уже свергнутого к тому времени шаха Гусейна. Этот договор не был, однако, ратифицирован Тахмаспом II — новым шахом Персии.

Наконец, третьим элементом стратегии политического сдерживания Турции являлось использование национально-освободительного движения армянского народа. После того как весной и летом 1723 года восточногрузинское государство потерпело политическое и военное поражение от Персии и Турции, русский двор понял, что единственной реальной силой, способной противостоять туркам и приостановить или задержать их продвижение к Прикаспию, остаются армянские меликства Карабаха. Этим была обусловлена та перемена акцентов, которая происходит в закавказской политике России. Последняя переключает свое внимание на Восточную Армению⁷².

Для того чтобы переориентировать армянских меликов Карабаха и в целом армянское освободительное движение на борьбу с Турцией и, объединив армян, грузин и азербайджанцев-шиитов в коалицию, создать единый антитурецкий фронт, правительство Петра I летом 1723 года посылает с чрезвычайной миссией в Армению Ивана Карапета — выходца из купеческой среды персидских армян, торговавших в Петербурге.

Иван Карапет приехал в Армению в самом конце 1723 года. События же лета и осени того года развивались следующим образом. Вследствие вторжения турецких войск в Восточное Закавказье в этом регионе исподволь начался процесс сплочения антитурецких сил. Сын Вахтанга VI Бакар, отойдя от турок, с согласия своего отца первым предпринял шаги к примирению со своим соперником Константином. Последний с помощью Бакара совершил побег из места заключения, и в древней столице Грузии Мцхети они договорились о союзе. В дальнейшем, весной следующего 1724 года, в городе Гори состоялось примирение Константина с Вахтангом.

Таким образом, после начала военных действий со стороны Турции наблюдается параллельность тактических интересов Петербурга и деятелей освободительного движения Закавказья. Это в какой-то степени и облегчило миссию Ивана Карапета. Посланцу Петра I с помощью Константина, который включился в антитурецкую борьбу, удалось решить весьма сложную задачу: примирить ранее противоборствующие силы — армянских меликов с азербайджанскими феодалами, сторонниками персидской ориентации. Азербайджанцы-шииты, враждебно настроенные

к османам, готовы были сотрудничать с армянами в борьбе с турецкой агрессией. Оформление союза между армянами Карабаха и азербайджанцами Гянджи, к которому примкнули и грузины, состоялось 21 марта 1724 года. Создание антитурецкой армяно-грузино-азербайджанской коалиции стало важным звеном в российской стратегии политического сдерживания Турции.

Во второй половине 1724 года борьба народов Закавказья с турецкими полчищами принимает новый характер. Ссылаясь на заключенный с Россией договор, турецкое командование потребовало от населения Восточной Армении и Восточной Грузии признать власть султана и сложить оружие. Однако сопротивление туркам продолжалось. Борьба армян и грузин с новыми «хозяевами» приобрела характер вооруженного восстания. Основные события разворачивались в Карабахе. Не получая подкреплений, армянские ополченцы сражались на пределе своих возможностей. Представитель русского командования на юге генерал В.В. Долгоруков не скрывал своего удивления. «Свыше ума человеческого, — писал он, — как от такого сильного неприятеля могут себя армяне содержать»⁷³.

Однако борьба была неравной. Сопротивление борющихся народов Армении и Грузии в конце 20-х годов было подавлено. Россия в силу принятой ею новой политики на Востоке лишь воодушевляла медиков Карабаха, но воздерживалась от оказания им военной помощи. С помощью армян и грузин она стремилась измотать Турок, ослабить военную мощь турецких сил в регионе, где Турция «вопреки своим обещаниям и договору 1724 года» продолжала проводить агрессивную политику, стремясь вытеснить русские войска из Дагестана, Азербайджана и прикаспийских районов Персии⁷⁴.

В целом разработанная Петром I стратегия политического сдерживания Турции и недопущения османов к занятым русскими прикаспийским землям оправдала себя. Эта стратегия заложила основы политики России в Закавказье на последующие этапы. Первый этап завершился летом 1724 года подписанием Константинопольского договора, по которому Закавказье было поделено между Россией и Турцией на сферы влияния.

В течение первой четверти XVIII века Россия стремилась укрепиться в Закавказье, умело используя сложную, порой противоречивую ситуацию, которая складывалась внутри самого региона. Однако подчинить все Закавказье она не смогла. Лавры своих честолюбивых замыслов Россия вынуждена была поделить с Турцией. Поражение Петра I в Прутском походе в 1711 году и договор с турками в 1724 году привели к тому, что Россия должна была считаться с интересами Турции не только в Азове, но и в Закавказье. Между этими двумя событиями существует внутренняя связь. Понимание этой связи явилось определяющим в политике России в Закавказье вплоть до 80-х годов XVIII века.

* * *

В первой четверти XVIII века российская внешняя политика прошла напряженный и трудный путь. Параллельно тому, как Россия становилась великой европейской державой, ее внешняя политика изменялась и усложнялась. Если в начале Северной войны круг политических интересов страны в основном замыкался ближайшими соседями, а с ведущими европейскими странами Россия была связана, как правило, опосредованно либо эпизодически, то теперь устанавливаются прямые и постоянные связи на уровне резидентов (послов) и посланников. Россия решительно и последовательно отстаивает свои интересы в борьбе главных политических сил Европы.

Особенно усиливается политический вес России на севере Европейского континента, где ряд лет она вела успешные военные действия против Швеции, прямо вмешивалась в дела Северной Германии, в борьбу морских держав против Франции. Геополитическое положение России по-прежнему диктовало ей борьбу за выход к северным и южным морям, создавая балтийскую и черноморскую проблемы в политике страны. Попытки решить одновременно эти две проблемы оказались, как и прежде, нереальными. Вооруженная борьба с Османской империей, которую в 1711 году Россия вела один на один, закончилась ее поражением. В конечном счете не получила развития после Петра и его каспийская политика, также направленная против Турции.

Однако было бы ошибкой считать Прутский и Каспийский походы России беспочвенной авантюрой. Нельзя забывать об агрессивных устремлениях Османской империи, которым противостояла Россия, о том, что в окружении султана Ахмеда III вынашивались планы захвата Украины.

Основным постулатом Петра как дипломата и его внешней политики был реализм. Он никогда не ставил перед страной химерических задач. Правда, некоторые историки и поныне считают, что политика Петра грешила авантюризмом, и приводят как пример подготовку морской экспедиции на остров Мадагаскар или поиски путей в Индию. Но были ли эти замыслы авантюрой? Не помешала ли их осуществлению ранняя смерть Петра? Ведь император взялся за них вплотную практически в последние месяцы жизни. Разве меньшей авантюрой могла показаться в 1699 году война со Швецией? История не знает сослагательного наклонения: «Что было бы, если...»

В первой четверти XVIII века в России создается практически новая дипломатическая служба, в совершенстве владеющая всеми современными приемами достижения цели. Среди блестящей плеяды российских дипломатов особое положение занимает сам Петр I. И не только потому, что стоит во главе обновленной державы. Он выделяется и образованностью, и, наконец, талантом.

Как во всех других делах и решениях Петра, в дипломатии главным для него были не личные интересы и даже не интересы династии, а интересы государства, в то время как в странах Западной Европы династические проблемы и личные интересы монархов не только вторгались в политику, но часто и подчиняли себе политику государства. Например, Людовик XIV затягивал явно проигранную им войну за испанское наследство для того, чтобы удержать испанский престол за своей династией. Курфюрст Ганновера, ставший английским королем Георгом I, пытался использовать силы Англии в интересах курфюршества. (Подобные примеры можно бесконечно продолжать.) Петр считал себя всего лишь слугой государства. Более того, на примере браков его родственниц с германскими князьями мы видим, как интересы династии были поставлены на службу государству.

Идея высокого служения Отечеству подкреплялась у царя господствовавшей в то время в Европе и почитаемой Петром теорией «государства общего блага». Эта теория гласила, что благо всех подданных может быть достигнуто только в том случае, если все сословия и каждый подданный в отдельности будут честно служить государству, а государство будет управляться хорошо продуманными законами.

Законы, по мнению философов того времени, должны были регламентировать и международные отношения. Так, Ш. Монтескье писал, что договоры, независимо от того, выгодны они или невыгодны, заключены они добровольно или навязаны силой, должны строго соблюдаться и что неисполнение этих договоров «противно природе вещей»⁷⁵. Подобный взгляд на международные договоры был характерен и для Петра на всем протяжении его службы России. Он постоянно подчеркивал, что договоры с другими государствами должны соблюдаться свято. «Кредит (доверие. — *Авт.*) потерять — все потерять», — говорил царь. Это, безусловно, не мешало добиваться отмены, пересмотра, уточнения и т. п. тех соглашений, которые утратили ценность либо были просто невыгодны России.

Глава II. При преемниках Петра Великого (1725–1761 гг.)

1. Внешнеполитическая программа Петербурга. Россия и страны Венского и Ганноверского союзов (1725–1730 гг.)

Успешное завершение Северной войны 1700–1721 годов открыло новый этап во внешнеполитической истории России. Страна получила выход в Балтийское море, вернула ряд исконных русских земель (Ингрию и др.) и удержала за собой богатые прибалтийские провинции — Лифляндию и Эстляндию; Финляндия была возвращена Швеции. Ништадтский мирный договор 1721 года закрепил осуществление великой исторической задачи, за решение которой Россия вела многовековую борьбу. Теперь Россия получила удобный выход на мировые торговые пути, расширивший ее политические, экономические и культурные связи с Северной, Центральной и Западной Европой. Это достижение сулило России заманчивые перспективы, но одновременно выдвигало и ряд новых важных внешнеполитических проблем¹.

Выход России на Балтику и превращение ее в империю и великую державу имели серьезные социально-экономические и политические последствия для всей Европы, которая благодаря этому обеспечила возможность постоянных и удобных контактов с Россией, а ускоренное развитие русской внешней торговли на балтийском направлении способствовало подъему экономики как самой России, так и Запада. Северная война привела к коренному изменению в соотношении политических и экономических сил в Европе: Швеция превратилась во второстепенное государство, а Россия, утвердившись на берегах Балтики, заняла достойное положение в системе европейских государств. Победа России в Северной войне обусловила существенную перестройку в расстановке сил на международной арене. В формировавшейся в Европе новой политической системе Россия претендовала на важное место: ее присоединение к той или иной группировке создавало серьезный перевес сил, требовавший восстановления «европейского равновесия» и соответствующей трансформации *системы союзов*.

Сложность политической ситуации в Европе ко времени смерти Петра Великого (29 января 1725 г.) побудила императрицу Екатерину I уже в феврале 1725 года поручить видному и опытному дипломату вице-канцлеру Андрею Ивановичу Остерману подготовку обстоятельной аналитической

записки о состоянии и задачах внешней политики страны. Записка называлась «Генеральное состояние дел и интересов всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами» и была написана Остерманом в течение 1725 года. Она была представлена на рассмотрение Верховного тайного совета в феврале следующего, 1726 года. Характеризуя тогдашнее международное положение России, А.И. Остерман как бы подводил внешнеполитические итоги петровского царствования и формулировал основные задачи внешней политики России на будущее². Записка содержала краткую, но весьма четкую и яркую характеристику дипломатических отношений России с европейскими странами, Турцией и Ираном за 1721–1725 годы. Выбор составителя являлся не случайным: вице-канцлер осуществлял не только фактическое руководство Коллегией иностранных дел, но и, по свидетельству современников, например испанского посланника в России герцога Я. де Лирна, являлся ревностным хранителем петровских внешнеполитических традиций³.

Андрей Иванович Остерман (1686–1747) сосредоточивал в своих руках нити руководства внешней политикой России на протяжении более 15 лет, вплоть до дворцового переворота 1741 года, приведшего на престол Елизавету Петровну. Выходец из Вестфалии, он попал в Россию в 1704 году, где вскоре поступил на службу в Посольский приказ. Во время Прутского похода 1711 года вел переговоры с турецким визирем, проявив при этом незаурядные дипломатические способности, на которые обратил внимание Петр I. Это обстоятельство определило дальнейшую карьеру молодого человека: вместе с Я.В. Брюсом ему было поручено вести переговоры со шведами на Аландском (1718–1719 гг.) и Ништадтском (1721 г.) конгрессах. После отставки в 1723 году П.П. Шафирова А.И. Остерман занял пост вице-президента Коллегии иностранных дел. В 1725 году он назначается вице-канцлером, в 1726–1730 годах — членом Верховного тайного совета. Обладая тонким умом и большим дипломатическим опытом, А.И. Остерман прекрасно разбирался в сложных хитросплетениях европейской политики. Большая осторожность и несомненная изворотливость помогли ему уцелеть в вихре придворных заговоров и интриг, столь характерных для исследуемой эпохи дворцовых переворотов. На внешнеполитический курс, проводимый Остерманом, конечно, оказывали определенное влияние всесильные придворные, временщики и фавориты, такие как А.Д. Меншиков, А.П. Волынский, Э.-И. Бирон, Б.Х. Миних, с которыми вице-канцлеру приходилось считаться. Однако следует отметить, что он был умелым и гибким политиком, хорошо усвоившим основные элементы внешнеполитического курса Петра I. Этой системы с некоторыми изменениями Остерман придерживался все время, в течение которого руководил внешнеполитическим ведомством России⁴.

Во второй четверти XVIII века внешняя политика России диктовалась ее интересами на Балтийском, Каспийском и Черном морях, потребностями

в развитии внешней торговли, в обеспечении безопасности морских путей и границ, воссоединения украинских и белорусских земель и увеличения международного влияния страны. Следовательно, сохранили свое значение три крупные внешнеполитические проблемы, стоявшие еще в XVII веке, — польская, черноморская и балтийская, причем последняя не потеряла своей значимости и после Петра I, ибо международное положение России как великой державы определялось прежде всего прочностью ее политических, экономических и военно-стратегических позиций на Балтике.

Балтийская проблема в рассматриваемый период приобретала новое содержание и носила довольно противоречивый характер, потому что наряду с оборонительными задачами предусматривалась и определенная внешнеполитическая активность России на Западе. С одной стороны, главные задачи балтийского направления носили традиционный характер — удержание за Россией господствующего положения на Балтике, предотвращение возможности реванша со стороны Швеции, всемерное развитие балтийской и европейской торговли. С другой стороны, русское правительство стремилось укрепить и расширить свое влияние в прибалтийских герцогствах (Голштинии, Курляндии, Мекленбурге), Северной Германии, Швеции, Дании, прибегая к определенному вмешательству в дела этих стран. Подобная позиция вызывала негативную реакцию не только в названных странах, но и со стороны великих держав⁵.

В начале 1725 года, когда в Европе шла активная подготовка к созданию Венского и Ганноверского союзов, правительство Екатерины I внимательно следило за развитием европейских событий, склоняясь первоначально к союзу с Францией. Одной из причин такого выбора служила позиция австрийского императора Карла VI в вопросе о русском престолонаследии: он выступал за объявление наследником престола царевича Петра Алексеевича, своего внучатого племянника и внука Петра I, что вызывало серьезное недовольство Екатерины I и мешало русско-австрийскому сближению.

Начало 1725 года в Европе ознаменовалось весьма четким размежеванием политических сил, которое привело к образованию двух враждебных друг другу группировок. 19(30) апреля 1725 года Австрия и Испания заключили Венский оборонительный союз, который не только угрожал войной Франции, но и затрагивал политические и торговые интересы Англии и Голландии. Такое положение заставило французское правительство искать тесных связей с Англией и Турцией, так как они могли оказать непосредственную помощь в случае войны с Испанией или Австрией. Тем не менее инициатива создания нового «концерта» держав в противовес Венскому союзу принадлежала британскому кабинету, который был удовлетворен тем, что политика Франции все больше попадала под влияние английской дипломатии. 23 августа (3 сентября) 1725 года в Гер-

ренгаузене (близ Ганновера) между Англией, Францией и Пруссией был заключен договор — так называемый Ганноверский союз, острие которого направлялось прежде всего против Австрии и Испании. Между двумя группировками тогда развернулась острая дипломатическая борьба. Оба блока готовились к военным действиям и усиленно стремились склонить на свою сторону новых членов — Россию, Голландию, Швецию и Данию⁶.

В 1725 году Россия играла значительную роль в международных делах, что было признано европейской дипломатией. Как утверждал французский посланник в Петербурге Ж. Кампредон, Россия являлась «одной из главнейших держав в Европе»⁷. Западные страны были вынуждены считаться с могуществом России.

В предшествующий, петровский, период основные задачи и направления внешней политики страны определял в основном сам Петр I. Дипломаты Посольского приказа, а затем Коллегии иностранных дел, какими бы умелыми и талантливыми они ни были, в конечном счете являлись исполнителями воли царя. Со смертью Петра I и восшествием на престол Екатерины I (1725–1727 гг.) ситуация существенно изменилась. Ни Екатерина I, ни другие ближайшие преемники Петра I вплоть до Елизаветы Петровны самостоятельной внешнеполитической программы не имели. В этот период петербургский кабинет более или менее успешно следовал петровским предначертаниям, хотя его политика уже не отличалась той целеустремленностью и принципиальностью, которые были присущи политике и дипломатии России первой четверти XVIII века.

Правительство Екатерины I в начале 1725 года не замедлило декларировать свою верность общему внешнеполитическому курсу, определенному Петром Великим, а также ранее принятым Россией международным обязательствам, в первую очередь ее союзному договору со Швецией 1724 года, по которому последняя давала важное обещание — оказывать военную помощь своему союзнику в случае нападения на него какой-либо «христианской» европейской державы, а также обезопасить его тыл на случай турецкого нападения. Внимательно следя за дипломатической борьбой между Венским и Ганноверским блоками, петербургский кабинет не сразу определился в выборе союзников. В марте 1725 года в Петербурге принимается решение вступить в союз с Францией, Англией и Пруссией, но при сохранении союзных отношений со Швецией. Такой союз, по мысли русских дипломатов, дал бы России немалые выгоды: 1) западно-европейские гарантии русских завоеваний в Прибалтике способствовали бы благоприятному решению проблемы прибалтийских герцогств; 2) европейские союзники предоставили бы ей определенную помощь в случае возможного конфликта России с Турцией⁸.

У европейской дипломатии идея подобного союза не могла получить одобрения. Британский кабинет открыто выступал против дальнейшего

укрепления позиций России на Балтике и в Северной Германии. Правительства Франции и Пруссии занимали выжидательную позицию, стремясь во время переговоров лучше узнать внешнеполитические планы петербургского кабинета. Существенный вклад против возникновения такого союза внесло и само правительство Екатерины I, активно поддерживавшее претензии герцога Голштинского Карла-Фридриха (женатого на Анне, дочери Екатерины и Петра) на Шлезвиг, захваченный Данией, а также на шведский престол. В петровскую эпоху голштинский вопрос, будучи весьма гибким и удобным орудием дипломатического нажима на Швецию, Данию и другие страны, никогда не приобретал самостоятельного значения. Екатерина I настойчиво желала видеть свою дочь и зятя на шведском престоле и стремилась при помощи совместной русско-шведской операции против Дании возратить герцогу Шлезвиг. Таким образом, голштинский вопрос приобрел династический характер и на какое-то время стал самодовлеющей целью внешней политики русского правительства. Это отвлекало внимание русской дипломатии от решения важных и серьезных проблем, существенно ухудшало отношения России с европейскими странами, в том числе и со Швецией, и привело к определенному обострению международной обстановки.

Правительства Англии и Франции заявили, что не нарушат гарантий на Шлезвиг, данных Дании в 1720 году, и не допустят войны по этому поводу, считая возможным «вознаграждение» герцога Голштинского каким-либо другим путем, желательно за счет земель в Прибалтике⁹. С образованием Венского и Ганноверского союзов противостояние в Европе значительно усилилось. Российские дипломаты справедливо отметили антирусскую направленность Ганноверского договора, подчеркивая, как писал Остерман, что он «против Цесаря (т. е. Австрии. — *Авт.*), а больше против нас прямо учинен»¹⁰.

На основании писем и донесений русских представителей в Вене, Берлине, Стокгольме, Копенгагене, Гааге петербургский кабинет был хорошо информирован о целях ганноверских союзников, а также о начавшихся летом 1725 года переговорах английских и французских дипломатов с целью присоединения к ним (акцессии) Швеции и Дании. Эти переговоры происходили как через шведских посланников Н.-П. Гедда (в Париже) и К.-Г. Спарре (в Лондоне), так и через представителей Франции и Англии — Луи Бранкаса и Стефана Поинтса — в Стокгольме¹¹. Осенью 1725 года англо-французская дипломатия перешла к активной борьбе с русским влиянием в Северной и Центральной Европе, Прибалтике, в Турции и Иране¹².

Русское правительство было обеспокоено англо-французскими демаршами, которые встречали понимание у короля Фредрика I и у главы шведского правительства графа Арвида Горна, надеявшихся при помощи присоединения Швеции к Ганноверскому союзу реализовать свои реваншистские

планы. Но первоначально непосредственной угрозы русскому влиянию в Швеции все же не было. В шведском правительстве существовала весьма влиятельная группировка доброжелательных к России. Да и в риксдаге большинство депутатов выступало за сохранение Стокгольмского союзного договора с Россией 1724 года. Доброжелательные в Стокгольме не только информировали русского посланника Н.Ф. Головина о дипломатических акциях ганноверских союзников, но и принимали контрмеры, стремясь убедить правящие круги Швеции в невыгодности присоединения к Ганноверской лиге. В Петербурге с пристальным вниманием следили за развитием событий в Швеции, стремясь не допустить там торжества враждебной России политики. Все это вынуждало сторонников англо-французской ориентации действовать медленно и осторожно, а в ответах графа Горна на многочисленные запросы и меморандумы петербургского кабинета постоянно подчеркивалось желание Швеции сохранить с Россией не только добрососедские, но и союзные отношения, которые бы позволили решить и вопрос о «вознаграждении» герцога Голштинского¹³.

Ситуация значительно осложнилась зимой 1726 года, когда Екатерина I под влиянием голштинского двора решила перейти к *активным* действиям в пользу своего зятя и добиться возвращения ему Шлезвига вооруженным путем, объединив для этого силы России, Швеции и Австрии. В дальнейшие планы входило и возведение Карла-Фридриха на шведский престол¹⁴. Идея войны с Данией приобрела реальную основу, когда в Верховном тайном совете стали обсуждать дипломатические и военные способы решения голштинского вопроса. Вполне ясно понимая, что проводимая политика ведет к обострению отношений не только с Данией, но и с Англией, Францией, а возможно, и с другими европейскими странами, при этом не решая ни одной внешнеполитической задачи России, многие члены петербургского кабинета (например, канцлер Г.И. Головкин, граф П.А. Толстой, генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, князь Д.М. Голицын) все же выступили за подготовку армии и флота к войне против Дании, если последняя не уступит совместному русско-шведскому дипломатическому давлению. Еще более нелепо было рассчитывать на то, что шведское правительство будет безоговорочно исполнять обязательства по «голштинскому артикулу» Стокгольмского договора 1724 года и с готовностью согласится втянуть себя в войну с Данией, хотя шведский посланник в Петербурге И. Цедергельм пытался убедить свой кабинет действовать вместе с Россией¹⁵.

Как и следовало ожидать, авантюрный голштинский план войны с Данией из-за Шлезвига привел к значительному обострению отношений России с Данией, Англией и Францией и существенно осложнил отношения со Швецией, дав в руки сторонников ее вступления в Ганноверскую лигу неоспоримые свидетельства агрессивных намерений петербургского двора. Когда же в мае 1726 года объединенная англо-датская эскадра

бросила якорь у острова Нарген (близ Ревеля), а Швеция отказалась от военной помощи России, стало совершенно ясно, что шлезвигская авантюра потерпела крах.

Политика разрешения голштинского вопроса привела к усилению борьбы в правящих кругах России по внешнеполитическим проблемам. К маю 1726 года это вылилось в открытую вражду между князем А.Д. Меншиковым и Карлом-Фридрихом. В беседе с адмиралом П.И. Сиверсом светлейший князь откровенно признался: «Если бы даже мы были столь глупы поссориться с нашими старыми приятелями англичанами и датчанами из-за принца, которого интересы не имеют ничего общего с нашими интересами, мы постараемся во всяком случае пристроить его в Швеции: пусть он там останется и оставит нас в покое»¹⁶. Дело здесь было не только в несовпадении личных интересов и амбиций герцога Голштинского и всемогущего князя (хотя и это, конечно, имело место). Обострение противоречий в правящих кругах Петербурга, повлекшее за собой заметный спад влияния голштинцев на внешнеполитический курс правительства Екатерины I, было результатом несовпадения интересов голштинского двора с внешнеполитическими задачами России и антинационального характера планировавшейся войны с Данией. Политика Екатерины I в голштинском вопросе была непоследовательна и реакционна, свидетельствуя об отходе от внешнеполитических традиций Петра I.

В результате односторонних непродуманных действий в голштинском вопросе заметно ухудшились отношения России с Англией. Прямые дипломатические связи с Англией были прерваны еще в 1720 году, но осенью 1725 года петербургский двор решился предпринять определенные шаги к их восстановлению. Когда же по просьбе датского и с согласия шведского королей английская эскадра в мае 1726 года появилась в Балтийском море, то, несмотря на все заверения лондонского кабинета, что эта мера является всего лишь ответным шагом на подготовку России к войне с Данией, стала очевидной невозможность восстановления русско-английских отношений. Тогда британская дипломатия была нацелена на подрыв позиций России на Балтике и в североевропейских странах. Эту задачу на данном этапе английские дипломаты выполнили вполне успешно. Искусно были использованы ошибки и просчеты русской дипломатии, смотревшей тогда на важнейшие европейские проблемы сквозь призму голштинских интересов. Усиленно муссировались истинные и ложные сведения о военных приготовлениях в России, после чего делался недвусмысленный вывод о наличии у петербургского двора широкомасштабных агрессивных планов на севере Европы, хотя таких планов у российского правительства не было.

Шла постоянная настойчивая обработка английскими дипломатами противников присоединения к Ганноверскому союзу в шведском прави-

тельстве. Им, так сказать, «ненавязчиво» внушалась мысль, что с помощью Англии и Франции Швеция пересмотрит условия Ништадтского договора и вернет себе утраченные прибалтийские провинции. Наконец, был организован широкий подкуп шведских политических деятелей. Французская дипломатия в это время во всем поддерживала действия англичан и шла в фарватере британской политики. В результате их совместных усилий состав Ганноверского союза существенно расширился: в августе 1726 года к нему присоединилась Голландия, а весной 1727 года после длительных и бурных переговоров — Швеция и Дания.

Правительство Екатерины I пыталось оказать противодействие анти-русской политике англо-французской дипломатии. С целью упрочения русских позиций и достижения более тесного русско-шведского «соединения» в апреле 1726 года Верховный тайный совет решил направить в Стокгольм специальное посольство во главе с В.А. Долгоруким. Перед ним была поставлена цель заключить новый союзный договор со Швецией, чтобы сорвать ее переговоры с ганноверскими союзниками и не допустить присоединения к этому блоку, но одновременно подчеркивалась необходимость достигнуть договоренности со шведским правительством по голштинскому вопросу¹⁷. Учитывая состояние дел в Швеции и «нынешние деликатные конъюнктуры», было решено ассигновать до 100 тыс. рублей для подкупа шведских государственных деятелей¹⁸.

Вполне возможно, что русской дипломатии удалось бы оказать достаточно эффективное противодействие англо-французским планам, даже несмотря на гипертрофированное внимание к голштинскому вопросу. Весной и летом 1726 года позиции доброжелательных в шведских правящих кругах были еще сильны, среди знатного дворянства проявлялось широкое недовольство переговорами с ганноверскими союзниками, а большинство риксдага противилось акцессии Швеции к этому союзу, поэтому переговоры и деньги русской миссии сделали бы свое дело. Но посольство В.А. Долгорукого из-за различных причин (курляндский вопрос) прибыло в Стокгольм лишь в начале ноября, и время было упущено. Сразу же по приезде Долгорукий отметил ослабление позиции доброжелательных и усиление влияния их противников. В связи с борьбой мнений в риксдаге сторонники ганноверской ориентации распространяли слухи о намерениях России напасть на Швецию в интересах герцога Голштинского. Только в декабре 1726 года состоялась встреча Долгорукого со шведским королем и А. Горном, но она оказалась безрезультатной. Обещание удвоить или даже утроить субсидии тоже не помогло. «Лехче турецкого муфтя в христианский закон ввести», нежели удержать шведов от присоединения к Ганноверской лиге, как с горечью был вынужден признать В.А. Долгорукий¹⁹.

14(25) марта 1727 года в Стокгольме был подписан акт присоединения Швеции к Ганноверскому союзу, но Пруссия потом отмежевалась от

шведской акцессии. Присоединение Швеции к Ганноверской лиге означало разрыв военно-политического союза с Россией 1724 года в самый разгар голштинского кризиса и обострения отношений с Англией и Францией, оно наносило серьезный удар по позициям России на Балтике, ставя под угрозу незыблемость Ништадтского договора. Шведская акцессия вызвала неоднозначную реакцию в правящих кругах России. Некоторые горячие противники этого акта, такие как В.Л. Долгорукий, призывали к войне со Швецией; другие, например А.И. Остерман, понимали, что это расплата за предыдущие дипломатические промахи, и считали, что война была бы еще большей ошибкой, которая могла привести к серьезным последствиям. Победила более трезвая оценка сложившейся ситуации. Россия не собиралась ни воевать со Швецией, ни порывать с ней дипломатические связи, но русско-шведские отношения в течение ряда лет оставались весьма напряженными и холодными.

Несмотря на очевидные успехи англо-французской дипломатии, положение Ганноверского союза в целом не было столь устойчивым. Пруссия вскоре стала отходить от безоговорочной поддержки английских планов и проводить более самостоятельную политику. Стремясь усилить противоречия между ганноверскими союзниками, русское правительство способствовало восстановлению дипломатических отношений между Пруссией и Швецией, прерванных еще в 1723 году. Но прибывший в сентябре 1725 года в Стокгольм чрезвычайный посланник Пруссии барон фон Бюлов присоединился к демаршам английского представителя С. Поинтса и французского представителя Л. Бранкаса, направленным на присоединение Швеции к Ганноверской лиге. Подобные действия вызвали недовольство петербургского двора. Русскому посланнику в Берлине было предписано «посоветовать» Фридриху-Вильгельму I отозвать своего представителя из Стокгольма. Прусский король согласился с этим предложением, хотя английское и шведское правительства настаивали на том, чтобы Бюлов оставался в Стокгольме. На позицию берлинского двора значительное влияние оказало известие о присоединении Австрии к Стокгольмскому русско-шведскому союзному договору 1724 года. В мае 1726 года место Бюлова занял лояльно настроенный к России фон Гаппе.

Летом 1726 года произошло русско-прусское сближение, в результате которого 10(21) августа был подписан оборонительный союзный договор России и Пруссии. Это соглашение явилось непосредственным продолжением расширения и углубления связей России с германскими государствами, которое произошло после заключения в июле этого же года русско-австрийского союзного трактата. Договор взаимно гарантировал территории союзников, фиксировал обязательства взаимопомощи и согласованных действий в польском вопросе. В октябре 1726 года Ганноверскому союзу был нанесен еще один удар: состоялось подписание австро-прусского договора²⁰.

На союзном договоре России с Австрией, подписанном в июле 1726 года, следует остановиться подробнее, ибо дружественные отношения с этой страной на протяжении всего XVIII века играли важную роль как в европейской, так и в восточной политике России, имея особое значение для решения черноморской проблемы. Сближение России с Австрией стало закономерным явлением для обеих стран: и у Петербурга, и у Вены были натянутые отношения с членами Ганноверской лиги, поэтому оба правительства нуждались во взаимной поддержке. Но русская дипломатия переносила акцент на другую сторону необходимости союзных отношений: А.И. Остерман, будучи активным сторонником союза с Австрией, считал, что общность интересов России и Австрии в отношении султанской Турции, захватнические планы которой угрожали безопасности обеих стран, поможет русскому правительству при решении черноморской проблемы, а также во взаимоотношениях с самой Турцией и Ираном. В Петербурге, кроме того, рассчитывали, что венский двор даст гарантии сохранения польской шляхетской «республики» (как это уже было сделано в Стокгольмском договоре со Швецией в 1724 г.), а затем Польшу можно будет включить в русско-австрийский союз, что укрепило бы русские позиции в Польше и связи со странами Центральной Европы²¹.

Несмотря на общность интересов двух стран, переговоры о союзе России с Австрией шли очень медленно. Венский двор стремился заключить союз с Россией без участия Швеции, которая уже сближалась с Ганноверской лигой, и добивался присоединения России к Венскому союзу на тех же условиях, что и Испания. В Петербурге же хотели вести переговоры о союзе, начав их с присоединения Австрии к русско-шведскому союзу. Лишь в сентябре 1725 года правительство Екатерины I согласилось с австрийским предложением о заключении союза. Переговоры в Вене от имени Швеции и России поручалось вести шведскому посланнику, причем шведское правительство стремилось их затянуть.

В октябре 1725 года открылись прямые русско-австрийские переговоры о союзе, целью которых являлось присоединение России к Венскому договору. Их вел русский посланник Л. Ланчинский уже без шведского посредничества. Сведения о переговорах в Вене достигли европейских дипломатических кругов и вызвали серьезную озабоченность у английских и французских дипломатов, которые стремились оказать соответствующее воздействие на шведское правительство. В тот момент в Стокгольме еще не хотели обострять отношения с Россией. В ноябре 1725 года шведское правительство согласилось на австрийскую акцессию к Стокгольмскому трактату, но присоединяться к Венскому договору оно не собиралось. Далее последовал очередной этап переговоров, и 17(28) апреля 1726 года в Вене было подписано соглашение о присоединении Австрии к Стокгольмскому договору и к его секретному «голландскому артикулу». Затем переговоры

вновь замедлились, так как к апрелю 1726 года первоочередное место во внешней политике России занял курляндский вопрос.

Суть этой проблемы состояла в том, кому иметь решающее влияние в Курляндии — России или Польше, от которых Курляндия зависела в начале XVIII века. Оба правительства стремились подчинить себе герцогство и подготовить его присоединение, чтобы укрепить свое положение на Балтике. В ожидании смерти престарелого и бездетного герцога Курляндского Фердинанда польский и прусский короли выдвигали своих кандидатов на курляндский престол. У России был свой претендент — князь А.Д. Меншиков. Тем временем события в Курляндии принимали для России нежелательный оборот. В июне 1726 года курляндский сейм избрал герцогом известного полководца, пасынка короля Августа II Морица Саксонского, который намеревался затем жениться на вдовствующей герцогине Анне Иоанновне (она была женой герцога Фридриха-Вильгельма, умершего еще в 1711 г.²²).

Для улаживания курляндских дел в Митаву был направлен А.Д. Меншиков в сопровождении сильного военного отряда под предлогом принятия мер предосторожности против английской и датской эскадр. Ему удалось помешать браку Морица с Анной Иоанновной, но он превысил свои полномочия, угрожая в случае отказа избрать его герцогом ввести в Курляндию русские войска. В Петербурге не собирались вмешиваться в курляндские дела вооруженным путем. Меншикова отозвали, герцогской короны он не получил. Не добился ее и Мориц Саксонский, ибо депутаты курляндского сейма боялись потерять расположение могущественного соседа. Тем не менее в начале 1727 года Курляндия была занята русским корпусом под командованием генерала П.П. Ласси и генерал-майора И.И. Бибикова. Убедившись в невозможности добиться успеха, Мориц Саксонский покинул Курляндию. Попытки польского правительства вести переговоры о присоединении Курляндии к Польше успеха не имели²³.

«Курляндское дело» временно отвлекло петербургский двор от переговоров о русско-австрийском союзе, которые все же продолжались в Вене. В письме к Б.И. Куракину А.И. Остерман отмечал, что появление весной 1726 года английского флота в Балтийском море способствовало русско-австрийскому сближению²⁴. В апреле Л. Ланчинский направил из Вены в Петербург проект русско-австрийского договора, который 6 мая обсуждался в Верховном тайном совете. Отмечая неблагоприятную для России международную обстановку (Швеция тоща явно ориентировалась на присоединение к Ганноверскому союзу, деятельность англо-французской дипломатии продолжала носить антирусский характер, отношения с Турцией были натянутыми), петербургский кабинет решил заключить договор с Австрией²⁵.

26 июля (6 августа) 1726 года в Вене подписывается русско-австрийский оборонительный и наступательный союзный договор. По этому трактату Россия присоединялась к Венскому союзу, гарантировала границы Австрии и обещала в случае нападения на нее военную помощь в размере вспомогательного корпуса (20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы). В свою очередь, Австрия присоединялась к Ништадтскому мирному договору 1721 года и Стокгольмскому русско-шведскому союзу 1724 года, что означало австрийские гарантии европейских границ России и признание русских завоеваний в Восточной Прибалтике. В случае нападения на Россию Австрия обещала военную помощь в тех размерах, что и Россия. «Секретнейшим артикулом» договора Австрия брала обязательства оказать России военную помощь в случае нападения Турции и совместного выступления против турецких планов в отношении договаривающихся сторон и Ирана. Австрия также обязывалась поддерживать Россию в решении голштинского вопроса. И Вена, и Петербург были весьма заинтересованы в сохранении польской шляхетской «республики» со всеми ее атрибутами и стремились, чтобы к заключенному договору присоединилась Польша или хотя бы лично Август II как Саксонский курфюрст²⁶.

Русское правительство рассматривало присоединение России к Венскому союзу прежде всего как шаг, способный создать благоприятные условия для решения восточных проблем. А.И. Остерман считал, что союз с Австрией необходим для выполнения русской программы в отношении Турции и для «нынешних наших персидских дел, которым Бог конец ведает»²⁷. Русско-австрийский союзный договор сыграл важную роль в решении внешнеполитических задач России. Он был основан на общности интересов двух стран в Турции, Польше и Швеции и определил совместное выступление России и Австрии в войне за Польское наследство в 1733–1735 годах и в войне с Турцией в 1735–1739 годах. С заключением русско-австрийского союза в основном завершилось формирование в Европе двух враждебных друг другу блоков — Венского и Ганноверского и на какое-то время было восстановлено европейское равновесие.

Позиции России на Балтике, несмотря на серьезные неудачи в отношениях со Швецией, представлялись достаточно прочными, поэтому в Петербурге союз с Австрией стремились использовать для решения черноморской проблемы, понимая, что Ганноверская лига будет основным препятствием в этом деле. В декабре 1728 года А.И. Остерман писал графу А.Г. Головкину, что «дела наши в таком состоянии, что мы ежедневно разрыву с Портою Оттоманскою ожидать имеем; Франция и Англия против Порты нам вспомогать не станут, и одним Цесарем (Австрией. — *Авт.*) Порты еще не удерживается. И для того против Цесаря с другими (державами. — *Авт.*) соединиться нам невозможно, и пока Ганноверский союз в своей силе будет, то в какое обязательство мы с другими входить

можем, воистину не вижу»; далее вице-канцлер подчеркнул, что Россия заинтересована в том, чтобы «Ганноверский союз нарушен был, и мы б свободные руки получить могли» для решения своих внешнеполитических проблем, в первую очередь восточных²⁸.

Русская дипломатия видела расхождение интересов ганноверских союзников, приветствовала его и всячески ему способствовала. Уже летом 1726 года усилия русских дипломатов принесли первые результаты. После подписания русско-австрийского союзного договора прусский король Фридрих-Вильгельм I был серьезно обеспокоен возможным участием в назревавшей европейской войне и поспешил покинуть Ганноверскую лигу. В августе 1726 года в Петербурге возобновляется русско-прусский союзный договор, а в сентябре в Берлине начинаются переговоры о заключении соглашения между Австрией и Пруссией, которые завершились признанием Фридрихом-Вильгельмом I Прагматической хартии 1713 года (Закона об австрийском престолонаследии по женской линии) и присоединением Пруссии к Венскому союзу.

Эти важные события активизировали деятельность англо-французской дипломатии, в результате которой к Ганноверскому союзу присоединились Швеция и Дания. Таким образом, против России на Балтике образовалась коалиция государств, выступавших за пересмотр условий Ништадтского мирного договора и угрожавших не только балтийским, но и европейским интересам России. Положение осложнялось еще и тем, что версальский двор решительно взялся за осуществление политики «восточного барьера», сущность которой сводилась к консолидации сил Швеции, Турции и Польши против России и Австрии. В мае 1727 года Англия повторила демонстрацию военно-морских сил в Балтийском море, но при этом Дания и Швеция все же отказались присоединить свои корабли к английским. Обстановка в Европе накалялась, приближалась война.

Отсутствие нормальных дипломатических отношений России с Англией и Данией самым неблагоприятным образом влияло на экономические связи этих стран. Значительно сократился объем русско-английской торговли, хотя в своих декларациях русское правительство постоянно подчеркивало, что торговые отношения России и Англии не прерывались даже во время появлений военной английской эскадры в Балтийском море в 1726–1727 годах. Ослабление торгово-экономических связей с Россией беспокоило и датское правительство. К лету 1727 года и в Лондоне, и в Копенгагене пришли к выводу о необходимости восстановить дипломатические отношения с Россией. Одновременно с этим венские и ганноверские союзники готовились к созыву мирного Суассонского конгресса, чтобы отыскать пути «европейского умиротворения».

Международное положение летом 1727 года продолжало оставаться напряженным. Для России оно осложнилось еще и внутривосточными

событиями. Смерть Екатерины I 6 мая 1727 года и переход власти к малолетнему Петру II породили в Швеции надежды на внутреннюю смуту в России, а следовательно, и на возможность удачного военного реванша. Но эти шведские планы не были поддержаны ганноверскими союзниками Стокгольма. Отношения России с Турцией оставались натянутыми, в то время как в шведской столице распространялись слухи, что прибывший туда турецкий визирь ага Мустафа Козбекчи намеревается предложить Швеции союз с Турцией против России. В этих сложных условиях русская дипломатия разработала новый внешнеполитический курс, который можно охарактеризовать как примирительный: Россия не только не хотела войны для себя, но и стремилась не допустить ее между европейскими странами. В целом такая политика отвечала интересам страны, но реальные результаты она стала приносить лишь в начале 30-х годов XVIII века, когда удалось восстановить отношения с Англией и Данией.

Новая внешнеполитическая программа России была сформулирована А.И. Остерманом в июле-августе 1727 года и развита в письмах к Б.И. Куракину и А.Г. Головкину, русским уполномоченным на Суассонском конгрессе. Основные принципы ее таковы: «убежать от всего», что «могло нас в какое пространство ввести», то есть избегать любых военных столкновений; «освободиться добрым порядком» от имевшихся обязательств в отношении голштинского и мекленбургского дворов, а добившись этого — «возобновить прежнее согласие с дацким»; восстановить прежние дружеские отношения с Англией; «короля прусского искать присодержать, ибо, хотя и вспоможения великого от него ожидать невозможно, однако ж для других соседей пригодится»; с Австрией «оставаться в союзе» для решения турецких и иранских дел, а с другими соседями «искать дружбу и союз»²⁹. Эта примирительная программа постепенного сближения с Англией и Данией, дальнейшего укрепления русско-австрийского союза при ее реализации позволила бы России укрепить свои позиции на Балтике и в целом в Европе, а также приступить к решению «восточных» проблем.

Программа определила содержание инструкции А.Г. Головкину от 14 мая 1728 года на Суассонский конгресс (вторым уполномоченным был назначен Б.И. Куракин, но он умер в Париже до начала конгресса). По инструкции русским представителям надлежало добиваться прямого участия во всех переговорах держав, получить европейские гарантии русских границ, а в случае серьезных затруднений в отношении границ с Турцией и Ираном домогаться гарантий только западных рубежей. В голштинском вопросе предписывалось выступать согласованно с австрийскими дипломатами, в деле герцога — добиваться возвращения ему Шлезвига либо «достойного» за него «вознаграждения»; при этом подчеркивалось, что Россия не думает ни о какой военной помощи герцогу и не стремится возвести его на шведский престол. А.Г. Головкину надлежало дать понять

представителям Англии и Дании, что Россия желала бы восстановить с ними прежние дружественные отношения, основанные на взаимных торгово-экономических интересах³⁰.

Конгресс в Суассоне открылся 3(14) июля 1728 года. Продолжался он более года, но не принес ожидаемых результатов: всеобщего примирения европейских держав не состоялось и взаимные гарантии целостности территорий не были достигнуты. Более того, на конгрессе не обсуждалась большая часть намеченных вопросов. Официальное рассмотрение «северных дел» не состоялось, поэтому голштинский вопрос окончательного решения не получил. А.Г. Головкин столкнулся в Суассоне с серьезными препятствиями. При обмене полномочными грамотами между участниками конгресса возник вопрос о титуле российского императора, и затруднения в титулатуре (императорский титул за Петром II признали далеко не сразу) формально лишили Головкина права присутствовать на главных заседаниях конгресса, обострив и без того напряженные отношения со Швецией, поднимавшей вопросы о соблюдении всех формальностей.

Используя благоприятную для себя ситуацию, активизировалась англо-французская дипломатия, которой удалось расстроить австро-испанский союз. В ноябре 1729 года в Севилье Англия и Франция заключили договор с Испанией, в котором они уступали испанцам по всем спорным вопросам. Австрийская делегация в знак протеста покинула Суассонский конгресс. Таким образом, Венскому союзу был нанесен серьезный удар. С другой стороны, на Суассонском конгрессе и при заключении Севильского договора выявились глубокие политические и экономические противоречия между Англией и Францией — основными участницами Ганноверской лиги.

К началу 1730 года Венский и Ганноверский союзы формально продолжали существовать, но уже не представляли собой единых сплоченных блоков. Англия и Дания постепенно сближались с Австрией и стремились восстановить дипломатические отношения с Россией. Заметное улучшение наблюдалось и в русско-шведских отношениях. Франция фактически оказывалась в политической изоляции. В Европе складывалась новая расстановка сил, возникавшая в результате постепенного распада Венского и Ганноверского союзов.

2. Европейская политика России. Войны с Польшей и Турцией (30-е годы)

В начале 30-х годов XVIII века в Европе произошла существенная перегруппировка политических сил. Суассонский конгресс своих задач по примирению не выполнил. Скорее наоборот, в ходе его работы весьма четко выявились принципиальные противоречия внутри Венского и Ганноверского союзов. Швеция и Дания решительно отказались предоставить

вспомогательные войска согласно акцессионным трактатам, чего упорно добивался британский кабинет в связи с обострением англо-прусских отношений из-за Ганновера. Севильский трактат 1729 года между Англией, Францией и Испанией наглядно продемонстрировал непрочность Венского союза. Отношения между Австрией и Испанией продолжали накаляться и привели к военному конфликту, когда испанские войска были введены в Италию и стали угрожать австрийским границам.

Венский кабинет обратился тогда за помощью к России. Русское правительство заявило, что выполнит свои обязательства по союзному договору 1726 года, и к апрелю 1730 года 30-тысячный корпус был готов выступить в помощь австрийскому императору. Кроме того, русская дипломатия прилагала все усилия к «полюбовному окончанию» австро-испанского конфликта, понимая, что перспектива увидеть русские войска в Европе не очень вдохновляла севильских союзников Испании, поэтому они не горели желанием оказать ей военную помощь. Действия русских дипломатов были успешными и привели к быстрому урегулированию австро-испанского конфликта. 5(16) марта 1731 г. подписывается второй Венский союзный договор Австрии и Испании с Англией и Голландией. Заключение этого договора означало ликвидацию Севильского трактата, Ганноверского союза и северных трактатов (договоров ганноверских союзников с Данией и Швецией). Таким образом, Ганноверская лига прекратила свое существование³¹.

Русское правительство приветствовало распад Ганноверского союза. Теперь положение России в Европе и на Балтике существенно улучшилось. Русская дипломатия получила возможность сочетать необходимый для России союз с Австрией с улучшением отношений с Англией, Данией и Швецией. Эти положения легли в основу внешнеполитического курса петербургского кабинета. Франция, оставшаяся после ликвидации Ганноверского союза фактически в изоляции, начала активно укреплять «восточный барьер» против России и Австрии с помощью создания враждебного этим странам союза Швеции, Польши и Турции. Французская дипломатия превратилась в основного противника русской дипломатии как в Европе, так и на Востоке.

1730 год принес в европейские столицы интригующее известие о новом этапе борьбы политических группировок в России в связи со смертью Петра II, последовавшей 19 января 1730 года. Иностранных дипломатов, находившихся в России, чрезвычайно волновал вопрос о возможном изменении ее государственного устройства, поэтому они пытались весьма беззастенчиво вмешиваться в русские внутренние дела. Датский посланник Г.-Г. Вестфален на вопрос Д.М. Голицына, какую из двух форм правления — шведскую или английскую — он считает лучшей, поспешно ответил, что шведская форма правления «самая подходящая»³². Больше

всего европейская дипломатия опасалась «возведения на престол ребенка из Кия (будущего Петра III, сына дочери Петра I Анны и герцога Голштинского. — *Авт.*), под опекой принцессы Елизаветы»³³. Известие о том, что герцогиня Курляндская, племянница Петра I Анна Иоанновна согласилась занять престол при условии ограничения самодержавной власти и подписала предъявленные ей «кондиции», вызвало ликование в европейских кабинетах. Голштинец Г. Фик говорил: «Вот и империя всероссийская сделалась сестрицей Польши и Швеции»³⁴. Но по прибытии в Москву Анна Иоанновна публично разорвала «кондиции» и приняла самодержавную власть, опираясь на поддержку широких кругов мелкопоместного дворянства и офицерства. Таким образом, политические планы старой московской знати не осуществились, а вместе с ними исчезли надежды европейской дипломатии на возможность использования внутривнутриполитической борьбы в России в своих целях.

Не разрабатывая какой-либо новой внешнеполитической программы, правительство Анны Иоанновны приступило к реализации курса, намеченного вице-канцлером А.И. Остерманом еще в 1727 году. Тем не менее особой целеустремленностью осуществление этого курса не отличалось. Значительное влияние на его проведение оказывали фавориты императрицы, в первую очередь обер-камергер Э.-И. Бирон, а также иностранцы, занимавшие ответственные государственные посты и часто «путавшие» свои личные интересы и симпатии с интересами государства, на службе которого они находились. Так, например, если вице-канцлер А.И. Остерман был сторонником русско-австрийского союза, то член кабинета, фельдмаршал Б.Х. Миних считал его невыгодным для себя и России, поддерживая идею русско-французского сближения. Рассчитывать на союз с Францией в то время было нереально из-за слишком большого расхождения во внешнеполитических интересах и задачах обеих стран. Это не мешало Б.Х. Миниху в беседах с секретарем французского посольства М. Маньяком не только критиковать действия русских дипломатов, но и весьма откровенно посвящать французского представителя во внешнеполитические замыслы петербургского двора³⁵. Такие обстоятельства вряд ли способствовали успешному решению внешнеполитических задач страны.

Однако не следует все неудачи и промахи во внешней политике объяснять исключительно засильем иностранцев, которое было присуще периоду «бионовщины». Природная русская знать также не брезговала брать взятки и подарки от представителей иностранных держав и не отличалась особой щепетильностью в отношении государственной казны. Миних и Бирон принадлежали к эпохе, в которую личные и династические интересы становились довольно часто синонимами государственных, поэтому свои обязанности они выполняли так, как было им выгодно, а на деле государственные интересы и личные совпадали довольно редко,

и эффективность проводимого ими внешнеполитического курса была явно незначительной.

По мере распада Ганноверского союза наметилось улучшение отношений между Россией и Данией. Русское правительство отказалось от вооруженной поддержки претензий герцога Голштинского на Шлезвиг и сняло вопрос о беспошлинном проходе русских судов через Зунд, что, несомненно, наносило существенный ущерб развитию самостоятельной русской торговли в этом районе. Для петербургского кабинета было важно не допустить образования датско-шведского союза, который подрывал бы позиции России в Прибалтике в условиях сохранения напряженности в русско-шведских отношениях и активной поддержки Францией и Англией реваншистских планов шведского правительства.

В 1731 году Дания заявила о своем желании не только восстановить отношения с Россией, но и вступить с ней в тесный союз. В Копенгагене начались русско-датские переговоры, к участию в них была приглашена Австрия в соответствии с союзным договором 1726 года. 15(26) мая 1732 г. в Копенгагене подписывается русско-австро-датский союзный договор, по которому три страны взаимно гарантировали свои европейские владения: Дания и Австрия гарантировали России завоевания в Прибалтике, а Россия и Австрия гарантировали Дании обладание Шлезвигом; датский король обязался компенсировать голштинский дом за утрату Шлезвига выплатой суммы в 1 млн рейхсталеров; в случае если герцог не примет этого условия, то он теряет поддержку со стороны союзных держав³⁶. Герцог не принял денежного вознаграждения и потерял надежду на содействие России и Австрии в своих претензиях, гарантия же на его владение Шлезвигом была отменена³⁷. Копенгагенский договор 1732 года существенно способствовал укреплению позиций России на Балтике, служил значительным противовесом антирусской реваншистской политике шведских правящих кругов, а в апреле 1733 года был дополнен русско-датской конвенцией об условиях взаимной помощи. Таким образом, российской дипломатии удалось оторвать Данию от Франции и Англии и включить ее в союз с Россией и Австрией³⁸.

Непосредственным результатом ликвидации Ганноверской лиги и образования в 1731 году англо-австрийского союза стало улучшение русско-английских отношений на основе взаимной заинтересованности в расширении торгово-экономических связей. В 20-е годы XVIII века Англия оставалась одной из самых непримиримых противниц России в Европе. Британское правительство опасалось роста политического и военно-морского могущества России, а также никогда не существовавшей «русской угрозы» Ганноверу — наследственному владению английского короля и форпосту английской дипломатии в Европе. Лондонский кабинет боялся потерять посредническую роль в русской внешней торговле и оказаться в значительной зависимости от экспорта русских кораблестроительных

материалов. Отсутствие нормальных дипломатических отношений и сокращение торговых оборотов наносили ущерб обеим сторонам и противоречили их экономическим интересам. На протяжении 20-х годов XVIII века вопрос о восстановлении дипломатических отношений между Россией и Англией поднимался неоднократно: в 1728 году в Петербург прибывает английский консул Т. Вард и с ним секретарь К. Рондо, в марте будущего года ставший английским консулом.

В это время усилилась заинтересованность европейских держав — не только Англии, но также Франции и Голландии — в заключении торговых соглашений с Россией. Но серьезными конкурентами англичан могли стать только голландцы, так как политика «восточного барьера», проводимая тогда версальским двором, исключала возможность заключения русско-французского торгового соглашения. Весной 1729 года английский консул К. Рондо предложил петербургскому кабинету заключить контракт на поставку английских сукон для гвардии и всех армейских полков, принимая в уплату за них не деньги, а русские товары. Русское правительство одобрило британский проект, считая его для себя выгодным: из страны не происходила утечка звонкой монеты³⁹. Усматривая в Англии сильного соперника, европейские дипломаты стремились помешать наметившемуся русско-английскому сближению. Испанский посланник Я. де Лириа откровенно признавался, что «работал... против англичан», в том же русле действовали и австрийские дипломаты⁴⁰. Прусский посланник барон Аксель Мардефельд, чтобы не допустить реализации британских планов, сделал петербургскому кабинету аналогичное предложение от имени прусской торговой компании⁴¹. Переговоры России и Англии способствовали нормализации отношений двух стран, хотя в дальнейшем русское правительство не отдавало предпочтения исключительно английским товарам.

В ноябре 1731 года лондонский кабинет назначил Клавдия Рондо английским посланником в России (Т. Вард умер в начале года). Русским представителем в Англии стал Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744), прибывший в Лондон весной 1732 года. Талантливый дипломат, поэт, тонкий и умелый политик, Кантемир занимал ответственный пост русского посла в Англии в течение 1732–1738 годов, твердо и неукоснительно отстаивая и защищая политические и экономические интересы России в сложной и противоречивой международной обстановке тех лет⁴².

Восстановление русско-английских дипломатических отношений способствовало активизации политических и экономических связей двух стран. Вырос объем русско-английской торговли. Уже в 1731 году возобновились переговоры о заключении торгового соглашения, в ходе которых А.И. Остерман тщетно пытался склонить британских дипломатов и к заключению политического договора, рассматривавшегося русской дипломатией как способ предотвращения угрозы шведского реванша. Попытки

заключить союзный договор с Англией продолжались и в дальнейшем, причем в этом вопросе Остерман рассчитывал на поддержку австрийской дипломатии. Но в тот период лондонский кабинет стремился ограничить русско-английские отношения только сферой экономических связей. Таким образом, русско-английское сближение не означало примирения британского кабинета с внешнеполитическим курсом России, особенно с его балтийской политикой: в Англии не собирались оказывать содействие внешнеполитическому усилению России⁴³.

Русско-английские торговые переговоры тоже шли отнюдь не гладко и продолжались не один год. Договор о дружбе, взаимной торговле и навигации сроком на 15 лет был подписан в Петербурге 2(13) декабря 1734 г.⁴⁴ На его подписание повлияли, с одной стороны, значительное ухудшение русско-турецких отношений, с другой — энергичное вмешательство Бирона, получившего от англичан взятку в 100 тыс. рублей. Согласно договору, английским купцам были предоставлены право наибольшего благоприятствования и значительные таможенные льготы при ввозе в Россию английских сукон. Кроме того, разрешена транзитная торговля с Ираном через территорию России (этого права британские купцы добивались более ста лет). Вмешательство Бирона принесло-таки свои отрицательные результаты: будучи очень выгодным для Англии, торговый договор наносил серьезный ущерб интересам русского купечества. Это положение была вынуждена признать даже Коммерц-коллегия, подчеркнувшая в своем докладе, что транзитная торговля с Ираном через Россию наносит урон интересам страны, ведь Россия сама была заинтересована в развитии экономических связей с восточными странами, а условия договора с Англией несли убытки русским купцам⁴⁵.

Но политические последствия русско-английского сближения и подписания торгового договора оказались все-таки положительными для России. Британский кабинет отказался от проведения враждебной России ганноверской политики, а Швеция и Дания лишились надежды на помощь английского флота в Балтийском море. Это послужило одной из причин временного умиротворения Севера и объективно способствовало укреплению балтийских и европейских позиций России, умеряя реваншистские планы шведского правительства и способствуя нормализации русско-шведских отношений.

В Швеции внимательно следили за развитием русско-английских переговоров, все больше признавая поэтому необходимость нормализации отношений с Россией. Тогда в Стокгольме усилилась напряженная борьба русской и французской дипломатии за то, чтобы склонить шведское правительство на свою сторону. Для России добрососедские отношения со Швецией являлись необходимой гарантией стабильного положения на Балтике, развития взаимовыгодных торговых связей и возможности

сосредоточить основное внимание на решении восточных проблем. Версальский двор рассматривал Швецию как одно из главных звеньев в политике «восточного барьера». Шведское правительство в сложившейся ситуации могло балансировать между европейскими державами и остановить свой выбор на той стране, союз с которой обещал наибольшую выгоду, в том числе и денежные субсидии.

Французская дипломатия усиленно трудилась над созданием союза Франции, Дании и Швеции, направленного против интересов России. Версальский двор обещал Швеции ежегодные субсидии по 100 тыс. талеров в течение трех лет. Но союз с Данией требовал от шведского правительства гарантии ей Шлезвига, что существенно укрепляло датские позиции в Европе и противоречило договорам Швеции с другими странами. Кроме того, в Копенгагене полным ходом шли переговоры с Россией и Австрией, и датское правительство явно склонялось в сторону союза с этими державами. Англия состояла в союзе с дружественной России Австрией, поэтому обещание французских субсидий не смогло компенсировать того обстоятельства, что Франция оказалась в определенной изоляции и союз с ней в данный момент не сулил Швеции особых выгод.

В 1731 году шведские сенаторы пришли к заключению о необходимости активизировать торговые связи с Россией и восстановить с ней дружественные отношения. Петербургский кабинет также стремился к возобновлению союза со Швецией, хотя и не предполагал предоставлять ей какие-либо субсидии. В апреле 1732 года для ведения переговоров о заключении союзного договора в Стокгольм направляется посол М.П. Бестужев. Несмотря на взаимную заинтересованность в восстановлении более тесных отношений, русско-шведские переговоры шли трудно и медленно. В значительной степени их осложняли французские дипломаты, стремившиеся любыми путями не допустить нормализации отношений между Россией и Швецией. Французские обещания поддержать все реваншистские планы шведов находили скрытое одобрение многих членов стокгольмского кабинета. Шведское правительство поэтому заняло выжидательную позицию в период обострения русско-французских отношений во время войны за Польское наследство 1733–1735 годов.

Лето 1735 года ознаменовалось дипломатической и военной победой России в Польше, а также дальнейшим улучшением русско-английских отношений. Английский посол в Швеции Э. Финч стал активно поддерживать русских дипломатов во время их переговоров в Стокгольме. Принимая все это во внимание и преодолевая энергичные протесты со стороны Франции и сопротивление внутренней оппозиции, шведское правительство решилось возобновить русско-шведский союз.

Русские позиции в это время при переговорах в Швеции тоже претерпевали определенные изменения. Русское правительство наконец согла-

силось уплатить шведский «голландский долг» (долг Карла XII, взятый им у Голландии в 1702 г. на 12 лет; в уплату этого долга король уступил доходы с рижской таможни, но с момента завоевания Риги русскими в 1710 г. выплата долга прекратилась; к 1729 г. его сумма вместе с процентами достигла почти 125 тыс. талеров). Кроме того, предлагалось считать недействительным секретный артикул о гарантиях герцогу Голштинскому Шлезвига, но высказывалось пожелание сохранить другой секретный артикул — о гарантиях польского государственного устройства⁴⁶. На изменение позиции России непосредственное влияние оказывали нарастание угрозы турецкого нападения и необходимость обеспечить «шведский тыл» в случае войны на юге.

Русско-шведские переговоры успешно завершились возобновлением 5 августа 1735 года. Стокгольмского союзного договора 1724 года сроком на 12 лет. Текст нового договора оставался идентичен трактату 1724 года, за исключением секретных статей о Шлезвиге и Польше и добавления двух новых «секретных артикулов» — об уплате Россией «голландского долга» Карла XII и о беспошлинном вывозе из России товаров (зерно, лес, пенька) на сумму 100 тыс. рублей. Хотя договор включал в себя некоторые статьи, которые явно не соответствовали интересам России, возобновление военно-политического союза со Швецией стало несомненным успехом русской дипломатии: союз стабилизировал русские позиции в Прибалтике, обезопасил западные и северо-западные границы страны в условиях обострения русско-турецких отношений⁴⁷.

Одним из важных аспектов европейской политики России в рассматриваемый период были отношения с Польшей. Их значимость обуславливалась многими факторами: во-первых, граница с Польшей была одной из наиболее протяженных русских границ на западе; во-вторых, по-прежнему стояла задача воссоединения тех украинских и белорусских земель, которые еще оставались под властью Польши; в-третьих, Польша была одним из основных звеньев враждебного России французского «восточного барьера».

В это время в Польше сохранялась дворянская «республика», поэтому выборы очередного короля давали иностранным державам большие возможности для вмешательства во внутренние дела страны путем утверждения на польском престоле своего ставленника. В начале 30-х годов польские проблемы оказались в центре внимания европейской дипломатии в связи с ухудшением здоровья короля Августа II. Австрия, Швеция и Пруссия даже стали обсуждать проекты раздела Польши в случае его смерти. Русское правительство отрицательно отнеслось к этой идее⁴⁸.

Русско-польские отношения в те годы носили сложный характер и часто бывали далеки от дружелюбия. Польское правительство намеревалось удержать за собой Правобережную Украину и Белоруссию, оттягивало

признание императорского титула за русскими царями, отказывалось гарантировать русские завоевания в Прибалтике: оно само претендовало не только на Лифляндию, но и на Курляндию⁴⁹. Именно поэтому для петербургского двора был небезразличен вопрос о том, кто займет польский престол, а одной из главных задач русской внешней политики в отношении Польши являлось сохранение польской шляхетской «республики» со всеми ее атрибутами, что позволяло оказывать несомненное влияние на выборы короля; царская Россия не хотела усиления Польши и установления там абсолютизма⁵⁰.

1 февраля 1733 года умер польский король Август II. Это известие прозвучало в европейских столицах призывом к началу войны за польское наследство. Вопрос о новом польском короле обсуждался правительствами европейских стран еще задолго до смерти Августа II. Франция и Швеция активно выдвигали своего ставленника — Станислава Лещинского, тестя французского короля Людовика XV. Россия стремилась утвердить на польском престоле дружественного ей кандидата, поддерживая Саксонского курфюрста Августа, сына Августа II.

Еще в декабре 1732 года в Берлине между Россией, Австрией и Пруссией был подписан договор, по которому договаривающиеся стороны обязывались сохранять внутреннее устройство Польши и не допускать на польский престол ставленника Франции. В качестве нового польского короля предлагалась кандидатура португальского принца Эммануила. Но этот договор фактически в действие так и не вступил: венский договор его не ратифицировал. Кроме того, после смерти Августа II стало совершенно очевидно, что португальский принц не имеет никаких шансов стать королем Польши. Только партия Саксонского курфюрста могла реально противостоять Станиславу Лещинскому и его сторонникам. Партия Лещинского располагала в Польше очень большим влиянием и материально поддерживалась Францией через ее посла в Варшаве. Поэтому Лещинский, тесно связанный с французскими, шведскими и турецкими интересами, был враждебен как России, так и Австрии⁵¹.

Поддерживая саксонского курфюрста, петербургский двор требовал, чтобы он, получив польскую корону, отказался от притязаний на Лифляндию и оставил в неприкосновенности форму правления в Курляндии. Вначале Август отказался брать на себя какие-либо обязательства, но, убедившись, что без поддержки России и Австрии он проиграет в борьбе с Лещинским, согласился на переговоры.

19 августа 1733 года русский представитель Ф.К. Левенвольде, австрийский посол граф Вильчек и саксонские комиссары подписали договор о заключении оборонительного союза сроком на 18 лет. Союзники гарантировали европейские владения друг друга и обязывались предоставить в случае необходимости взаимную военную помощь. Саксонский курфюрст

признавал императорский титул за Анной Иоанновной, а по получении польского престола обязался добиться признания этого титула и Польшей. Август обещал не претендовать на Лифляндию и сохранить старый образ правления в Курляндии и Польше. Россия, в свою очередь, обязалась содействовать курфюрсту в восшествии на польский трон дипломатическим путем, деньгами, а в случае необходимости и военными силами⁵². Венский двор брал на себя обязательство склонить Англию к устранению Лещинского от борьбы за польскую корону. Особого успеха эта дипломатическая акция не имела, английское правительство заявило о нейтралитете и не вмешивалось в польский конфликт. Тем не менее оно все же удержало Швецию от оказания военной помощи Франции и Лещинскому в войне за Польское наследство⁵³.

В сентябре 1733 года в Варшаве собрался элекционный (избирательный) сейм, который в результате обильных французских подкупов большинством голосов избрал королем Станислава Лещинского. Несогласное с результатами выборов меньшинство после вооруженного столкновения со своими противниками ушло в предместье Варшавы Прагу и готовилось к продолжению борьбы. Армией Лещинский не располагал, поэтому в конце сентября он уехал в Гданьск, где ожидал помощи от французского флота и действий в его поддержку Швеции, Турции и Пруссии.

Но в Берлине и в Стамбуле предпочитали занять выжидательную позицию и заявили, что будут придерживаться нейтралитета в польских делах. Шведское правительство не решилось без созыва риксдага предоставить Лещинскому вспомогательные войска, а в ноябре, прислушиваясь к советам английского посла, заявило французским и польским представителям об отказе открыто помогать Лещинскому. Отъезд Лещинского в Гданьск позволил его противникам организационно оформиться и приступить к активным действиям. Они обратились к русскому правительству с «Декларацией доброжелательных», в которой утверждали, что правам и вольностям Польши угрожают сторонники Франции, и просили Россию, Австрию и Пруссию защитить польскую форму правления. Таким образом, царское правительство получило основание для непосредственного вмешательства в польские дела⁵⁴.

Вопрос о таком вмешательстве обсуждался в Петербурге на совещании кабинет-министров с членами Сената и генералитета еще в феврале, когда была принята резолюция: в случае необходимости употребить для решения польских проблем и военные средства. С этой целью весной 1733 года вдоль польской и литовской границы были выставлены войска, которые в августе получили приказ выступить в Литву.

20 сентября 1733 года близ варшавского предместья Праги был сосредоточен 20-тысячный русский корпус под командованием генерала П.П. Ласси для поддержки саксонского курфюрста при его избрании на

польский трон. 24 сентября (5 октября) 1733 года в Грохове (под Варшавой) польским королем был избран Август III. Русские войска оставались в окрестностях Варшавы до конца года, когда они получили приказ направиться к Гданьску, где укрывался Лещинский. Началась вооруженная борьба, затянувшаяся на два года.

В Гданьске сосредоточились сторонники Лещинского, которые надеялись на поддержку Франции, рассчитывая, что французские войска займут Саксонию и вынудят Августа III отказаться от польского престола, в то время как французские военные корабли придут для защиты Гданьска. В январе 1734 года русские войска заняли Торн, жители его присягнули Августу III, а затем войска подошли к Гданьску и осадили его. Но малочисленность русской армии, недостаток средств для осады и неблагоприятное время года не позволили овладеть городом. Замедление военных действий вызвало недовольство в Петербурге, генерал П.П. Ласси был отозван, а его место занял фельдмаршал Б.Х. Миних, который начал активную подготовку к взятию Гданьска.

Попытки французской дипломатии добиться помощи Лещинскому со стороны Пруссии, Швеции и Турции успеха не имели. Версальскому двору пришлось защищать своего ставленника собственными силами. В апреле 1734 года в Балтийском море появилась французская эскадра в составе 11 кораблей. В мае на помощь войскам, осаждавшим Гданьск, из Кронштадта вышел русский флот в составе 14 линейных кораблей, 9 фрегатов и нескольких мелких судов. Французская эскадра была обращена в бегство, а двухтысячный десант взят в плен и отправлен в Петербург. В июле Гданьск капитулировал и признал власть Августа III. Станислав Лещинский бежал в Пруссию. Война за польское наследство завершилась в 1735 году признанием правящей аристократической верхушкой Польши Августа III, поддерживаемого Россией и Австрией.

Обострение отношений Франции и Австрии из-за польских проблем привело в 1733 году к войне между этими странами, что помешало венскому двору оказать России военную помощь. Более того, в ходе Австро-французской войны 1733–1735 годов австрийские войска потерпели существенное поражение. Поэтому осенью 1734 года австрийское правительство обратилось к России за военной помощью, согласно русско-австрийскому союзному договору. Петербургский кабинет направил в июне 1735 года на Рейн 20-тысячный корпус под командованием П.П. Ласси на помощь австрийцам. Вмешательство России в австро-французский конфликт способствовало его быстрому завершению и подписанию в октябре предварительных условий мира.

В войне за польское наследство Россия одержала военную и дипломатическую победу. Утверждение на польском престоле Августа III отвечало интересам России и укрепляло ее позиции в Польше. Потерпев поражение,

версальский двор не оставил попыток восстановления в Польше своего влияния. Главные усилия его теперь были направлены на поощрение агрессивных устремлений против России правящих кругов Турции и Швеции, что конкретно воплотилось в деятельности французской дипломатии в период Русско-турецкой (1735–1739 гг.) и Русско-шведской (1741–1743 гг.) войн. В проведении политики «восточного барьера» версальский двор отныне стремился заменить Польшу Пруссией, которая постепенно превращалась в сильную военную державу, становясь опасным противником для Австрии и России.

1735 год был ознаменован возобновлением борьбы России с Турцией: Россия добивалась выхода в Черное море, упрочения положения на Азовском и Черном морях, укрепления своих южных границ. Для разрешения этих задач с начала 30-х годов она проводила длительную и тщательную дипломатическую подготовку. Сближение с Англией и Данией, дружественная обстановка в Польше (после избрания Августа III), возобновление союза со Швецией (1735 г.), подписание с Ираном Рештского (1732 г.) и Гянджинского (1735 г.) договоров (включавших обязательство Ирана действовать против турецкого султана в случае нападения на Россию) создали благоприятную политико-дипломатическую ситуацию перед началом войны с Турцией.

Турецкий султан, узнав о возвращении Россией всех прикаспийских провинций Ирану по Гянджинскому договору, спровоцировал нападение татар на Кабарду и Дагестан, а также поход крымского хана Каплан-Гирея в 1735 году через принадлежавшие России области в Закавказье. Этот поход, нарушивший Константинопольский русско-турецкий договор 1724 года, фактически явился началом Русско-турецкой войны 1735–1739 годов.

В 1735 году Россия не была еще готова к войне с Турцией. Тогда она всячески стремилась избежать военных действий, но в случае, если добиться этого не удастся, предусматривала использование выгодной международной обстановки для возвращения Азова, отмены Прутского договора 1711 года и обеспечения безопасности своих южных рубежей.

Формальное объявление войны Турции произошло весной 1736 года. Во главе русских войск стоял генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних. Под его командованием русские войска в течение войны взяли Азов, Очаков, Хотин, Яссы и дважды занимали Крым.

События на фронтах русско-турецкой войны вызывали оживленные отклики в европейских столицах, дипломатические представители которых пристально наблюдали за развитием военных действий. Русское правительство особенно интересовала позиция Швеции, ибо Россия опасалась, и не без оснований, шведской диверсии на северо-западе с целью возвращения Прибалтики и помощи туркам, что создало бы серьезную угрозу русским — необходимость ведения войны на два фронта. Поэтому

русское правительство добилось важного дипломатического успеха перед началом Русско-турецкой войны — восстановления военно-политического союза со Швецией (август 1735 г.).

Союзником России в Русско-турецкой войне была Австрия. В силу условий русско-австрийского союзного договора 1726 года русское правительство потребовало от Австрии ее военного вмешательства в турецкий конфликт. Но Вена затягивала переговоры о военной помощи России, и только в январе 1737 года подписывается конвенция о совместных военных действиях против Турции.

В середине того же года по инициативе Турции предпринимается попытка мирного урегулирования конфликта с Россией. С 16 августа по 11 ноября в украинском местечке Немирово состоялся конгресс русских, турецких и австрийских представителей. Турки, однако, под дипломатическим воздействием Франции отклонили территориальные и другие требования России и покинули зал заседаний. Военные действия возобновились.

Летом 1738 года наметилось некоторое потепление в отношениях России с Францией и они обменялись послами. Выдающийся дипломат А.Д. Кантемир направился из Англии (где он был аккредитован ранее) в Париж. Его акции во французской столице имели несомненный успех: в июле — октябре этого же года Франция приступила к посредническим переговорам с Турцией о примирении ее с Россией.

Победы русских войск над турками при Ставучанах, овладение Хотинном и Яссами обозначили коренной перелом в ходе войны. Турки склонились к примирению. 18(29) сентября 1739 года в Белграде был подписан русско-турецкий мирный трактат. При подписании в качестве уполномоченного выступал французский посол Луи Вильнёв. По трактату Россия возвратила себе Азов (без права вооружения его) и получила право построить крепость на донском острове Черкасе, а Турция — в устье Кубани; Большая и Малая Кабарда объявлялись независимыми (нейтральным барьером между обеими державами). России запрещалось держать флот на Азовском и Черном морях; торговля через Черное море могла вестись лишь на турецких кораблях. Война с турками, с помощью которой Россия пыталась пробиться к Черному морю, не привела к желаемым результатам. Условия Белградского мира 1739 года были аннулированы только после блестящих побед России в турецкой войне 1768–1774 годов по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года.

Несмотря на ограничительную политику Франции и выход Австрии из войны с Турцией, Россия по Белградскому миру все же продвинула свои южные границы по обоим берегам Днепра, но до моря оставалось еще большое пространство. Победы над Турцией в 1739 году сыграли и определенную положительную роль в борьбе России за упрочение своего международного положения и усиление политического влияния.

В октябре 1740 года умирает императрица Анна Иоанновна. С ее смертью ушло в прошлое весьма сумрачное десятилетие внутренней истории России («бироновщина»), связанное с обстановкой всеобщей подозрительности и страха. Результаты же внешнеполитической деятельности ее правительства носили противоречивый характер: с одной стороны, основные задачи и направления внешнеполитической программы были восприняты вполне правильно, они отвечали коренным интересам России; с другой стороны, на проведение внешнеполитического курса серьезное влияние оказывали политическая борьба дворянских группировок и своекорыстные интересы фаворитов и временщиков, что заметно снижало результативность проводимой политики.

3. Международные дела России в правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)

Начало 40-х годов в Европе ознаменовалось войной за австрийское наследство (1740–1748 гг.), в которую оказалось втянуто большинство стран континента. Война была вызвана обострением двух узлов противоречий: первый был связан с борьбой Англии и Франции за колониальные владения в Америке и Индии и за господство на морях; второй — обусловлен соперничеством Франции, Пруссии, Испании с Австрией за преобладающее влияние в Европе. Основным объектом этих споров стали Германия и прилегающие к ней области, то есть владения императора Священной Римской империи германской нации.

Этот пышный титул принадлежал австрийскому императору Карлу VI Габсбургу, который все свое правление провел в весьма безуспешных попытках собрать и сплотить воедино немецкие земли и княжества, составлявшие Священную Римскую империю. Положение императора осложнялось и тем, что он не имел сыновей: еще в 1713 году принимается Прагматическая санкция, согласно которой престол передавался его старшей дочери Марии-Терезии; Карлу VI удалось в 1726 году получить от большинства европейских держав подтверждение гарантий этой Прагматической санкции. Тем не менее смерть его в октябре 1740 года послужила сигналом для обострения борьбы Франции и Австрии за ведущее положение в Европе, для постановки вопроса о гегемонии Пруссии или Австрии в германских землях.

Непосредственную военную агрессию, однако, начала не Франция, а Пруссия, превратившаяся в начале 40-х годов в достаточно сильное военно-феодальное государство, активно соперничавшее с Австрией в Европе. Недавно вступивший на престол прусский король Фридрих II был неординарной личностью своей эпохи, обладал незаурядными способностями: будучи наследником престола, он увлекался философией, прекрасно

владел французским языком и ему не были чужды идеи Просвещения. Став королем, он расстаётся с идеалами юности, отдавая предпочтение милитаристской, шовинистической философии прусского юнкерства. Создав сильную, хорошо вымуштрованную армию, где царила жесткая дисциплина, Фридрих II начал расширять свои территории и увеличивать богатство путем захвата и грабежа чужих земель.

Через два месяца после смерти Карла VI, в декабре 1741 года, Пруссия, один из гарантов Прагматической санкции, захватила Силезию, входившую в состав Австрийской империи. Первоначальные расчеты Фридриха II на то, что в данный момент сопротивление его агрессивным планам не окажет ни одна великая европейская держава, оправдались: Англия и Франция тогда были поглощены взаимным соперничеством. Кроме того, версальский двор сам стремился ослабить позиции австрийских Габсбургов в Европе, поэтому в мае 1741 года он заключил союз с Испанией и Баварией, основной целью которого являлось превращение Австрии во второстепенную державу; к этому союзу вскоре примкнули Саксония, Неаполь, Пьемонт и Модена, в свою очередь, посчитавшие себя «наследниками» Карла VI. Таким образом, война за австрийское наследство превратилась в крупный общеевропейский конфликт⁵⁵.

Россия тоже выступала гарантом Прагматической санкции и союзницей Австрии, ее позиция в возникшем конфликте была важна для всех его участников. Как раз в это время в Петербурге вновь обострилась борьба дворянских группировок. Дворцовый переворот 25 ноября 1741 года привел к власти младшую дочь Петра I Елизавету. Задачи, вставшие перед ее правительством в области внешней политики, в принципе были не новы. Важнейшие из них — сохранение и укрепление политических, экономических и стратегических позиций на Балтике; расширение и развитие политических и торгово-экономических отношений с европейскими странами, а также оказание противодействия возможному складыванию в Европе антирусской коалиции. В момент прихода к власти Елизаветы внешнеполитические дела находились в сложном и запутанном состоянии. Особого внимания и незамедлительного решения требовали вопросы, связанные с русско-прускими и русско-шведскими отношениями.

Планируя захват у Австрии Силезии, Фридрих II весьма верно рассчитал, что правящие круги России, поглощенные внутренней борьбой за власть в связи со смертью императрицы Анны Иоанновны, не будут уделять должного внимания внешнеполитическим проблемам и не окажут реальной помощи своей союзнице Австрии. Тем не менее прусский король все же опасался, что нейтралитет России будет недолгим и непрочным. В конце декабря 1740 года прусской дипломатии удалось убедить петербургский кабинет в необходимости заключения русско-пруского союзного и оборонительного договора, причем известие о вторжении прусских войск

в Силезию было получено в Петербурге одновременно с подписанием там 16(27) декабря 1740 года этого договора. Данное соглашение поставило Россию в двусмысленное положение: она оказалась в союзе с обоими враждующими государствами и не могла активно противостоять прусской агрессии и помогать Австрии, не нарушая при этом союза с Пруссией.

Еще более запутанными были отношения России со Швецией. Используя постоянное стремление части шведских правящих кругов к пересмотру итогов Северной войны и условий Ништадтского мира 1721 года, к возвращению Швеции былых позиций на Балтике, Франция подталкивала шведское правительство к войне с Россией. Непрекращавшиеся антирусские интриги французской дипломатии всецело поддерживались Пруссией, ибо Фридрих II считал, что война со Швецией свяжет руки России и не позволит ей оказывать реальную помощь Австрии.

Заклячая союзный договор с Пруссией в декабре 1740 года, петербургский кабинет в первую очередь А.И. Остерман и Б.Х. Миних, рассчитывал получить ближайшего к прибалтийским областям союзника в условиях обострения отношений со Швецией. На деле же это оказалось весьма недальновидным шагом: пассивная политика в начавшейся войне за австрийское наследство объективно содействовала прусской агрессии, а прусские дипломаты старательно провоцировали Швецию на выступление против России. В январе 1741 года Франция и Пруссия заключили договор, согласно которому Пруссия обещала не препятствовать Швеции в возвращении ей прибалтийских провинций. Одновременно французские дипломаты настойчиво пытались склонить Турцию к нападению на Россию в преддверии русско-шведской войны.

Во время Русско-шведской войны (1741–1743 гг.) Турция не выступила против России, она тогда опасалась нашествия иранского шаха Надира. Версальский же двор оказывал Швеции постоянную материальную помощь, заключая договоры о субсидиях, которые позволили шведскому правительству систематически увеличивать вооружения. Решив воспользоваться весьма благоприятной политической обстановкой, Швеция в конце июля 1741 года объявила России войну с целью вернуть утраченные после Северной войны территории, но ход военных действий не принес ей ожидаемых результатов. Более того, дела в Финляндии складывались для Швеции далеко не лучшим образом: поражение следовало за поражением. С началом войны выявила себя сомнительная ценность союза с Пруссией: в сентябре Фридрих II отказался предоставить России военную помощь, мотивируя это тем, что он уже воюет с Австрией, поэтому русско-пруссские отношения заметно ухудшились.

В первые полгода правления существенное влияние на Елизавету оказывали представители так называемой французской партии (в нее входили такие влиятельные люди, как лейб-медик императрицы И.Г. Лесток,

обер-гофмаршал О.-Ф. Брюммер, а несколько позже и принцесса Иоганна Елизавета, мать невесты великого князя Петра Федоровича Софии-Фредерики, будущей Екатерины II), созданной усилиями французского посла в Петербурге Ж.-И. Шетарди. Прибыл он в Россию в конце 1739 года. В его задачу входило ослабление влияния в Петербурге венского двора и разрушение русско-австрийского союза. С началом войны за австрийское наследство послу предписывалось любой ценой втянуть Россию в этот конфликт на стороне Фридриха II. А так как брауншвейгское семейство и А.И. Остерман являлись яркими сторонниками союза с Австрией, то Шетарди надлежало поддерживать партию Елизаветы Петровны и принять участие в подготовке переворота в ее пользу. Видя, что военные действия против России не приносят Швеции успеха, версальский двор решил выступить посредником в мирных переговорах России и Швеции.

Французское правительство полагало, что Елизавета захочет поскорее завершить войну со Швецией в целях упрочения своего положения на престоле. Шетарди, будучи активным участником переворота и пользовавшийся большим расположением Елизаветы, казалось, мог убедить ее в невозможности «заключить мир без предварительной уступки Россией всего, что она имеет на Балтийском море». Но ожидания французской партии не оправдались: несмотря на расположение Елизаветы и к Шетарди и к Лестоку и рост их влияния при дворе, оно не распространялось ни на ее планы, ни на практические дела русской дипломатии⁵⁶.

Разработка внешнеполитической программы елизаветинской эпохи и деятельность русской дипломатии этого времени связаны с именем умного, проницательного политика и опытного дипломата канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (1693–1766). На дипломатическую стезю Бестужев вступил еще при Петре I, когда в 1712 году присутствовал на Утрехтском конгрессе. Оказавшись в центре острых дипломатических переговоров ведущих европейских государств, молодой дипломат старался изучить и проанализировать важнейшие европейские проблемы, стремясь выявить будущих союзников и потенциальных противников России. По повелению Петра I он несколько лет провел на службе у курфюрста Ганновера, а позже — у английского короля Георга I, что сделало его убежденным англофилом.

Последующие годы оказались насыщенными активной дипломатической деятельностью: А.П. Бестужев был представителем России в Стокгольме, Гамбурге, Копенгагене, а также в Нижне-Саксонском округе. В 1740 году его вызвали в Петербург и назначили по предложению Бирона кабинет-министром на место казненного противника «бионовщины» А.П. Волинского, который во главе кружка дворян составлял проекты государственного переустройства. Первый министерский опыт А.П. Бестужева был недолгим и едва не стоил ему жизни. В результате переворота,

свергнувшего ненавистного русскому дворянству Бирона, Бестужев не только лишился своего поста, но и был привлечен к суду и приговорен к четвертованию. Но Анна Леопольдовна, бывшая недолгое время на престоле, заменила ему казнь ссылкой в Белозерский уезд. Вскоре Бестужев был оправдан, но от дел отстранен³⁷.

После прихода к власти Елизаветы Шетарди и Лесток, спешно подыскивая замену отправленному в ссылку А.И. Остерману, вспомнили о А.П. Бестужеве. Его кандидатура казалась им вполне подходящей: он не принимал участия в перевороте, возведшем Елизавету на престол, и поэтому, с точки зрения французской партии, не мог рассчитывать ни на влияние при дворе, ни на благосклонность императрицы. Вот почему Шетарди и Лесток полагали, что смогут контролировать деятельность обязанного им всем Бестужева, который был возвращен ко двору, награжден орденом Андрея Первозванного, назначен сенатором, а затем вице-канцлером. Шетарди даже советовал Елизавете поскорее официально назначить его канцлером вместо престарелого и давно отошедшего от дел А.М. Черкасского.

Проблемы русско-шведских отношений в это время были первостепенными, с решением которых теперь столкнулся А.П. Бестужев в качестве фактического главы русской дипломатии. Хотя его внешнеполитическая программа полностью еще не сформировалась, вице-канцлер имел вполне определенные, сложившиеся взгляды на основные задачи русской дипломатии, на цели и методы деятельности ее противников и возможных союзников. Когда Шетарди попытался уговорить Елизавету начать мирные переговоры со шведами на условиях пересмотра решений Ништадтского договора, то получил решительный отказ. «Что скажет народ, увидя, что иностранная принцесса (Анна Леопольдовна. — *Авт.*), мало заботившаяся о пользах России и сделавшаяся случайнр правительницей, предпочла, однако, войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра для прекращения той же самой войны соглашается на условия, противные столько же благу России, сколько славе ее отца и всему, что было куплено ценою крови ее подданных для окончания его трудов»³⁸, — подчеркнула императрица Елизавета. Бестужев полностью разделял эту точку зрения, будучи твердо убежден, что «невозможно начать никаких переговоров иначе, как приняв в основания Ништадтский мир»³⁹. Но версальский двор, следуя своей внешнеполитической доктрине, поддерживал территориальные притязания Швеции, стремясь к пересмотру итогов Северной войны не в пользу России, поэтому посреднические услуги Шетарди при русском дворе не могли иметь успеха.

В конце января 1742 года в Петербурге на Конференции высших сановников государства принимается решение о продолжении войны со Швецией «со всей возможной настойчивостью, так как ее нельзя предугадать при содействии и посредничестве» Франции, поэтому военные

действия должны побудить шведов начать прямые переговоры о мире⁶⁰. Летом того же года между Россией и Швецией возобновились военные действия, которые закончились практически полным разгромом шведской армии. Эти события привели к резкому обострению внутривнутриполитической обстановки в Швеции. Попытки французской дипломатии подтолкнуть турецкое правительство одновременно со Швецией начать войну с Россией успеха не достигли. Тем временем перехваченные и переданные австрийцами русскому правительству депеши французских дипломатов, содержащие подстрекательные «советы» Турции, произвели неблагоприятное впечатление на Елизавету и охладил ее французские симпатии⁶¹. В данных условиях шведское правительство стремилось поскорее закончить войну.

В августе 1743 года в городе Або был заключен русско-шведский мирный договор: Россия закрепила свое положение на Балтике, упрочила оборону северо-западных границ; шведское правительство подтвердило все прежние завоевания России в Прибалтике и все условия Ништадтского мирного договора 1721 года. Несмотря на значительные военные успехи, территориальные приобретения России были весьма скромными (она получила только Кюменегорскую провинцию, часть Саволакской провинции). Подобные уступки со стороны России явились верным и достаточно дальновидным шагом. Хорошо зная, что Швеция представляет собой постоянный объект для подстрекательских действий и интриг французской и прусской дипломатии, А.П. Бестужев, принимавший, непосредственное участие в разработке условий договора в Або, предпочитал длительный мир на сравнительно умеренных условиях, чем договор, вызывающий желание пересмотра его сразу же после подписания⁶². Расчет вице-канцлера оправдался уже к осени, когда шведское правительство совершенно неожиданно для Франции подписало с Россией Декларацию о военной помощи, опасаясь нападения Дании и роста крестьянских волнений внутри страны. Русско-шведские переговоры и заключение мирного договора в Або показали версальскому кабинету, что его расчет на возможность влиять на внешнеполитический курс России себя не оправдал. Причем наиболее опасным противником французских планов оказался вице-канцлер, от которого меньше всего ожидали подобных действий.

А.П. Бестужев представлял собой довольно редкую фигуру в политической жизни России, когда времена фаворитизма набирали силу. Фавориты оказывали значительное, иногда определяющее влияние на решения своих августейших покровительниц. А.П. Бестужев, пользуясь большим авторитетом у Елизаветы (что признавали и его доброжелатели, и враги, и иностранные дипломаты), никогда не входил в число ее фаворитов. Огромное трудолюбие, пронизательный ум, блестящие дипломатические способности, умение убеждать позволили ему сохранить и укрепить свои позиции при дворе, выйти победителем в столкновении

с могущественными и влиятельными противниками. Но идеализировать вице-канцлера все же не следует: он был сыном своего времени. Считая, что цель оправдывает средства, Бестужев часто пользовался приемами, присущими европейским дворам, среди которых были и перлюстрация корреспонденции противника, и подкуп, а иногда и шантаж. Но проводимый Бестужевым внешнеполитический курс отличался продуманностью, принципиальностью и четкостью в защите интересов России и в решении внешнеполитических задач страны этого времени.

В 40-е годы продолжалось сближение России с Австрией и с Англией в связи с возрастающей экономической и политической общностью их интересов. Если в предыдущее десятилетие, несмотря на все усилия русской дипломатии, лондонский кабинет пошел лишь на заключение в 1734 году торгового договора с Россией, то теперь Англия искала политического союза с ней в целях сохранения равновесия в Европе и обеспечения безопасности ганноверских владений английского короля в условиях нарастания прусской агрессии. Русско-английский союзный договор был заключен еще в период краткого правления Анны Леопольдовны 3(14) апреля 1741 года. Подписывая договор, русское правительство рассчитывало, что Англия направит свой флот в Балтийское море на помощь России в случае возможной войны со Швецией, при возникновении же войны России с Турцией, Ираном или крымским ханом военная помощь Англии не предусматривалась. По этому договору Англия признавала императорский титул за русским государем. Но фактически этот русско-английский союз реальной силы не получил: лондонский кабинет отказался оказать помощь России в начавшейся в августе 1741 года войне со Швецией, поэтому правительство Елизаветы его не подтвердило. Тем не менее взаимная заинтересованность в налаживании союзнических отношений осталась⁶³.

В 1742 году возобновились русско-английские переговоры о союзе. Победы русской армии в войне со Швецией сделали ненужной помощь Англии на Балтике. В августе в связи с бесперспективностью попыток французской дипломатии навязать России свое посредничество в мирных переговорах со Швецией французский посол Жак Шетарди был отозван в Париж. Его отъезд ускориł переговоры, завершившиеся 11(23) декабря подписанием Московского союзного договора России и Англии. Он воспроизводил условия Петербургского договора 1741 года и был заключен на 15 лет; на этот же срок продлевался и торговый трактат 1734 года. Союзный договор с Англией, несомненно, укрепил международное положение России, но не означал, что между двумя странами сложились действительно прочные союзные отношения. Кроме того, и в союзном, и в торговом договорах сохранялись статьи, противоречащие интересам России⁶⁴.

Союзный договор с Англией и активизация русско-австрийских отношений вызвали большую озабоченность Версале и в Берлине. Твердый

внешнеполитический курс России, проводимый А.П. Бестужевым, противоречил всем планам французской и прусской дипломатии, поэтому на протяжении 1742–1745 годов тщательно разрабатывались средства и способы устранения самого канцлера. Прусский король Фридрих II ставил в прямую зависимость от отставки Бестужева свои успехи в деле изоляции и полного разгрома Австрии: «Главное условие — условие *sine qua non* в нашем деле — это погубить Бестужева, ибо иначе ничего не будет достигнуто. Нам нужно иметь такого министра при русском дворе, который заставлял бы императрицу делать то, что мы хотим»⁶⁵ — так прямолинейно настаивал король прусского посланника в Петербурге А. Мардефельда.

Большие надежды на охлаждение отношений с Австрией и отставку Бестужева, а также на принятие Елизаветой внешнеполитического курса, выгодного Франции и Пруссии, появились в связи с делом Лопухиных — Ботта о заговоре против императрицы в пользу Ивана Антоновича (сына Анны Леопольдовны, которого императрица Анна Иоанновна официально провозгласила своим наследником). К этому делу оказались причастными жена брата вице-канцлера Михаила Петровича Бестужева, а также — не без участия Лестока — австрийский посланник в Петербурге Ботта д'Адорно⁶⁶. Используя намечавшееся ухудшение русско-австрийских отношений, прусская дипломатия добилась значительного успеха, заключив в конце марта 1743 года союзный договор с Россией сроком на 18 лет⁶⁷. Но этот договор не привел к реальному сближению России и Пруссии: Россия не могла рассчитывать на помощь Пруссии в случае войны с Турцией, Ираном и крымским ханом, а территории, присоединенные к России в результате Русско-шведской войны 1741–1743 годов, не включались в гарантию; в свою очередь, петербургский кабинет категорически отказался гарантировать Пруссии силезские области.

В конце 1743 года в Петербург вновь прибыл Жак Шетарди. Он должен был сообщить о признании Францией России в качестве империи, а за Елизаветой Петровной — титула императрицы (1744 г.) и начать переговоры о союзе, втянув Россию в войну за австрийское наследство на стороне Франции и Пруссии. Шетарди не смог выполнить всех полученных предписаний, и вместе с прусским посланником Мардефельдом занялся организацией широкомасштабных интриг против вице-канцлера⁶⁸. Развязка наступила довольно быстро. По указанию Бестужева переписка Шетарди с версальским двором была перехвачена, дешифрована и представлена Елизавете.

Помимо весьма откровенных высказываний о целях и задачах политики Франции в отношении России императрица нашла в посланиях Шетарди нелестные отзывы и комментарии о придворных нравах и быте петербургского двора, а главное — о себе самой⁶⁹. В июне 1744 года с громким скандалом Шетарди высылается из Петербурга. Разоблачение Шетарди

привело к падению влияния французской партии и укрепило положение А.П. Бестужева, который тогда же был назначен канцлером; эту должность он сохранил до 1758 года⁷⁰.

В это время осуществлялась разработка основных принципов внешне-политической программы правительства Елизаветы, изложенных А.П. Бестужевым в многочисленных докладах, записках и письмах. Таковым было и письмо к М.И. Воронцову, назначенному (одновременно с канцлерством Бестужева) вице-канцлером. Свою концепцию канцлер назвал «системой Петра I». Конечно, внешнеполитическая система петровской эпохи была несколько иной, но основной ее смысл был, действительно, достаточно близок принципам А.П. Бестужева. Суть этих принципов состояла в постоянном и неизменном сохранении союзных отношений с теми государствами, которых с Россией связывали долговременные интересы. По мнению канцлера, в первую очередь к ним относились морские державы. Англия и Голландия; с этими странами у России не могло быть территориальных споров, их объединяли давние, расширяющиеся, взаимовыгодные торговые отношения, а также общие интересы на севере Европы⁷³.

Несомненное значение имел союз с Саксонией, ибо саксонский курфюрст с конца XVII века являлся и польским королем. Бестужев подчеркивал, что Петр I «неотменно желал саксонский двор, колике возможно наивяще себе присвоить, дабы польские короли сего дома совокупно с ними Речь Посполитую, польскую в узде держали». Канцлер, глубоко и всесторонне знавший европейскую политику, понимал, что Польша с ее неустойчивым внутренним положением и постоянной борьбой шляхетских группировок за влияние на очередного избранного короля всегда может стать объектом для антирусских интриг.

Важнейшим союзником для России Бестужев считал Австрию. Он учитывал, что Габсбурги на континенте были старыми противниками французских Бурбонов, поэтому они выступали за сохранение определенного баланса сил в Центральной и Восточной Европе, стремясь не допустить там усиления влияния версальского двора. Основное же назначение русско-австрийского союза Бестужев, как и ранее Остерман, усматривал в противодействии Османской империи, которая оставалась в то время опасным южным соседом и для России, и для Австрии. С помощью этого австрийского союза канцлер рассчитывал не только противостоять антирусским интригам французской дипломатии в Турции, но и содействовать решению одной из важнейших внешнеполитических проблем России — обретения выхода в Черное море и обеспечения безопасности южных границ.

Следовательно, А.П. Бестужев считал, что обеспечение безопасности и укрепление могущества России требуют, «чтоб своих союзников не покидать для соблюдения себе взаимно во всяком случае... таких приятелей,

на которых бы положиться можно было, и оные суть морские державы, которых Петр Первый всегда соблюдать старался, король польский как курфюрст саксонский и королева венгерская (австрийская. — *Авт.*) по положению их земель, которые натуральный с сею империей интерес имеют»⁷².

Далее Бестужев останавливался на характеристике тайных и явных противников России на международной арене: Франция и Швеция — явные и старые противники. Первая из них опасается усиления влияния России на европейские дела, а вторая — мечтает о реванше, который восстановит ее позиции на Балтике и северо-западе Европы. Так как в Швеции долго будет сохраняться благодатная почва для антирусских интриг (в первую очередь со стороны версальского двора), то в русско-шведских отношениях следует проводить умеренную, продуманную политику, которая не допускала бы чрезмерного ущемления интересов этой страны. Кроме того, надо учитывать, что Франция и Швеция «издревле весьма вредные для нас интриги при Порте производили». Несмотря на то что у России и названных стран столь различные интересы, следует поддерживать с ними нормальные дипломатические отношения.

Особое внимание Бестужев уделил характеристике «неприятеля поэтаенного», а потому и более опасного — Пруссии. Отмечая значительный территориальный рост, агрессивную внешнюю политику и укрепление положения Пруссии в Европе, канцлер подчеркнул, что «сей король, будучи ближайшим и наисильнейшим соседом Империи, потому натурально наиопаснейший, хотя бы он такого непостоянного, захватнического и возмутительного характера и нрава не был, каков у него есть»⁷³. Верить слову и даже договору, подписанному с Пруссией, нельзя: это доказала вся вероломная внешняя политика Фридриха II, поэтому союз с ним невозможен.

А.П. Бестужев учитывал возросшее влияние Пруссии в Германии, которое в сочетании с захватническими планами Фридриха II нарушало сложившееся равновесие сил в Центральной и Восточной Европе, что было невыгодно для России. Усилившиеся интриги прусской дипломатии в Швеции, Турции и Польше противоречили не только интересам Австрии и Саксонии, но и угрожали коренным внешнеполитическим целям России. «Коль более сила короля Прусского умножится, — подчеркивал Бестужев, — толь более для нас опасности будет, и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа... Империи приключиться может»⁷⁴. Тем не менее канцлер не отрицал возможности и необходимости поддерживать между Россией и Пруссией нормальные отношения.

Внешнеполитическая программа канцлера А.П. Бестужева не была лишена недостатков. Основными из них являлись чрезмерная приверженность

к системе трех союзов — морские державы, Саксония, Австрия и определенная переоценка общности интересов России с этими странами. Но Бестужев был дальновидным политиком, знающим тонкости европейской дипломатии. Он четко определил основные задачи, стоявшие перед русской дипломатией в тот период, указал ее явных и тайных противников и потенциальных союзников. Внешнеполитическая концепция Бестужева была достаточно гибкой: в противоборстве с соперниками предполагалось использование весьма разнообразных методов борьбы, избегая при этом открытой конфронтации, хотя антипрусская направленность бестужевской программы проявлялась вполне очевидно.

Летом 1744 года положение в Европе вновь обострилось: в августе Фридрих II возобновил войну с Австрией. Пруссские войска захватили часть Богемии и вторглись в Саксонию. Если в период Первой Силезской войны (1740–1742 гг.) политика русского правительства была пассивной и нерешительной, то теперь, в 1744 году, ситуация изменилась: военные успехи Пруссии выглядели слишком очевидными и агрессивными. Еще в феврале был возобновлен оборонительный союз с Саксонией, но оставался в силе и союзный договор России с Пруссией, поэтому оба правительства обратились к ней за вооруженной поддержкой. Петербургский кабинет вторично оказался в сложном положении, когда он являлся союзником двух воюющих сторон, теперь необходимо было четко определить свою позицию.

Весной и летом 1745 года прусские войска в войне за австрийское наследство нанесли Австрии и Саксонии серьезное поражение, значительно продвинулись в глубь Прибалтики и стали угрожать северо-западным границам России. Одновременно с военными действиями усилилась антирусская деятельность прусской и французской дипломатии в Швеции с целью побудить шведское правительство нарушить заключенный в 1743 году мир с Россией и возобновить войну. Но здесь Францию и Пруссию ждала серьезная неудача. Умеренные, продуманные условия русско-шведского договора в Або позволили в июне 1745 года заключить оборонительный союз Швеции с Россией. Одновременно петербургский двор ответил отказом на просьбы Фридриха II об оказании помощи. Тем не менее противоречия в правящих кругах России по вопросам политики страны в австро-прусском конфликте сохранились⁷⁵.

В сентябре 1745 года на рассмотрение императрицы Елизаветы поступили две записки о мерах, которые предлагалось принять русскому правительству в связи с возобновлением войны за австрийское наследство. Автором первой записки был канцлер А.П. Бестужев. Его позиция определялась весьма четко: Пруссия, побуждаемая «наущениями и деньгами Франции», нарушила свои договорные обязательства и напала на Саксонию и Австрию, поэтому она не может рассчитывать на какую-либо поддержку России.

Далее в записке подчеркивалось, что «интерес и безопасность Империи всемерно требуют такие поступки, которые изо дня в день опаснее, для нас становятся, индифферентными не оставлять». Выступая за оказание помощи Саксонии и Австрии, Бестужев не стремился к тому, чтобы Россия непосредственно ввязалась в войну за австрийское наследство, как этого желали Австрия и Англия. Говоря о помощи Саксонии, канцлер имел в виду прежде всего дипломатические средства или же направление вспомогательного корпуса. Но он не исключал и возможности вступления России в войну в результате ее присоединения к Варшавскому договору, заключенному в январе 1745 года между Англией, Голландией, Австрией и Саксонией с целью совместного отражения прусской агрессии⁷⁶.

Вторую записку представил вице-канцлер М.И. Воронцов. Он также отмечал усиление антирусских интриг Пруссии в Швеции и Турции, поэтому поддерживал точку зрения Бестужева о необходимости оказания помощи Саксонии. С другой стороны, вице-канцлер решительно выступал не только против участия России в этом европейском конфликте, но и против предоставления русского вспомогательного корпуса в помощь Саксонии или Австрии, предлагая ограничиться только финансовой помощью в размере 450 тыс. рублей в год⁷⁷.

В сентябре 1745 года в Петербурге дважды собирался Чрезвычайный совет для обсуждения вопроса о мерах противодействия прусской агрессии. 3 октября петербургский кабинет принял решение оказать Саксонии военную помощь, передислоцировав войска из Лифляндии и Эстляндии в Курляндию, доведя их численность до 50 тыс. человек. Наступательные операции планировались на весну 1746 года⁷⁸.

Решение русского правительства о сосредоточении войск в Курляндии заставило прусского короля пойти на подписание в декабре 1745 года Дрезденского мирного договора с Австрией. Одновременно прусская дипломатия значительно активизировала свою деятельность по сколачиванию антирусского союза. Русский резидент в Копенгагене И.А. Корф сообщал, что Пруссия готовит тайное соглашение со Швецией и Польшей, обещая первой возратить ее позиции в Прибалтике, а второй — поддержать ее претензии на Смоленск, Киев и Украину. Об этом же писали и русские представители в Гамбурге⁷⁹.

Напряженная обстановка в Европе вынудила русское правительство отказаться от политики выжидания и пассивного наблюдения за развитием прусской агрессии. В конце 1745 года в Петербурге начались переговоры о заключении нового русско-австрийского оборонительного союза. К этому времени натянутость в отношениях между двумя странами, вызванная делом Лопухиных — Ботта, была ликвидирована официальным осуждением со стороны Марии-Терезии поступка своего бывшего представителя и заключением его в крепость Герц. Новый австрийский посланник барон

Претлак получил аудиенцию у императрицы Елизаветы в середине декабря. Опасность возобновления прусской агрессии и постоянные интриги и происки Франции в Турции и в Польше угрожали обеим странам⁸⁰.

Тем не менее русско-австрийские переговоры были далеко не простыми. А.П. Бестужев отклонил настойчивые требования австрийских представителей распространить *casus foederis* (союзные обязательства) на уже идущую Франко-австрийскую войну. Канцлер подчеркнул, что это слишком тяжелое обязательство не подкреплено достаточной компенсацией и не отвечает ни интересам России, ни ее внешнеполитическим задачам.

Переговоры завершились подписанием в Петербурге 22 мая (2 июня) 1746 года союзного договора с Австрией сроком на 25 лет. Договор предусматривал оказание взаимной военной помощи (20 тыс. пехоты, 10 тыс. конницы) в случае, если союзник подвергнется нападению со стороны третьей державы. При возникновении войн Австрии с Италией или России с Ираном вспомогательные войска союзников должны быть сосредоточены на границах, но служить только для демонстрации поддержки⁸¹.

Особый интерес представляют секретные статьи, среди которых наиболее важными являлись договоренности относительно Турции и Пруссии. В случае нарушения Турцией Белградского мирного договора 1739 года предусматривалось оказание взаимной военной помощи. Если Пруссия возобновляла агрессивные действия в отношении Австрии, России или Польши, то союзники обязывались выставить не 30 тыс., как предусматривалось общими статьями договора, а 60 тыс. солдат. Кроме того, Австрия закрепила за собой право в случае нарушения Пруссией условий Дрезденского мира 1745 года вернуть утраченную Силезию. Австрия гарантировала голштинские владения наследника русского престола великого князя Петра Федоровича и обязалась поддержать перед Данией его претензии на Шлезвиг (что означало разрыв австро-датского договора 1732 г.). В заключение было принято решение о привлечении к русско-австрийскому союзу Польши, Саксонии и Англии⁸².

Русско-австрийский союз послужил продолжением и развитием договора 1726 года и закрепил взаимодействие двух стран по ряду важнейших международных проблем, особенно остро затрагивавших их интересы. Союз с Австрией стал краеугольным камнем внешнеполитической программы А.П. Бестужева и на данном этапе отвечал интересам России, позволив достаточно эффективно противостоять расширению прусской агрессии в Европе.

Вслед за подписанием русско-австрийского союзного договора в Петербурге начались русско-английские переговоры о заключении субсидией конвенции — особого вида союзного договора, условия которого предусматривали содержание войск одной из договаривающихся сторон, предоставленных ей другой стороной. Британское правительство рассчи-

тивало получить от России действенную помощь против Франции в войне за Австрийское наследство и обезопасить европейские (ганноверские) владения английского королевского дома от угрозы как со стороны Франции, так и со стороны Пруссии, Петербургский же кабинет рассчитывал привлечь Англию для борьбы с растущей прусской агрессией.

12(23) июня 1747 года в Петербурге подписывается первая русско-английская союзная субсидная конвенция, которая явилась непосредственным дополнением и дальнейшим развитием союзного договора 1742 года. Россия приняла на себя обязательство выставить в 1747 году на лифляндской границе 30-тысячный корпус и 40–50 галер в курляндских портах, за что Англия выплачивала ей единовременно 100 тыс. ф. ст. (450 тыс. рублей). Если же этим войскам надлежало выступить в поход, то должно было быть подписано особое соглашение о дальнейшем их содержании⁸³.

В начале сентября 1747 года при вручении ратификационной грамоты английский посланник Гиндфорд передал А.П. Бестужеву новое предложение британского кабинета — о предоставлении Англии и Голландии 30-тысячного русского вспомогательного корпуса для ведения военных действий на Рейне или в Нидерландах, что означало вступление России в войну за австрийское наследство на стороне противников Франции. Английский посланник подчеркнул, что при этом первая субсидная конвенция, заключенная в июне 1747 года, сохраняет полностью свою силу. Несмотря на то что английские предложения втягивали Россию в военные действия в Европе, русское правительство согласилось на заключение второй субсидией конвенции, которая и была подписана 8(19) ноября 1747 года; в распоряжение английского и голландского правительства предоставлялся 30-тысячный корпус с вооружением и артиллерией на два года за ежегодную субсидию в сумме 300 тыс. ф. ст. (1350 тыс. рублей)⁸⁴. Стремясь создать на своей стороне существенный военный перевес, английское правительство обратилось в Петербург с просьбой дополнить уже заключенные договоры еще одним соглашением: 27 ноября (9 декабря) 1747 года была заключена третья субсидная конвенция, продлевшая срок действия первой; особый интерес представляла ее секретная статья, согласно которой русские вспомогательные войска, расположенные на лифляндской границе, должны были быть использованы для защиты от прусской агрессии Ганновера или владений Австрии⁸⁵.

Подписание союзного договора с Австрией и трех субсидных конвенций с Англией твердо определило позицию России и сыграло значительную роль в приостановке прусской агрессии и в окончании войны за австрийское наследство. Британская дипломатия высоко оценила заключение субсидных конвенций 1747 года для достижения успехов Англии в этой войне, подчеркивая, что «этот шаг спасает все и принуждает неприятеля к уступчивости»⁸⁶. После подписания русско-австрийского и русско-ан-

глейских соглашений и отказа турецкого султана предпринимать какие-либо враждебные действия против России Франция оказалась в весьма затруднительном положении. Когда же русский корпус под командованием генерала князя В.А. Репнина численностью в 37 тыс. человек, выполняя союзнические обязательства, двинулся в январе 1748 года через Германию к Рейну на помощь Англии и Голландии, версальский двор начал искать мира. Фактически русские войска так и не приняли участия в военных действиях, потому что уже в апреле 1748 года между Англией и Францией было заключено предварительное соглашение⁸⁷.

В октябре 1748 года был подписан Ахенский мирный договор, завершивший войну за австрийское наследство. Согласно договору утверждалась Прагматическая санкция и за Марией-Терезией признавались права на австрийский императорский престол. Силезия была окончательно отдана Пруссии. Таким образом, условия договора не только не устранили, но еще более обострили соперничество Австрии и Пруссии, не поставив серьезной преграды на пути прусской агрессии, что не могло удовлетворить Россию. В правительственных кругах Европы Ахенский мир рассматривался как временное перемирие, а враждующие державы усиленно искали себе союзников на случай новой войны.

Твердая поддержка Россией Австрии и Англии в войне за австрийское наследство привела к ухудшению отношений с Францией и Пруссией, а так как ни в Версале, ни в Берлине не собирались отказываться от проводимого внешнеполитического курса, то разрыв отношений с этими странами оказался неизбежным. Инициативу в этом деле проявила Франция, когда в середине июня 1748 года из Петербурга неожиданно уехал французский консул Сен-Совер. В ответ на его немотивированный отъезд Елизавета 9 декабря подписала отзывную грамоту русскому посланнику во Франции Г. Гроссу. Дипломатические отношения между Россией и Францией были разорваны. Вскоре стал неизбежен и разрыв русско-пруссских отношений. Еще осенью 1746 года Фридрих II отозвал из Петербурга Акселя Мардефельда, обвинив его в том, что посланник поскупился дать А.П. Бестужеву взятку в 100 тыс. рублей для предотвращения русско-австрийского сближения. В 1749 году ареной столкновений русско-пруссских интересов стала Швеция: наследник шведского престола (с 1743 г.) Адольф-Фредрик пытался при поддержке части дворянства, Пруссии и Франции восстановить в Швеции абсолютизм. Такое усиление Швеции и возрождение реваншистских интересов не входило в планы России, и правительство Елизаветы настойчиво требовало от шведского короля Фредрика I предоставления твердых гарантий сохранения прежней формы правления (ограниченной монархии, режима сословного парламентаризма). Резкие ноты русского правительства получили осуждение в Берлине и послужили поводом для отозвания осенью 1750 года недавно назначенного (1748 г.) русского посланника Г. Гросса⁸⁸.

В начале 50-х годов шло дальнейшее сближение России с Австрией на основе союзного договора 1746 года. Обе державы стремились не допустить расширения прусской агрессии и подтвердили свои обязательства совместного выступления в случае турецкой опасности. Лондонский кабинет также выражал заинтересованность в укреплении и развитии союзных отношений с Россией и Австрией для обеспечения безопасности Ганновера. Поэтому после разрыва русско-пруссских дипломатических отношений Англия 30 октября 1750 года присоединилась к русско-австрийскому союзному договору 1746 года, причем английский представитель в тот же день получил совместную русско-австрийскую декларацию о том, что союзники обязуются защищать ганноверские владения Англии. Но Англия присоединилась только к условиям основного текста союзного договора, а не к сепаратным и секретным его статьям, поэтому рассчитывать на английскую помощь в случае обострения отношений с Турцией или войны с ней русское правительство не могло. Кроме того, политика британского кабинета в Швеции противоречила интересам России, ибо Англия была не против восстановления там абсолютизма и отказывалась предоставлять помощь России в случае возникновения новой русско-шведской войны⁸⁹.

В 50-е годы международная обстановка в Европе продолжала оставаться сложной и напряженной. После войны за Испанское наследство обострилось англо-французское соперничество в борьбе за колонии, не ослабли и противоречия между Австрией и Пруссией. Эти два комплекса противоречий легли в основу нового европейского конфликта, вылившегося в Семилетнюю войну 1756–1763 годов. Все будущие участники войны активно искали себе союзников.

Англия, готовясь к решающей схватке с Францией, стремилась создать в Европе мощную антифранцузскую коалицию, втянуть Францию в европейский конфликт, а тем временем разбить ее на морях и в колониях. Одной союзницы Австрии для этого замысла было недостаточно, да и боевые качества австрийской армии, как это показали недавние европейские конфликты, оставляли желать лучшего. Поэтому британское правительство стремилось к укреплению союзных отношений с Россией путем подписания с ней новой союзной конвенции. Некоторое время петербургский кабинет колебался, не желая брать на себя дополнительные обязательства, далекие от интересов России. Только в сентябре 1755 года после длительных переговоров состоялось подписание новой союзной конвенции, возобновившей англо-русский союзный договор 1742 года: Россия обязывалась держать на лифляндской и литовской границах 55 тыс. войск, а в портах — 40–50 галер с экипажем, которые в любой момент могли бы выступить на защиту ганноверских владений Англии; лондонский кабинет брал на себя содержание этих войск⁹⁰.

Со своей стороны, Франция также стремилась консолидировать отношения с теми странами, политика и интересы которых противоречили политике и интересам Англии, Австрии и России. Кроме традиционных государств, входивших в «восточный барьер» и многократно доказывавших непостоянство своих позиций, такой страной была Пруссия, отношения с которой значительно активизировались. Обе противоборствующие группировки готовились к войне. Но ее канун принес немало дипломатических сюрпризов, и коалиции, начавшие Семилетнюю войну, сложились совсем в другом составе, чем это можно было предполагать на основе анализа международных отношений предвоенного времени.

Заключая в 1755 году союзную конвенцию с Англией, правительство Елизаветы исходило из того, что она будет направлена против Пруссии. Между тем в Лондоне разработали план полной изоляции Франции путем использования в борьбе против нее одновременно России, Австрии и Пруссии. Кроме того, британский кабинет учитывал, что в военном отношении выгоднее иметь дело как с союзницей с Пруссией, а не с Австрией. Поэтому вскоре после заключения конвенции с Россией и втайне от нее в январе 1756 года Англия подписала Уайтхоллский договор с Пруссией, по которому оба государства гарантировали взаимную неприкосновенность своих владений и обязывались не допускать иностранные войска на территорию Германии. Лондонский кабинет усматривал в договоре начало изоляции Франции и создание против нее европейской коалиции держав. Фридрих II полагал, что это соглашение нейтрализует Англию, сохранит мирные отношения с Россией и таким образом изолирует Австрию, что было его целью⁹¹.

Расчеты Англии и Пруссии не оправдались. При размене ратификационных грамот в феврале английский посол Вильямс узнал из секретнейшей декларации, что русские войска в соответствии с союзной конвенцией будут действовать только против Пруссии и не могут быть отправлены на Рейн или в Нидерланды. Это означало, что английский план привлечения на службу в своих интересах одновременно России, Австрии и Пруссии провалился. Заключение англо-прусского договора нарушило сложившиеся союзы. Традиционные противницы — Австрия и Франция — превратились в союзниц, а старые союзницы — Англия и Австрия, Пруссия и Франция — попали в противостоящие друг другу группировки. Австрия и Россия не желали участвовать в союзе с Пруссией, поэтому англо-русский союз практически распался. Вместо изоляции Франции на континенте Англия способствовала созданию в Европе сильной антипрусской коалиции. Лондонский кабинет был вынужден длительное время финансировать свою союзницу. Все же британская дипломатия добилась основной цели: силы Франции в Европе были скованы борьбой с Пруссией.

Изменение международного положения заставило версальский и венский кабинеты пересмотреть политику в отношении друг друга. После

длительной вражды традиционные европейские соперницы — Австрия и Франция — подписали 1 мая 1756 года в Версале союзный договор, положивший начало оформлению второй европейской коалиции. Русское правительство в принципе одобрило это соглашение, но присоединилось к нему несколько позже, в декабре, когда после восьмилетнего перерыва были восстановлены дипломатические отношения с Францией⁹². Еще весной 1756 года русское правительство предложило Австрии договориться о совместных действиях против Пруссии. Но венский двор не спешил, ибо по условиям договора с Францией мог рассчитывать на ее помощь только в случае, если Австрия подвергнется нападению. Фридрих II истолковал эту ситуацию иначе, решив, что венский двор побуждает Россию к войне, а русская армия к этому еще не готова. Желая захватить инициативу и разбить своих противников поодиночке, в августе 1756 года без объявления войны Фридрих II напал на Саксонию, разбил австрийскую армию, шедшую на помощь саксонцам. Так началась Семилетняя война 1756–1763 годов.

Начало войны и военные успехи Пруссии ускорили окончательное оформление антипрусской коалиции. В январе 1757 года подписывается новая русско-австрийская конвенция, подтверждающая и расширяющая условия прежних договоров. Стороны обязывались держать под ружьем не менее чем 80-тысячное войско, не заключать мира с Пруссией без взаимного согласия, привлечь к участию в договоре Францию, Швецию и Данию. К договору прилагались две декларации: одна обеспечивала России получение Курляндии и Семигалии в обмен на Восточную Пруссию; другая указывала на возможность территориальных вознаграждений Австрии помимо возврата отторгнутых у нее Силезии и Глаца⁹³. Австрия и Франция заключили новый союзный договор, значительно расширивший обязательства его участников по взаимной помощи: вместо 24 тыс. солдат Франция обязывалась выставить 105 тыс., содержать за свой счет для Марии-Терезии 6-тысячный отряд баварцев и вюртембергцев и выдавать Австрии ежегодную субсидию в 12 млн флоринов. Вскоре к договору присоединилась Швеция, которой была обещана Померания. В конце 1757 года ко всей новой группе договоров присоединилась и Россия.

В этой войне Россия преследовала ряд своих целей. В марте 1756 года Конференция при высочайшем дворе определила ближайшие внешнеполитические и дипломатические задачи: «короля прусского до приобретения новой знатности не допускать, но паче силы его в умеренные пределы привести и одним словом неопасным его уже для здешней империи сделать»⁹⁴. Если же главная задача — «ослабляя короля прусского, сделать его для России нестрашным и незаботным» — разрешалась удачно, то предполагалось, добившись возвращения Австрии Силезии, укрепить и придать большую действенность русско-австрийскому союзу против Турции, с целью решения проблемы выхода в Черное море; кроме того,

передав Польше Восточную Пруссию, получить от нее согласие на присоединение Курляндии и на установление таких границ между Россией и Польшей, чтобы навсегда покончить взаимные споры по этому поводу; если же всем этим делам будет сопутствовать успех, «коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и через то почти всю левантийскую коммерцию в здешних руках иметь»⁹⁵. Следовательно, планы у русского правительства были достаточно обширные, но решить оно было должно прежде всего главнейшие проблемы: достижение выхода к Черному морю и воссоединение украинских и белорусских земель.

Русское правительство при этом никогда не стремилось уничтожить Пруссию как государство: это могло бы привести к чрезмерному усилению Франции или Австрии. Франция всегда противилась решению важнейших российских внешнеполитических проблем. Австрия, хотя и была союзницей России, тоже не приветствовала усиление ее международного влияния, особенно в Черноморском регионе: она сама стремилась стать там господствующей силой. Поэтому существование Пруссии обеспечивало в Европе определенный баланс политических сил.

Семилетняя война была крупным общеевропейским конфликтом, хотя военные действия велись не только в Европе. Армейские победы антипрусской коалиции принадлежали почти полностью России. Вероятно, Фридриху II пришлось бы довольно скоро прекратить сопротивление, если бы союзники вели военные действия согласованно. Но этого не произошло, прусский король каждый раз после очередной неудачи получал возможность собрать свои силы и подготовиться к новому наступлению. Помимо того, успехи русской армии стали сеять страх не только среди противников, но и среди союзников России: Франция и Австрия, вопреки предвоенным договоренностям, выступили против намерения русского правительства удержать за собой Восточную Пруссию в качестве компенсации за участие России в войне. Венский двор стремился руками России разрешить прежде всего свои собственные проблемы, постоянно требуя помощи австрийцам в Силезии. Царское правительство, не желая обострять отношения с союзниками, было вынуждено пойти на уступки и перебрасывать войска, что не позволяло закрепить достигнутые военные успехи (победы при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г. и Кунерсдорфе в 1759 г.). Венский двор хотел целиком подчинить русскую армию австрийскому командованию и низвести ее до вспомогательного корпуса. Союзники не позволили русским войскам долго оставаться в занятом ими в 1760 году Берлине, запрещали останавливаться в немецких городках и брать с них контрибуцию, стремились измотать русскую армию в бесконечных маршах и осадах⁹⁶.

Как и следовало ожидать, старые противоречия не могли быть изжиты и забыты в короткий срок, тем более что некоторые вновь сложившиеся союзы не были основаны на прочных, долговременных взаимных инте-

ресах. Поэтому неудивительно, что в разгар военных действий в депеше представителю союзной страны говорилось: «Лучше дозволить Пруссии спастись от неминуемой беды, чем допустить ее гибель от России. Надо опасаться последствий чересчур большого влияния или слишком больших успехов России в этой войне»⁹⁷ — такие наставления получал от своего правительства французский посланник в Петербурге.

Планы и стремления союзников не были тайной для петербургского кабинета. Так, канцлер А.П. Бестужев отнюдь не доверял версальскому двору и был противником русско-французского сближения. Для великого князя и наследника Петра Федоровича Фридрих II был кумиром, поэтому Петр не только выступал против войны с Пруссией, но и откровенно выдавал планы ведения войны через английского резидента прусскому королю (именно это обстоятельство в значительной степени предопределило непоследовательность, с которой главнокомандующие русской армией вели боевые действия: они опасались, что в случае смерти Елизаветы, здоровье которой ухудшалось, и восшествия на престол великого князя последний не простит им разгрома своего кумира).

К 1761 году несогласия между союзниками стали проявляться все острее и чаще. Весной Франция и Австрия известили Петербург о своем намерении выйти из войны. Военные действия велись очень вяло. Положение Пруссии было крайне тяжелым: страна была разорена, часть ее территории — оккупирована; кроме того, союзная с ней Англия, добившись разгрома Франции на море и в колониях, прекратила выплату Пруссии субсидий⁹⁸. Как позже писал сам Фридрих II, его страна «агонизировала и ждала соборования»⁹⁹. Несмотря на то что союзники России стремились умалить ее успехи и всячески препятствовали решению ее важнейших внешнеполитических задач, сложившаяся политическая ситуация все же позволяла добиться определенных дипломатических успехов. Но воспользоваться ею русской дипломатии не удалось: 25 декабря 1761 года умерла императрица Елизавета; к власти пришел Петр III, который резко изменил внешнеполитический курс страны.

Новый российский император не имел ни обширных знаний, ни больших интеллектуальных способностей, но зато обладал завидным упрямством, настойчивостью и стойким невосприятием тех советов и мнений, которые не соответствовали его собственным представлениям. Свою внешнюю политику он строил на двух принципах: полном преклонении перед государственным и военным «гением» Фридриха II и решении внешнеполитических проблем России с учетом династических интересов голштинского герцога. Единственно, в чем Петр III оказался прав, так это в негативной оценке действий союзников — Франции и Австрии — по отношению к России, которые слишком беззастенчиво желали использовать союз с ней для решения собственных проблем.

Канцлер М.И. Воронцов, будучи опытным политиком и умелым дипломатом, предоставил императору полный и всесторонний отчет об особенностях международного положения России и о ее взаимоотношениях с европейскими и восточными странами. Охарактеризовав основные внешнеполитические задачи страны, он подчеркнул изменения в отношениях с союзниками и очевидное недовольство Франции и Австрии как военными успехами России, так и усилением ее влияния и авторитета в Европе; далее он отметил, что русским интересам в принципе не противоречит заключение мира, но следует использовать те преимущества, которые получила Россия в ходе войны благодаря своим победам, для решения вопроса о воссоединении украинских и белорусских земель¹⁰⁰.

М.И. Воронцов не обладал ни настойчивостью своего предшественника А.П. Бестужева, ни его умением убеждать, ни его влиянием на царствующую особу (канцлер А.П. Бестужев был отстранен от дел и сослан в свое подмосковное имение еще в 1758 г. по обвинению в участии в так до конца и не раскрытом и не доказанном заговоре против Елизаветы в пользу жены Петра Федоровича). Даже если предположить, что Петр III полностью ознакомился с отчетом М.И. Воронцова, он не последовал его рекомендациям, а действовал прямо противоположным образом. В день кончины императрицы Елизаветы Петр III направил своего любимца генерал-адъютанта А.В. Гудовича к Фридриху II с предложением об установлении «доброго согласия и дружбы»¹⁰¹. Между монархами завязалась оживленная переписка, причем Петр III многократно с удовлетворением писал, что вряд ли какой подданный Фридриха II служит ему вернее, чем он; постановления и указы «государя с истинно немецким сердцем», как трогательно назвал Петра III прусский король, появлялись одно за другим. Фридриху II было предложено сочинить проект мирного договора, завершавшего Семилетнюю войну. В феврале 1762 года была подписана декларация о прекращении военных действий против Пруссии и отдан приказ русским войскам, находившимся в Силезии, отделиться от австрийских; были освобождены военнопленные, причем генерал Вернер и полковник Гордт стали ближайшими советниками царя по военным вопросам. Наконец, 5(16) марта 1762 года было подписано официальное перемирие и начались переговоры о заключении мирного договора¹⁰². Одновременно Петр III намеревался осуществить мечту всей своей жизни — вернуть себе как герцогу Голштинскому захваченный Данией Шлезвиг: русская армия получила строгий приказ готовиться к датскому походу.

Все эти события разворачивались с головокружительной быстротой; Фридрих II не успевал посылать благодарности русскому императору, но, как многоопытный политик и опытный дипломат, он видел нарастание недовольства и явную непопулярность проводимого Петром III внешнеполитического курса среди большинства правящих кругов России,

В своих письмах прусский король пытался дать советы, предупредить столь расположенного к нему российского императора от совершения ошибочных и опрометчивых действий¹⁰³, но Петр III не воспринимал предостережений и советов даже из уст своего кумира. Тем не менее Фридрих II не отваживался и мечтать о том, чтобы русская сторона не потребовала от Пруссии компенсации за установление мира: направляя в середине февраля 1762 года в Петербург для переговоров о заключении мира своего адъютанта камергера В. Гольца, прусский король был готов уступить России Восточную Пруссию и хотел получить за нее небольшую компенсацию за счет Австрии или Саксонии; Гольцу предписывалось заключить договор и в том случае, если бы Петр III потребовал гарантии его голштинских владений или военной помощи против Дании¹⁰⁴.

Но опасения Фридриха II были напрасны. В. Гольца приняли в Петербурге со всеми почестями, и вместе с английским посланником Р. Кейтом он вошел в число ближайших советников Петра III. Когда был получен текст русско-прусского мирного договора, составленного Фридрихом II, личное вмешательство царя не позволило канцлеру М.И. Воронцову внести в него какие-либо изменения. 24 апреля (5 мая) 1762 года подписывается русско-прусский мирный договор, по которому Россия возвращает Пруссии все ее территории без какой-либо компенсации¹⁰⁵. Вслед за тем начались переговоры о союзе. Еще до их завершения корпусу генерала Чернышева был отдан приказ присоединиться к прусским войскам и совместно действовать против австрийцев. Союзный договор с Пруссией был подписан 8(19) июня 1762 года; в нем не предусматривалось содействие со стороны Пруссии при решении ни одной из важнейших внешнеполитических задач России, оговаривались только голштинские вопросы. Правда, этот договор реальных последствий не имел, ибо остался нератифицированным. Договоры с бывшими союзницами России — Францией и Австрией — формально расторгнуты не были, но они перечеркивались мирным договором и союзом России с Пруссией¹⁰⁶.

* * *

Елизаветинская эпоха противоречиво оценивалась как современниками, так и потомками и историками: это блестящее и убогое, легкомысленное и мудрое, милосердное и жестокое, восхваляемое и обруганное время и сейчас не получило должного исследования. Но одна оценка его, высказанная С.М. Соловьёвым, все же не подлежит сомнению: при Елизавете «Россия пришла в себя». Она действительно очнулась после пятнадцатилетнего периода междуцарствия и безвременья, в который ввергли ее недостойные наследники Петра Великого. Русский национальный дух переживал период подъема, причем это не имело ничего общего с высокомерным самомнением или ложным патриотизмом; любая попытка

нового унижения национального достоинства была обречена на провал, что показал печальный опыт недолгого правления Петра III.

Внешняя политика елизаветинского времени, в отличие от политики конца 20 — начала 40-х годов, стала более последовательной и принципиальной в достижении национальных целей, которые Петр I считал важнейшими для страны. Это не означало, что внешнеполитическому курсу этого периода не были присущи определенные колебания, просчеты и ошибки, но главные, принципиальные задачи оставались неизменными: елизаветинское правительство сумело отстоять и укрепить позиции России на Балтике, стабилизировать русско-шведские отношения, успешно противодействовать попыткам создания в Европе блока враждебных России государств, над чем так усердно трудилась французская дипломатия; русская дипломатия, предпочитала решать спорные проблемы политическими методами, избегать по возможности открытой конфронтации и военных столкновений. У петербургского кабинета не было тогда планов территориальной экспансии в отношении какого-либо государства.

Участие России в Семилетней войне 1756–1763 годов, каковы бы ни были ее конечные результаты, не только показало мощь русской армии, но и помогло пресечь агрессивные планы Пруссии, обезопасив северо-западные рубежи страны. Восшествие на престол Петра III изменило финал Семилетней войны и лишило Россию результатов ее военных побед. Но ничто не могло отнять у нее заслуженной славы. Международный авторитет и внешнеполитические позиции России в Европе после этой войны значительно выросли, что создало благоприятные условия для успешного решения при Екатерине II черноморской проблемы и воссоединения украинских и белорусских земель.

Подводя общие итоги периода 1725–1761 годов, подчеркнем, что в международных отношениях Европы роль Российской империи как великой континентальной и морской державы была весьма значительной. Она занимала ведущее положение и оказывала большое и все возрастающее политическое влияние на дела Северо-Западной, Восточной и отчасти Центральной Европы. Это нашло свое юридическое отражение в актах и договорах признания России империей со стороны ряда иностранных государств. Раньше всех, еще при жизни Петра Великого, признали Россию империей Пруссия и Голландия — в 1722 году, Швеция — в 1723-м и Дания — в 1724-м, при Елизавете Петровне Турция — в 1741-м (окончательно — в 1774 г.), Англия — в 1742-м, Австрия — в 1742-м (окончательно — в 1746 г.), Франция — в 1744-м, Испания — в 1745-м и позднее всех, уже при Екатерине II, — Польша — в 1764 году¹⁰⁷.

Признание императорского титула за русскими царями и российского великодержавия, неотделимых от признания новых территориальных границ России после Северной войны, способствовало упрочению внеш-

неполитического престижа и значения Российской империи. Европейские правительства вынуждены были считаться с этой огромной и могущественной (в экономическом и военно-политическом отношении) державой и искать политического общения с ней, заключая союзы и ведя всевозможного рода переговоры.

В международных связях конца 20–50-х годов Россия играла активную роль; она выступала в качестве существенного фактора, оказывавшего глубокое воздействие на политические отношения в Европе. Без участия России не могла решаться тогда ни одна важнейшая внешнеполитическая проблема: оказавшись прочно включенной в «концерт» великих европейских держав, Россия стала играть видную роль в сохранении «европейского равновесия».

Международным политическим успехам России способствовали выдающиеся дипломаты и государственные деятели, умело отстаивавшие международный престиж державы, ее внешнеполитические и торгово-экономические интересы. Наиболее видными дипломатами того времени были А.И. Остерман, Б.И. Куракин, П.П. Шафиров, братья А.П. и М.П. Бестужевы-Рюмины, И.И. Неплюев, А.Д. Кантемир и М.И. Воронцов. Их заслуги и деятельность, сохранившие и закрепившие завоевания Петра I, подготовили блистательные внешнеполитические успехи и огромные территориальные приобретения в последующие годы екатерининского царствования.

Глава III. Дипломатия при Екатерине II и Павле I (1762–1801 гг.): в горниле войн и революционных потрясений

В истории внешней политики России 1762–1801 годы можно выделить в отдельный период, когда насущными задачами стали решение проблемы выхода России к Черному морю, развитие торгового и военного мореплавания на нем, проход судов России через проливы в Средиземноморье, постройка черноморских портов, возможность освоения южнорусских земель. От решения этих задач во многом зависело дальнейшее развитие страны. Именно поэтому в последней трети XVIII века южная проблема стала главной во внешней политике России и деятельность российской дипломатии в основном была подчинена ее решению. Но ареал интересов России не ограничивался южными делами.

Другими важными направлениями российской внешней политики были: завершение процесса воссоединения земель Белоруссии и Украины с Россией; разделы Польши¹; борьба против Великой французской революции; усиление влияния России на Балканах; продвижение ее на Дальний Восток, Кавказ и в Закавказье; развитие ее контактов с США и Испанией.

XVIII столетие — сложная, противоречивая эпоха. С одной стороны, она отмечена попытками проведения серьезных реформ, блестящими военными победами, пробуждением общественно-политической мысли, надеждами на дальнейшие преобразования в духе либерализации, развитием просвещения; с другой — упрочением абсолютизма, крепостнической системы, разгулом чиновничьей бюрократии и казнокрадства. Неслучайно А.Н. Радищев говорил о «безумии и мудрости» XVIII века.

В последней трети XVIII века Российская империя, продолжавшая расширять свои границы, стала огромным государством: ее население с 1747 по 1796 год увеличилось вдвое — с 18 до 36 млн человек. При этом Россия оставалась страной аграрной, в которой сельское население составляло 95,9%. Однако все более отчетливо проявлялись признаки упадка феодально-крепостнической системы и зарождения капиталистического уклада.

Блистательные победы русской армии и флота в войнах с Турцией и Швецией, а затем и с Францией приумножили воинскую славу ее солдат и офицеров, матросов и адмиралов.

1. Начало царствования Екатерины II. Россия в системе международных отношений

Екатерина II, вступившая на престол в 1762 году в результате дворцового переворота и царствовавшая до 1796 года, считала себя продолжательницей деяний Петра Великого. Ее правление, как справедливо отмечал В.О. Ключевский, «нельзя причислять к спокойным и легким временам, напротив, это была тяжелая для народа пора». Из 34 лет правления Екатерины 17 лет велась вооруженная внешняя и внутренняя борьба².

В первые пять лет ее царствования, по словам самой Екатерины, в бунтах участвовало до 200 тыс. крестьян. Затем приходилось сражаться с польскими конфедератами, с чумой, подавлять московский бунт и крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачёва. Дорого обходились России русско-турецкие войны: только два первых года Русско-турецкой войны 1768–1774 годов стоили 25 млн рублей, что равнялось годовому доходу казны тех лет. С 1767 по 1773 год было произведено пять рекрутских наборов, давших 300 тыс. рекрутов. 1787 год принес повсеместный голод, вторую русско-турецкую войну, войну со Швецией; надвигались второй и третий разделы Польши, финансовые затруднения, обострение отношений и борьба против революционной Франции.

И тем не менее ряд законодательных актов правительства Екатерины II способствовал развитию хозяйственной жизни страны, увеличились размеры пашни, росла продуктивность сельского хозяйства, удвоилось количество мануфактур (от 600 в середине века до 1200 в конце его).

При восхождении на престол Екатерине, как писал В.О. Ключевский, «нужны были крупные дела, для всех очевидные успехи, чтобы оправдать свое воцарение и заслужить любовь подданных»³. Внешняя политика при ограниченных внутренних средствах России и при том влиянии, которое она имела в Европе после победного завершения Семилетней войны, представлялась для императрицы наиболее удобным полем действий.

В результате Северной (1700–1721 гг.) и Семилетней (1756–1763 гг.) войн Россия закрепилась на Балтийском море. Но международная обстановка, коренные интересы страны выдвигали первоочередные задачи: на юге — урегулирование отношений с Ираном и Турцией, на Балтике — со Швецией и Данией, на западе — с Польшей. В этих условиях возник вопрос о заключении союза с Францией или Австрией.

Даже после Петра I «международная улица России по-прежнему оставалась тесна, — отмечал главный внешнеполитический советник Ека-

терины Н.И. Панин, — ограничиваясь шведскими и польскими тревогами, да турецко-татарскими опасностями. Швеция помышляла об отместке и начиналась недалеко за Петербургом, Польша стояла на Днестре, ни одного русского корабля не было на Черном море, по побережью его господствовали турки и татары, отнимая у России южную степь и грозя ей разбойничьими набегами. Тяжелое чувство учеников, во всем отстающих от своих западных учителей, еще более удручало национальный дух»⁴.

К концу царствования Екатерины II Польши не существовало, южная степь превратилась в Новороссию, Крым стал российской губернией, земли в низовьях Днестра и Южного Буга были очищены от турецких захватчиков. Международный горизонт России расширился, открывались новые заманчивые перспективы.

Царствование Екатерины II многие ее современники и последующие апологеты называли, и не без основания, «блистательной эпохой». Она была наделена умом и сильным характером. За короткое время безвестная София-Августа, принцесса маленького немецкого княжества Ангальт-Цербстского, нелюбимая жена наследника российского престола, стала под именем Екатерины II всемогущей императрицей, повелительницей многих миллионов подданных.

Молодой блестящий посланник короля Франции в России в 1785–1789 годах граф Л.Ф. Сегюр так описал внешность Екатерины II: «У нее были орлиный нос, прелестный рот, голубые глаза и черные брови, чрезвычайно приятный взгляд и приветливая улыбка»⁵.

Совершив переворот и убив мужа, Екатерина щедро расплатилась с дворянством, укрепив его позиции. Она писала беллетристические, драматургические, педагогические сочинения и печаталась в журналах, переписывалась с Вольтером и Дидро, расположив к себе общественное мнение Европы одновременно расправилась с передовыми представителями российской общественной мысли — Радищевым, Новиковым и Княжниным и жестоко подавила восстание под предводительством Пугачёва.

Далеко не все считали эпоху Екатерины «блистательной». Два ее великих современника — князь М.М. Щербатов и А.Н. Радищев — с противоположных точек зрения оценивали ее правление, но оба относились к нему весьма критически. Щербатов ужасался утратой «патриархальной нравственности»⁶, а Радищев, мечтавший о радикальных переменах в России и с надеждой взиравший на первые шаги императрицы, был глубоко разочарован ее дальнейшей деятельностью. Щербатов и Радищев «представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины, — писал А.И. Герцен. — Печальные часовые у двух разных дверей, они как Янус глядят в противоположные стороны»⁷. Однако оба они считали, что лень, лицемерие, подхалимство, лень, недобросовестность, корыстолюбие и безнравственность — вот те пороки, которые губят Россию.

Царствованию Екатерины посвящены многочисленные исследования, да и сама она оставила «Записки» о своей жизни⁸. Писала Екатерина II много, легко и охотно. До сих пор не все ее письма, указы, резолюции изданы, но и тех, что уже известны — великое множество (переписка с Вольтером, «с разными особами», «с графом П.А. Румянцевым», «Первые политические письма Екатерины II» и т. д.). Многие дореволюционные историки в своих работах уделили особое внимание рассмотрению внешнеполитической стороны ее царствования, однако таких исследований немного. Две брошюры Е.В. Тарле о дипломатии екатерининской эпохи⁹ вышли более 50 лет назад. Немного позже появился обстоятельный очерк внешней политики второй половины XVIII века¹⁰, в 1989 году была опубликована статья о Екатерине II, но в ней внешней политике уделено немного внимания¹¹.

С самого начала царствования Екатерина II твердо взяла в свои руки руководство внешней политикой и не выпускала его до конца своих дней. Кредо, которым руководствовалась императрица в своей дипломатической практике, она изложила в записке, опубликованной С. Соболевским: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не веряясь им без разбора»¹². И сама никогда никому «не верялась». Она была хитрым, искусным дипломатом. Ее природные данные развились в России, где ей приходилось лавировать между неврастеничным мужем, деспотичной Елизаветой и глупой матерью. «Ложь была главным оружием царицы, — писал один из лучших знатоков ее правления Я.А. Барсков, — всю жизнь с раннего детства до глубокой старости она пользовалась этим оружием, владела им как виртуоз и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков»¹³.

Екатерина, по свидетельству некоторых современников, часто пересудствовала в интригах. Так, английский дипломат, чрезвычайный посланник при российском дворе сэр Роберт Гуннинг, имевший возможность близко наблюдать Екатерину, писал: «Если у императрицы есть слабость, то она состоит в желании достигать посредством интриг и таинственным образом тех самых целей, которые были бы ей доступны при помощи более простых и естественных путей»¹⁴.

Трудно согласиться с К. Марксом, у которого на основе взглядов, сложившихся на Западе в XIX веке на российскую внешнюю политику века предыдущего, создалось убеждение, что у руля внешней политики России «находилась шайка авантюристов-иностранцев»¹⁵. Конечно, были и иностранцы, были и авантюристы, нередко люди, которых Александр I «не хотел бы видеть у себя в лакеях», занимали высшие посты, но не на них опиралась Екатерина. Помощников и проводников своего внешнеполитического курса Екатерина выбирала умело.

Главной ее опорой во внешней политике вплоть до 1781 года был граф Никита Иванович Панин¹⁶ (1718–1783), умный, спокойный, прекрасно образованный русский дипломат, способный высказывать независимые суждения. С 1761 года он был воспитателем наследника Павла Петровича. Принимал участие в отстранении от власти Петра III, с 1763 по 1781 год возглавлял Коллегию иностранных дел.

В то время в Коллегии было около 260 сотрудников. Из них 25 находились при конторе и архиве. В основном ответственные решения принимал сам Панин, он подбирал сотрудников, обладавших высокой культурой и профессионализмом, которым мог доверять.

Руководя работой дипломатов за границей, Панин определял задачи, сообщал необходимую информацию и давал совет, как лучше достичь желаемого, подсказывал аргументы, способные убедить нужного собеседника. Все остальное было уже делом рук самого посланника. Скоро обнаруживалось, имеет ли дипломат необходимые качества, и тут Панин при всей внешней мягкости был решителен и строг. Дело для него было превыше всего.

Но в целом Никита Иванович был очень доброжелателен, любил хвалить и ставил в пример другим опытных, умных дипломатов, таких как Д.М. Голицын, А.М. Обресков. Он предоставлял им полную свободу действий для достижения целей государственного значения.

Панин высоко ценил не только остроту политического мышления, но и умение четко и изящно излагать свои мысли. Неслучайно среди сотрудников Коллегии было немало людей литературно одаренных, таких как Д.И. Фонвизин, И.Ф. Богданович и др.

Роль Панина в формировании внешней политики России того времени видна даже из сложившейся практики прохождения бумаг. Среди дипломатической почты Панин выбирал наиболее важные сообщения и отправлял со своими замечаниями на полях императрице. Она, как правило, с ними соглашалась. Затем в Коллегии составлялся рескрипт или другой официальный документ, который Екатерина утверждала. Иногда бумага вторично императрице вообще не посылалась. Большинство так называемых «личных писем» Екатерины II также подготовлены в Коллегии иностранных дел под руководством Панина.

Душевно Екатерина никогда не была расположена к Панину. Иногда, во второстепенных вопросах, противоречила ему, поддерживала фаворитов, особенно Г.Г. Орлова и Г.А. Потёмкина. Тем не менее с 1762 вплоть до 1781 года не предпринимала ни одной внешнеполитической акции без его участия, не раз убеждаясь в его прозорливости и высоком дипломатическом мастерстве.

Английский посланник лорд Каткерт сообщал весной 1771 года графу Галифаксу: «Граф Панин видит е. в. лишь раз в неделю и то только

в продолжении нескольких часов. Остальные же дни или вернее вечера он проводит в работе над самыми спешными делами... вследствие чего его чрезвычайно трудно видеть, а между тем за исключением его нет ни одного лица, к которому можно было бы обратиться»¹⁷.

В международных отношениях в это время определяющую роль играло англо-французское соперничество, оказавшее серьезное влияние на политику всех европейских держав, приводившее к созданию различных союзов и коалиций.

В английской политике исключительное значение имел принцип обеспечения «равновесия сил». Опираясь на такое «равновесие», Англия стремилась выступать в качестве «третьей стороны», отстаивая при этом свои интересы. Она планировала системы союзов, посредничала при разрешении конфликтов и заключении договоров.

После победы в Семилетней войне над Пруссией и Англией Франция укрепила свое положение в Европе, но на морских путях и в колониях ее сильно потеснила Британия.

Значение России неизменно возрастало. Отбив претензии Пруссии на гегемонию в Центральной Европе и на Балтике, Россия вновь обратила взоры на юг. Отсутствие выхода к Черному и Каспийскому морьям сдерживало экономическое развитие южных губерний. Сухопутные торговые пути с Украины в Польшу и Австрию не могли заменить морскую торговлю. Не имея гарантированной возможности сбыта товаров через черноморские порты, промышленники, дворяне, крестьяне и казаки не спешили экономически осваивать южные территории империи и заводить здесь хозяйство и торговлю.

С 60-х до середины 80-х годов Англия благоприятствовала экспансионистской политике России в Черноморском бассейне, хотя «дружеская поддержка», как всегда, была связана с благоприятными для Англии последствиями. Британский кабинет считал, что ни как торговая, ни как военно-морская держава Россия не сможет соперничать с Англией, которая способна поставить в зависимость всю ее морскую торговлю через южные порты.

Посланник в Петербурге лорд Каткерт писал в 1770 году: «Она (Россия. — *Авт.*) должна зависеть от нас и держаться за нас. В случае ее успеха это лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха — мы утратим лишь то, что не могли иметь»¹⁸.

Между тем из всех европейских стран Франция традиционно занимала самое влиятельное положение в левантийской торговле и в политике султанов.

Поддерживая Россию, Британия действовала по принципу «равновесия сил» и стремилась вытеснить Францию из зоны проливов, Эгейского архипелага и с Ближнего Востока.

В Европе политика «равновесия сил» привела к сближению Англии с противниками Франции — Австрией и Россией, что способствовало английскому вмешательству в европейские дела.

Франция в те годы занимала по отношению к России враждебную позицию). Французским послам в Петербурге королевские инструкции рекомендовали «ослаблять Россию изнутри, возбуждая в ней беспорядки»¹⁹, подталкивать Порту к войне с Россией.

Накануне Русско-турецкой войны 1768–1774 годов поверенным в делах в Константинополе был надворный советник Алексей Михайлович Обресков (1718–1787)²⁰. Еще совсем молодым человеком, после окончания шляхетского корпуса, он был причислен к посольству в Константинополе. Благодаря способностям, знанию языков вскоре стал правой рукой посла А.И. Румянцева, помогая ему вести дипломатическую переписку. Остался в Константинополе при резидентах (послах) А.А. Вешнякове и А.И. Неплюеве. После смерти А.И. Неплюева Обресков в феврале 1751 года назначен поверенным в делах в Константинополе и произведен в надворные советники, а с ноября 1752 года стал резидентом.

Искусный, тонкий дипломат, он хорошо знал особенности султанского двора, действовал хитростью, лестью и даже подкупом, умея ладить с капризным султаном Мустафой III и предотвращать происки против России послов других европейских государств.

При Петре III Обресков оказался в затруднительном положении, так как его внешнеполитические воззрения резко расходились со взглядами царя. Однако при Екатерине деятельность Обрескова вновь получила поддержку. Его способности высоко ценил Панин.

Парализовав интриги французского посла и польского резидента, подкупив переводчика, Обрескову удалось отсрочить начало военных действий Турции против России, за что он удостоился похвалы Екатерины II. Она написала на реляции Обрескова: «Ревность, искусство и усердие Обрескова довольно похвалить не можно»²¹.

Однако русско-турецкие отношения осложнились. Австрия стремилась вовлечь Турцию в дела Польши, чтобы ослабить там влияние России. Активно выступал против России крымский хан. Были смещены со своих постов великий визирь и рейс-эфенди, с которыми у Обрескова сложились хорошие отношения. Обресков в критическом положении просил совета у Панина, но тот, полагаясь на многолетний опыт Обрескова, лишь предоставил ему возможность действовать самостоятельно и распорядился послать в Константинополь на нужды резидента 70 тыс. рублей. Однако остановить неблагоприятное для России развитие событий было уже невозможно. Турции нужен был только повод, чтобы развязать войну. Им послужило нападение гайдамаков на местечки Балту и Дубоссары, принадлежавшие крымскому хану.

2. Война 1768–1774 годов. Кючук-Кайнарджийский мир

25 ноября 1768 года, воспользовавшись малозначительным поводом, султан объявил войну России. 11 членов посольства во главе с Обресковым поместили в Семибашенный замок (Едикуле). По традиции Порты так расправлялась с дипломатами страны, с которой находилась в состоянии войны. Когда начались военные действия, визирь взял с собой Обрескова на боевые позиции.

19 марта 1769 года А.М. Обресков, П.А. Левашов и все члены русского посольства в Константинополе выехали из Едикуле в сопровождении охраны из 150 янычар. Ночевали под открытым небом или в палатках. Наблюдали чудовищные условия, в которых жили подвластные Турции народы: их дома жгли, церкви громили и над пленными издевались. Русских дипломатов унижали и запугивали. Как пишет Левашов в поденных записках, перед палаткой Обрескова «водрузили в землю копия с торчащими на них почернелыми уже и смрадными головами»²². Большие утомительные переходы, строгий караул, походная жизнь были чрезвычайно тяжелы для 50-летнего Обрескова. Тем не менее он находил способы сообщать в Петербург о ходе военных операций, передавая ценные сведения.

Стратегический план турецкого командования состоял в том, чтобы, собрав армию в 300 тыс. человек, начать наступление на Каменец-Подольский и соединиться с противниками России в Польше — барскими конфедератами, численным превосходством заставить русских вывести войска из Речи Посполитой, а на Северном Кавказе и Южной Украине действовать с помощью отрядов крымчаков.

Российская армия к началу русско-турецкой войны 1768–1774 годов насчитывала 278 тыс. человек²³. За плечами был опыт Семилетней войны, который способствовал развитию военного искусства, усилению артиллерии, созданию легких и подвижных войск — егерей, реорганизации генерального штаба, введению нового строевого устава, который требовал от солдат «бодрости, проворства, дисциплины».

План военной кампании, рекомендованный Военной коллегией, которая получила от Екатерины II очень неопределенные указания, был рассчитан на пассивную оборону и призывал к «непропущению... турецких войск по возможности до пределов империи (границей Российской империи на Украине был Днепр. — *Авт.*) пресечением на пути или же баталиєю»²⁴.

П.А. Румянцев в докладе Екатерине II от 23 октября 1769 года предлагал, трезво учитывая обстановку, создавать возможности для начала наступательных военных действий, причем одновременно силами двух армий.

Весной 1770 года такие возможности появились, и российская армия в апреле перешла в наступление из района Хотина в междуречье Прута

и Серета. Русский флот был направлен из Кронштадта в Средиземное море для блокады Черноморских проливов и пресечения коммуникаций турецкой армии и столицы с Азиатской Турцией и Египтом. Предполагалось поднять национально-освободительное движение в Греции и на Балканах. Общее командование экспедицией было поручено Алексею Григорьевичу Орлову, флотом командовал адмирал Григорий Андреевич Спиридов.

Первой значительной победой русской армии на суше в войне 1768–1774 годов стал бой у Рябой Могилы, в результате которого турецкие войска бежали, «ужаснувшись от всех сторон их окружающих войск»²⁵.

Продолжая наступление, Румянцев атаковал противника на реке Ларга. В бою, продолжавшемся 8 часов, противник потерял до 1 тыс. человек, оставил 30 пушек. Следующая победа была одержана российскими войсками на реке Кагул, где русские войска в составе всего 27 тыс. человек победили в пять раз превосходившего по численности противника. Победа была достигнута огромным напряжением сил. В ней проявились мужество российских солдат, преимущества тактических приемов русской армии, умелое руководство боевыми действиями.

Разбив при Кагуле главные силы противника, командование России приняло решение овладеть системой крепостей в низовьях Дуная. 26 июля авангардный корпус под командованием Репнина взял Измаил, а 19 августа капитулировала крепость Килия. Устье Дуная с этого времени находилось в руках Румянцева²⁶.

Победы русских войск на суше были подкреплены выдающимися успехами на море. Русские корабли под командованием адмирала Спиридова 26 июня уничтожили в Чесменском заливе турецкий флот и теперь господствовали в Эгейском море. Кампания 1770 года принесла также успех союзнику России — Грузии.

Военные победы России обострили политическую обстановку. Они вызвали беспокойство западных держав. Французское правительство усилило антирусскую деятельность в Польше и Швеции, предложило Порте приобрести у него корабли. Австрия после вхождения российских войск в Дунайские княжества стала явно поддерживать Турцию. Пруссия, будучи формально союзницей России, не имела возможности выступать открыто, но действовала тайно через Австрию. Фридрих II и Иосиф II обменялись заверениями в соблюдении нейтралитета в русско-турецких отношениях, Фридрих при этом пугал Австрию угрозой растущего могущества России.

Пруссия и Австрия поставили в известность Порту о том, что они поддерживают ее позицию, советовали не торопиться с заключением мира и предложили свое посредничество при переговорах.

В августе 1770 года в Нейштадте вновь встретились главы Пруссии и Австрии. Фридрих II использовал это свидание для привлечения Австрии

к разделу Польши. Он претендовал на балтийское побережье Польши с Гданьском.

Австрия надеялась овладеть Южной Польшей с Краковом, а также Галицией (нынешняя Западная Украина) и к тому времени уже захватила часть этих земель. Фридрих II согласился не поднимать из-за этого шума. В Нейштадте Пруссия и Австрия заключили договор, который сводился к тому, что они не будут мешать друг другу в Польше. Сюда же явились представители Турции, официально предложившие Австрии и Пруссии взять на себя посредничество при заключении русско-турецкого мирного договора.

В 1771 году по инициативе Австрии венский двор и Порта заключили конвенцию, получившую название «тугутовой» (по имени Тугута — министра иностранных дел Австрии), по которой Австрия брала на себя обязательство любыми средствами — военными и дипломатическими — добиться возвращения Турции всех крепостей и земель, занятых русскими. Турция в ответ обещала Иосифу II субсидию в размере 10 млн пиастров и Малую Валахию.

Екатерина II восприняла этот демарш как угрозу военных действий со стороны Австрии и несколько умерила требования, которые намеревалась предъявить Турции: отказалась от пункта о независимости Молдавии и Валахии и от передачи России одного из островов Эгейского архипелага.

Опасность сближения Австрии и Пруссии и вмешательство их в войну на стороне Турции заставили Россию отказаться от политики сохранения целостности Речи Посполитой. 5 августа 1772 года Пруссия, Австрия и Россия подписали соглашение о разделе Речи Посполитой. Так сложное переплетение международных отношений наряду с основной причиной — развалом Польши — привело к лишению польского народа части его земель: Австрия захватила часть Малопольши и Галицию, Пруссия — Поморье и часть Великой Польши, к России отошли земли Восточной Белоруссии.

После этого «тугутова конвенция» не была ратифицирована Австрией. Австрия и Пруссия перестали активно поддерживать требования султана.

Российские войска в кампанию 1771 года овладели крепостями: Журжа, Мачин, Гирсово, уничтожили турецкие базы в Исакке, Тульче, Бабадаге и активной обороной Дуная обеспечили решение основной задачи кампании — овладели Крымом.

Боевые действия завершились в ноябре. Армии П.А. Румянцева удалось «побивая неприятеля, взять в добычь его все лагери, ... всю артиллерию, ... истребить все главные военные съестные магазейны, очистить... сопротивной молдавской берег дунайской, что на оном нигде уже не может неприятель поставить твердой своей нога»²⁷, как писал главнокомандующий в своем рапорте императрице.

В результате военных поражений Порты была вынуждена начать переговоры с Россией, которые происходили в Фокшанах с 27 июня 1772 года.

Россию на переговорах представляли А.М. Обресков и Г.Г. Орлов, Турцию — Осман-эфенди и шейх Яссини-заде. Шейх бездействовал и был «свадебным генералом». Осман-эфенди принадлежал к знатному роду, накануне войны занимал пост рейс-эфенди (министра иностранных дел). Но, будучи сторонником мира с Россией, впал в немилость и подвергся опале. Когда у Турции появилась нужда в мире, о нем вспомнили и назначили «президентом имперской печати». Осман был европейски образованным дипломатом, знал латынь, итальянский, греческий и другие языки. Турецкие дипломаты приехали в сопровождении представителей Австрии и Пруссии, последние, не имея официального статуса, тем не менее влияли на ход переговоров.

А.М. Обресков, который после настоятельных требований российского правительства был отправлен в Россию и назначен членом Коллегии иностранных дел, имел статус лишь второго уполномоченного. Первым, к большому неудовольствию Панина, Екатерина II назначила своего фаворита Григория Орлова. Будучи человеком опытным, знающим и независимым, Обресков высказывал свою точку зрения и своему покровителю Панину, и всецельному Орлову и настаивал на ней. «Я, милостивый государь мой, — писал он Панину, — не вступаю в объяснения резонов, для чего я таким или иным образом каждое дело предлагаю. Зная прямую цель, добираюсь до оной теми способами, которые мне способность моя дозволяет»²⁸.

На Фокшанском конгрессе Обресков начал действовать с крайней осторожностью. К главной проблеме переговоров — самостоятельности Крыма и переходу под власть России берегов Керченского пролива — он (с согласия Панина и Репнина) намеревался подойти постепенно, сломив сопротивление османских дипломатов по менее важным вопросам. Сразу обнаружили его расхождения с Г.Г. Орловым и той группировкой, которая стремилась немедленно решить задачи России, не учитывая реальной обстановки. Обресков шел к той же цели иными средствами. Он затягивал переговоры, просил предоставить больше возможностей для проявления «взапас пораспустить руки наши в деле продолжения перемирия»²⁹. Обресков пытался объяснить Орлову, что при дипломатических переговорах нужна постепенность. Однако Орлов желал быстрой развязки, тем более что ему стало известно о перемене его положения при дворе. Считая, что выполняет волю Екатерины, и в значительной мере действуя по ее желанию, он в ультимативной форме настаивал на самостоятельности Крыма. Несмотря на все усилия Обрескова, переговоры были сорваны, как считал Панин, из-за «бешенства и колобродства Орлова». После этого Г. Орлов устремился в Петербург, но опоздал: его место уже было

занято А.С. Васильчиковым, и ближе к трону оказалась группировка, враждебная братьям Орловым.

Между тем международное положение России в 1772 году ухудшилось: осложнилось положение в Польше, возросли реваншистские настроения в Швеции. Ширилось антикрепостническое движение внутри страны. Народ устал от тягот затянувшейся войны. Спихватившись, Екатерина послана предписание избегать разрыва переговоров, ибо в случае затяжки войны «дела империи будут находиться в самом важном кризисе, какого со времен императора Петра I для России не настояло»³⁰. Но было поздно. Послы покинули Фокшаны.

Совместными усилиями Н.И. Панину, П.А. Румянцеву, А.М. Обрескову, которые боролись против «предприятий, — по определению Панина, — в действе несбытошных, а в теории ласкательных»³¹, удалось добиться возобновления переговоров. Они состоялись в октябре 1772 года в Бухаресте. Обресков на этих переговорах был единственным представителем России, действовал он умело, руководствуясь соображениями Панина, который писал: «Мы поставлены теперь в наикритическое положение через сей разрыв, возобновляющий войну старую и ускоряющий новую. Вам поручается извлечь отечество из такого жестокого кризиса»³². Трезво оценивая обстановку, Обресков действовал с чрезвычайной осторожностью. Добиваясь своих целей, он умышленно затягивал переговоры, решая, казалось бы, второстепенные дела. Таким образом, ему удалось согласовать в Бухаресте 10 статей — 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 21, 23 и 25-ю, которые вошли позже в Кючук-Кайнарджийский договор. Эти статьи предусматривали взаимный обмен пленными и невольниками, подданными, перешедшими на сторону неприятеля; решали вопросы о ранге дипломатических представителей; возвращении награбленного имущества и свободе выбора вероисповедания; пропуске паломников; строительстве крепостей в порубежной зоне; праве России решить судьбы отвоєванных у Турции грузинских крепостей (Шоропани, Багдади, Кутаиси), города эти Россия передала Грузии; вопрос о принадлежности Кабарды отдавали на усмотрение крымского хана³³. Так был сделан первый шаг к заключению мира.

Будучи дальновидным политиком, Обресков добился не только принятия Портой правительственного проекта договора, ему даже удалось включить дополнительные статьи, которыми регулировались отношения Турции с подвластными ей народами. Эти статьи расширяли права славян, грузин, румын, молдаван, греков и др., что способствовало развитию освободительного движения и дружественных отношений их с Россией.

Отстаивая права христианских подданных Порты, Обресков выдвигал идею приравнять Молдавию и Валахию в правовом отношении к Дубровницкой республике — наименее зависимой из всех владений Османской империи. Он добивался, чтобы при размене военнопленными были освобожд-

дены «попавшие в неволю поляки, молдоване, пелопонесцы, островные жители (греки Архипелага. — *Авт.*) и грузинцы»³⁴.

В условиях продолжавшейся войны с Турцией и нестабильных отношений со Швецией Обресков считал возможным включить в договор статью о свободе плавания через проливы лишь торговых судов. Его поддержал Совет при высочайшем дворе. Большинство его членов считали, что важнее всего получить доступ в Черное море хотя бы для торгового флота³⁵. Но Екатерина II на это не согласилась. «Я ни под каким видом не хочу, — высокомерно заявляла она, — чтобы мне турки предписывали, какой род кораблей мне иметь или не иметь на Черном море. Турки биты, не им предписывать законы, в противном случае еще могут отведать счастья, а законов не хочу»³⁶.

Переговоры вновь были прерваны, Румянцеву послан план дальнейших военных операций, но не такой, как рекомендовал фельдмаршал. Румянцев, отличавшийся энергией, решительностью, считал тем не менее необходимым провести серьезную подготовку к военным действиям и не упускать возможностей заключения мира. План, присланный из Петербурга, требовал немедленной атаки на Стамбул с суши и с моря. Это был вариант все того же плана Орловых. «Судите по сему, — писал с горечью полководец Обрескову, — сколько вдали вещи в другом образе могут представляться, нежели как мы их ощущаем под глазами»³⁷.

Соотношение сил складывалось невыгодно для русской армии. В составе Первой армии было около 55 тыс. человек, что, конечно, не позволяло предпринять общее наступление за Дунаем. Сложной была обстановка внутри страны, где развернулась мощная волна крестьянских восстаний. Исходя из сложившейся ситуации, Румянцев продолжал вести активную оборону и готовился к общему наступлению. Он категорически выступил против плана Алексея Орлова овладеть Константинополем. Свою точку зрения Румянцев обосновал необходимостью исходить из реальных возможностей, «соразмерять число сил с великим пространством объятной земли, которую защищать должно»³⁸.

6 июня российские войска переправились через Дунай, но решительной победы достичь не удалось, как не удалось и закрепиться на противоположном берегу³⁹. Сказались малочисленность войск, недостатки в снабжении, общая усталость.

Неудача кампании 1773 года, враждебная позиция Австрии, восстание Е.И. Пугачёва заставляли Петербург торопиться с завершением войны и все настойчивее искать мира.

Победы России в войнах с Османской империей никогда не давались ей легко. Они достигались в борьбе с государством, которое хотя и ослабло по сравнению с тем, каким было в XVII веке, но еще обладало огромными материальными и людскими ресурсами, оставалось мощным в военном отношении. К тому же во время международных конфликтов и войн за

спиной султанского правительства обычно стояли заинтересованные европейские кабинеты, в то время как Россия в своей восточной политике редко могла рассчитывать на союзников, если не принимать в расчет народы балканских земель.

В начале 1774 года, после смерти султана Мустафы III, его преемник Абдул Гамид возобновил военные действия. Россия всеми силами — и дипломатическими, и военными — стремилась заставить противника пойти на заключение мира. В июне 1774 года российские войска под командованием Суворова, в то время генерал-майора, одержали крупную победу под Козлуджей. В бою турецкая армия потеряла более 1 тыс. человек, 29 орудий, 107 знамен⁴⁰. Одновременно дивизия под командованием Салтыкова разбила сильный отряд противника под Туртукаем (на Дунае), а войска во главе с Заборовским, направленные на Балканы, одержали победу над 4-тысячным турецким отрядом.

Войска противника, сосредоточенные в Силистрии, Шумле и Рущуке, были блокированы значительными русскими соединениями. После победы при Козлудже русская армия двинулась на Шумлу, где сосредоточились турецкие войска под командованием визиря Изета Мехмед-паши. Понимая, что помощи ждать неоткуда, и предвидя штурм, визирь попытался договориться о перемирии. «Ни перемирия, ни переговоров. Только мир», — ответил Румянцев.

Кючук-Кайнарджийский мир стал во второй половине XVIII века первым успехом не только российского оружия, но и дипломатии. Возможность заключения такого выгодного для России договора, конечно, была достигнута в первую очередь благодаря блестящим победам, одержанным знаменитыми российскими полководцами и доблестными российскими войсками. Однако внешнеполитические успехи той эпохи были достигнуты и за счет чрезвычайно искусной дипломатической деятельности Екатерины II, Н.И. Панина, Г.А. Потемкина, Н.В. Репнина. Особую роль в заключении Кючук-Кайнарджийского мира сыграл российский дипломат Алексей Михайлович Обресков.

4 июля уполномоченные султана прибыли в деревню Кючук-Кайнарджи. С русской стороны переговоры было поручено вести Н.В. Репнину. Н.В. Репнин постоянно держал в курсе переговоров фельдмаршала П.А. Румянцева, имевшего ставку в нескольких километрах от Кючук-Кайнарджи, в городе Шумле. Обресков не присутствовал на подписании договора, хотя Румянцев считал, что именно ему, «строителю русско-турецкого мира»⁴¹, принадлежит это право. Из-за разлива Дуная Обресков опоздал на один день. Договор был подписан 10 июля⁴² генералом и дипломатом князем Николаем Васильевичем Репниным.

Н.В. Репнин (1734–1801) происходил из старинного русского рода, ведущего начало от черниговского князя Михаила. Он служил под коман-

дованием Румянцева. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов участвовал в битвах при Ларге и Кагуле, взятии Силистрии⁴³.

Особых затруднений при подписании мира не возникло. Все было подготовлено Обресковым заранее, и Репнин повез в Петербург вместе с сыном фельдмаршала М.П. Румянцевым сообщение об успехах оружия и российской дипломатии. Екатерина II писала Румянцеву; «Этот мир — знаменитейшая услуга... перед нами и отечеством... Вам одолжена Россия за мир славный и выгодный, какового по известному упорству Порты Оттоманской конечно никто не ожидал, да и ожидать не мог...»⁴⁴.

По условиям Кючук-Кайнарджийского мира Россия получала свободу мореплавания на Черном море. Русские купеческие корабли имели право свободного прохода через Дарданеллы и Босфор. Некоторые статьи договора создавали благоприятные условия для проникновения России на Балканы.

С той же целью — распространение политического влияния — Россия использовала статью 2 Кючук-Кайнарджийского договора, позволявшую создавать во всех владениях Османской империи русские консульства и вице-консульства. Договор утвердил политическую независимость Крымского ханства от Османской империи. Россия получила на восточном берегу Крыма крепости Керчь и Еникале, запиравшие вход в Азовское море, и крепость Кинбурн в устье Днепра, а также право укреплять город Азов. Границы Российской империи раздвинулись на юго-восток до Кубани и на юго-запад до Южного Буга. На Северном Кавказе в подданство России перешли Кабарда, Северная Осетия и другие земли.

Кючук-Кайнарджийский мир стал важным рубежом в истории международных отношений Юго-Восточной Европы нового времени. Некоторые советские историки⁴⁵ считают, что именно тогда начал свое развитие так называемый восточный вопрос — тот узел международных противоречий, связанных с Балканами и Ближним Востоком, который на протяжении полутора столетий занимал видное место во внешнеполитических отношениях Европы.

В 1774 году была намечена программа русской политики в Юго-Восточной Европе, которая последовательно осуществлялась в течение десятилетий. Ряд статей Кючук-Кайнарджийского договора стал опорной базой дипломатической борьбы вокруг балканской проблемы. Неотчетливо сформулированное (думается, не случайно) право защищать интересы христианской религии и церкви в Турции стало толковаться расширительно и давало повод в будущем выдвигать перед Портой требования об улучшении общественно-политического положения ее христианских подданных, о реформах. Гарантия Россией привилегий и автономии Молдавии и Валахии создала прецедент для подобного статуса и в других турецких провинциях. Консульства и вице-консульства, которые основывались в балканских городах и на островах Восточного Средиземноморья в со-

ответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского мира, хотя официально имели назначение содействовать интересам русской торговли, на деле использовались в политических целях и стали надежными каналами для установления непосредственных контактов с представителями балканских народов и расширения русского влияния.

После Кючук-Кайнарджийского мира балканские народы один за другим начали выходить на международную арену. Делая первые попытки в проведении самостоятельной политики, они опирались на дипломатическую, военную и моральную помощь России.

Но потребовались еще одна Русско-турецкая война (1787–1791 гг.), усилия российской дипломатии, Ясский мир, чтобы добиться выполнения Кючук-Кайнарджийского договора. Не желая выполнять ряд его статей, Порта надеялась на реванш. В 1775 году полномочный посланник в Турции князь Н.В. Репнин, сменивший Обрескова, возобновил прерванные войной дипломатические отношения и добивался выполнения условий мирного трактата. Уклоняясь от выполнения договора, Турция надеялась на поддержку европейских держав. Она прекратила выплату контрибуции, возобновила назначение в Крым судей и таможенных чиновников и готовилась к новой войне с Россией и пересмотру условий Кючук-Кайнарджийского договора. В 1776 году Турция потребовала возврата Кинбурна и отказалась выполнять пункт договора 1774 года о независимости Крыма.

Российское правительство приняло решение ввести в Крым войска в поддержку сторонника русской ориентации Шагин-Гирея, которого в 1777 году под нажимом России крымские мурзы избрали ханом. Вскоре против него в Крыму поднялось восстание. Турецкое правительство попыталось свергнуть его и назначить других ханов (Селим и Бегадыр-Гиреев), но его желание не встретило поддержки со стороны западноевропейских держав, не было единства и среди татарских мурз, и Шагин-Гирей оставался ханом до 1783 года. Споры с Турцией удалось урегулировать, Айналы-Кавакская конвенция 10 марта 1779 года подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского договора. Однако нарушения его Турцией продолжались. Указом от 8 апреля 1783 года правительство Екатерины II, сославшись на них, включило Крым в состав Российской империи.

3. Россия и балканские земли

Составной частью Восточного вопроса всегда являлся балканский — как проблема освобождения от власти Турции поработенных ею в XIV — XVI веках европейских народов: греков, южных славян, молдаван и валахов, албанцев и восстановления в Юго-Восточной Европе национальных государств.

В XVIII веке Россия оказывала заметное влияние на политическую перестройку владений Турции в Европе и последующее создание на Балканах новых самостоятельных государств.

В турецкие владения в Юго-Восточной Европе входили области и районы, различные по уровню общественно-экономического развития. Их население — греки, сербы, болгары, молдаване, валахи, албанцы и турки-османы — различалось по этнической принадлежности и языку. Ни один из этих народов еще не сформировался в нацию. Их политическое и социальное положение определяла религиозная принадлежность. Мусульмане были господствующей группой населения, христиане, в большинстве греки православного исповедания, относились к угнетенным народам. Турки составляли небольшую часть жителей Балканского полуострова, гораздо более многочисленными были «потурченцы» — местные жители, принявшие ислам.

Для турецкого правительства понятия «грек» и «раяя» относились ко всем православным, однако у самих балканских народов национальное самосознание было сильно развито. У южных славян издавна существовало ясное представление об их общности по языку, этническому происхождению и религии, об их тесной связи с русским народом. Лишенные самостоятельных государств, разобщенные под властью Турции, Австрии и Венеции, они не утратили традиций национальных государств, уходящих корнями в Средневековье. Хранили воспоминания о болгарских царствах, государстве Стефана Великого, о Скандербеге. Балканские народы стремились поддерживать отношения с православной Россией, и чем сильнее становилось Российское государство, чем заметнее была его роль в международных делах, тем отчетливее выражалось их стремление быть под покровительством России, в орбите ее влияния. Имеются многочисленные обращения представителей балканских народов к правительству России с просьбой принять их под свое покровительство. Примером могут служить письма русинского князя Рашковича и босанского Хазиладжича, которые писали: «Если теперь не поможете нам, то верно весь сей народ пропадет...»⁴⁶.

В XVIII веке, начиная с правления Петра I, отношения России с народами Балкан были традиционно дружественными. По указу Петра после Прутского похода 1711 года было создано сербское воинское соединение под командованием Ивана Албанеза. Оно получило разрешение поселиться в Азовской губернии. Им были отведены удобные земли⁴⁷. При Елизавете Петровне русско-славянские связи окрепли, чему способствовало переселение многочисленных беженцев с Балкан в пределы России, особенно в ее южные районы. В Россию перешло значительное число сербов, ранее состоявших на австрийской службе. Были образованы два компактных военных поселения: Славяносербия под Бахмутом и Ново-Сербия под Новомиргородом⁴⁸.

Выходцы с Балкан поселились также в Саратовской и Оренбургской губерниях. Воинские формирования из балканских народов принимали

активное участие в боевых действиях русской армии во время Русско-турецких войн 1768–1774, 1787–1791 годов. Их храбрость и боевое мастерство отмечали П. А. Румянцев, А. В. Суворов, Г. А. Потёмкин⁴⁹.

О широких связях России с балканскими народами, стремлении Екатерины II привлечь их на свою сторону как естественных союзников в противостоянии Османской империи свидетельствуют ее грамоты и обращение с призывом присоединиться к русским войскам и вести войну «против агарян»⁵⁰.

Особое место во взаимодействиях России с балканскими народами занимала Греция. Греки имели прочные экономические связи с Россией. Греческие купцы, обосновавшись в Одессе, Херсоне, Нежине, вели торговлю в бассейне Черного и Средиземного морей на своих судах, но под русским флагом.

Русско-турецкие войны и влияние Великой французской революции ускорили формирование в последней трети XVIII века на Ионических островах движения за освобождение от власти Османской империи и за создание независимого государства.

Объективно поддержка Россией греческого освободительного движения, в частности, помощь, которую по повелению Екатерины II командующему 2-й эскадрой русского флота и сухопутными войсками в Средиземном море С. К. Грейгу⁵¹ оказывали повстанцам русский флот и сухопутные войска, способствовала обеспечению прав христианских подданных султана. А впоследствии позиция России по отношению к восставшим грекам сыграла важную роль в создании независимого государства — Греции.

Отсутствие у народов Балкан самостоятельных государств затрудняло их политические связи с Россией, вынужденной вступать в официальные отношения с привилегированной верхушкой общества. Благоприятно складывались в XVIII веке политические отношения России с Черногорией, что объяснялось определенной степенью независимости этой отдаленной окраинной земли, свободолюбием черногорцев, их высокими воинскими качествами. На протяжении XVIII века в Черногорию были направлены четыре миссии (в 1742, 1752, 1762, 1797 гг.), что свидетельствовало о серьезных намерениях петербургского двора, заинтересованного в установлении контактов.

Однако Черногория в то время не могла быть серьезным союзником в борьбе с Портой. Невелики были ее территория и население. Низкий уровень экономического развития, постоянная межплеменная рознь и слабость центральной власти значительно снижали значение Черногории как политического фактора на Балканах.

Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года, благодаря которому Россия сохранила ведущую роль в международных отношениях в Юго-Восточной Европе, послужил новым импульсом в развитии отношений с балканскими

народами. Укреплялись русско-балканские связи. Теперь уже не только чрезвычайные посланники в Константинополе и Вене, но и генеральные консулы, консулы и вице-консулы — Спиридон Варука из Триеста, майор Бенаки из Корфу, Антон Палладоклис из Далмации, надворный советник Денис Мельников из Салоник, Химер Пано Бичияк из Албании, Иван Войнович из Архипелага, Христофор Комнено из Морей⁵² — освещали в своих донесениях весь спектр отношений балканских народов к Турции, России и другим европейским государствам.

Укрепление связей способствовало появлению в России представителей привилегированного слоя балканских народов, которые вливались в круг государственных и военных деятелей страны (Милорадовичи, Войновичи, Текелии и др.), что, в свою очередь, помогало расширению контактов. Велика была также роль русского Синода в осуществлении связей с балканскими христианскими народами.

Большой внешнеполитический успех России привел к перераспределению сил в Европе. Франция после короткого сближения с Россией (торговый договор 1788 г.) вернулась к традиционной политике поддержки Османской империи. Англия и Пруссия также оказывали давление на Порту, подталкивая ее к войне с Россией, и обещали свою военную поддержку. Австрия, учитывая сокращение военной силы Турции, решила приступить к расширению своих владений за ее счет. Таким образом, в новой войне Турции с Россией были заинтересованы почти все великие державы Европы. Стремление правительственных и дипломатических кругов России избежать войны или отдалить ее не увенчалось успехом.

Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов связи России с народами Балкан продолжали укрепляться. Многие добровольческие отряды сербов, боснийцев, герцеговинцев действовали на своей территории против османов. Другие вливались в состав русской армии и флота и участвовали в боевых операциях, которые вела русская армия. В 1788 году русское правительство готовило отправление из Балтии в Средиземное море большой эскадры русского флота и сухопутных войск под командованием генерал-поручика Заборовского. Действия экспедиции должны были способствовать подготовке восстания на Балканах поработенных Османской империей народов. Однако правительство Англии сумело сорвать это мероприятие.

В XVIII веке освободительное движение балканских народов приобретало активный характер во время войн, которые вели с Османской империей европейские государства. Правда, ни одна из этих войн не закончилась сокрушительным разгромом Турции, и сопровождавшие их восстания терпели поражение.

Однако совместное участие в военных действиях расширяло круг вместе борющихся против общего врага. Хотя русский царизм претендовал на установление безраздельного влияния на турецких подданных

христиан и с их помощью стремился решить свои задачи, объективно его цели совпадали со стремлением балканских народов к освобождению от сковывавшего их многовекового подчинения Османской Турции.

Проникновению России на Балканы всячески противодействовали Англия, Франция и Австрия, преследовавшие свои экспансионистские цели. В этой сложной исторической обстановке Россия не могла сделать большего. Естественное желание видеть народы Балкан освобожденными от османских завоевателей в исторически кратчайшие сроки находилось в противоречии с объективными условиями эпохи. Без учета этого фактора нельзя правильно понять внешнеполитические проблемы той поры.

4. Русско-турецкая (1787–1791 гг.) и Русско-шведская (1788–1790 гг.) войны. Ясский мир

Заключение Кючук-Кайнарджийского мира и первый раздел Речи Посполитой заметно изменили международное положение России в Европе и укрепили ее позиции.

Обострились претензии Англии и Франции к Пруссии. Англию беспокоил захват Пруссией устья Вислы, так как это мешало британской торговле с Польшей. Франция была тоже обеспокоена усилением своего геополитического противника в Европе — Пруссии. К тому же французские политики традиционно поддерживали антироссийские настроения в Речи Посполитой. Австрия в какой-то мере удовлетворила свои претензии к Польше, но ее все больше тревожил русско-пруссский альянс, тем более что в германских землях назревала новая война — за наследство престарелого баварского правителя Максимилиана-Иосифа.

На это наследство претендовали Пруссия и Австрия. Война началась в 1787 году, и когда в Петербурге увидели, что Пруссия не выдерживает борьбы, то предложили свое посредничество в заключении мира. Для подкрепления предложений к границам Австрии в Галиции придвинули русскую армию.

В итоге был заключен компромиссный мир, подтвердивший неизменность устройства Священной Римской империи и сохранивший австро-пруссский дуализм в Германии. Обязанности гарантов взяли на себя Россия и Франция, заключив 24 мая 1779 года в Тешене специальный акт. Участие России в Тешенском конгрессе показало, что она прочно завоевала ведущее место в «концерте» великих европейских держав.

Победа в Русско-турецкой войне привела к осложнению отношений России и Пруссии и к сближению России с Австрией. Об этом свидетельствовали встреча императора Иосифа II с Екатериной II летом 1780 года в Могилёве и русско-австрийское соглашение 1781 года о союзе против Турции.

Заключение этого союза было первым шагом на пути разработки так называемого греческого проекта Екатерины II и Иосифа II. Проект предполагал ликвидацию Османской империи и создание на ее землях балканского государства Дакии и полузависимой от России Греческой империи (Византии).

Включение Крыма в состав России и Георгиевский договор 1783 года о принятии Грузии под протекторат России послужили предлогом для объявления Турцией новой войны. Целью войны со стороны Османской империи была отмена Кючук-Кайнарджийского договора.

Последняя в XVIII веке Русско-турецкая война (1787–1791 гг.) началась в трудной для России внутривосточной и международной обстановке.

Главнокомандующим войсками был назначен Г.А. Потёмкин. Русская армия еще только сосредоточивалась на Днестре, когда 21 августа 1787 г. турецкие войска обрушили свой удар на Кинбурн. Под командованием А.В. Суворова, руководившего обороной не только Кинбурна, но и всего Черноморского побережья от Херсона до Крыма, российские войска отразили атаки во много раз превосходившего по численности турецкого войска. Победа под Кинбурном⁵³ показала, что Турции не удастся с ходу овладеть Крымом и уничтожить Севастополь — главную базу русского Черноморского флота.

Одновременно на Северном Кавказе русский отряд под командованием П.А. Текели оттеснил за Кубань вооруженные отряды крымских татар.

Победы России усилили противодействие Англии и Пруссии. В августе 1788 года на основе Берлинского договора возник союз Англии, Пруссии и Голландии, направленный против России, ослабивший ее позиции на Ближнем Востоке и в Прибалтике. Ту же цель — вытеснение России с балтийских берегов — преследовала Швеция, начавшая без объявления войны военные действия летом 1788 года. Уже введя в Финский залив свой флот и осадив крепости Нейшлот и Фридрихсгам, шведский король Густав III направил в Петербург ноту, в которой предъявил России фантастические требования. По существу, они сводились к аннулированию всех договоров — Ништадтского, Абоского, Кючук-Кайнарджийского и должны были лишить Россию всех территорий, которыми она завладела в кровопролитных войнах XVIII века, вновь преградить ей выход к Балтийскому и Черному морям.

Российской дипломатии было ясно, что за спиной Густава III сильная поддержка Англии, Пруссии и Турции.

К моменту нападения шведов северная граница России была слабо защищена⁵⁴. Сюда была срочно переброшена из Средиземноморья морская эскадра под командованием адмирала С.К. Грейга. Морское сражение произошло 6 июля 1788 года у острова Гогланд. Оно продолжалось 5 часов и окончилось победой российского флота. Понеся серьезные потери, шведский флот укрылся в Свеаборге⁵⁵. Победа над шведским флотом при

Готланде сорвала план Густава III овладеть Петербургом. В августе шведы сняли осаду крепостей Нейшлот и Фридрихсгам и отступили к своим границам.

Военная победа России способствовала ее дипломатическому успеху. Дания — союзница России — в августе 1788 года выступила в ее поддержку. Датские войска осадили шведский порт Гётеборг. Английский посланник в Копенгагене Хью Эллиот предъявил ультиматум принцу Гессенскому, требуя снять осаду Гётеборга, в противном случае он угрожал вмешательством Англии и Пруссии в военные действия. Столь энергичное давление устрало Данию, которая 9 октября 1788 года заключила перемирие и сохраняла нейтралитет до конца Русско-шведской войны.

Не могла Россия рассчитывать и на помощь Австрии. Она, преследуя свои цели, направила войска в Сербию и на Адриатическое побережье, то есть второстепенный участок борьбы против турецких войска.

Русское командование считало главной задачей кампании 1788 года овладение крепостью Очаков. Екатеринославская армия под командованием Г.А. Потёмкина и украинская под командованием П.А. Румянцева под прикрытием Черноморского флота начали наступление на крепость. Очаков был хорошо укреплен французскими инженерами, крепость имела необходимый запас оружия и продовольствия, а в гавани Очакова сосредоточились основные силы турецкого флота под командованием капудан-паши Эски-Гасана.

3 июля 1788 года у острова Фидониси⁵⁶ произошло сражение, в котором турецкий флот, несмотря на численное превосходство, потерпел поражение. Успех был достигнут в значительной мере благодаря смелым действиям командовавшего авангардом русского флота, в то время капитана бригадирского ранга, Ф.Ф. Ушакова⁵⁷.

В сражениях в Днепровско-Бугском лимане в июне Турция понесла большие потери от гребной флотилии, сформированной еще в предыдущую войну. Россия стремилась ускорить окончание войны с Турцией. Победы на море дали возможность активизироваться сухопутным силам. Украинская армия под командованием П.А. Румянцева овладела крепостью Хотин, а 6 декабря 1788 года пал Очаков. В 1789 году военные действия российских войска как на южном направлении против Турции, так и на северо-западном против Швеции развивались успешно.

Между тем, уступая настояниям английских и прусских дипломатов, союзная австрийская армия бездействовала, в боях участвовал лишь 18-тысячный корпус Кобурга. Главные силы турецкой армии концентрировались у Фокшан. Когда они перешли в наступление, Кобург просил Суворова о помощи. Неслыханный по тем временам темп марша российских войска (60 км за 26 часов) позволил Суворову внезапно атаковать неприятеля. Турецкие войска, не выдержав удара, сопровождавшегося штыковой атакой

русской пехоты, стали беспорядочно отходить, бросая пушки и знамена. В сражении у Фокшан были продемонстрированы великолепные боевые качества русских войск и полководческое дарование Суворова.

В дальнейшем ходе военных действий Турция сосредоточила свои силы в районе Измаила (30 тыс. человек) и Браилова (100 тыс.). Наступление началось в районе Измаила, но, как оказалось, это был отвлекающий маневр. Основные действия должны были развернуться в районе Браилова. Когда это стало ясно, Потёмкин отменил уже назначенный штурм Измаила и приказал войскам отступить к Кишинёву.

В сражении на реке Рымник был блестяще осуществлен план Суворова, смысл которого состоял в нанесении мощного удара на главном направлении с задачей занять территорию до Дуная.

Победа на реке Рымник, где противник имел четырехкратное численное преимущество и все-таки потерпел поражение, подняла боевую славу русской армии и полководца Суворова. Ему было присвоено право именоваться Суворовым-Рымникским⁵⁸.

Успешно развивались военные действия и в Финляндии. Российские сухопутные войска отеснили шведов за реку Кюмень, а галерный флот одержал победу при Роченсалме⁵⁹.

Несмотря на успехи военной кампании 1789 года, русское правительство стремилось скорее заключить мир с Турцией. Однако этому активно противодействовала дипломатия Англии и Пруссии. Отношения обострились настолько, что казалось, избежать войны между Англией и Пруссией, с одной стороны, и Россией и Австрией — с другой, не удастся.

Австрия в 1790 году сделала неожиданный шаг. Она заключила с Турцией сепаратное перемирие, взяв на себя обязательство не оказывать помощи России. Оставшись без союзника, не получив от Турции ответа на предложение начать мирные переговоры, Россия продолжала вести военные действия.

Черноморский флот под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова развернул активное наступление. 2 июля 1790 года Севастопольская эскадра в Керченском проливе обратила в бегство турецкий флот, предотвратив попытку Турции высадить десант в Крыму.

Разгром турецкого флота дал возможность перебросить гребную флотилию с Днепровско-Бугского лимана на Дунай. Действуя совместно, сухопутные войска и суда гребной флотилии овладели крепостями Тульча, Исакча, Браилов. Оставалось взять неприступный Измаил. Запять дней до штурма командующий армией Суворов отправил коменданту крепости письмо: «24 часа на размышление для сдачи — и воля! Первые мои выстрелы — уже неволя. Штурм — смерть!»⁶⁰ Комендант отказался капитулировать, и крепость была взята в течение одного дня. Суворов еще раз продемонстрировал свой блестящий военный талант, а руководимые

им войска — бесстрашие, храбрость и воинскую выучку. «Крепость Измаильская, — доносил Суворов, — столь укрепленная, сколь обширная и которая казалась неприятелю непобедимую, взята страшным для него оружием российских штыков»⁶¹.

Мирные переговоры России со Швецией начались еще в марте 1790 года, и, хотя военное поражение Швеции было очевидным, под давлением Англии и Пруссии они затянулись. Наконец 3 августа 1790 года в финской деревне Вервле был подписан мир на условиях возвращения к довоенному положению, что было победой русского оружия и российской дипломатии и поражением дипломатии англо-прусской.

Российская армия была разбросана по огромной территории: в Крыму, на юге Украины, в бассейне рек Днестра и Дуная. И все же русская армия и флот в 1790–1791 годах сумели одержать над вооруженными силами Турции победы, сделавшие для нее невозможным дальнейшее ведение военных действий. Победы эти были достигнуты благодаря замечательным боевым качествам русского флота и армии. Они освящены славными именами Суворова и Ушакова.

Успехи крайне обеспокоили правительство У. Питта, которое, добиваясь международной изоляции России, стремилось создать коалицию из Пруссии, Турции, Польши, Дании и Швеции. Лихорадочная дипломатическая деятельность по созданию общеевропейской антирусской коалиции развернулась и в Константинополе, Вене, Стокгольме, Копенгагене, Гааге, Мадриде. Успеха удалось достичь лишь в Константинополе: Турция обещала развернуть военные действия весной 1791 года.

Смерть Потёмкина приостановила подготовку к конференции по вопросам перемирия. В Яссы был срочно послан действительный тайный советник граф А.А. Безбородко. Между ним и Екатериной II установилась переписка. Из этой переписки, а также протоколов конференции в Яссах можно сделать вывод о важнейшей роли Безбородко в заключении выгодного для России мира⁶².

Советник Екатерины прибыл в Яссы 4 ноября и принялся за изучение дел, в чем ему помогали генерал-поручик Самойлов, генерал-майор И.М. Рибас и статский советник А.С. Лашкарёв. В ответ на первые донесения Безбородко императрица предоставила ему полномочия на ведение переговоров от ее имени, а также определила свое отношение к ним: «Бога для ни вершка не давайте им по сю сторону Днестра»⁶³.

10 ноября состоялась первая в присутствии Безбородко конференция российских и турецких уполномоченных, на которой представитель России четко поставил вопрос: «Хотите войны или мира? Можете иметь и то и другое. Выбор за вами»⁶⁴. Рескриптом от 19 ноября Екатерина одобрила действия графа и предложила, не тратя времени на обсуждение каждой статьи, обсуждать сразу весь пакет из шести артикулов и одного сепаратного пункта.

Хотя дискуссия по статьям, на основе которых должен был быть заключен мир, шла не просто и Безбородко приходилось отражать атаки противной стороны, некоторые положения благодаря настойчивости российского уполномоченного удалось даже улучшить по сравнению с тем, как они были записаны в Кючук-Кайнарджийском договоре. Так, жители Молдавии были освобождены на два года не только от дани, как это было записано ранее, но и от других повинностей, которые были не менее разорительны. Что касается Восточной Грузии, то там было предусмотрено увеличение срока свободной продажи имений, оставляемых переселенцами.

Хотя дела шли успешно, Безбородко волновала оценка его дипломатической деятельности Екатериной. Он ревниво осведомлялся у своего друга президента Коммерц-коллегии графа Александра Романовича Воронцова, действительно ли им довольны, «или уже теперь жребий всякого, что никто так не угодит, как покойник, который все один знал и умел»⁶⁵ (речь шла о Потёмкине).

Успеху Безбородко в Яссах содействовали поддержка императрицы, знание истории дипломатических отношений России с другими державами, в частности, и с Турцией. Способствовало успеху переговоров и то впечатление, которое сложилось у великого визиря Юсуф-паши о Безбородко: «Доброжелателен, благоразумен, пронитателен и справедлив». Помогало российскому уполномоченному и то, что он постоянно получал из разных источников сведения о всех перипетиях закулисной борьбы в диване вокруг переговоров. А в нужные моменты, чтобы оказать давление на Порту, генерал Каховский по просьбе Безбородко демонстрировал силу российских войск⁶⁶.

Наиболее оживленные споры вызывали две последние статьи договора: «О закубанских народах» и «О денежной компенсации». Екатерина писала Безбородко: «О закубанских народах надо настоять, чтобы в договоре было зафиксировано, что или Порты отвечает за все неустройства и набеги, которые от тех народов могут нам иногда причинены быть, или (бы турки) предоставили нам самим право обуздать и усмирить их, не почитая такого наказания за нарушение с нею мирного трактата». Относительно требования о денежной компенсации за понесенный Россией ущерб Екатерина выражала опасение, как бы это не вызвало возражения со стороны Англии и других европейских государств; ведь еще два года назад Россия объявила, что больше не требует денежного возмещения. Впрочем, окончательное решение этого вопроса она предоставила самому Безбородко, надеясь на его опыт и желание «приобрести выгоды для государства нашего»⁶⁷.

Руководствуясь этими распоряжениями, Безбородко с блеском завершил переговоры. Создав впечатление, что главное, на чем будет настаивать Россия, это денежная компенсация, он легко добился уступок по вопросу

о закубанцах, а когда Порта наконец согласилась, что «она делается ответственной за все беспорядки, могущие произойти от закубанских племен... и обязуется вознаградить из своей казны все убытки, нанесенные корсарами подданным Российской империи», граф торжественно провозгласил: «Поскольку Порта соглашается на артикул мною предложенный, отвращающий разрыв и дальнейшее пролитие крови, объявляю, что Российская империя не требует никакого денежного удовлетворения и дарует мир многочисленным миллионам людей, населяющих Россию и Османскую империю»⁶⁸. Так в торжественной обстановке 29 декабря 1791 года завершились переговоры. На последней, 14-й конференции был подписан мирный трактат⁶⁹. Оценивая дипломатическую деятельность Безбородко в Яссах, молодой в то время дипломат Ф.В. Ростопчин с восхищением писал: «Для успеха в самом трудном деле ему стоит только приняться за работу. Он оказал России самую важную услугу, какую только можно было сделать»⁷⁰.

Возвратившись в марте 1792 г. в Петербург, Безбородко встретился с могущественным соперником — 26-летним фаворитом Екатерины П.А. Зубовым, недалеким, самонадеянным человеком. Новый любимец императрицы избрал своим советником А.И. Моркова, опытного и достаточно властолюбивого человека, бывшего сослуживца графа. «Зубов, считая себя главным распорядителем делами империи, высказывает грубую, возмутительную гордость, — писал о нем граф Ф.В. Ростопчин, — все его поступки свидетельствуют о дурном воспитании, и бывать у него значит подвергаться унижению»⁷¹. Однако с Безбородко Зубов избегал вступать в конфликт, тем более что по особо важным государственным делам императрица продолжала обращаться к Безбородко. Фаворит Зубов потянул за собой новых людей. Их всевластие огорчало и раздражало графа, он стал удаляться от дел и жаловался, что «все, что легко и с удовольствием делается, отдается в руки других: всякая дрянь и все, что влечет за собой неприличности, на меня взваливается»⁷². Безбородко обратился к императрице с письмом, в котором, напоминая о своих заслугах в урегулировании сложных шведских, русско-турецких и отчасти русско-польских дел и о доверенности государыни в течение 18 лет, заключал: «Если служба моя негодна, то готов от всего удалиться... готов я, впрочем, всякое трудное и важное препоручение Ваше исправлять, не щадя ни трудов моих, ни же самого себя»⁷³. Прямого ответа не последовало, но, наградив Безбородко за установление русско-турецкого мира грамотой, масличной ветвью и деревнями с 4981 душой крепостных⁷⁴, Екатерина дала понять, что по-прежнему считает своего секретаря и советника правой рукой и продолжает полагаться на него во всех важнейших государственных делах.

В результате Русско-турецкой войны 1787–1791 годов Россия в условиях борьбы на два фронта при противодействии дипломатии Англии и Пруссии отстояла право на Крым, Северное Причерноморье и Черноморский

бассейн. «Из войны турецкой вышли мы не без славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пребудем в голях. Власть и расточительство покойника (Г.А. Потёмкина. — *Авт.*) изрыла ямы»⁷⁵, — писал президент Коммерц-коллегии сенатор Александр Романович Воронцов своему брату Семену Романовичу, российскому посланнику в Лондоне.

Ясский мир 1791 года завершил определенный этап в развитии русско-турецких отношений. С этого времени правительство Екатерины II, а затем и правительство Павла I стремились к установлению мирных отношений с Турцией. Укреплению этой тенденции способствовала миссия М.И. Кутузова в Константинополь с целью «искренне сохранить мир и доброе согласие с Портой, полезные для распространения торговли»⁷⁶, как писала Екатерина в инструкции М.И. Кутузову. Затем эти усилия были продолжены деятельностью посла в Константинополе В.П. Кочубея.

Во второй половине 90-х годов сближению России с Турцией способствовала агрессивная линия французской дипломатии на Ближнем Востоке. В упорной борьбе, которую вели две великие державы — Франция и Англия, Ближний Восток по-прежнему занимал важное место во всех политических комбинациях. Дипломатия этих держав рассчитывала на Турцию как потенциального союзника. В мирных отношениях с Портой было крайне заинтересовано и российское правительство.

5. Великая французская революция, европейские монархии и Россия

Передовые люди России, определив свое отношение к революции, совершившейся во Франции, выступили со смелыми революционными идеями, оказавшими большое влияние на дальнейшее развитие русской общественной мысли. А.Н. Радищев, П.А. Строганов, И.А. Крылов публично высказывали надежду, что увидят Россию обновленной.

Симпатии к Французской революции со стороны передовой европейской общественности усиливали враждебное отношение к ней правящих кругов феодально-абсолютистских государств Европы и буржуазно-аристократической Англии. Именно Англия стала главным очагом непримиримой борьбы против Французской республики. Она пошла на сближение с Австрией в надежде на ее активные действия в центре Европы. К 1790–1791 годам реакционные правительства Европы уже утвердились в мысли о необходимости военной интервенции против революционной Франции. Екатерина II разделяла это мнение, тем более что его реализация позволяла отвлечь внимание Пруссии и Австрии на Запад.

«Ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии, — считала Екатерина в 1790 году. — С моей стороны я готова воспротивиться всеми силами. Пора действовать и приняться за

оружие»⁷⁷. 27 августа 1791 года в замке Пильниц в Саксонии император Леопольд II и прусский король Фридрих-Вильгельм II подписали декларацию о совместных военных действиях в защиту монархии. Так было положено начало первой коалиции против революционной Франции.) Позже было оговорено, что каждая из держав должна выставить армию в 40–50 тыс. солдат.

19 августа 1792 года прусско-австрийская армиям под командованием герцога Брауншвейгского перешла границу и вторглась на территорию Франции. Англия отозвала своего посла из Парижа и в ноте, написанной в угрожающих тонах, дала понять, что она готова присоединиться к коалиции. Испания заявила о своем решении начать военные действия на южной границе Франции. Таким образом, контрреволюционные силы Европы объединились.

Однако военные действия не принесли успехов союзникам. Прусская армия потерпела первое поражение при Вальми, а австрийцы были разбиты в битве при Жемаппе. Первые победы воодушевили революционную Францию. По призыву Конвента на борьбу против европейской коалиции поднимались все новые силы. Революция выдвигала новых людей. Ее вожди, политики, публицисты, генералы были молоды, никому не известны ранее, они представляли новые силы, зародившиеся в общественных слоях, столетиями находившихся в политическом беспорядке и угнетении.

К началу 1794 года, как считал якобинец Сен-Жюст, армия республики насчитывала 1 млн 200 тыс. бойцов⁷⁸. Это были невиданные до сих пор по размерам силы. В ходе военных действий зимой 1793/94 года французы прочно взяли инициативу в свои руки, особенно после битвы при Гондсхооте, а затем и Ваттиньи. В декабре был освобожден от англичан Тулон. Восстановлена восточная граница. Территория Франции очищена от врага.

Уже в декабре 1793 года Пруссия и Австрия начали зондировать почву для начала мирных переговоров, но Англия, являвшаяся душой коалиции, не склонна была прекращать борьбу.

Военная кампания 1794 года вновь принесла успехи республике. После победы при Флерюсе французская армия вступила на территорию противника. Между тем заговор внутри Франции против революционно-демократической диктатуры разрастался и приобретал все большую силу; 9 термидора произошел контрреволюционный переворот, который низверг якобинскую диктатуру. Далее термидорианское правительство добилось крупных успехов на фронтах и во внешней политике. Армия возобновила наступление, которое развивалось успешно.

Коалиция же, раздираемая внутренними противоречиями, распалась. Пруссия первой пошла на сепаратное соглашение с Францией. 5 апреля в Базеле она подписала мирный договор. 22 июля в Базеле же был подписан мирный договор с Испанией. Из ожесточенной трехлетней войны с Ев-

ропой республиканская Франция выходила победительницей. В истории Французской революции наступил новый этап. В октябре 1795 года место термидорианского Конвента заняла Директория.

Вопрос об отношении правительства Екатерины II к Франции в годы революции достаточно сложен. Отечественными историками ведется спор о том, в какой степени Россия была вдохновителем и организатором кампании против французской революции и почему при этом Россия не приняла участия в прямой вооруженной интервенции, хотя могла бы сыграть решающую роль в военных действиях антифранцузской коалиции.

Часть исследователей считают, что российское правительство было вдохновителем кампании против Французской революции⁷⁹. Другие отрицают такую роль правительства Екатерины II, считая Англию главным организатором интервенции против Франции⁸⁰.

Большинство историков склонны полагать, что Россия не выступила против Франции, так как не были решены ее собственные проблемы в Турции и Польше. Советский автор К.Е. Дзеджула выдвигает следующие основные причины неучастия России в военных действиях против Франции: во-первых, финансовый кризис в стране, истощенной длительными и жестокими войнами; во-вторых, широкое демократическое движение как в России, так и в Польше; в-третьих, угроза военных действий со стороны Турции и Швеции; наконец, боязнь распространения «революционной заразы» среди войск, если они будут посланы сражаться против революционной Франции⁸¹.

Правительственные круги России вскоре после победы Французской революции начали понимать, что перемены, происшедшие во Франции, необратимы. До свержения монархии во Франции в 1792 году Екатерина II сохраняла с ней дипломатические отношения, даже находила возможным сотрудничество для отражения военных приготовлений Англии, направленных против России. Работало в Париже и российское посольство, которое, кстати, выдало паспорта для бегства семье Людовика XVI.

После свержения монархии во Франции обеспокоенная Екатерина II составила записку «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства»⁸². Ряд советских историков считают это сочинение программой реставрации во Франции всех дореволюционных порядков⁸³.

Однако академик А.Л. Нарочницкий рассматривал подобные оценки как упрощение смысла «Записки». По его мнению, Екатерина ставила под сомнение возможность ликвидации последствий революции. Не говоря прямо о вероятном признании конституции, «Записка» намечает меры, близкие к этой мысли, указывает на необходимость учитывать требования наказов 1789 года. Королевскую власть царица считала необходимым «не умалять», но и не расширять более, чем требует «благоразумие». Сторонникам восстановления монархии во Франции, по ее мнению, следовало

заклЮчить письменный «акт воссоединения», в котором содержалось бы условие сохранения власти короля, а также гарантии существования собственности и безопасности всех трех сословий и оговаривалась необходимость вернуть церкви то, что еще «останется нераспроданного». Екатерина предлагала не нарушать «разумную свободу личности», но упразднить республиканское правление, как «несовместимое с существованием крупного королевства». В акт воссоединения она советовала не включать те пункты, с которыми не согласны все участвовавшие в соглашении стороны⁸⁴.

Вскоре для участников первой антифранцузской коалиции, в том числе и для России, борьба с революцией вообще отошла на второй план. Члены коалиции выступили против завоевательной политики Франции. Так Екатерина стремилась помешать Франции подчинить итальянские и германские княжества, не допустить объединения враждебных России государств — Швеции, Пруссии, Австрии, итальянских государств и Турции.

Когда в 1795 году был заключен союз России, Австрии и Англии и возник план отправки российской армии под командованием А.В. Суворова во Францию. Екатерина в секретной инструкции А.К. Разумовскому сообщила, что задачей коалиции является «принудить французов прекратить свои нашествия, отказаться от побед и вернуться к прежним границам», а отнюдь не восстановление во Франции прежних порядков⁸⁵.

Как справедливо оценил действия Екатерины II Талейран, «эта необыкновенная женщина, которая в течение 30 лет управляла империей, первая возбудила все дворы Европы против Французской революции, однако она внесла в коалицию, которую спровоцировала, только раскаты своей ненависти и активность своих интриг»⁸⁶. Действительно, русские войска не участвовали в войне против Франции. Императрица ограничилась лишь отправкой эскадры в Англию, разделом Польши и выплатой субсидий Австрии.

6. Внешняя политика Павла I

В 1796 году императрица Екатерина II умерла, и на престоле оказался ее 42-летний сын Павел. Пожалуй, не было в истории России императора, деятельность которого оценивалась бы современниками, политиками и позднейшими исследователями столь противоречиво. Его правление в некоторых исторических монографиях определялось как «период бреда и хаоса». Напротив, Д.А. Милютин называл царствование Павла «временем преобразований, которыми вводился порядок в управлении»; М.В. Ключков утверждал, что Павел был убежденным противником дворянства, «царем-демократом». С ним порой соглашался и Е.С. Шумигорский. В.О. Ключевский считал Павла натурой ограниченной: «науки плохо

давались ему, книги давили его своей безустанной размножаемостью». «Странной, трагической, противоречивой фигурой» назвал Павла современный историк Н.Я. Эйдельман. По его мнению, «система Павла с ее особым консерватизмом, предельной централизацией и определенно сформулированной “народностью” как бы предвосхитила то, что будет реализовано, но, разумеется, в другом виде, на другом историческом уровне: систему Николая I, так называемую идеологию официальной “народности”»⁸⁷.

Павел I вырос вдали от екатерининского двора. В детстве он был лишен материнской ласки, а став взрослым, надолго отстранен от участия в делах. Был он человеком неуравновешенным, слабовольным, неврастеничным, но не лишенным и хороших качеств, отнюдь не слабоумным и неграмотным истериком, каким усердно изображали его многие современники и последующие исследователи, стремившиеся оправдать царевбийство 11 марта 1801 года.

Павел был неплохо образован. Достаточно напомнить, что его воспитанием занимался Никита Иванович Панин, оказавший на него сильное влияние. Среди учителей Павла I необходимо упомянуть Семена Андреевича Порошина⁸⁸, который сделал немало, чтобы правнук Петра I был достоин своего прадеда и по образованию, и по любви к родине.

Екатерининские вельможи, двор с трудом смирились с теми переменами, которые пришли вместе с Павлом. Действительно, обстановка во дворце и в стране стала более простой, однако нельзя, разумеется, говорить о последовательном «демократизме» Павла. Поступки его оставались противоречивыми. Вступив на престол, он распорядился освободить А.Н. Радищева из ссылки в Илимске и перевести «на житье в деревню». Из Шлиссельбургской крепости освобожден Н.И. Новиков⁸⁹. В то же время была выслана из Москвы президент Академии наук княгиня Е.Р. Дашкова, а А.В. Суворов за резкое осуждение прусской муштры в российской армии «отставлен от службы без права ношения мундира»⁹⁰.

По указу Павла крестьяне были приведены к присяге на верность наравне с дворянами и купцами. В пользу крестьян был направлен и указ о трехдневной барщине. Дворяне по указу от 3 января 1797 года лишались одной из своих привилегий — свободы от телесных наказаний. Прекращалась запись в армию младенцев с рождения. Отменялись долгосрочные отпуска, и дворяне были вынуждены отбывать воинскую государственную службу на деле. В провинции ликвидировались общегубернские дворянские съезды, усилен контроль над дворянским самоуправлением, полицейские и судебные власти стали не выборными, а назначаемыми.

Во внешней политике Павел I начал свое царствование с провозглашения «стремления сохранить мир и доброе согласие со всеми державами, отказываясь в дальнейшем от всяких военных предприятий». Был отменен

рекрутский набор, назначенный еще Екатериной II, отчего облегченно вздохнули российские крестьяне, прекращена война с Персией, отозваны назад в Россию войска, действовавшие на берегу Каспийского моря, вернулись войска из Закавказья. Главной причиной «миролюбия» Павла было осложнившееся положение внутри страны.

Ближайшее окружение императора — канцлер А.А. Безбородко, посол в Константинополе В.П. Кочубей, вице-канцлер князь А.Б. Куракин, граф П.В. Завадовский и др. — считало, что мир необходим России, чтобы не обострять «расстройство внутреннего управления и финансов».

Доверенными лицами Павла стали вице-канцлер князь Александр Борисович Куракин, граф Федор Васильевич Ростопчин, фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова.

Из старых царедворцев екатерининского двора только граф Безбородко до самой своей смерти сохранял доверие вспыльчивого и неуравновешенного Павла. На третий день после кончины матери Павел возвел Безбородко «в первый класс со званием фельдмаршала»⁹¹, к советам его прислушивался и в дальнейшем был беспредельно милостив. При коронации Павла Безбородко, который был ее главным устроителем, получил земли в Орловской (10 тыс. душ) и в Воронежской (30 тыс. десятин земли) губерниях, возведен в княжеское достоинство с присвоением титула светлости и правом еще на 6 тыс. душ, «где сам выберет»⁹².

В 1797 году Безбородко вместе с Куракиным принял деятельное участие в составлении и заключении конвенции с Мальтийским орденом, за что был награжден бриллиантовой звездой, крестом и орденом Св. Андрея Первозванного. В этом же году Безбородко получил чин канцлера⁹³.

Когда Павел принял решение занять центральное место в антифранцузском союзе, канцлер Безбородко ревностно трудился над его организацией и упрочением. Он подготовил обширный план действий против революционной Франции. «Надобно же вырасти таким уродом как французы — чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть: союз наш с Портою и переход флота нашего через канал, — писал Безбородко графу Воронцову. — Последнему я рад, считая, что наша эскадра пособит общему делу в Средиземном море и сильное даст Англии облегчение управиться с Бонапартом»⁹⁴. Дальнейшее развитие событий, которое, вероятно, удивило бы старого канцлера еще больше, ему увидеть не привелось. Он скончался 6 апреля 1799 года.

Русские посланники при европейских дворах, а также европейские дипломаты и другие государственные лица, которым привелось общаться с Безбородко, высоко ценили его дипломатическое дарование, быстроту и легкость, с которой он решал самые сложные дела. Он обладал удивительной памятью и был прекрасно осведомлен обо всем, что творилось за пределами России. Пожалуй, его нельзя упрекнуть в излишней нескром-

ности на основании тех слов, которые он произнес в беседе с молодыми дипломатами-соотечественниками: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела»⁹⁵. Высоко ценил Безбородко и М.М. Сперанский, считая, что «в России в XVIII столетии было только четыре гения: Меншиков, Потёмкин, Суворов и Безбородко»⁹⁶. А великий русский поэт XVIII века Г.Р. Державин написал о канцлере:

За сердце и за ум
Он был почтен двумя царями,
Любим, осетован друзьями,
И не народный шум,
Не погребальный блеск, не звук ему хвала —
Дела⁹⁷.

Под влиянием Безбородко Павел I был готов начать секретные переговоры с Директорией о восстановлении дипломатических и торговых отношений. Павел I, как и Екатерина II, не намеревался добиваться силой русского оружия возвращения всех прежних порядков во Франции. Судьба династии Бурбонов его мало интересовала. «Безразлично, кто будет царствовать во Франции, лишь бы правление было монархическим», — считал он.

Придя к власти в ноябре 1796 года, он не послал на Рейн русских солдат, как предполагала Екатерина. Русская эскадра была отозвана из Англии. Первая антифранцузская коалиция прекратила свое существование. Вскоре в Петербурге стало известно о намерении Директории вступить в переговоры с русским правительством. Предусматривалось восстановление нормальных политических и торговых отношений между двумя странами, подписание соглашений, обмен дипломатическими представителями.

Основная цель, которой добивалась французская дипломатия, — нейтрализовать Россию, не дать ей вступить в антифранцузский союз с другими европейскими государствами. Русский посланник в Берлине Никита Петрович Панин (племянник Н.И. Панина) и посланник Франции в Пруссии Кальяр вели неофициальные переговоры. Панин, хотя и считал своей задачей создание антифранцузской коалиции, вынужден был прислушаться к совету вице-канцлера Российской империи А.Б. Куракина, который констатировал, что ни с венским, ни с берлинским двором союз пока невозможен, поэтому не следует «становиться во враждебные отношения с Францией при ее теперешнем перевесе»⁹⁸. С помощью русско-французского соглашения в Петербурге хотели укрепить международное влияние Российской империи, но в то же время не ухудшать отношения с монархическими державами. Официально российское правительство демонстрировало готовность к нормализации дипломатических отношений, но при этом Павел не собирался отказываться от помощи контрреволю-

ционной французской эмиграции. Между тем изменившаяся ситуация в Европе, затянувшиеся переговоры Франции с Австрией и Англией заставили Павла отложить заключение русско-французского договора.

В конце 1797 — начале 1798 года Павел снова ставит вопрос о возобновлении русско-французских переговоров. И вновь попытка русско-французского сближения не удалась. Тогда весной 1798 года русская дипломатия занялась поиском союзников для войны против Франции. С этой целью в Берлин и Вену выехал генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин. Обеспокоенный развитием событий, Талейран считал, что Павел вернулся к политике своей матери. При этом он ссылался на успешное развитие англо-русских торговых отношений, ненависть императора к революции, выход в море русского флота в качестве вспомогательной силы англичан. Екатерина II никогда не предпринимала в столь короткое время враждебных действий против Франции в том масштабе, в каком это сделал ее сын, так считал министр внешних сношений Директории⁹⁹.

Стремление Директории создать на Ближнем и Среднем Востоке военный блок против России, втянув в него Турцию и Иран, добиться выхода Франции на Западные Балканы, установить господство на Ближнем Востоке встревожило как Россию, так и Турцию. Это привело к мысли о возможном военном сотрудничестве двух давних противников.

В мае 1798 года Турция объявила войну Франции. В то же время Бонапарт, двигаясь к Египту и Сирии, куда из Тулона направлялся французский флот, занял остров Мальту. Павел I еще в 1797 году заключил конвенцию с Мальтийским рыцарским орденом и принял его под свое покровительство, поэтому поступок Бонапарта он воспринял как личное оскорбление и вызов России¹⁰⁰. В июле 1798 года по просьбе Порты в Константинополь была направлена военно-морская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова. В сентябре эскадра вошла в воды Средиземного моря, а 3 января (по новому стилю) был заключен русско-турецкий договор¹⁰¹, по которому проливы Босфор и Дарданеллы открывались для русского военного флота, Черное море становилось закрытым русско-турецким бассейном, Россия обещала Турции военную помощь в случае агрессии со стороны Франции.

Подписание русско-турецкого союзного договора 1799 года было вызвано угрозой агрессии Франции на Балканах, укреплением ее позиций в Средиземноморье, а также стремлением глав феодальнокрепостнических государств воспрепятствовать распространению влияния Французской революции.

К русско-турецкому блоку, противостоящему Франции, спустя некоторое время присоединилась Англия. К концу 1798 года оформилась коалиция в составе России, Англии, Турции и Неаполитанского королевства. «Приняли мы, наконец, на себя главнейшее в сей войне действующее лицо», — писал Павел I в рескрипте генералу Римскому-Корсакову. К 1799 году российский Черноморский флот совместно с турецким

находился в Адриатическом море, вспомогательный корпус войск под командой Розенберга — в окрестностях Кремса под Веной, Балтийский флот России готовился выступать совместно с английским.

На первом этапе войны 1798–1799 годов активные действия вели моряки Черноморского флота под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова.

В июне 1797 года эскадру наполеоновской Франции восторженно встречали жители острова Корфу. Они праздновали конец венецианской системы управления и олигархии нобилей. В местные органы управления вошли представители среднего класса. Бонапарт, освободитель ионийцев от власти Венеции и возможный освободитель Греции от султанской власти, пользовался большой популярностью.

Однако первые восторги быстро миновали. Социальный строй на Ионических островах с приходом французов, по сути, не изменился. Реальная власть после перехода островов по мирному договору в Кампо-Формио (1797 г.) к Франции принадлежала французской администрации, демократические местные советы были ликвидированы.

Слава Бонапарта в Греции начала меркнуть после уничтожения французского флота при Абукире в 1798 году. Жителей же Ионических островов после длительного пребывания там французов постигло разочарование. Французские оккупанты уже не казались носителями свободы, а Бонапарт — «освободителем Греции». Неудачные действия французской администрации возродили и усилили тяготение Греции к России.

Операцию по освобождению Ионических островов Ушаков начал со штурма крепости Капсала на острове Цериго. В течение шести недель были освобождены от французов четыре острова — Цериго, Занте, Кефалония, Св. Мавры.

Предстояло взять крепость Корфу — одну из самых укрепленных в Европе, Задача была трудной. Холодная погода, скверное состояние одежды и обуви у моряков, отсутствие продовольствия, плохое состояние кораблей. «Недостатки наши во всем были беспредельны», — писал об этом периоде Ушаков.

К концу января 1799 года к Корфу были стянуты все морские силы союзников. В распоряжении Ушакова оказалось 12 линейных кораблей, 11 фрегатов и несколько мелких судов. 18 февраля начался штурм крепости, а 19-го — подписана ее капитуляция. В плен сдалось более 2 тыс. человек, захвачено 636 орудий. И хотя турецкие корабли во время боя занимали позиции далеко позади эскадры Ушакова, он, докладывая о победе, сообщал: «Чтобы утвердить более дружбу нашу с Блистательной Портой, в реляции пишу с похвалой и признательностью и о их судьбах». Победа у Корфу была высоко оценена самыми знаменитыми полководцами того времени. «Ура русскому флоту!.. зачем не был я при Корфу, хотя мичманом», — писал А.В. Суворов. Адмирал Нельсон поздравил Ушакова с победой.

Ф.Ф. Ушаков выступил на Ионических островах не только как талантливый флотоводец, но и как дипломат и реформатор. Он создал Республику Семи Соединенных Островов по довольно демократической конституции, в выработке которой сам принимал деятельное участие¹⁰².

Боевые действия флота под командованием Ушакова продолжались у берегов Южной Италии. 3 июня 1799 года после упорных боев русские моряки овладели Неаполем. Началась подготовка к походу на Рим. Однако английское командование опередило русское, и комендант города предпочел сдаться англичанам. Но русский десант все-таки вступил в этот древний город. Здесь, в Риме, закончился поход десантных сил Черноморской эскадры. Во второй половине октября 1800 года эскадра Ушакова после двухлетнего отсутствия возвратилась в Севастополь¹⁰³.

Сухопутные операции против Франции начались позже. Австрия долгое время занимала выжидательную позицию, и только оккупация в январе 1799 года французскими войсками Сардинии и Неаполя, то есть территорий, на которые Австрия претендовала, побудила ее к активным действиям. Венский двор обратился к Павлу I с настоятельной просьбой послать в Северную Италию сухопутные российские войска, а англичане добились того, чтобы в действующую армию был направлен Суворов (как известно, уволенный Павлом в феврале 1797 г. в отставку).

Павлу пришлось смириться: фельдмаршал Суворов встал во главе русских войск. Его стратегия и тактические принципы вновь дали возможность вписать славную страницу в историю русского военного искусства.

Военные приготовления Австрии, Англии, России и итальянских государств велись энергично, хотя продолжал работать Раштадтский конгресс, на котором представители Австрии, Пруссии и Франции обсуждали условия возможного мира. Сведения о военных приготовлениях противника стали известны Франции, которая в ультимативной форме потребовала удалить из Австрии русский корпус Розенберга. Ответа не последовало. В марте 1799 года русские войска начали стягиваться к месту военных действий.

Руководить сводной армией, включая итальянскую, должен был Суворов. Но, назначая Суворова главнокомандующим союзной армией, австрийский император Франц I принял меры к тому, чтобы лишить его реальной самостоятельности. Из его ведения были изъяты продовольственная и административная части. Суворов должен был руководствоваться распоряжениями высшего военного совета Австрии — гофкригсрата. Чем закончилось это подчинение, хорошо известно. Первый же план кампании, разработанный гофкригсратом, Суворов вернул составителям, перечеркнув крест накрест, и сообщил, что кампанию начнет переходом через реку Адду, а закончит «где Богу будет угодно».

До прибытия Суворова австрийские войска в Южной Германии и в Швейцарии не добились существенных успехов, несмотря на количе-

ственное превосходство. В Северной Италии, где развернулись основные военные действия, в армии союзников насчитывалось 100 тыс. человек, из них 30 тыс. русских солдат и офицеров.

Суворов прибыл в Верону 3 апреля, а 8-го началось общее наступление в глубь Италии, к Милану. За 10 дней похода Суворов с войсками прошел в тяжелейших условиях 100 верст, выиграл сражение на реке Адде и освободил от французских войск всю Ломбардию. Дальнейшее победоносное шествие Суворова по Италии вызывало опасения Австрии, и венский кабинет всеми средствами пытался ему препятствовать. Между тем была одержана победа над армией Макдональда, что явилось высочайшим достижением полководческого искусства Суворова. Последствием сражения при Треббии был перелом в ходе войны на всем итальянском театре. К концу июня вся Италия, за исключением узкой полосы Генуэзской Ривьеры и нескольких крепостей, была в руках союзников. Открывалась дорога во Францию.

Победы Суворова принесли Вене больше беспокойства, чем удовлетворения. Сокрушение Французской республики не входило в планы руководителей внешней политики Австрии. Их гораздо больше заботило закрепление за Австрией освобожденных территорий. Другой целью было устранение русских при решении территориальных вопросов в Италии. Беспокойство вызывали не только действия сухопутных войск, но и успехи эскадры Ушакова в Южной Италии и русской эскадры в Средиземном море. В результате Суворов получил рескрипт императоров Павла I и Франца II, извещавших его о новом алане войны. По этому плану наступление на Генуэзскую крепость отменялось, русские войска выводились из Италии, а Суворову приказано принять командование войсками в Швейцарии.

Суворов вынужден был действовать по плану, выработанному в июне–июле английским и австрийским кабинетами и одобренному императорами Павлом I и Францем II. Разработке плана предшествовал русско-английский договор, целью которого были отмена дальнейшего наступления в Италии и переброска войск в Швейцарию для наступления на Францию в гораздо худших условиях, чем те, в которых находилась армия Суворова в Италии в результате успешных наступательных операций. Венский и лондонский кабинеты были удовлетворены: усилия русских войск были направлены на овладение альпийскими горными областями, а не Генуэзской Ривьерой. Суворов пытался возражать против англо-австрийского плана, но австрийское верховное командование поставило его перед свершившимся фактом, выведя из Швейцарии войска под командованием эрцгерцога Карла. После ухода 36-тысячной армии австрийцев соотношение сил там изменилось в пользу французов. Силы союзников в Швейцарии были разбросаны, в то время как войска фран-

цузской армии под командованием генерала Массены* сконцентрированы и готовы нанести удар.

Хотя общий результат военных действий в Швейцарии был для союзников неудачен, швейцарский поход Суворова является самой славной страницей его боевого пути и выдающимся событием в военной истории нашей родины. В неслыханно трудных условиях русские войска совершили подвиг, а Суворов проявил исключительное военное искусство, волю и энергию.

План действий Суворова в Швейцарии и его реализация неоднократно подвергались рассмотрению и критике в научно-военной литературе¹⁰⁴. Великий полководец стремился исправить критическое положение, создавшееся в Швейцарии в силу порочного австро-английского плана кампании. Суворов принял оптимальное решение, используя присущие ему решительность, смелость, учет фактора времени.

Поражение союзников в Швейцарии, разгром английских и российских войск в Голландии (под Бергеном в 1799 г.), а также, как это ни парадоксально, успехи, которых достигли войска Суворова в Италии, привели к краху коалиции.

В последние дни XVIII столетия войска фельдмаршала Суворова были отозваны в Россию, а англо-русские отношения разорваны. Вторая антифранцузская коалиция фактически перестала существовать¹⁰⁵.

Под влиянием перемен во Франции и в европейской ситуации в Петербурге начался пересмотр внешнеполитических ориентиров. Падение Директории Павел I не без основания рассматривал как шаг к восстановлению французской монархии и поэтому писал, что он рад «смене безначалия консульством», «проникнут уважением к первому консулу и его военным талантам». Так открывалась дорога к русско-французским переговорам¹⁰⁶.

Бонапарт, в свою очередь, считал, что союз с Россией создает перспективы вытеснения англичан из Азии и Индии и возможного раздела Турции с русским царем. Момент был выбран удачно. Павел I в 1800 году выдворил из Петербурга австрийское посольство и выслал английского посланника Витворта, разгневавшись по поводу захвата англичанами Мальты.

Стремясь углубить трещину между недавними союзниками, министр внешних сношений Франции Талейран сообщил вице-канцлеру Н.П. Панину, что первый консул решил вернуть на родину русских военнопленных (около 6 тыс. человек) без обмена и со всеми военными почестями, со своими знаменами, в новом обмундировании и с новым оружием¹⁰⁷. Российскому императору был сделан дорогой и символический подарок: преподнесена шпага, полученная одним из магистров Мальтийского ордена от папы Льва X.

* С 1804 года маршал.

Ответ на парижские предложения последовал через четыре месяца. После недолгой борьбы Н.П. Панин, занимавший враждебную Франции позицию и выступавший за сближение с Австрией и Англией, проиграл и вынужден был уйти в отставку с поста вице-канцлера. Победила противоположная тенденция, которую выражал первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Ф.В. Ростопчин. Он писал, что Россия, в отличие от других держав, участвовала во Второй коалиции «единственно для того, чтобы уверить себя в вероломстве Питта и Тугута, а Европу — в бессмертии Суворова». Ростопчин сформулировал условия для развития дружественных отношений между Россией и Францией: передача Мальты ордену Святого Иоанна Иерусалимского, великим магистром которого являлся русский царь, возвращение королю Сардинии его владений, неприкосновенность владений короля обеих Сицилий, курфюрста Наваррского и герцога Вюртембергского. Условия были одобрены царем 14 декабря 1800 года, как и записка Ростопчина в целом.

В 1800 году Павел I расторг союз с Англией и порвал с ней дипломатические отношения. Суда англичан в русских портах оказались под секвестром. По инициативе Павла Россия, Дания, Швеция и Пруссия подписали договор о вооруженном нейтралитете. Желание противодействовать Англии было столь велико, что даже фантастический, казалось бы, замысел вторжения в индийские земли приобрел реальные формы. В январе 1800 года атаману Войска Донского было приказано выступить с казачьими полками в Оренбург, а оттуда в Индию.

Ни один из поступков Павла I не вызывал столько нареканий со стороны современников и последующих исследователей его царствования, как этот пресловутый поход. Его идею считали бредом сумасшедшего, последствия которого могли быть губительны для России.

Однако план этот был довольно детально обдуман и трезво обсужден с французскими дипломатами. Французское происхождение замысла просматривается довольно ясно. Неслучайно соединенную русско-французскую армию должен был возглавить французский генерал Массена. Предполагалось, что союзные войска, соединившись в Астрахани, переправятся через Каспий в Астрабад, а затем двинутся в Индию через Герат, то есть тем кратчайшим путем, по которому в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в 40-х годах XVIII века — конница Надир-шаха. Были приняты меры к заключению союза с Персией, чтобы обезопасить войска от нападений с ее стороны, разосланы специальные эмиссары для переговоров с отдельными ханами, чтобы обеспечивать армию продовольствием.

Выступление предполагалось начать в мае 1801 года, а прибытие в Индию планировалось на конец сентября. Подготовка к проникновению в Индию началась в России еще до возникновения плана совместной с Францией операции. В декабре 1799 года была создана Российско-Азиатская

компания, которой надлежало обеспечить торговое превосходство России как в Средней Азии, так и в Индии. В Оренбурге, Бухаре, Астрабаде были учреждены торговые конторы. Первоначально поход в Индию готовились начать от Оренбурга через Хиву и Бухару.

Павел I торопился с выступлением в Индию в надежде оказать давление на Лондон. Англичан, «нужно самих атаковать и там, где удар им может быть чувствителен, и где меньше ожидают, — писал он атаману Войска Донского Орлову перед отправкой в поход, — заведения их в Индии самое лучшее для сего».

В конце февраля 1801 года 40 казачьих полков выступили с Дона в поход, во второй половине марта они достигли Иргиза. Сведения о трудностях, встречавшихся при передвижении войск, историки оценивают по-разному. Одни склонны драматизировать события, другие утверждают, что никакой катастрофы не было и продвижение шло нормально.

Трудно сказать, чем закончились бы сближение России с Францией и борьба с Англией. Переменил бы индийский поход судьбу дальнейших взаимоотношений России с внешним миром? К сожалению, историю нельзя переиграть, как спектакль в театре. Ее следует принимать такой, какова она была. Однако, принимая во внимание последующие события, можно предположить, что «безумная затея» Павла не была так уж безрассудна и не показалась английскому кабинету безобидной. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года Павел был убит заговорщиками, среди которых преобладали сторонники проанглийской ориентации: Н.П. Панин, граф Пален, адмирал де Рибас, английский посланник Витворт и др.

Бонапарт и Талейран, добиваясь скорейшего заключения русско-французского союза, ставили себе целью обеспечить Франции господство в Германии, гарантировать ей границы по Рейну и, наконец, сохранив соперничество Австрии и Пруссии, лишить их политических и военных преимуществ. Павел I, в свою очередь, рассчитывал, объединившись с французами, «распорядиться всею Немецкою империей»¹⁰⁸.

В течение последних восьми месяцев царствования Павла шли русско-французские переговоры. Острые противоречия вызывало, в частности, стремление Бонапарта к господству на Апеннинском полуострове. В августе 1800 года русский и французский посланники начали переговоры о заключении мира. В инструкции тайному советнику Кольчеву российский император предписывал: «Расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула, даже с престолонаследием в его семействе». В декабре в Париж прибыл барон Спренгпортен для приема русских пленных. Его миссии в Париже придавали политическое значение, ему оказывали воинские почести. Он сообщил Талейрану о секретных инструкциях российского царя, в которых подтверждалось желание поддерживать дружественные отношения.

4 января 1801 года полномочный представитель России выехал в Париж для подписания договора. На западной границе России расположились 120 тыс. солдат для охраны берегов Балтийского моря и десантных операций против Англии.

Но 3 марта в Париж прибыл российский посланник С.А. Кольчев, который был, по-видимому, настроен антифранцузски, что создавало неблагоприятный климат для завершения переговоров. Они затягивались, хотя Павел готов был смириться с тем, чтобы Франция оставалась республикой, лишь бы она помогла «подорвать систему расширения Австрии, Англии и Пруссии — систему, которая даже вреднее для общего блага, чем принципы революционной Франции»¹⁰⁹. Заключение франко-русского союза тогда так и не осуществилось.

7. Россия и Закавказье

К концу первой четверти XVIII века сформировалась новая политика Российской державы в отношении Закавказья, основой которой стала стратегия сдерживания Турции. К этому же времени относится и завершение первого этапа закавказской политики России. На втором этапе, начавшемся с воцарением Екатерины I и закончившемся в период царствования Екатерины II (в начале 80-х годов XVIII в.), преемники Петра I не отступили от внешнеполитических принципов, разработанных петровским правительством.

Вследствие взаимообусловленности внешних и внутренних факторов, действовавших как в самом Закавказье, так и в сопредельных регионах, Россия не смогла в первой четверти века решить свою основную задачу — утвердиться на Кавказе. Эта цель могла быть достигнута только со временем, в течение всего XVIII столетия, в процессе дальнейшего экономического и политического развития России.

В закавказской политике России начиная со второй четверти XVIII века определяющими стали тактика активного выжидания, гибкость и взвешенность в отношениях с политическими силами внутри самого региона и очередность в решении политических задач. Соблюдался главный урок, преподнесенный петровской дипломатией: до вытеснения или ослабления Турции в Северном Причерноморье Россия должна остерегаться вооруженного конфликта с Турцией в Закавказье.

Это можно было обеспечить, лишь не давая туркам контролировать побережье Западного Каспия. В противном случае нарушался столь необходимый России баланс политических и военных сил на Кавказе. В начале второй четверти XVIII века, то есть в период распада Сефевидского государства и царившего в Персии двоевластия, такого баланса можно было достичь, с одной стороны, лишь при наличии русских войск на землях западного Каспия, а с другой — при развертывании национально-

освободительного движения армянского и грузинского народов против турецкой оккупации. Таким образом, борьба христианских народов Восточного Закавказья приобретала для России важный политический смысл, сохранявшийся вплоть до середины 30-х годов XVIII века.

Единственным щепетильным моментом в создавшейся ситуации могло быть одно обстоятельство. Направляя и поддерживая самоотверженную борьбу армянских меликов с превосходящими их по численности и вооружению полчищами регулярной турецкой армии, Россия выходила за рамки договоренностей с Турцией. Поэтому поддержка Россией армян носила моральный и дипломатический характер. Русские власти упорно скрывали от мира свою связь с армянскими военачальниками.

Такая политика российского двора была ответом на действия турецкого султана. Вопреки договору от 1724 года, Турция стремилась вытеснить русских из Дагестана, Азербайджана и прикаспийских районов Персии, Побережье Каспия имело для султана помимо военно-политического и экономическое значение. Выход России на западное и южное побережье Каспийского моря существенно ослабил бы роль Турции как транзитной державы в торговле, в частности шелком-сырцом, между Востоком и Западом.

Константинопольский договор 1724 года, стало быть, не покончил с противоречиями России и Турции в Восточном Закавказье. Противостояние двух империй косвенно обрело и военный характер: турецкому султану предстояло еще завоевать земли Армении и Грузии, которые по договору должны были отойти к Турции. Поддерживаемые русскими властями, армянский и грузинский народы оказали вооруженное сопротивление турецкой агрессии.

Однако эта сторона внешнеполитической деятельности России была незаметной. Поэтому лишь на первый взгляд может показаться, что Россия оставалась безучастной к тем процессам, которые протекали на юге в начале второй четверти XVIII века. После 1724 года и вплоть до 1735 года русское правительство большое значение придавало политическому союзу с христианскими народами Восточного Закавказья. Россия была готова оказать армянам и грузинам моральную и иную поддержку. Принципиально исключалась лишь военная помощь.

Между тем события в восточных провинциях Армении и Грузии развивались следующим образом. Ссылаясь на заключенный с Россией договор, турецкое командование потребовало от населения Восточной Армении и Восточной Грузии сложить оружие и признать власть султана. Однако сопротивление турецким оккупантам продолжалось. Борьба армян и грузин с новыми «хозяевами» приобрела характер вооруженного восстания. Подавив сопротивление армян, турецкие войска могли легко выйти к берегам Каспия, находившимся под контролем российской администрации.

С 1725 по 1728 год руководство борьбой с турецкой агрессией в Карабахе осуществлял один из армянских меликов — Аван-юзбаши. Это был видный политический и военный деятель, который в борьбе против турок возглавил не только армянское, но и азербайджанское население.

В другой армянской провинции — Капане — борьбу против войск султана возглавили легендарный армянский полководец Давид-бек и его сподвижник Мхитар-спарапет. В 1726 году им удалось достичь военных успехов. В разгроме турецких войск в Восточной Армении был заинтересован и персидский шах Тахмасп II. Удивляясь храбрости Давид-бека и его воинов, шах послал армянскому полководцу подарки и грамоту, в которой признавал власть Давид-бека в Капане и даже предоставил ему право чеканить монету. Интересы сторон, носившие явно тактический и временный характер, привели к образованию военного союза между руководством армянских повстанцев Капала и персидским шахом. Этот союз был на руку российским интересам в Восточном Закавказье.

В 1728 году турецкая армия предприняла общее наступление как в Карабахе, так и в Капане. Для приостановления наступательных действий турок армянские ополченцы нуждались в военной помощи. Однако ожидание этой помощи оказалось напрасным. Регулярной турецкой армией в конце концов удалось сломить сопротивление армянских повстанцев.

Оккупация Турцией большей части Восточного Закавказья и нацеленность нового султана Турции Махмуда I (пришедшего к власти в 1730 г.) на земли западного побережья Каспия меняли в пользу османов баланс военных и политических сил в Закавказье. Это привело к новому обострению отношений России с Турцией. В создавшейся ситуации перед русской дипломатией стояла сложная задача: не входя в преждевременный вооруженный конфликт с Турцией, ликвидировать дисбаланс политических и военных сил в Закавказье. С этой целью в августе 1730 года Верховный тайный совет принял решение отправить одного из видных руководителей карабахских армян Абраама-юзбаши из Дербента в Карабах с поручением продолжить борьбу против турок. Представители русского командования на Юге открыто признавали, что «против турок, кроме армян и грузинцев, надежды на других не имеется»¹⁰. Возглавив борьбу карабахских меликов с турецкими оккупантами, Абраам добился внушительных успехов. Это навело русские власти на мысль возложить на армянских ополченцев взятие у турок города Шемахи. Тем самым Россия могла приобрести важные коммуникации с Восточной Арменией и Восточной Грузией. Именно в это время Петербург вновь выдвинул идею создания в Восточном Закавказье государственного объединения под протекторатом России. Решение этого вопроса зависело от военных действий армян против Турции¹¹.

Для выполнения этих задач в 1733 году было решено снарядить новую миссию грузинского царя Вахтанга VI. Осенью 1734 года Вахтанг VI

прибыл в Астрахань. Грузинский царь должен был создать антитурецкий блок в Закавказье. Ему предписывалось наладить отношения с армянскими меликами Карабаха. Вахтанг надеялся, что при поддержке русского двора он получит картлийский трон и ему удастся освободить от турок не только Грузию, но и Восточную Армению.

Одновременно Петербург настойчиво искал в самой Персии политическую и военную силу, способную восстановить Персидское государство. В конце 20-х годов русскому правительству стали импонировать энергичные шаги выдвинувшегося талантливого военачальника Надир-хана. Бывший рядовой воин из рода Кырклу тюркского племени Афшар, возглавив войско шаха, принял активное участие в консолидации центростремительных сил Сефевидского государства. Осенью 1729 года, разбив в двух битвах армию афганцев, Надир ликвидировал двоевластие и освободил для шаха Тахмаспа II столицу Персии Испаган. После этого Надир стал именовать себя Тахмасп-кули-ханом (т. е. «хан — раб Тахмаспа»). В 1732 году он сверг с престола Тахмаспа II и под своим регентством провозгласил новым шахом его новорожденного сына — Аббаса III. Таким образом, владыкой Персии фактически стал Тахмасп-кули-хан (Надир-хан).

Русская дипломатия чутко отреагировала на изменившуюся на Востоке ситуацию. Поскольку в Петербурге с именем Надира стали связывать будущее всего Ближневосточного региона, в политике России в отношении как Персии, так и Закавказья появились новые нюансы.

В русском правительстве стали склоняться к мысли о целесообразности связать перспективу установления долговременного и прочного баланса сил в Закавказье с возрождающимся Персидским государством во главе с такой сильной личностью, каковой, несомненно, являлся Надир. А зыбкие планы создания христианского государственного объединения, которое постоянно нуждалось бы в опеке России, отошли на второй план.

Политические и военные события, развернувшиеся в 1734–1736 годах в Персии и Закавказье, наглядно свидетельствовали, что в этих регионах противодействующей Турции силой становилось централизованное Персидское государство. Посланный со специальной миссией на юг грузинский царь Вахтанг VI прибыл в Прикаспье, когда военные успехи Надир-хана в борьбе с турками стали особенно внушительными.

Победы Надир-хана над турками в значительной степени изменили политическую конъюнктуру в Восточном Закавказье. Освободительная борьба армян и грузин была парализована. Русский двор, не желая вызывать недовольство Надир-хана, резко ограничил сферу деятельности своего посланника — царя Вахтанга VI. Отпала необходимость в комплектовании вспомогательных военных отрядов из числа армян, грузин и других местных народов, «понеже, — как писали сами русские генералы, — оным против кого действовать, ныне не видно»¹¹². Делая основную ставку на

центростремительные силы Персидского государства, русская дипломатия, наконец, учитывала то обстоятельство, что вооруженное выступление армянского и грузинского народов против турок в перспективе перерастет в нежелательную для России антиперсидскую борьбу.

Итак, в середине 30-х годов XVIII века произошло смещение акцентов в закавказской политике русского правительства¹¹³. Свою ставку Россия делала уже на Надира, который условием продолжения военных действий против Турции поставил возвращение Персии городов Дербента и Баку. Таким образом, России пришлось сделать весьма нелегкий для себя выбор. Во имя окончательного успеха стратегии политического сдерживания Турции и сохранения в Закавказье баланса политических сил русский двор вынужден был временно отказаться не только от своих верных союзников — армян и грузин, но и возвратить Персии (в 1732 и 1735 гг.) территории западного побережья Каспия¹¹⁴.

После того как русская администрация и войска покинули западное побережье Каспийского моря, а турки были вытеснены из Восточной Армении и Восточной Грузии, Персидская империя вновь возродилась. Возглавил Персию новый правитель Надир, принявший титул шаха в марте 1736 года.

При новом шахе армяне Ереванского ханства фактически управлялись эчмиадзинским католикосом, а Карабах — армянскими медиками, имевшими собственные вооруженные силы, союз которых уподоблялся государственному образованию. Зависимость от шаха выражалась лишь в уплате некоторой дани¹¹⁵.

Восточная Грузия доставила персидскому владельцу определенные хлопоты: некоторые князья выступили против администрации Надира. В поисках поддержки грузинские князья обращались к России. Здесь, несомненно, сказывалась инерция старого политического мышления. Противники Надир-шаха, находясь во власти традиций политической борьбы в Восточном Закавказье, надеялись получить от русского двора помощь или хотя бы понимание. Но ни того ни другого Россия не могла им дать. Политические и тем более военные распри, влекущие за собой ослабление Персидской державы, явно противоречили интересам русского двора в Закавказье. Петербург с пониманием отнесся к претенденту на грузинский престол Теймуразу, объективно действовавшему в интересах централизованного Персидского государства. С помощью Теймураза Надир-шаху удалось победить своих политических соперников в Восточной Грузии. В 1744 году Надир-шах назначил Теймураза II царем Картли, а его сына Ираклия II — царем Кахети.

Непродолжительное время правления Надир-шаха было периодом, когда Россия могла быть спокойной за безопасность Закавказского региона. Империя шаха, даже несмотря на военные поползновения турок

в середине 40-х годов, являлась мощной силой, противостоящей Турции. Положение, однако, резко изменилось, когда в результате заговора в июне 1747 года был убит Надир-шах. Политический кризис, наступивший после смерти Надира, охватил не только Персию и Закавказье, но и прилегающие к ним регионы. Баланс сил, столь желанный для России, был нарушен.

Пока в Персии шла ожесточенная борьба за шахский престол, в Восточном Закавказье до своего логического конца дошло возрождение Восточногрузинского государства. В то же время завершался процесс образования и консолидации азербайджанских и дагестанских ханств.

Эти ханства возникали при отделении поставленных шахами наместников, которые провозглашали себя независимыми от центральной власти. Исключение составило лишь Карабахское ханство. После смерти Надир-шаха и наступления в Персии полосы политических смут армянские мелики Карабаха стали испытывать на себе давление азербайджанских (тюркских) кочевых племен. Руководитель одного из этих племен (Джаваншир) Панах Али, подчинив себе другие азербайджанские племена равнинного Карабаха, начал борьбу за установление своей власти над армянскими меликствами. В разгар военных действий Панаха Али против меликов, в начале 50-х годов, среди армян начались внутренние раздоры. Один из меликов, Шахназар, обратился за помощью к Панаху, предоставив ему территорию в пределах своего меликства. Умело воспользовавшись смятением в армянском лагере, Панах Али смог поочередно расправиться с меликами, принудить их выплачивать ему дань и таким образом утвердиться в Нагорном Карабахе¹¹⁶. Так в середине XVIII века возникло новое, ранее не существовавшее Карабахское ханство.

Возникновение азербайджанских ханств вследствие отсутствия центральной персидской власти вызвало в Восточном Закавказье два встречных процесса. С одной стороны, началась борьба за первенство среди самих ханов. Из 18 небольших ханств в результате межфеодалных войн образовалось несколько крупных. Из числа последних выделялись Шекинское, Кубинское, Тавризское и Карабахское ханства¹¹⁷. Они представляли политическую и военную силу, с которой уже необходимо было считаться.

С другой стороны, внутри Кавказского региона развернулось соперничество между азербайджанскими ханами и царями Восточной Грузии, которые стремились не только утвердиться в этом регионе, но и расширить свои владения и сферы влияния на Кавказе. Их политические амбиции основывались на том, что еще при Надир-шахе Восточная Грузия фактически контролировала ситуацию в регионе.

Пристально следившая за разворачивавшимися в 50-х годах в Персии и Восточном Закавказье политическими событиями Россия стремилась не допустить повторения ситуации 20-х годов, когда Турция, воспользовавшись распадом Сефевидской империи, предприняла вооруженную

агрессию и устремилась к западному побережью Каспийского моря. Через дипломатические каналы Россия потребовала от Турции невмешательства в политическую ситуацию в Закавказско-Персидском регионе. «Если мы сами в персидские дела не вступаемся, то не можем не посоветовать и Порте следовать нашему примеру»¹¹⁸ — такова была позиция русского правительства, изложенная в официальном документе в апреле 1752 года. Таким образом, между Россией и Турцией практически существовала договоренность о невмешательстве в «персидские дела».

Однако опыт Константинопольского договора 1724 года подсказывал России, что одной договоренности недостаточно для сохранения мира в Закавказье. Необходимо было разработать и проводить в жизнь такую политику, которая, с одной стороны, обеспечила бы спокойствие в Закавказье, а с другой — исключила бы вероятность вмешательства в закавказские дела не только Турции, но в дальнейшем и Персии.

Начиная с 60-х годов (с момента консолидации Персидского государства) у России появляется возможность воссоздания в Закавказье системы политических противовесов. Эта система должна была способствовать решению двух задач — внутренней и внешней, то есть обеспечить противовес внутри самого Закавказского региона и одновременно создать противовес силам, претендующим на господство в Восточном Закавказье. Иначе говоря, речь идет о политическом механизме, с помощью которого можно было бы эффективно поддерживать баланс сил как внутри самого региона, так и вне его.

Жизнеспособность системы политических противовесов обусловливалась наличием нескольких факторов, определявших в 60–70-х годах политическую ситуацию в Закавказье. Один из главных факторов — возникновение в этом регионе сильного Восточногрузинского царства во главе с талантливым государственным деятелем и полководцем Ираклием II. Следующий фактор — изменение в ханствах Восточного Закавказья расстановки и соотношения сил. Среди мусульманских владений лидирующую роль стали играть главным образом два ханства — Карабахское, которое с 1760 года перешло к сыну умершего Панах-хана Ибрагиму, и Кубинское под главенством энергичного Фатали-хана. Последнему удалось объединить вокруг себя Каспийские ханства от Дербента до Баку и Сальяны, то есть практически овладеть западным побережьем Каспийского моря, представлявшим для России стратегический интерес.

Отношение Турции к событиям в Закавказье следует считать еще одним фактором. Владея Западной Грузией, Турция не опасалась возвышения Восточной Грузии. Что же касалось азербайджанских ханств, то, будучи традиционной противницей Персии, Турция всегда поддерживала центробежные силы в шахских владениях. Стало быть, процесс образования азербайджанских ханств Турция считала для себя выгодным. Султан

рассчитывал переманить на свою сторону единоверных мусульманских ханов Восточного Закавказья и упрочить там свои позиции.

Что касается Персии, то в тот период у ее правителей отсутствовали имперские амбиции. Заботы Керим-хана, пришедшего к власти в 1760 году и перенесшего в город Шираз свою столицу, в основном были сосредоточены на внутривосточных проблемах. Персия не могла вмешиваться в дела Закавказья и не хотела допустить ничего подобного со стороны какой-либо другой державы.

По замыслу русской дипломатии в системе политических противовесов роль определяющей силы отводилась Восточной Грузии. Поэтому Россия в определенной степени способствовала распространению влияния Грузии в пределах не только собственно Закавказья, но и Северного Кавказа. Более того, Россия с одобрением и пониманием относилась к амбициям Грузии в ее соперничестве с мусульманскими ханами. Возобладавшие в тот период центристские силы в Кубинском и Карабахском ханствах были опасны как для России, так и для Грузии. Показательно, что, лавируя между ханами Закавказья, Ираклий II смог установить в мусульманском регионе Восточного Закавказья паритет военных и политических сил. Здесь была видна умелая дирижерская рука русской дипломатии, которая с целью обуздания амбициозных мусульманских ханов помимо Грузии в дальнейшем использовала и армянских медиков Карабаха, которые со временем восстановили свою политическую и военную силу.

Таким образом, как внутри самого Закавказского региона, так и в ближайшем его окружении возник баланс политических и военных сил, который одинаково *устраивал* как Россию, так и Персию с Турцией. Этот паритет, однако, мог быть нарушен в случае военного вмешательства какой-либо заинтересованной державы в кавказские дела.

Между тем грузинские лидеры прекрасно понимали, что успех Грузии может быть обеспечен и закреплен лишь поддержкой со стороны России. В 1760 году с особой миссией в Петербург отправился царь Картли Теймураз II. Однако грузинское посольство спустя два года возвратилось ни с чем. Оно привезло с собой лишь тело умершего в Петербурге царя Теймураза II и обнадеживающе-вежливые письма на имя Ираклия II из русской Коллегии иностранных дел.

Созданная русской дипломатией система политических противовесов и сохранения баланса сил в Закавказье исключала возможность вмешательства самой России в грузинские дела. В отношении всех политических сил этого региона русские власти применяли дифференцированно-дозированный подход. Русский двор отдавал себе отчет в том, что достаточно проявить какую-либо предпочтительность или, хуже того, оказать кому-нибудь военную поддержку, как могли бы моментально оборваться внутренние и внешние нити, поддерживавшие баланс политических сил.

Опасным следствием этого явилась бы не столько дестабилизация в регионе, сколько потери тех моральных и политических приобретений в Закавказье, которые с таким трудом достались России в течение предшествовавших десятилетий¹¹⁹.

Поняв, что Россия не окажет ему помощи, Ираклий II, проявив гибкость, нашел решение, отвечающее интересам Грузии. Каргл-кахетинский царь существенно откорректировал линию своего политического поведения. Считая, что гарант спокойствия Грузии — это нейтралитет двух соседей — Персии и Турции, Ираклий II установил с ними непосредственные контакты. Сделав вид «недовольного» отношением России¹²⁰, он в 1762 году отправил в Шираз к Керим-хану его давнего противника — Азад-хана, взятого грузинским царем в плен еще в декабре 1760 года. Следствием этого шага, имевшего явно политический подтекст, явилось то, что в 1763 году Керим-хан признал права Грузии на Ереванское и Гянджинское ханства, а самого Ираклия II — царем Каргл-Кახетинского государства. Аналогичное признание последовало и от России.

Укрепляя союз с Керим-ханом, Ираклий II надеялся, что Персия сыграет роль противовеса как набравшим силу азербайджанским ханам, так и самой Турции. Однако независимо от этого грузинский царь улучшил свои отношения с Турцией и стал искать согласия с азербайджанскими ханами, одновременно выступая против тех, кто претендовал на роль лидера центростремительных сил. В сохранении баланса между азербайджанскими ханами и дагестанскими владетелями была заинтересована и Россия.

С началом Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.), в результате которой Россия сделала первый ощутимый шаг в отвоевании и закреплении своих позиций в Северном Причерноморье, были внесены определенные коррективы как в расстановку сил в Закавказье, так и в политику держав, заинтересованных в этом регионе.

Западная Грузия была прекрасным плацдармом для начала военных действий против Турции, которые должны были отвлечь на себя значительную часть турецких сил и ослабить тем самым основную группировку турецких войск на главном дунайском фронте. Екатерина II не без гордости отмечала, что она задаст «звону, какого не ожидали», имея в виду, что поднимет и православную Грузию¹²¹.

Однако для того, чтобы обеспечить успех на грузинском фронте, надо было решить, по крайней мере, две задачи. Прежде всего, консолидировать силы в самой Грузии — Западной и Восточной. В это время лидирующим среди западногрузинских княжеств было Имеретинское царство во главе с Соломоном I. Его отношения с Ираклием II были неоднозначны. Не без усилий русского двора в мае 1769 года состоялась их встреча в Тбилиси, завершившаяся договоренностью о совместном выступлении против турок. В Петербурге, однако, понимали, что даже совместное выступление двух

грузинских царей окажется недостаточным для достижения успехов. Поэтому русский двор распорядился послать на помощь грузинским царям регулярные воинские части. В конце августа 1769 года экспедиционный корпус под командованием генерала Тотлебена вступил в Грузию.

В течение следующего, 1770 года русские войска оказали имеретинскому царю конкретную помощь. В июле–августе корпус Тотлебена отвоевал у турок западногрузинские крепости. Однако главная цель русских — отвоевание черноморских портов — так и не была достигнута.

Ввод русских войск и военные действия в Закавказье произвели большое впечатление на христианские народы края. Они поверили в возможность их освобождения от турецкого гнета. Ереванские армяне в сентябре 1770 года в письме к Ираклию II писали, что 20 тыс. воинов стоят наготове и могут выступить на помощь грузинскому царю¹²².

Поставив конкретную задачу, Россия не намеревалась втягивать в военные действия весь Кавказский регион. В отличие от нее Турция, опираясь на мусульманских ханов Кавказа, стремилась сколотить обширный антироссийский блок, «используя для этого все средства и методы подкупа и шантажа»¹²³. Особое старание султан употребил в отношении Карабахского и Кубинского ханств. Если симпатии Ибрагим-хана были на стороне Турции, то Фатали-хан оставался на стороне России. Хотя азербайджанское суннитское духовенство и некоторые влиятельные феодалы относились сочувственно к туркам¹²⁴, в целом ханы заняли во время войны нейтрально-выжидательную позицию.

Развернувшиеся в Западной Грузии военные действия, хотя и были направлены против Турции, волновали и Персию. Русская дипломатия старалась успокоить Керим-хана, обещая скорый вывод русских войск из Грузии, а также заверяя, что Россия не вмешивается в дела Закавказья и не собирается там завоевывать себе территории. В начале февраля 1772 года по распоряжению Екатерины II русский корпус был отозван с Кавказа. После этого два грузинских царя — Ираклий II и Соломон I — вынуждены были в 1773 году заключить военный союз. Он был необходим, так как руководители Грузии знали, что, несмотря на их просьбы, Россия отказывается брать Имерети под свой протекторат. Согласно статье 23 Кючук-Кайнарджийского договора, заключенного в 1774 году между воюющими сторонами, Западная Грузия оставалась под властью Турции.

Таким образом, акция русских войск (1770–1772 гг.) в Имерети не выпадала из контекста той политики, которую проводила Россия в Закавказье на втором этапе.

Русский двор, однако, именно в этот период сделал одно исключение. Оно касалось военного вмешательства России в противостояние между двумя соперничающими за гегемонию в Восточном Закавказье коалиция-

ми. Завоевательная политика Фатали-хана и его возвышение в Закавказье вызвали беспокойство не только Карабахского Ибрагим-хана и владельцев Южного Дагестана, но и грузинского царя Ираклия II. Помимо опасений в связи с усилением соседнего государства и нарушением баланса военных сил на Кавказе Ираклием II двигало чувство политической ревности: Россия откровенно поддерживала не его, а Фатали-хана. В Петербурге понимали, что победа противной Фатали-хану коалиции, даже несмотря на наличие в ней союзной Грузии, существенно ослабит позиции России в Каспийских ханствах и, наоборот, усилит влияние Турции. Дело в том, что Ибрагим-хан, который в случае победы становился хозяином положения и в Каспийских ханствах, являлся активным сторонником Турции. Россия ни в коем случае не могла допустить, чтобы западное побережье Каспия, по которому проходили важные для нее коммуникации, перешло даже под косвенный контроль султанской власти.

В критический для Фатали-хана момент русские войска оказали ему помощь. Нужен был лишь повод для ввода войск, и повод нашелся. Под предлогом освобождения из плена участников экспедиции известного российского ученого и путешественника Самуила Гмелина, попавшего в руки одного из дагестанских владельцев, войска под командованием генерала И.Ф. Медема вышли к Дербенту. Власть Кубинского хана была восстановлена полностью. После этого русские войска были выведены из Дагестана, так как в противном случае Россию ждали на Кавказе нежелательные и преждевременные международные осложнения. Обстоятельства «делают теперь совершенно не нужным, — писала, в июле 1775 года Екатерина II генералу Меду, — всякое дальнейшее в тамошнем крае войск наших явление и действие»¹²⁵.

Воодушевленный поддержкой России, Фатали-хан предпринял политический маневр, оказавшийся, однако, тщетным. Хан послал Екатерине II в Петербург ключи от Дербента и просил принять его под покровительство России. Это была попытка решить вопрос территориальной целостности своего ханства и, главное, желание получить с помощью России независимость от Персии. В 70-х годах русское правительство еще не могло и не желало нарушать установившийся в Закавказье порядок и менять в регионе расстановку политических сил. Поэтому, несмотря на ввод войск, речь не шла о дальнейшем вмешательстве во внутренние дела Закавказья. С точностью повторялась памятная русскому двору история с Западной Грузией. В ответ на просьбу Фатали-хана Коллегия иностранных дел дипломатично ответила, что Кубинский хан не имеет ни малейшего права отклоняться «от персидской зависимости» и «подчинения сей державе» по причине их «единой природы и единоверия»¹²⁶.

Свободу действий на Кавказе и возможность решительных политических маневров Россия приобрела с 80-х годов, коша наступил новый,

третий этап в ее закавказской политике. К этому времени с присоединением Кинбурна, Керчи и Еникале позиции русского государства на Черном море значительно укрепились. Соответственно ослабло влияние Турции в Северном Причерноморье и в Крыму, и взоры Петербурга обратились на эти территории. В это же время наметился отход русской внешней политики от союза с Пруссией к союзу с Австрией, который предполагал свободу действий России в ее отношениях с Турцией.

В самом же Закавказско-Персидском регионе произошло событие, которое привело к слому установившейся там системы политических противовесов. Со смертью в 1779 году правителя Керим-хана Персия на многие годы вновь была ввергнута в пучину хаоса и политической анархии. В результате Персидское государство распалось. Каждая из главных провинций Персии имела своего правителя.

К этому времени изменилось положение и в Грузии. Если до 80-х годов она успешно сдерживала напор мусульманских ханов, то теперь это ей удавалось все труднее и труднее. Но государство ослабло не только от противостояния внешним силам. Большую негативную роль играла внутренняя оппозиция — центробежные силы в среде грузинского дворянства. Страна при Ираклии II переживала тяжелое финансовое и военное положение. И Россия уже не могла с былой уверенностью полагаться на Восточную Грузию.

Сложившаяся в Закавказье новая политическая ситуация диктовала России необходимость корректировки своей политики на Кавказе. Бремя по обеспечению политического равновесия в целом по региону почти полностью ложилось на Россию. Сложный и запутанный клубок межфеодалных и межнациональных противоречий послужил тем действенным рычагом, с помощью которого русская дипломатия смогла поддерживать равновесие сил, умело используя мелкоочаговые конфликты между народами и различными политическими силами региона. Петербург фактически стал третейским судьей в этих конфликтах. Так был найден способ привлечения на свою сторону конфликтующих народов. Благодаря именно такому подходу мелкие политико-административные образования Кавказа и Закавказья вовлекались в орбиту политического влияния России¹²⁷.

В политике Петербурга Грузия занимала особое место. И в 80-е годы наступает момент, когда Россия могла и должна была свое политическое влияние в регионе трансформировать в фактическое присутствие в Закавказье. Речь шла об установлении над Восточной Грузией российского протектората,

К 1783 году стратегические тылы России были укреплены: после Русско-турецкой войны значительная часть Северного Причерноморья вышла из-под турецкого контроля, а в начале апреля 1783 года Крымский полуостров был присоединен к России уже официально. Существовал, однако,

еще один политический фактор, который в начале 80-х годов влиял на политику России в Закавказье. Речь идет о так называемом греческом проекте, который возник у отдельных политических деятелей России и был одобрен самой императрицей.

В случае новой войны с Турцией предусматривалось создание из Молдавии, Валахии и Бессарабии независимого христианского государства — Дакии, а в будущем и восстановление греческой империи. Параллельно с этим в планах князя Г.А. Потёмкина — одного из сторонников «греческого проекта» — было создание в Закавказье трех независимых государств — Грузии, Армении и Албании. В мае 1783 года Г.А. Потёмкин, делясь с императрицей своими планами относительно Закавказья, отмечал, «чтобы при удобном случае Карабахскую область, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному, и чрез то возобновить в Азии христианское государство»¹²⁸.

Новые планы России на юге предусматривали радикальное решение и персидского вопроса. Надлежало присоединить к России завоеванные Петром I, а затем вновь занятые Персией прикаспийские области¹²⁹. Но проблема Грузии была первоочередной.

Петербург воспользовался официальной просьбой Ираклия II в декабре 1782 года принять Грузию под покровительство Российской державы. Договор был заключен 24 июня 1783 года в Георгиевской крепости на Северном Кавказе, где находилась штаб-квартира русских войск Кавказской линии. С грузинской стороны Георгиевский трактат подписали зять царя Ираклия II Иоанн Мухран-Батони и Гарсеван Чавчавадзе, с российской — назначенный годом раньше новый командующий Кавказской линии, внучатый племянник князя Г.А. Потемкина, генерал П.С. Потемкин. В январе 1784 года «дружественный договор» ратифицировал царь Ираклий II.

По Георгиевскому договору царь Восточной Грузии отныне признавал над собой лишь верховную власть и покровительство России, отвергая права Персии на свою страну. Грузинское правительство обязывалось согласовывать свою внешнюю политику с представителями русского правительства. В случае начала военных действий Грузия обязана была выступить на стороне России. Со своей стороны, Российское государство брало на себя обязательство защищать Восточную Грузию от внешних врагов. Наконец, русское правительство гарантировало грузинскому царю невмешательство во внутренние дела его царства. Договор имел также «сепаратные» статьи, согласно которым Ираклий II обязывался пребывать в дружбе и согласии с царем Имерети. В случае возникновения разногласий между двумя грузинскими царствами государь России должен был быть третейским судьей. Наконец, русское правительство обязывалось постоянно держать в Грузии два батальона пехоты. В соот-

ветствии с Георгиевским трактатом в начале ноября 1783 года в Тбилиси вступили русские войска¹³⁰.

Принятие Грузии под протекторат России и планы русского двора относительно Армении воодушевили деятелей армянского освободительного движения. Поэтому участие одного из них — архиепископа Иосифа Аргутинского — в подготовке и заключении Георгиевского договора воспринималось армянами как первый шаг на пути реализации своих политических целей — создания независимого армянского государства. Однако Г.А. Потёмкин и руководители Коллегии иностранных дел лишь непродолжительное время были увлечены этой идеей. События, развернувшиеся на Кавказе и в Закавказье после 1783 года, свидетельствовали, что, пока турецкое владычество в Северном Причерноморье не будет отеснено хотя бы за Днестр (что было достигнуто лишь после Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.), России нельзя будет добиться желаемых политических результатов в Закавказье.

В середине 80-х годов Турция подняла на Кавказе новую волну агрессии как против России, так и против Грузии. Центром враждебных сил стала провинция Ахалцыха. Ахалцыхский паша Сулейман получил из Турции деньги для организации набегов горских племен на Грузию. Ему же было поручено создать против России и Грузии коалицию из азербайджанских ханов и дагестанских владетелей¹³¹. В результате враждебных действий Карабахского Ибрагим-хана — давнишнего сторонника турецкого султана — от Грузии отпали Гянджа и фактически Ереван, хан которого перестал платить Ираклию II подать. Далее Ибрагим-хан стал инициатором переселения из Грузии в Карабах полутора тысяч семейств тюркского племени казахов¹³². Лишая Ираклия такого количества подданных, Ибрагим создавал себе в Карабахе этническую базу.

Положение Восточной Грузии с каждым годом становилось все тяжелее. К разразившемуся в стране политическому кризису добавился кризис династический. Сыновья Ираклия враждовали между собой, каждый из них имел среди грузинских дворян своих приверженцев. Но самым тяжелым ударом для Ираклия II было поведение его жены — царицы Дареджан. Имея большой вес при царском дворе, она возглавила оппозицию мужу, состоявшую из особ царской фамилии и влиятельных дворян. Дареджан и ее сторонники выступали против покровительства России и ратовали за союз с Турцией.

Протурецкая ориентация усиливалась также среди северокавказских народов. Этому, в частности, способствовало движение, возглавляемое неким Мансуром. Выходец из чеченского селения Алды, Мансур объявил себя пророком и назвался имамом. Его движение, возникшее весной 1785 года и поддержанное Турцией, было направлено против русских и способствовало усилению турецкого влияния на Кавказе.

Возникшая на Кавказе политическая ситуация ставила перед русской дипломатией задачу — создать широкий антитурецкий альянс народов Закавказья и Дагестана. Опорой России должны были служить христианские народы Восточного Закавказья, но Петербург хотел вовлечь в этот союз и мусульманские народы региона. Однако для того, чтобы снять у мусульман подозрительность и боязнь возможной агрессии со стороны Российской державы, прежде всего необходимо было вывести из Закавказья русские войска. Вывод войск преследовал и другую важную цель — ослабить давление мусульманских ханов на Грузию и дать Ираклию II возможность нормализовать свои отношения с соседними ханами и дагестанскими владетелями. Тем самым Россия давала Ираклию II шанс самому выйти из политического кризиса, возникшего в его стране отчасти в связи с пребыванием там русских солдат.

В сентябре 1787 года российские войска были выведены из Восточной Грузии и возвращены на Кавказскую линию. С военной точки зрения этот шаг был вполне логичен, так как в начавшейся в 1787 году войне с Турцией Россия не намеревалась открывать фронт со стороны Закавказья. Тем не менее почти весь Кавказ и Закавказский регион практически были вовлечены в военный конфликт между Россией и Турцией. Опыт Русско-турецкой войны 1768–1774 годов вновь показал, что в Закавказье Россия не могла продемонстрировать свою силу Турции столь же успешно, как она это делала в других регионах.

Поэтому в Закавказье Россия нуждалась не только в политической, но и в военной поддержке со стороны местных народов. В 80-х годах русские власти могли рассчитывать в основном на вооруженную поддержку армянских меликов Карабаха. Именно на территории этой провинции развернулась вооруженная борьба армян с ханом Ибрагимом. Поддерживая армянских меликов в борьбе с Ибрагимом, русская дипломатия рассчитывала на то, что ослабление хана привело бы его к союзу с Россией, а это, естественно, ослабило бы позиции Турции в Восточном Закавказье. Однако это не был единственный способ привлечения на сторону России мусульманских ханов. Русская дипломатия для этой цели использовала также феодальные междоусобицы и межплеменные распри внутри мусульман Кавказа.

Упрочение позиций России в Закавказье на рубеже 80–90-х годов усилило тягу к ней мусульманских ханов, стремившихся использовать свой союз с русским двором как гарантию сохранения политического статус-кво. Ибрагим-хан, который колебался и к этому времени стал больше склоняться на сторону России, рассчитывал, что поддержка России поможет ему сохранить власть над армянским населением Карабаха. Однако при этом колебания закавказских ханов между Турцией и Россией стали перевешивать в сторону последней лишь после военного и политического поражения Турции в Северном Причерноморье.

Благодаря блестящим победам русского оружия в ходе двух русско-турецких войн и присоединению Крыма к России такой фактор, как турецкая опасность, практически был исключен из расклада политических сил Закавказья.

Если до 90-х годов при наличии в Закавказье турецкого фактора центробежные силы распадающейся Персидской державы представляли для России определенную опасность, то теперь эти же силы должны были помочь русской дипломатии решить ее задачи. Логика внешнеполитической стратегии России на юге требовала, чтобы после Северного Причерноморья наступил черед Закавказья. Русскому двору стали выгодны сепаратистские устремления закавказских и персидских ханов, так как они существенно ослабляли позиции Персии¹³³. Интересы наши, писали русские дипломаты, требуют, чтобы в Персии «никогда не могло установиться какое-либо твердое владычество»¹³⁴.

Этими важными обстоятельствами объясняются те перипетии, которые имели место в политической жизни региона в последнее десятилетие XVIII века. Следует в первую очередь отметить, что в самой Персии произошли события, которые отразились на политической жизни Закавказья и, соответственно, и на действиях русского двора. В первой половине 90-х годов в Персии выдвинулся энергичный и жестокий Ага-Магомед-хан из племени Каджаров. Он сосредоточил под своей властью почти все персидские провинции, избрал для себя новую столицу — город Тегеран — и с целью возрождения Персидской империи стал готовиться к походу в Закавказье. Чутко уловив ослабление позиций Турции, Ага-Магомед-хан хотел, подобно Надир-шаху, вывести Грузию из-под влияния России и покорить азербайджанских ханов. Фактически персидский хан стремился вернуть Закавказье в лоно влияния Персии.

Появись Ага-Магомед-хан несколькими десятилетиями раньше, Россия определенно простила бы дерзкий вызов, брошенный персидским ханом. Однако осуществляемая Россией в двух последних десятилетиях XVIII века новая линия в ее закавказской политике требовала от Петербурга решительных действий. Но эти действия оказались несколько запоздалыми. Русские войска были брошены в Закавказье лишь после того, как в сентябре 1795 года полчища персидского хана овладели городом Тбилиси и подвергли его губительному разорению.

Весной 1796 года 30-тысячная русская армия под командованием генерала Валериана Зубова вступила через Дербент в Закавказье. Военные успехи В.А. Зубова предопределялись поддержкой тех реальных политических сил, на которые опиралась Россия в Восточном Закавказье. Интересно, что русской дипломатией были задействованы две взаимоисключающие силы. Это, с одной стороны, преследовавшие сепаратистские цели закавказские ханы, а с другой — руководство армянским освободительным движением.

Заняв побережье Каспийского моря, что было важно для России, армия Зубова стала готовиться к походу на Персию. Но в ноябре персидский поход был отменен новым императором России Павлом I. Император и его окружение считали, что русские войска, восстановив в регионе нарушенный Ага-Магомед-ханом баланс сил и тем самым вернув Закавказью стратегическую стабильность, исчерпали свою задачу. Ждать новых акций со стороны Ага-Магомед-хана уже не приходилось, так как во время второго похода в Закавказье в июне 1797 года он был убит в Карабахе.

Походы Ага-Магомед-хана и, как следствие, возникшая в Закавказье нестабильность способствовали тому, что русский двор стал склоняться к мысли о необходимости перейти на юге к более решительным шагам. Эти шаги были форсированы из-за тяжелейшего положения, в которое попала Грузия после смерти в январе 1798 года царя Ираклия II. Русские политики открыто заявляли, что «самостоятельное существование Грузии невозможно»¹³⁵. Но идея и практика осуществления протектората над Грузией себя уже исчерпали, и в правительстве России решили претворить в жизнь планы Павла I — присоединить Грузию к России. К этому решению стал склоняться и новый царь Грузии Георгий XII, сын Ираклия II. 22 декабря 1800 года Павел I подписал Манифест о присоединении Грузии к России. Этот акт, однако, был осуществлен лишь в следующем году при новом императоре России Александре I.

После Грузии должен был наступить черед и других регионов Закавказья. В правительственных кругах России созрело недвусмысленное мнение, что «во избежание будущих неудобств» российская держава должна установить свою границу с Персией на реке Араке¹³⁶.

Таким образом, понимание большого стратегического значения Закавказья для русской внешней политики было постоянным фактором в течение всего XVIII века. Однако только в следующем веке воплотилась в жизнь политическая программа России по Закавказью, основы которой были заложены еще Петром I. Несмотря на некоторые специфические негативные факторы, присоединение Закавказья к России в целом было благом для многих кавказских народов.

* * *

Внешняя политика России в последней трети XVIII века может быть признана успешной: произошло значительное расширение территории на экономически и стратегически важных направлениях. Войны, которые вела страна, в основном были результативными. Вырос и окреп военноморской флот. Талантливые полководцы и дипломаты общими усилиями добивались укрепления международных позиций Российской империи. Екатерина II придавала внешнеполитическим успехам первостепенное значение, справедливо считая, что это укрепляет ее личную власть.

Хотя Павел I на первый взгляд изменил традиционным внешнеполитическим «привязанностям» России: заключил союз с Турцией, с которой на протяжении нескольких веков Россия враждовала, встал на сторону Франции после переворота 18 брюмера и сделался непримиримым врагом Англии, он, по существу, остался верен великодержавной политике своей матери.

Внешнеполитические успехи России в 1762–1801 годах не принесли благоденствия народу разросшейся империи. В войнах она потеряла тысячи своих солдат, экономическое развитие страны замедлилось, земли приходили в запустение. Росло недовольство крестьян, купцов, городского люда, охватившее всю Россию и вылившееся во время правления Екатерины II в грандиозное по своим масштабам повстанческое движение под предводительством Е.И. Пугачёва.

Глава IV. Разделы Речи Посполитой

1. Кризис Речи Посполитой. Россия и реформы управления

Борьба России за преобладание в Восточной Европе, за берега Черного моря, за воссоединение украинских и белорусских земель с Россией завершается лишь в конце XVIII века и на последнем этапе связана с разделами Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией, говоря проще, падением внутренне слабого, но независимого Польско-Литовского государства, разодранного на клочки более сильными соседями.

Но сводить причины разделов Польши только к черноморской и украинским проблемам либо даже к комплексу восточноевропейских вопросов было бы частью правды, но не всей правдой. Аналогию можно провести с метеорологами, если бы они объясняли наступление зимы исключительно преобладанием северных ветров.

Разделы Речи Посполитой — явление если не общемирового, то по меньшей мере общеевропейского масштаба. Так или иначе, непосредственно либо опосредованно в них была втянута вся Европа. Под влиянием разделов изменилась структура межгосударственных и международных связей на континенте. В каком бы состоянии упадка и деградации ни пребывала Речь Посполитая, тем не менее речь шла о ликвидации крупной европейской державы с многовековой историей, с устоявшимися традициями внешнеполитических контактов и интересов.

Среди государственных деятелей и дипломатов исследуемого периода, как уже говорилось выше, весьма популярной была теория равновесия сил. Разделы чужой территории, перекраивание границ довольно широко использовались в европейской политике еще с конца XVII века. В середине XVIII века весьма яркую иллюстрацию этой политики дает война за австрийское наследство 1740–1748 годов, в ходе которой Пруссия захватила у Австрии Силезию. Разделы Польши более четко показали и оформили эту практику: путем захвата территории осуществлялось политическое господство и сохранялось равновесие сил между ведущими державами за счет поглощения ими более слабых государств. Прусский король Фридрих II Великий писал в своих мемуарах по поводу первого раздела Польши в 1772 году: «Это первый пример разделов как дружеского способа регулировать и завершать споры между тремя великими державами»¹. Знаменитый исследователь наполеоновской Франции А. Сорель видел в разделах Польши конец старых европейских международных отношений, международного правопорядка в Европе².

Разделы Польши произошли в тот период, когда в мире и Европе рушились феодальные троны. В 1787 году была принята Конституция США. 3 мая 1791 года была провозглашена Конституция Речи Посполитой и только через четыре месяца, 3 сентября того же года, — Конституция Франции. Крушение в 1795 году, в результате последнего раздела, конституционного государства вызвало острейшую реакцию мировой общественности — как со стороны либералов и демократов, так и со стороны реакции.

Разделы Польши волновали умы людей на протяжении всего XIX столетия, когда стоял пресловутый «польский вопрос», косвенное влияние они оказывают на развитие событий и по сей день. Весьма современно звучат строки:

Куда отвинем строй твердынь?
 За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
 За кем останется Вольнь?
 За кем наследие Богдана?
 Признав мятежные права,
 От нас отторгнется ль Литва?

Между тем стихам 167 лет, они носят название «Бородинская годовщина» и написаны А.С. Пушкиным в 1831 году³.

Вопрос кто виноват в падении крупного европейского государства, — весьма интересовал русских историков XIX века. Наши знаменитые соотечественники С.М. Соловьёв, Н.П. Кареев, Н.И. Костомаров, Н.Д. Чечулин корень зла видели в безответственной, эгоистической политике польских и литовских магнатов, которые ради утверждения всевластия в собственных феодальных латифундиях, ради господства на сеймах готовы были рвать державу на части и топить в непрерывных политических кризисах⁴.

Польские историки XIX века и предвоенных лет главной виновницей разделов считали Россию⁵. Их современные коллеги не отрицают влияние внутренней анархии в стране на ее кризис, но основной бедой полагают политику Пруссии и Австрии, которые за счет Польши пытались реализовать свои амбиции как великих держав и сгладить взаимные противоречия. Россия участвовала в разделах неохотно, под их давлением. Есть и другая точка зрения, согласно которой главным истоком трагедии был внутренний развал государства⁶. Такие же оценки преобладают и в современной немецкой историографии. По мнению М. Мюллера, утверждение о том, что польская шляхетская республика, и без того пользовавшаяся весьма дурной славой в Европе, являлась основной причиной трагедии, носит чисто морализаторский характер. Основная причина разделов, считает он, политика европейских государств⁷.

Советская историография этого вопроса весьма скудна. Официально никто не запрещал исследовать проблему, но неофициально делалось все, чтобы не допустить историков к материалам соответствующих фондов

Архива внешней политики России при МИД СССР. Считалось, что участие России в разделах — это темное, порочащее пятно ее истории, а потому лучше не исследовать его, забыть об этих фактах, вычеркнуть их из памяти. Поскольку этого все-таки сделать не удавалось, то старались вспоминать разделы Польши как можно реже. Специальная статья об этом появилась только в 1980 году, хотя, безусловно, были соответствующие разделы в обобщающих работах и книгах по внешней политике России, но в них не присутствовали новые по сравнению с дореволюционной историографией материалы и оценки⁸.

Чтобы разобраться в причинах гибели Речи Посполитой, остановимся в самых общих чертах на принципах ее государственного строя. В дословном переводе с польского название «Речь Посполитая» (*Rzec Pospolita*) означает «Дело народа», точный смысловой перевод — «Республика». Если проводить аналогию с современностью, то государственный строй Польши можно сравнить с конституционной монархией или с республикой, где президент избирается пожизненно. Высшим органом власти был избираемый шляхтой сейм, который решал государственные дела и выбирал короля.

Народы Речи Посполитой создали такой государственный строй, который был не хуже «устройства других стран, а по выработке свободных форм стоял выше многих»⁹, как писал Н.И. Костомаров. Ж.-Ж. Руссо, которого просили подробно ознакомиться с устройством Речи Посполитой, хвалил этот строй именно за демократизм и называл поляков «последней еще свободной нацией», которая противостояла деспотизму¹⁰.

Стороннему наблюдателю государственное устройство Речи Посполитой могло показаться весьма привлекательным: в XVIII веке во всей Европе (кроме Англии и Швейцарии) царил абсолютизм с почти неограниченной властью монарха. В Речи Посполитой королевская власть находилась под сильнейшим контролем со стороны сейма. Сеймы собирались по мере надобности, и без их согласия король не мог принять ни одного мало-мальски важного решения. Финансы, экономика, армия, политика, назначение на крупные административные должности — всем этим ведал сейм. Даже дворцовый бюджет контролировал сейм. На местах собирались местные сеймы. Участвовать в общегосударственном сейме могли только выборные представители дворянства — шляхты, причем обязательно католики. Православные шляхтичи и протестанты не допускались даже к выборам депутатов на сеймы.

Казалось бы, вся полнота власти была в руках сеймов, даже королем в Речи Посполитой формально мог стать любой шляхтич, если его выберет сейм. (Честолюбивая и заносчивая шляхта весьма гордилась и любила подчеркивать, что каждый из них может надеть на голову королевскую корону.) Но на деле и сеймы не имели полной власти в Речи Посполитой.

С 1652 года на сеймах господствует право свободного запрещения (*juris liberum veto*), то есть сейм мог принимать решения только единогласно. Даже при одном голосе против предложение отклонялось, и сейм считался распущенным. Так возник почти полный паралич высшей законодательной власти. С 1652 года и вплоть до избрания 7 сентября 1764 года последнего короля Станислава Августа Понятовского сейм собирали 55 раз и только 7 сеймов завершились сравнительно благополучно. Все остальные были сорваны.

Крупным магнатам ничего не стоило подкупить какого-нибудь обедневшего шляхтича-посла, все имущество которого только и было что «сабля при боке» (*kaabela przy боку*) да жупан на голом теле, и тот кричал на сейме свое «запрещаю!» (*nie pozwalam!*). Срывать сеймы стало для послов-шляхтичей своеобразной статьёй дохода. Они открыто похвалялись этим. Так, в 1669 году некий Олезар сорвал сейм за 600 злотых, а сейм 1690 года был сорван шляхтичем Городинским за 600 талеров¹¹. Таким образом, сейм нельзя считать даже органом власти магнатов: они тоже не могли добиться нужного им решения, ибо против действовали другие группировки магнатов. Сейм превратился в орган безвластия, полной анархии, неспособный конструктивно решить ни одного вопроса.

Впрочем, если сейм даже и принимал какое-нибудь решение, магнаты и шляхта имели полное право не подчиняться ему и даже начать гражданскую войну. Недовольные формировали так называемую конфедерацию, избирали командование (в конфедерациях *juris liberum veto* не действовало) и начинали войну против сейма и короля.

Еще больший произвол магнатов царил на местных сеймиках, которые должны были решать местные проблемы и выбирать депутатов на общегосударственный сейм. В местных сеймах участвовала вся католическая шляхта. Как только приближался сейм, магнат свозил в город, где должен был заседать сейм, мелкую (так называемую «загоновую») шляхту, устраивал ее в монастыре, а то и просто в шалашах на выгоне под городом, поил допьяна за свой счет. Современники и участники этих попойек вспоминали (если могли вспомнить), как рвали посланные на столы холсты, хватили горячую пищу руками, пихали ее друг другу за пазуху, гадили вокруг.

Другой пан-магнат собирал свою пьяную ораву, и дело почти неизбежно кончалось кровавой схваткой, происходившей иногда даже и в стенах костела. Победившая сторона изгоняла противника, потом единогласно принимала нужное решение. Оставалось пану только щедро наградить своих шляхтичей, закопать трупы и вновь освятить костел¹². Еще долго в Польше ходила такая поговорка: «Польша жива беспорядком» (*Zyje Polska niestrojeńem*).

Истинными хозяевами в Польше были немногочисленные роды крупных феодалов-магнатов, такие как Потоцкие, Конецпольские, Радзивиллы,

Чарторийские, Понятовские, Лещинские, Сангушки, Мнишеки, Собеские, Ходкевичи, Замойские, Заславские, Вишневецкие. Их земельные владения часто были поистине бескрайними и превосходили иное европейское государство. В основном владения этих магнатов располагались на Украине, что придавало произволу панов-магнатов еще и национальный характер. Так, от Днепра до Карпат почти все земли принадлежали Потоцким, Коцеппольским, Собеским, Ходкевичам, Вишневецким¹³.

В собственно Польше магнатские владения были меньших размеров, но и там магнат оставался магнатом. Это был абсолютный и полный господин подвластной земли и живущих на ней крестьян, мелкой шляхты и городов. Он совершенно не подчинялся решениям высших органов власти, местной королевской администрации, а иные даже чеканили свою монету. Каждый такой магнат содержал отряд вооруженных холопов и шляхтичей, мог напасть на соседа, ограбить его или насильно вывезти крепостных крестьян. Иные содержали целые полки вооруженных наемников, которые порой и по количеству солдат, и по качеству вооружения превосходили силы короля. Наемное государственное войско, магнатские отряды и всеобщее шляхетское ополчение (посполитое рушение) составляли армию Речи Посполитой. Армия напоминала скверное лоскутное одеяло, к которому постепенно «пришивались» разнообразные куски, каждый из которых был и скроен неладно, и шит плохо.

Во второй половине XVIII века польское войско, как и вся страна, переживало упадок. Численность постоянного войска едва доходила до 16 тыс., что, конечно, было слишком мало по сравнению с армиями соседей. (Численность российской армии составляла в 1795 г. 279 575 человек¹⁴.) Лишь по решению четырехлетнего сейма в 1789 году — за шесть лет до падения Польши — численность армии установили в 100 тыс. человек, а во время восстания Т. Костюшко войско повстанцев превысило эту цифру¹⁵, но время было упущено. Армия не успела наладить боевую подготовку, была плохо вооружена, большей частью состояла из отрядов крестьян. Долго противостоять регулярным войскам Пруссии, Австрии и России она не могла.

В некогда великой, но теперь умирающей державе не было никого, кто мог бы поднять и повести за собой народ, вдохнуть новые силы, сплотить всех вокруг одного знамени. Каждая смена короля превращалась в национальную трагедию. За политическое влияние в этом государстве боролись Россия, Пруссия, Австрия и Франция. Трудность состояла только в том, чтобы перетянуть на свою сторону побольше магнатов, которые откровенно продавали за золото свою честь и будущее страны.

Россия в 1763–1766 годах потратила на польские дела 7–8% своего годового бюджета, то есть 4 млн 400 тыс. рублей. На подкуп послов избирательного сейма в 1764 году Н.В. Репнин истратил 60 тыс. рублей¹⁶.

Практически со времен Августа II (1697 г.) на королевском троне сидели угодные России короли. После смерти Августа III в Польше боролись за власть две магнатские группировки: Чарторыйские и Огинские. Обе искали помощи у России. Более сильной была группировка вокруг Михаила Чарторыйского, канцлера Речи Посполитой. Еще при жизни Елизаветы Петровны он отправил в Петербург в качестве посланника своего племянника (сына сестры) графа Станислава Августа Понятовского. «Это был высокий, отлично сложенный молодой человек, соединивший в себе коренные свойства национального характера со свойствами европейской знатной особы того времени»¹⁷, — писал историк Н.И. Костомаров.

Английский посол познакомил Понятовского с великой княгиней Екатериной конце 1755 — начале 1756 года, и вскоре граф Станислав стал любовником Екатерины. Роман их продолжался около четырех лет, пока польского дипломата не выслали из России в 1759 году. Скорее всего, именно граф Понятовский ввел Екатерину в курс запутанных польских дел.

Понятовский стал последним королем Речи Посполитой. От природы он имел блестящий, но неглубокий ум, почти абсолютную память, получил лучшее образование, много читал, по традиции польских магнатов образование свое завершил длительным путешествием по Европе, во время которого стал вхож в дома тогдашних европейских знаменитостей. Он в совершенстве освоил языки.

Понятовский умел складно говорить, особенно если общество его не прерывало, любил и понимал искусство, пользовался большим успехом у женщин и в отношениях с ними был весьма ветреным и непостоянным. В Лазенковском дворце целая стена была увешена портретами любовниц польского короля. Переменяя их как наряды, он был весьма щедр к покинутым, давал им большие пенсии и тем увеличивал свои расходы и долги, говорится в книге Н.И. Костомарова.

Как политик Станислав Август Понятовский явно уступал в твердости и последовательности и Екатерине II, и Фридриху Великому, легко поддавался влиянию своих друзей и придворных, зависел от окружающей его среды. Энергичный по натуре, он легко брался за дело, но королю не хватало упорства, и столь же легко Станислав Август остывал, бросал начатое. Он мог слишком увлечься второстепенными предметами, ему не хватало крепкого стержня.

Он отличался здравым смыслом, находчивостью, но в важнейших делах не мог принять четкого решения, всегда высказывался с некоторым колебанием и часто подчинялся мнению других. Все эти качества дополнялись двоедушием, недоверчивостью, и, как часто случается со слабовольными людьми, в затруднительных положениях он мог вдруг довериться заклятому врагу¹⁸.

По мнению Вольтера, из всех властительниц, имевших многочисленных любовников, только Елизавета Английская и Екатерина II не поддавались влиянию своих фаворитов. Делая Станислава Августа королем, Екатерина, с ее умением едва ли не с первого взгляда верно оценить характер человека, не надеялась на твердость и незаблемуемую верность этого польского магната. Императрица быстро поняла его лживость и коварство, но именно такой безвольный и слабый король ее вполне устраивал.

Конечно, и Екатерине не были чужды человеческие пороки — распущенность нравов, чувственность и суетность (скорее всего слишком преувеличенные молвой). Но ее идеалом было величие и благосостояние России. Екатерина стремилась подчинить своему влиянию Польшу и создать своего рода буфер из формально независимой, но находящейся под сильным русским влиянием страны. Спокойствие на западных границах было нужно Екатерине для того, чтобы развязать себе руки в войнах с Османской империей за берега Черного моря.

Конечно же, в политике Екатерине II случалось и хитрить, и быть коварной, но предпочитала она (как в свое время Петр I) прямоту и искренность. Екатерина отлично понимала, что лживость политика — проявление слабости государства. Сила позволяет обходиться без лжи, а верность слову государя повышает доверие и авторитет страны.

Русское влияние в Польше было довольно прочным еще со времен Северной войны и короля Августа II. Однако политическая анархия и децентрализация делали возможным активное вмешательство в польские дела других стран, в первую очередь Австрии, Пруссии и Франции. С особой остротой польский вопрос встал после смерти в 1763 году короля Речи Посполитой Августа III. Во всех европейских дворах политики рассчитывали и прикидывали, как Франция, Австрия, Турция, а возможно, и Швеция выступят против российского ставленника. (Франция стремилась ослабить влияние России в Европе и проводила так называемую политику «восточного барьера», создавая на западных русских рубежах блокаду из враждебных России государств.) Надвигались войны России с Турцией. Австрия хотела посадить на трон своего ставленника. Ожидали, что и Швеция попытается взять реванш за проигрыш в войне 1700–1721 годов. Что же касается Фридриха II, то он решил в вопросах выбора короля временно блокироваться с Россией.

После смерти короля Августа III польский вопрос встал с особой остротой. Возглавлявший российскую внешнюю политику Никита Иванович Панин говорил, что Россия потеряет треть своих выгод, если в Польше утвердится влияние какой-либо другой державы. Поэтому в Петербурге решили посадить на польский трон магната Станислава Августа Понятовского.

В 1762 году Россия и Пруссия заключили договор, по условиям которого обязывались защищать интересы польских диссидентов. (Диссидентами

в Речи Посполитой тогда назывались все «инакомыслящие», т. е. не католики: православные и протестанты.) Договор предписывал действовать общими силами при выборах короля, королем непременно должен был стать поляк, дабы Речь Посполитая не попала под влияние другой державы. Конечно же, Пруссия надеялась со временем получить согласие Екатерины II на отторжение у Польши Балтийского побережья, чтобы таким образом соединить западные земли королевства с Восточной Пруссией.

Пруссия была вынуждена пойти на определенные уступки еще и потому, что после окончания Семилетней войны она пребывала в состоянии дипломатической изоляции. Нужно было чем-то временно жертвовать. Конечно же, Екатерина меньше всего хотела соединения двух частей Пруссии, — это означало бы появление на западных рубежах России достаточно сильного и к тому же милитаристского государства. Но у Екатерины были свои проблемы.

Екатерина только что отобрала престол у своего незадачливого супруга (28 июня 1762 г.), ей нужно было спокойствие в международных делах. Буквально на другой день был отправлен циркуляр к русским послам за границей с поручением заявить, что «новое правительство намерено соблюдать дружбу со всеми дворами»¹⁹.

Прежде всего необходимо было восстановить отношения с Данией. Поскольку Петр III, как принц Голштинский, готовился начать войну с Данией за голштинские интересы, Екатерина предписывала посланнику в Копенгагене барону И.А. Корфу сообщить, что голштинские дела со стороны России «не могут служить основанием для действий, несходных с интересами нашего государства». О сложностях международного положения России свидетельствует реакция Дании на мирные инициативы Екатерины II. В августе 1762 года датский король объявил себя опекуном сына Екатерины II и Петра III — Павла Петровича (как принца Голштинского). В Петербурге, конечно же, решительно отклонили такое вмешательство в дела императорской семьи.

Натянутыми были отношения с Францией. Французские послы в Петербурге дважды — в 1762 и 1765 годы — пытались поставить под сомнение права российского монарха на императорский титул.

Как заноза в теле торчало среди прибалтийских земель герцогство Курляндское. Еще Елизавета Петровна посадила герцогом Карла Саксонского, который теперь готов был выйти из-под зависимости России и искал поддержки у Саксонии и Австрии. С помощью Фридриха Великого в 1763 году его удалили из Курляндии, а курляндские бароны «избрали» (не без подсказки Екатерины II) Бирона, возвращенного императрицей из ссылки и послушного ее воле²⁰.

И Россия, и Пруссия были взаимно заинтересованы в сближении, и Речь Посполитая становилась уже в 1762 году как бы разменной моне-

той при русско-прусских расчетах. Новый союзный договор с Пруссией был заключен в Петербурге 31 марта 1764 года. Стороны гарантировали друг друга от нападения соседей. Каждая в случае нужды выставляла на помощь 12 тыс. пехоты и конницы или платила 400 тыс. рублей в год. Особо важные секретные статьи касались Польши. Договаривающиеся стороны обязывались защищать существующие в Польше порядки, содействовать избранию на престол только поляка, а в случае нужды защищать Польшу вооруженными силами. Фактически речь шла о консервации государственного строя и общественных отношений, которые привели Польшу на грань катастрофы²¹.

Этот договор с Пруссией стал основой создававшейся Н.И. Паниным «Северной системы» — своеобразного противовеса политике «восточного барьера», которую проводила Франция, и франко-австрийского союза против России. Имея свои интересы в Польше и Османской империи, Франция и Австрия создали так называемую «Южную систему», в которую вовлекли и Испанию. «Северная система» Панина предполагала участие России, Пруссии, Англии, а в качестве пассивных членов — Швеции, Дании и Речи Посполитой. В случае русско-турецкой войны Речь Посполитая должна была стать союзницей России, для чего Панин предполагал увеличить польскую армию, а также предоставить России территориальную базу между Днепром и Днестром, необходимую для ведения военных действий²².

Таким образом, частично уступая Пруссии в польском вопросе (допускалось вмешательство Пруссии в польские дела, но даже не говорилось о землях будущего «прусского коридора»), Россия надеялась сохранить в основном свои позиции в Речи Посполитой и усилить свое положение в Европе, гарантировать спокойствие на северных границах. Все это было особенно важно ввиду приближающейся войны с Османской империей.

7 сентября 1764 года Станислав Август Понятовский был избран королем Речи Посполитой. Как всегда, избрание короля сопровождалось смутами и волнениями. Еще до избирательного сейма дядя Станислава, Михаил Чарторыйский, создал конфедерацию, выдвинувшую действительно важные проблемы, от которых зависела судьба страны: конфедераты решили отменить «либерум вето», создать сеймовые комиссии по вопросам военного дела, полиции, финансов, суда. По сути, это было бы правительство, ответственное перед сеймом. Было решено увеличить войско до 50 тыс. и ввести таможенную службу²³.

Избирательный сейм утвердил эти решения, кроме самых главных — о «либерум вето» и о войске. Шляхта, не испытывавшая никакого чувства ответственности за судьбы страны, не понимала и не желала понять громадной разницы между свободой, гарантированной твердыми и обязательными для всех законами, и полным безвластием, разрушающим страну и саму свободу.

Формально Россия и Пруссия вместе выступили на сейме поборниками сохранения «либерум вето», но для России это единство было вынужденным. В принципе, Н.И. Панин и первое время Екатерина были несогласны отменить «либерум вето» и тем усилить королевскую власть. Прусский посланник в Петербурге граф Сольмс писал Фридриху Великому, что Панин очень предубежден против «либерум вето», «считает почти долгом человеколюбия помочь полякам выбраться из хаотического состояния» и «было бы жестоко останавливать попытку поляков выбраться из состояния варварства». Панин убеждал Сольмса, что для поддержки политики России и Пруссии, для войны против Турции необходимо в известных пределах укрепить Речь Посполитую²⁴. Тех же взглядов придерживалась и Екатерина. Группа опытных дипломатов из старых аристократических родов тоже была на их стороне: брат Панина — сенатор и генерал-майор Петр Иванович, Воронцовы и посол в Варшаве Н.В. Репнин.

Но в придворных кругах Петербурга были и противники отмены «либерум вето» — братья Орловы и глава Военной коллегии З.И. Чернышов. Те предлагали всякими мерами ослаблять Речь Посполитую, чтобы прямо захватить ее восточные — белорусские и литовские — земли²⁵. Группировка Орловых и Чернышова при поддержке прусского посланника провалила планы Панина. 9 ноября 1764 года Сольмс доносил Фридриху Великому, что императрица изменила свое мнение и будет требовать, чтобы дела в Польше «оставались в том виде, в каком они были. Этот случай очень огорчает Панина»²⁶.

Русский и прусский послы в Варшаве (Репнин и Кауниц) не выступали против увеличения армии, но потребовали от сейма прежде заключить союзный договор. Иными словами, на определенное усиление королевской власти Россия готова была пойти, но при гарантии, что эта власть не будет направлена против России. Шляхта, и без того косо смотревшая на русские военные знамена, отклонила идею военного союза. Воспользовавшись этим поводом, Репнин подал императорскую ноту, в которой требовалось уравнивать в правах католическую, протестантскую и православную шляхту.

Репнину было поручено добиваться на предстоящем сейме решения вопроса о диссидентах. Екатерина требовала, чтобы диссидентская шляхта избиралась в суды, получала должности в провинциальной администрации, а сейм — на треть состоял из диссидентов. Православный архиерей должен был заседать в Сенате. Императрица предвидела, что фанатичная шляхта провалит это требование, тогда послу надлежало всеми мерами создавать конфедерацию, и, как бы уступая просьбам конфедератов, Россия ввела бы в Польшу свои войска²⁷.

Король Станислав Август говорил, что это требование для него подобно громовому удару. Недовольны королем были и шляхта, и крестьяне, и го-

рожане из-за введения таможенных пошлин. Когда же Репнин объявил, что если будущий сейм не уравниет в правах православных и протестантов с католиками, то Россия введет в Польшу 40 тыс. солдат, по всей Польше начались сильные антироссийские выступления.

Сейм открылся в сентябре 1767 года и вначале отказался даже рассматривать вопрос о диссидентах. Тогда Екатерина II прибегла к более радикальному средству, тому самому, о котором писала раньше Репнину, — к созданию конфедерации. В 1767 году в городе Слуцк собралась конфедерация православной шляхты. В городе Торунь конфедерацию составили протестанты, в некоторых других местах — католики.

Конфедераты насчитывали до 80 тыс. человек, причем большинство были католиками. Простая шляхта-конфедераты даже и не знала, что речь идет о получении «схизматиками» политических прав. Они слепо шли за местным корольком-магнатом. Такой местный король часто, предварительно подпоив шляхту, говорил, что нужно сбросить Станислава Августа, что нужно отобрать власть у Чарторыйских. Центром конфедерации стал город Радом.

Во главе конфедерации диссидентов встал литовский магнат Карл Радзивилл, известный под прозвищем «пане-коханку» («панлюбимчик»). Он мало отличался от других магнатов. Легкомысленный, расточительный до безрассудства, вечно веселый и вечно пьяный, его нетрудно было водить за нос, уверяя, что он всему голова и все кругом исполняют его волю. Одно время он покровительствовал княжне Таракановой и интриговал против Екатерины, теперь же его поманили обещанием польского престола. В помощь конфедератам Россия ввела войска. Командовавший войсками России генерал Карр предупредил, что любое неповиновение Екатерина будет рассматривать как бунт против Польши.

Радомская конфедерация держалась исключительно силой русских штыков и не могла быть прочной. Удар ей нанесла просаксонская группировка магнатов, и прежде всего краковский епископ Солтык, страстный и фанатичный противник православия и протестантизма. Солтык засадил 15 писцов и продиктовал им послание к правоверным католикам с призывом бороться против «схизматиков» — православных и протестантских диссидентов. В ответ Репнин направил в его имение на постой солдат.

Сейм 1767–1768 годов проходил в окруженной русскими войсками Варшаве. Против уравнивания в правах диссидентов выступили Солтык, престарелый краковский воевода Ржевусский, магнаты Пулавский, Красиньский и Потоцкий, епископ Залусский. Репнин, действуя по инструкциям Панина, приказал арестовать Ржевусского, Солтыка, Залусского и сына Ржевусского, Северина. Их обвинили в оскорблениях императрицы, которая всеми силами старается сделать благо для Речи Посполитой. Следующие пять лет им пришлось жить в Калуге²⁸.

После этого на сейме все пошло как по маслу. Посол Репнин открыто угрожал: «Я требую не толков, не объяснений, а послушания»²⁹.

13 февраля 1768 года сейм создал комиссию, которая от имени сейма заключила с Россией союз. Речь Посполитая юридически входила в «Северную систему». Россия обязывалась защищать Польшу от внешних врагов, сохранить «либерум вето», право свободного избрания короля, гарантировала сохранность польских границ и основных законов. Главное, чего добились Россия, — диссиденты получили равные политические права с католиками.

Некоторые решения ограничивали произвол магнатов и стабилизировали внутреннее положение в стране. Теперь магнаты и шляхта лишались права судить крестьян, судили их в общих судах; запрещались вооруженные «наезды» на соседей; за убийство своего крепостного господин отвечал так же, как за убийство свободного.

Но успокоение было только поверхностным. Уже 29 февраля 1768 года ослепленная религиозным фанатизмом и движимая оскорбленным чувством национального достоинства шляхта создала новую конфедерацию на Подолии, в городе Бар, которая и получила название Барской конфедерации. Началась вооруженная борьба русских войск против конфедератов. Терпя поражение от регулярной армии, шляхта отыгрывалась на православном населении Подолии. В ответ началось восстание украинских казаков и крестьян, известное как движение гайдамаков. Кровавые зверства, резня, устроенные гайдамаками в Умани, множилось и с той и с другой стороны. По всей Правобережной Украине запылали дворянские усадьбы, католические костелы и монастыри.

Барские конфедераты обратились за помощью к Турции. Спасение они видели в разжигании русско-турецкой войны, Екатерина II писала тогда Н.И. Панину: «Захотят ли турки воевать или будут требовать своим протезе удовлетворения посредством негоциации — увидим. То и другое хлопотно, но думаю, что последнее сбудется; и для того разгоните барских возмутителей, пока еще протекция турок к ним не объявлена»³⁰. Но было уже поздно. Гражданская война, разожженная и Екатериной II, и магнатскими группировками, и духовенством, пылала во всю силу.

Турция потребовала у конфедератов за помощь Подолию и Волинь (напомним, что с 1672 по 1699 г. Турция уже владела Подолией). При удобном случае султан надеялся восстановить свои права на Азов³¹.

Нужен был только повод для объявления войны. И такой повод невольно дали гайдамаки, ненавидевшие и католиков-поляков, и мусульман-турок. Один из гайдамацких предводителей — Шило — гнался за шляхетским отрядом до реки Кодым — тогдашней границы Речи Посполитой и Молдавии, входившей в состав Османской империи. Шляхтичи переправились через реку, укрылись в местечке Балта, и турки стали их защищать. Тогда

Шило разбил турок, захватил и разграбил Балту и перебил польский отряд, а заодно и янычарский гарнизон местечка. Это был отличный повод для объявления войны.

Русский посол Обресков пытался объяснить, что это сделали не русские войска, а подданные Речи Посполитой, гайдамаки, но доводы, основанные на здравом смысле, в султанском Высоком диване решительно не воспринимали. Обрескова посадили в тюрьму Семибашенного замка, а Турция осенью 1768 года объявила войну России.

Начались одновременные действия русских войск и против Турции, и против барских конфедератов. Война с Барской конфедерацией носила в основном партизанский характер, чем и объясняется ее длительность. Но решающих, открытых столкновений с российскими войсками конфедераты не выдерживали. Не помогла им и поддержка Турции, а позднее Австрии и Франции. Турки помыкали конфедератами, откровенно обращались с ними как с второсортными подданными султана. Османь были очень недовольны попытками одного из лидеров конфедерации Иосифа Пулавского пойти на союз с Австрией (Австрии в Стамбуле опасались). Когда Пулавский прибыл в Стамбул для переговоров, он был посажен в Семибашенный замок, где и умер. Франция в 1771 году прислала конфедератам хороших военных инженеров и генерала Дюмурье, но поправить дело они уже не могли.

Русские войска под командой генерала Веймарна, а позднее Суворова нанесли конфедератам ряд крупных поражений, поставив их на грань катастрофы. Конфедераты решили прибегнуть к последнему средству — похитить короля из Варшавы, вырвать его из-под влияния русского и прусского послов и принудить действовать в своих интересах.

23 октября (3 ноября) 1771 года, в воскресенье, вечером дня поминовения усопших, король возвращался от своего дяди Михаила Чарторыйского, которому он нанес визит (Чарторыйский был болен). Короля сопровождали его адъютант, два гайдука и несколько человек придворной прислуги. На пересечении улиц Медовой и Козьей их встретила толпа пеших и конных заговорщиков, которые для «конспирации» и для того, чтобы в случае чего свалить вину на Россию, говорили и кричали что-то «по-русски». Дело взял на себя некто Стравинский, в товарищах у него были Лукавский, Косинский и еще 30 конфедератов.

Окружив карету, они оттеснили немногочисленную свиту и, воспользовавшись ее растерянностью, разоружили, связали и повалили на землю. Затем бросились к карете и выстрелами из пистолетов пробили ее в нескольких местах. Тем временем король выскочил и стал тайком пробираться к дворцу Чарторыйского. Его догнали. Когда Станислав колотил изо всей силы в запертые ворота, Лукавский схватил короля, кто-то из конфедератов слегка рассек королю голову палашом, стреляли в воздух

из пистолетов, били короля саблями плашмя и осыпали оскорблениями. Затем посадили его на коня и улицами Медовой и Долгой повезли в направлении деревни Белань, стремясь как можно быстрее выбраться с такой ценной добычей из Варшавы.

В местечке Маримонте под Варшавой конь короля упал в яму и сломал ногу.

Видимо, четкого плана действий у заговорщиков не было, а возможно, они просто начали трусить и колебаться. Так или иначе, но пока одни вытаскивали короля, другие в темноте уехали вперед и потерялись из вида. Король почувствовал эту неуверенность, понял, что конфедераты просто не знают, что с ним делать дальше, и его живой ум искал возможность спасения.

Между тем похитителей после инцидента с лошадью осталось только шесть человек во главе с Кузьмой Косинским. Они повезли короля дальше, но сбились с пути и увязли в болоте. Тут им показалось, что близко идут русские солдаты, и они разбежались, кроме Косинского. В душе у того шла жестокая борьба и сомнениями своими он делился с узником: то ли убить короля, то ли доставить его живого в отряд конфедератов, которым он давал присягу.

Станислав горячо и красноречиво убеждал Косинского, что присяга мятежникам не имеет силы, умолял спасти его, и шляхтич бросился в ноги королю, умоляя, в свою очередь, простить и помиловать.

Они вместе добрались до ближайшей мельницы, где Кузьма Косинский представил Станислава Августа как знатного пана, ограбленного разбойниками. Станислав написал записку во дворец и послал ее с мельником, а сам прилег отдохнуть. Кузьма стоял на страже, охраняя его покой.

Некоторое время спустя 150 конных гвардейцев во главе с генералом примчались к мельнице. Король был спасен, совершил триумфальный въезд в Варшаву, принимал выражения сочувствия и верности. Хотя покушение на короля не имело целью лишить его жизни, тем не менее и Россия, и Пруссия, да и сам Станислав Август писали европейским дворам именно о попытке убийства короля, чтобы скомпрометировать Барскую конфедерацию и лишить ее поддержки французского и австрийского монархов³². Франция не выступала с протестами, но Австрия, Пруссия и Россия решительно высказали недовольство конфедератами.

2. Разделы Речи Посполитой и политика России, Пруссии и Австрии

Последнее поражение конфедерации было нанесено в 1772 году под Краковом.

Разгром Барской конфедерации привел к усилению политического влияния России в Польше. Это тревожило Пруссию и Австрию. Прусский

король и австрийский император 3 сентября 1770 года договорились для сохранения желаемого равновесия в Европе ослабить влияние России в Речи Посполитой. В Берлине и Вене полагали: поскольку Польша не может быть независимым государством, то пусть хотя бы уступит им часть своей территории.

Екатерина вовсе не желала делить контроль над Речью Посполитой, но Россия была связана войной против Турции. Под предлогом сохранения за Османской империей ее владений — Молдавии и Валахии, захваченных русской армией, король Фридрих Великий и император Иосиф II предложили России прекратить войну и вывести из этих Дунайских княжеств свои полки, а взамен занять восточные районы Речи Посполитой. Конечно же, свою долю польских земель получали Пруссия и Австрия.

В сентябре 1771 года Фридрих II «дружески предупредил», что если Екатерина не примет этого предложения, то за Турцию вступятся Австрия и Франция и выставят против России 200 тыс. солдат³³. Таким образом, перед Россией встала дилемма: либо война с Турцией и коалицией европейских государств, либо согласие на раздел Речи Посполитой. «Дружеское предупреждение» Фридриха II было вовсе не пустым звуком: в отрядах Барской конфедерации уже сражались и командовали французские военные инженеры.

Станислав Август узнал о согласии Пруссии и России на раздел Польши в июне 1772 года из письма Н.И. Панина и от прусского посланника. Единственное спасение для Польши король Станислав видел в помощи соседних государств. Особые надежды он возлагал на Австрию, которая была в более натянутых отношениях с Россией, да к тому же после покушения конфедератов австрийский император согласился принять в Вене польского резидента. Посланному в Австрию Андрею Агинскому король поручил всеми мерами стараться об австрийском посредничестве в переговорах с Россией и Пруссией при условии соблюдения территориальной целостности и независимости Польши и участия польских представителей в предстоящих мирных переговорах с Турцией. Послу надлежало, ссылаясь на покушение, требовать, чтобы Австрия не предоставляла свою территорию для барских конфедератов³⁴.

К тому же Станислав надеялся на предстоящих переговорах с помощью Австрии столкнуть лбами Россию и Пруссию, Австрия и Россия, как он полагал, могли вместе противостоять аннексионистским намерениям Пруссии.

К своим планам Станислав намеревался привлечь и Францию. Посол Агинский в Вене предпринимал отчаянные усилия к тому, чтобы вовлечь в дипломатическую интригу французского посла и с его помощью добиться разрыва между конфедератами и императором Иосифом II. Но все это было напрасно, ибо после разгрома Барской конфедерации в Речи По-

сполитой уже не существовало организованных и сплоченных внутренних сил, способных противостоять разделам страны³⁵. Австрия предпочла искать компромисс с Россией и Пруссией.

Как пишут польские историки Л. Кондзеля и Т. Цегельский, подписанный 5 августа 1772 года договор о разделе Польши между Россией, Пруссией и Австрией гарантировал петербургскому двору формально наибольшую добычу — восточные провинции Речи Посполитой. Однако со стратегической и экономической точек зрения эта территория в 92 тыс. кв. км с населением 1300 тыс. человек имела меньшее значение по сравнению с приобретениями немецких держав. Захваченная Австрией Малопольша (территория — 83 тыс. кв. км, население — 2650 тыс. человек) представляла собой провинцию богатую и густонаселенную, с крупным торговым городом Львовом и соляными копиями Велички, близ Кракова. Фридрих получил богатейшие и стратегически важные провинции: Гданьское Поморье и Великопольшу площадью 36 тыс. кв. км с населением 580 тыс. человек. Устье Вислы с польским анклавом* в Гданьске оказалось под военным контролем пруссаков, тем самым большая часть польской торговли зерном оказалась в руках Пруссии.

Пруссия требовала вообще передать ей Гданьск и Торунь, чтобы соединить Восточную Пруссию с остальной территорией. Больших трудов и упорства стоило Н.И. Панину сохранить за Польшей эти города. Он прямо писал Фридриху Великому, что передача этих городов окончательно убьет польскую торговлю³⁶.

Внешне первый раздел Польши давал, казалось бы, легкий и для всех влиятельных европейских стран приемлемый вариант решения противоречий — за счет слабейшего. Внешне Россия тоже выигрывала. Но в действительности это был тот компромисс, который можно назвать «даром данайцев»: шаталась создаваемая Н.И. Паниным «Северная система». В Центральной Европе несколько ослабевало влияние России и росло влияние Пруссии и Австрии. Британия и Франция оставались пока еще достаточно пассивными, но с нарастающим интересом следили за развитием событий и в случае дальнейших осложнений были готовы вмешаться вооруженной рукой.

Но все же в оставшейся пока еще под властью Станислава части польских земель преобладало влияние России.

После того как между тремя участниками раздела был подписан договор, оставалось только соблюсти внешние приличия, дабы не выглядеть в глазах просвещенной Европы наглыми захватчиками чужих земель. Надлежало придать этому довольно откровенному насилию видимость добровольности и даже сделать так, чтобы Речь Посполитая сама поддер-

* Анклав — часть территории государства, окруженная владениями других государств.

жала идею этого раздела. 17 мая 1773 года был созван сейм. Устроить все это было весьма просто, ибо большинство депутатов сейма готовы были за соответствующий «пенсион» или просто из страха продать и честь, и совесть, и отчизну в придачу. Платили в зависимости от красноречия — от 200 до 300 червонцев в месяц. Сейм длился два года. Впрочем, многие, забрав деньги, предпочли не появляться на заседаниях, так что из 300 послов порой голосовали 120–130. С теми, кто особенно противился, как, например, послы Рейган и Корсак, поступали круто: отдавали под суд или ставили в их дома на постой русских солдат³⁷. На первых же заседаниях сейм утвердил раздел.

«Делами на сейме заправляла, — по словам польского историка А. Загурского, — группа законченных негодяев-разбойников (подскарбий Бессель, маршалок литовский Туровский, епископ познаньский Млодзиёвский), которыми предводительствовал архишельма Адам Пониньский, сделанный по желанию захватчиков сеймовым маршалком. Прекрасный патриотический жест, которым был протест Тадеуша Рейтана и нескольких его товарищей, литовских послов, не мог, конечно же, иметь практического значения»³⁸. Адам Пониньский получал от русского посла по 3000 червонцев в месяц.

Вместе с тем сейм принял и некоторые положения, которые усиливали королевскую власть. При короле был создан так называемый Постоянный совет — правительство. Совет состоял из 36 членов, половина назначалась королем, половина избиралась сеймом. В ведении Постоянного совета были внутренние и международные дела, правосудие, финансы и армия. Сейм подтвердил права диссидентов. Шляхта лишалась права судить своих крестьян, и крестьяне судились государственными судами. За убийство своего крепостного шляхтич и магнат отвечали перед судом точно так же, как за убийство шляхтича.

Конечно же, все вопросы было невозможно решить на обычном сейме. Обязательно нашелся бы кто-то, кто бы крикнул «Не позволяю!», и дело бы сорвалось. Поэтому под давлением послов России, Пруссии и Австрии сейм объявили «конфедеративным». В конфедерациях право «либерум вето» не действовало, решения принимались простым большинством голосов. Рейтан и Корсак протестовали именно против статуса сейма как конфедеративного.

Период от первого раздела Речи Посполитой в 1772 году до 1788 года польские историки часто называют временем совместного правления короля и русского посланника в Варшаве Отто Магнуса Штакельберга. Действительно, он активно и властно вмешивался в дела короля. Тем не менее в эти годы шло хотя и медленное, но заметное укрепление Речи Посполитой. В 1780 году русские войска были выведены из Польши и Литвы, наступил расцвет культуры и образования, поднималось новое поколение,

убежденное в необходимости реформ государственного устройства, необходимости защиты национальной независимости.

Период после первого раздела Речи Посполитой историк Н.И. Костомаров называет временем составления хороших законов, полезных проектов, благих пожеланий и порывов. Россия не препятствовала Польше получить более совершенное внутреннее устройство, но при условии, чтобы Польша оставалась под контролем России, а не какой-нибудь другой державы.

Под покровительством России Польша вступала на путь просвещения и создания современного европейского государства и общества. Заметно оживает образование. Ксендз Гугон Коллонтай реформировал Краковскую академию: усилил преподавание математики, уроки физики стали «применять к пользам жизни», а в естествознании особое внимание уделяли предметам, «производимым в Польше». В Виленской академии начали преподавать медицину. При академиях создавались средние школы, которые готовили юношей к дальнейшей академической учебе. В школах преподавали историю, географию, физику, математику, естественные науки прямо увязывали с современным сельским хозяйством, даже ввели специальное изучение агрономии и животноводства. Создавались училища механики и архитектуры. Особенно славился учителями и учениками кадетский корпус, где будущие офицеры не только получали знания точных и гуманитарных наук, но и воспитывались в высоком патриотическом духе служения отчизне. Польша еще могла выжить, но не хватало главного — гражданской ответственности шляхты.

Первый раздел Речи Посполитой заметно изменил международное положение в Центральной Европе. Австрия удовлетворила в определенной мере свои территориальные претензии, и теперь ее все больше стал тревожить русско-прусский альянс. Тем более что надвигалась новая война — за баварское наследство. Правитель Баварии Максимилиан Иосиф умирал бездетным, и между Пруссией и Австрией начались споры за его трон. Наследник Максимилиана Карл-Теодор пообещал австрийскому императору Иосифу II уступить значительную часть Баварии. В Австрии предложили другой вариант: вся Бавария переходит под власть Вены, а Карл-Теодор получает взамен Австрийские Нидерланды (Бельгию). Карл-Теодор был не против, но престарелой императрице Марии-Терезии такой обмен показался невыгодным и она предложила создать для Карла-Теодора новое королевство из Галиции и Лодомерии*, на что тот решительно не хотел соглашаться³⁹.

* В XIII–XIV веках так называлось в официальных документах на латинском языке Галицко-Вольнское княжество (от названия стольного города Владимира). В конце XVIII — начале XX века оно стало имперской провинцией и называлось Королевство Галиции и Лодомерии.

Как только 4 января 1778 года умер Максимилиан Иосиф, прусский министр Герцберг выступил со своим вариантом решения спора: Австрия получает Баварию, но она должна вернуть Польше Западную Галицию до Дуная с соляными варницами Велички и Бохни (утрата дохода от варниц создавала весьма ощутимую дыру в бюджете Речи Посполитой), а Пруссия получает от Польши Гданьск и Торунь⁴⁰.

Эти планы не были приняты Австрией, и 67-летний прусский король Фридрих Великий решил еще на одну, последнюю в своей жизни, военную кампанию — войну с Австрией в 1778–1779 годах.

С началом войны Екатерина II выступила как арбитр между Пруссией и Австрией, но вовсе не стремилась быстрее заключить мир. Для России было гораздо важнее, чтобы эта война длилась как можно дольше и отвлекала и ту и другую сторону от польских и турецких дел. Но когда кампания 1778 года показала, что Пруссия не выдерживает натиска австрийцев и ее войска стали отходить из Чехии, Россия направила венскому двору декларацию с предложением мира.

Мир в Цетине был заключен 13 мая 1779 года, по условиям его Пруссия получала маркграфства Ансбах и Байрау, но перед Австрией открывались возможности сближения с Россией.

Екатерина понимала, что решение турецких дел невозможно без участия Австрии. В 1781 году было подписано русско-австрийское соглашение. Оно предусматривало солидарность действий в отношении Турции, а также сохранение того порядка в Польше, который был определен сеймом 1773 года, и целостность тогдашней территории Речи Посполитой.

В Европе сложилось несколько политических центров, возникло несколько регионов. Один из них — Центральная и Юго-Восточная Европа, другой регион — Балтика и европейский Север, третьим регионом были Франция, Англия и Испания. Для каждого из них события в другом были как бы на периферии европейской политики. Для Франции и Англии разделы Речи Посполитой явно находились на периферии европейской политики, так же как для России, Австрии, Пруссии, Швеции на периферии лежали противоречия Англии и Франции, война за независимость в Северной Америке.

Тем не менее во Франции и Англии с неудовольствием восприняли первый раздел Польши: Англию беспокоил захват Пруссией устья Вислы, что препятствовало британской торговле с Польшей. Франция поддерживала антирусские настроения в Речи Посполитой, но активно вставать на их защиту она не собиралась. Отношения между Англией и Францией окончательно испортились и из-за поддержки Францией Соединенных Штатов в их войне против Англии.

Напряженные отношения с Англией толкали Францию к сближению с Россией. Новый глава внешней политики Франции граф де Верженн

окончательно отказался от поддержки профранцузской группировки магнатов в Польше, так как был уверен в совершенной бесперспективности антирусских сил, и заявил, что единственная дорога, по которой следует идти Польше, — это ориентация на Россию. Такое изменение политики Франции произошло еще и потому, что Россия получила по Кючук-Кайнарджийскому миру выход к Черному морю, и теперь нужно было налаживать с ней торговлю, благо Франция имела свободный проход через Черноморские проливы. К тому же Франция, традиционный союзник Османской империи, хотела спасти ее от разгрома и возможной новой русско-турецкой войны. Верженн даже призывал Турцию к уступкам и терпению в сношениях с Россией. Политика «восточного барьера» потерпела неудачу.

Екатерина II охотно шла на сближение с Францией не только потому, что та развязывала ей руки и не препятствовала русской политике в Польше. Это сближение создавало противовес прусской активности. Россия старалась втянуть Францию во взаимодействие с австрийским императорским двором, хотела сделать так, чтобы Франция была тоже гарантом территориальной целостности Польши в границах первого раздела. Франция должна была противостоять прусским попыткам аннексии новых территорий в Польше. Это было особенно актуально в преддверии новой русско-турецкой войны. Смерть де Верженна в 1787 году помешала этому. Впрочем, еще и после начала Великой французской революции Екатерина II не оставляла надежд на русско-французское сближение как противовес прусской политике⁴¹.

Какова же была позиция польского короля? Станислав не тешил себя надеждами на реальную помощь западных держав против соседей-агрессоров. Он прекрасно понимал, что рано или поздно придется искать соглашения с ними, уступив в территориальном вопросе. Он надеялся, что сумеет получить известные блага в торговых договорах. Король рассчитывал, что участники разделов помогут ему усилить государственную власть в Польше, приблизить ее к требованиям времени. Надежды эти не оправдались. Даже Екатерина в наступающих событиях предпочитала поддерживать «равновесие сил» между королем и магнатами.

В 1787 году произошло событие, к которому в наше время принято относиться с известной долей иронии. А между тем дело было весьма серьезным. Речь идет о знаменитом путешествии Екатерины II на Украину, в Новороссию и Крым. Обычно это путешествие связывают с «потемкинскими деревнями», сделанными как театральные декорации — из фанеры и холста, с толпами празднично разодетых «поселян», согнанных полицейским кулаком и приветствующих матушку-императрицу. «Это путешествие совершалось со всем блеском, обычным для XVIII века», — писал Н.И. Костомаров.

Но главное состояло в том, что поездка укрепила положение российских властей во вновь присоединенном крае. Уже долгое время Екатерина вынашивала идею создания вдоль юго-западной границы России из земель Молдавии, Валахии и Греции полузависимых от России христианских государств народов, освобожденных из-под власти Османской империи. План получил название «греческого проекта» Екатерины II и означал новую войну России с Османской империей.

Как полагал Станислав Август, будущая война с Турцией давала шансы усилить королевскую власть. Во время путешествия Екатерины II он поспешил в Канев, чтобы получить личное свидание с бывшей своей возлюбленной и обсудить с ней свой план. Он намерен был заключить с Россией военный союз, увеличить армию до 45 тыс. человек и тем усилить королевскую власть. Кроме того, создавался специальный вспомогательный корпус из 18 батальонов пехоты и 35 эскадронов конницы, который действовал бы в составе российской армии и содержался за счет российской казны. Станислав надеялся присоединить к Польше часть Бессарабии и Черноморское побережье с городом Аккерман (Белгород-Днестровский)⁴².

Магнатская оппозиция поспешила опередить короля. Еще когда императрица была в Киеве, лидеры оппозиции (Щенский-Потоцкий, Потоцкие, Браницкий и др.) подали Екатерине свои проекты, в которых упрекали Станислава в тирании и нарушении прав. Проекты эти были поданы через Браницкого, женатого на внебрачной дочери Екатерины и Потемкина, официально — племяннице Потемкина Александре Энгельгард. Идея военного союза с Россией, вероятно, была довольно популярна среди польских реформаторов и патриотической молодежи. Кумир польских молодых патриотов Жан-Жак Руссо прямо советовал им: «Скоро будет опять война между Россией и Турцией; вас будут звать; не упускайте случая сделать улучшения в своем отечестве»⁴³.

Екатерина рассматривала союз с Польшей как обоюдоострое оружие. Вторил ей и А.А. Безбородко, возглавивший Коллегию иностранных дел после Н.И. Панина: это попытка короля ухватить побольше власти, как говорил он, но есть верный способ противодействовать этому. Всякие изменения в государственном строе «требуют гарантии нашей, Берлина и Вены. Королю надлежит дать всяческие способы для соответствующего житья, но никоим образом не надлежит давать ему власть. Уже и теперь слишком далеко его пустили»⁴⁴.

Императрица отклонила замыслы магнатов, более того, ни одного из них она не приняла лично, Станислав получил аудиенцию Екатерины как граф Понятовский. Свидание состоялось 8 мая 1787 года, когда императрица на роскошной галерее прибыла в Канев. Но надежды короля не оправдались. Его пригласили к обеду, потом вместе с ним Екатерина крестила ребенка у графа Тарновского, и за весь день совершенно не было

возможности перемолвиться с глазу на глаз. Лишь перед самым отъездом, буквально на полчаса, они уединились в кабинете. Конечно, ни о чем важном говорить было уже решительно невозможно. Станислав только вручил текст записки о польских делах и просил не затягивать с ответом. «Не допускайте к себе черных мыслей; рассчитывайте на мою дружбу и мои намерения, дружелюбные к вам и вашему государству», — отвечала Екатерина. На подготовку к свиданию, на житье в Каневе в ожидании императрицы Станислав затратил около 3 млн злотых, три месяца времени, не проведя в обществе Екатерины и тридцати минут.

План короля был принят императрицей, но в сильно измененном виде. По дипломатическим каналам Екатерина предложила свой вариант союза: Польша выставляет только 12 тыс. конницы в соединенный российско-польский корпус, где будет с русской стороны 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы. Командовать этим корпусом надлежало поляку, но не стороннику короля, а магнату Браницкому. Одновременно от Польши требовалось подтвердить все тогдашние трактаты, в том числе и договор о разделе, все «гарантии» прав России, Австрии, Пруссии, Проекты Станислава об усилении Польши оказались перечеркнутыми. Но раскололась и оппозиция: Щенский-Потоцкий и Франтишек Браницкий напрочь разругались из-за командования вспомогательным корпусом⁴⁵.

Невольно возникает вопрос: не была ли здесь допущена ошибка правительством Екатерины II? Не правильнее ли было бы ради сохранения всей Польши под влиянием России, ради предупреждения дальнейших разделов ее более решительно идти на усиление власти короля?

В 1788 году в Речи Посполитой собрался сейм, позже названный «Четырехлетним», который по замыслу короля должен был принять реформы, укрепляющие государственную власть. Антиреформаторской оппозиции магнатов удалось перехватить из рук реформаторов знамя патриотизма. Обвиняя короля и Постоянный совет в предательстве национальных интересов Речи Посполитой, в прислужничестве перед Россией (сами лидеры оппозиции искали милости у российского двора), они выставляли себя борцами за отчизну. Между тем тот же Игнатий Потоцкий рвался в 1787 году в Киев на прием к Екатерине, но когда Франтишек Браницкий его попытался представить, императрица демонстративно повернулась к нему спиной. После неудачи при российском дворе Игнатий Потоцкий буквально напрашивался на прием к Иосифу II (тот по пути в Херсон остановился в Фастове).

Но австрийский император отвернулся от него точно так же, как и русская императрица, бросив: «C'est un brouillon» («Это склочник»), Потоцкий стал искать милости у прусского короля и тоже нарвался на оскорбление⁴⁶. Не сумев пробиться на прием к монархам, Игнатий Потоцкий решил стать «демократом».

На «Четырехлетием» сейме шла элементарная толкотня у кормушки власти, в ходе которой ради минутного успеха аристократы срочнорядились в демократические одежды, а любое стремление укрепить исполнительную власть короля объявлялось попранием законных прав народа, происками тайных служб России, Австрии или Пруссии.

В 1788 году истинным патриотам Польши все-таки удалось принять на сейме решение об увеличении армии до 100 тыс. человек. Русский посланник упорно противился этому решению. К сожалению, выполнить его не удалось из-за противодействия соседних держав и польских магнатов. По на следующий год верх одержали оппозиционеры: был упразднен военный департамент Постоянного совета, а вскоре и сам Постоянный совет.

Особенно большой шум «патриоты» подняли из-за так называемого постоянного присутствия русских войск в Польше. На деле это были в основном тыловые службы армии, действовавшей против Турции (напомним, что шла Русско-турецкая война 1787–1791 гг.). Базы эти держали в основном на Украине. Решения сейма о выводе войск вызвали в Петербурге ярость, но тем не менее были приняты и выполнены, дабы не утратить окончательно своего влияния в Польше.

Противники укрепления исполнительной власти в Речи Посполитой, в частности И. Потоцкий, очень рассчитывали на военную и политическую поддержку так называемого тройственного союза (Пруссии, Англии, Нидерландов. Союз этот был противовесом начавшемуся русско-австрийскому сближению как раз в то время, когда Россия и Австрия вели войну против Османской империи).

Бесперспективность надежд на Пруссию и тройственный союз была очевидной, ибо новый прусский король Фридрих-Вильгельм II не только не ставил целью сохранить государственную целостность Речи Посполитой, но, как и его предшественник Фридрих II, надеялся окончательно отторгнуть Гданьск и Торунь. Сейм решительно отказался от столь болезненных территориальных уступок, лишающих Польшу Балтийского побережья, но тем не менее 29 апреля 1790 года с Пруссией был подписан союзный договор. Он предусматривал взаимопомощь в войне, в том числе и против Петербурга⁴⁷.

Речь Посполитая ищет опоры в Пруссии и Англии в первую очередь против России, которая действительно чувствовала себя в Польше как полноправная хозяйка, правда, часто действующая себе же во вред: не допуская усиления королевской власти, Россия подрывала основу собственного политического влияния.

Используя проосманскую направленность политики Пруссии и Англии, Польша пытается установить дипломатические контакты с султаном, предлагает свое посредничество в заключении мира России, Австрии и Турции, но усилиями российских дипломатов эти попытки были сорваны.

В общем, в системе тройственного союза Речь Посполитая была явно чужеродным элементом. Пруссия попросту дурачила «патриотических» лидеров, настраивая их против России и Австрии, маня поддержкой и ничего не давая реально.

Взятие в 1788 году армией Потёмкина крепости Очаков означало перелом в войне с Турцией. Следующий год принес блистательные победы под Фокшанами и Рымником, взятие Бендер. Австрия овладела Белградом. Однако ситуация в Габсбургской империи в целом была критической. В Австрийских Нидерландах, Венгрии и Галиции началось восстание, вызванное абсолютистским правлением Иосифа II. В Пруссии возродились надежды на легкий захват спорных имперских земель, и в Берлине откровенно вели дело к войне с Веней.

Швеции, которая вновь попыталась взять реванш у России, Пруссия пообещала прислать на помощь свой балтийский флот, с Турцией 31 января 1790 года заключила союз, по которому Пруссия должна была объявить войну России и Австрии, дабы вынудить их оставить все добытые территории, в том числе и Крым⁴⁸. К этой войне прусский король хотел привлечь и Польшу, пообещав ей возврат Галиции, но взамен требуя Гданьск, Торунь и некоторые земли в низовьях Вислы. (Как указывалось выше, сейм отклонил эти претензии, но не отказался от идеи антирусского союза.)

20 февраля 1790 года умер Иосиф II, и на императорский трон вступил его брат, великий герцог Тосканский Леопольд II, политик гораздо более гибкий и тонкий. Леопольд II спешил закончить войну с Турцией, поскольку империя удовлетворила свои основные территориальные претензии. Он установил контакты с Англией, которая стремилась покончить с военными действиями в Нидерландах.

Пруссия, вопреки воинственным намерениям короля, не успела подготовить армию и запаздывала с началом вторжения в Нидерланды. Это дало возможность Австрии сосредоточить войска на ее границе.

Тройственный союз Англии, Пруссии и Нидерландов оказался весьма непрочным и лопнул после того, как 27 июля 1790 года в городе Райхенбахе Пруссия и Австрия подписали договор о дружбе. Пруссия надеялась восстановить хорошие отношения с Россией. Ставка делалась на то, чтобы через соглашение с Екатериной II получить территории, в которых Пруссии раньше отказала Речь Посполитая. Как показали дальнейшие события, эти надежды оправдались⁴⁹.

Тем временем на всю систему международных отношений сильнейшее влияние оказала Великая французская революция. Затронула она и Польшу. 3 мая 1791 года «Четырехлетний» сейм закончил свою работу принятием Конституции. Американская, польская и французская конституции были первыми тремя конституциями человечества. Польская

конституция явилась символом обновления страны, символом реформ, проведенных в весьма короткий срок (с 1787 г.).

Конституция закладывала основы укрепления государства. Было отменено пресловутое «либерум вето». Решения принимались большинством голосов. Отменялись выборы короля, и власть его становилась наследственной. Но сохранялись остальные права шляхты, и прежде всего крепостное право и феодальная зависимость крестьян.

Для века Просвещения была характерна уверенность в чудотворной силе государственного устройства. Воспрянувшие духом современники считали, что дело независимости Речи Посполитой решено. Сегодня известно, что нескольких разумных законов еще мало для торжества свободы и прогресса.

Екатерина вначале предпочитала формально не вмешиваться в польские дела и выжидать развития событий: в Польше непременно так или иначе проявились бы анархия и своеволие шляхты. Нужно было только «чуть-чуть подтолкнуть» оппозицию королю.

Уже в октябре 1791 года в Яссах, главной резиденции Г.А. Потёмкина, стали собираться все те же недовольные королем магнаты, которые интриговали в 1787 году вместе с Григорием Александровичем против Станислава: Браницкий, братья Потоцкие и иже с ними. Когда после смерти Г.А. Потёмкина в Яссах обосновался А.А. Безбородко, магнаты составили конфедерацию и в городе Тарговицы (на Украине) обнародовали свое воззвание. Тарговицкая конфедерация отвергала Конституцию 3 мая и призывала в Польшу российские войска. Это было прямое национальное предательство польских магнатов, слегка прикрытое демагогическими фразами о нарушении исконных «прав народа», его «золотой вольности», словами о тирании и узурпации королем власти. Екатерина не спешила вводить войска в Польшу до окончания войны против Турции. Ясский мир был заключен в декабре 1791 года, и только тогда императрица одобрила идею марша русских войска с дунайского театра через Польшу. Русские войска входили в Польшу якобы для «защиты свободы», которую пограл король.

Реакция Австрии и Пруссии к тому времени уже не заботила Петербург. 20 апреля 1792 года жирондистский Конвент Франции объявил войну Австрии. Пруссия уже воевала, и теперь оба немецких государства прочно увязли на западе. Екатерина громко и во всеулышание заявляла о своей поддержке роялистов, о верности принципу легитимизма (законности), о солидарности монархов, но не спешила отправлять свои полки для восстановления прав французского короля и в помощь Пруссии и Австрии.

18 мая 1792 года посланник Екатерины II в Варшаве Я.И. Булгаков предупредил о скором пересечении границы российскими войсками, возвращавшимися с Дуная. Посол ссылался на просьбы Тарговицкой конфедерации о помощи. По приказу Станислава Августа польская армия

пробовала сопротивляться, но эта молодая армия, кроме патриотического духа, не имела ни опытного офицерского корпуса, ни отобризованных частей, ни боевых традиций, да и дисциплина в ней явно оставляла желать лучшего. Несколько успешных стычек не детали погоды. Слишком много было упущено времени, поражение и разгром польской армии были неминуемы.

Чтобы спасти хоть какие-нибудь крохи из решений «Четырехлетнего» сейма, Станислав пробовал начать переговоры, но Екатерина диктовала свою волю бывшему любовнику жестко и властно: королю надлежало немедленно присоединиться к Тарговицкой конфедерации и таким образом похоронить все начинания «Четырехлетнего» сейма.

Между тем революция во Франции достигла кульминации. В стране установилась якобинская диктатура. Угроза «французской заразы» все больше беспокоила правительство Екатерины, и военные действия Пруссии и Австрии против революции были явно в интересах российских властей.

Впрочем, единые действия против Франции не мешали глухому соперничеству Пруссии и Австрии в польских делах. Завязнув на западе, оба эти государства явно теряли инициативу в Речи Посполитой, и каждое на свой страх и риск искало поддержки у России, надеясь с ее помощью компенсировать польскими землями тяготы войны на западе. В таких условиях Россия, Пруссия и Австрия заключают новый союз.

Инициатором надвигающегося нового раздела Польши была Пруссия. На переговорах с австрийскими дипломатами Берлин усиленно предлагал Вене искать новые территории не в Польше, а на западе, прекрасно понимая, что тамошние земли значительно труднее получить и удержать, чем польские.

Положение прусской армии становилось критическим, можно было со дня на день ожидать выхода Пруссии из войны, а это изменило бы ситуацию в русско-прусских отношениях в сторону, неблагоприятную для России, ибо усилило внимание Пруссии к балтийской и балканской проблемам. Нужно было срочно поддержать боевой дух Фридриха-Вильгельма II. Да и Тарговицкая конфедерация с помощью только России не могла ликвидировать патриотическое движение в Польше. Санкт-Петербургу пришлось опять согласиться на более активное участие Пруссии в польских делах.

В декабре 1792 года Екатерина II согласилась с требованием Пруссии нового раздела Польши. Казнь французского короля Людовика XVI в январе 1793 года ускорила дело, и 23 января Россия и Пруссия подписали договор о втором разделе Польши. Договор был заключен тайно от Австрии, которая узнала о нем только через несколько месяцев. По договору Пруссия получала Гданьск, Торунь, часть Великой Польши по рекам Варта и Висла (всего 58 тыс. кв. км) это были жизненно важные,

коренные земли польской национальной государственности, без которых государство лишалось стержня и не могло существовать.

К России отошла Белоруссия и Правобережная Украина (т. е. Украина к западу от Днепра), всего 250 тыс. кв. км. Таким образом, завершился процесс воссоединения Украины и Белоруссии с Россией, начатый в 1654 году.

Сейм был собран в Гродно 17 июня 1793 года. Он должен был подтвердить второй раздел и выработать новую форму правления для оставшейся «независимой» части государства. Сейм проходил в атмосфере тревоги, и тревога эта только усиливалась многотысячной российской армией, окружившей Гродно. Неудовольствие России послов силой вывозили с сейма, а их имения подлежали отчуждению. Как всегда, масса депутатов была куплена и перекуплена российскими властями. И все же на сейме сформировалась группа депутатов во главе с королем Станиславом, которая предприняла отчаянную попытку спасти хоть что-то и сформировать костяк будущей государственности. Эти политики надеялись «переждать» Екатерину (она умерла в ноябре 1796 г.) и при новом императоре, Павле, возродить Польшу.

В польской литературе существует и другая оценка политики короля Станислава на сейме. Некоторые авторы считают, что он был уверен в своем окончательном проигрыше и только хотел, чтобы все закончилось быстрее, а внешне — приличнее. Чтобы избежать позора, он всеми мерами старался подчеркнуть, что его вынуждают принимать антипатриотические решения, что только так можно избежать кровавой смуты в стране, что он сам лично предпочел бы разделу Польши изгнание и даже ссылку в Сибирь⁵⁰.

22 июля с большим трудом сейм ратифицировал договор с Россией о разделе Польши. Король то хвалил депутатов за упорство и нежелание ратифицировать договор, то рисовал все в черных красках и говорил о бессмысленности сопротивления. Вероятно, позиция его была достаточно противоречива.

Но особенно бурным было заседание сейма 23 сентября, на котором ратифицировали договор о разделе с Пруссией. Рядом с тронном престарелого короля сидел русский генерал Раутенфельд, присутствовал на заседании и посланник России Сивере. Когда зачитали проект ратификации, в зале поднялся страшный гвалт, послы кричали, топали ногами. Секретарь сейма Белинский несколько раз пытался начать обсуждение, но не мог. Видно было, как он пожимает плечами, но услышать что-либо было просто невозможно. Наконец все утомонились. Измученный король дремал на троне, послы спали на лавках. Около часа ночи король попросил Сиверса согласиться на перерыв в заседании. Сиверс решительно заявил, что никого не выпустят из зала до тех пор, пока договор не будет подписан. Епископ Коссаковский предложил не обсуждать проект, а ответить молчанием, что было бы равносильно его утверждению, хотя

и имело определенный нюанс. Какое-то время зал был в напряжении, но потом, уже в 3 часа ночи, так и сделали. Ответом на зачитанный проект ратификации было гробовое молчание депутатов. Таким образом договор был ратифицирован⁵¹.

Замыслы умеренных и осторожных сторонников короля расходились с настроением народа. К тому же между королем и наиболее последовательными политиками «Четырехлетнего» сейма произошел разрыв. Король был сторонником осторожных и умеренных действий, страшно боялся вспышки в стране новой войны. Его бывшие сторонники, напротив, считали, что спасение отчины теперь возможно только через всеобщее вооружение народа, что реформы нужно проводить гораздо более глубокие и последовательные, чем были решения «Четырехлетнего» сейма. Они полагали, что жалкие остатки от некогда великой державы уже не могут служить основой возрождения Речи Посполитой, что нужно силой освободить страну.

Станислав Август не верил в силу общественного подъема и склонен был искать спасения в создании регулярной армии (решениями Гродненского сейма армия была фактически ликвидирована: ее численность составляла 15 тыс. человек) и в опоре на помощь других государств⁵². Между тем власть самого Станислава все более превращалась в фикцию. Фактически в последнем клочке страны делами заправлял российский посланник. С 1793 года это был генерал Игельстром. Новый посланник на каждом шагу старался подчеркнуть никчемность и безвластие короля. Он даже не явился к Станиславу для вручения верительных грамот. Если Сиверс, прежний посланник России, еще давал понять, что можно надеяться на помощь России в защите последних земель, то Игельстром уже подобных намеков не делал⁵³.

Нужно сказать, что в российских придворных кругах в то время было сильно влияние последнего фаворита престарелой императрицы Платона Зубова, который считал, что России совершенно нет смысла «миндальничать» с той территорией, которая еще оставалась формально независимой Польшей, что лучше и проще — разделить ее с Пруссией и Австрией⁵⁴.

Тем временем Французская революция достигла своего апогея и нашла в Польше самый живой отклик. Под ее влиянием усилилось национально-освободительное движение шляхты, мелкой городской буржуазии и крепостного крестьянства. На не захваченных еще польских землях движение возглавил Тадеуш Костюшко. 1 апреля 1794 года восставшие варшавяне заставили российские войска уйти из города. Костюшко понимал, что без опоры на широкие массы крестьянства, без отказа шляхты от крепостного права движение обречено на поражение. Под нажимом Костюшко очередной польский сейм принял некоторые второстепенные реформы, но коренной вопрос освобождения крестьян шляхта провалила. Восставшие

одержали ряд побед над российскими и прусскими войсками, но, не имея широкой поддержки крестьян, были разгромлены осенью 1794 года.

Решающие бои вела армия под командованием А.В. Суворова за предместье Варшавы Прагу. 4 ноября 1794 года после жесточайшего штурма Прага пала. Это был конец восстания. Восстание Костюшко дало повод для Пруссии и Австрии вновь поднять вопрос о разделе Польши. Хотя группировка придворных вокруг П. Зубова поддерживала эту идею, Екатерина имела свое мнение: нужна слабая, но формально независимая Польша.

Однако в конце 1794 года международная ситуация вновь изменилась. Австрия, потерпев поражение в войне против Франции, обратила внимание на Польшу. Пруссия тоже хотела расширить свои владения за ее счет.

Избежать нового обострения отношений с Пруссией и Австрией можно было, только согласившись на окончательный раздел Польши. 3 января 1795 года был подписан русско-австрийский договор, а 24 октября Россия, Пруссия и Австрия подписали конвенцию о демаркации, которая и явилась третьим разделом Польши. К России отошла Западная Белоруссия, Литва, Курляндия (120 тыс. кв. км), к Австрии — 47 тыс. кв. км с Западной Украиной и Краков, к Пруссии — 48 тыс. кв. км с Варшавой¹³. Теперь уже не стали соблюдать формальности вроде созыва сейма, Речи Посполитой больше не существовало, а 26 января 1797 года специальная петербургская конвенция обязывала не употреблять название «Королевство Польское».

Кончалась целая эпоха политической жизни России и Европы, и вместе с ней уходили со сцены ее политические деятели. Умерли Фридрих Великий и Иосиф II, погиб на гильотине Людовик XVI, 6 ноября 1796 г. около 9 часов вечера умерла Екатерина II, Станислав Август вскоре после третьего раздела Польши отрекся от престола и умер 12 февраля 1798 г. Уходил блестящий и трагический век Просвещения. Новый век на новом витке развития наследовал не только его блеск, но и его проблемы.

* * *

Разделы Речи Посполитой — явление сложное и противоречивое в своей основе. Они не могут быть однозначно оценены. В них сочетались весьма противоречивые факторы. И все же ведущим, главным моментом была ликвидация независимого, исторически сложившегося и имевшего возможность к развитию польско-литовского государства. Правда, условия жизни не позволили реализовать эту возможность. Со стороны Пруссии, Австрии и России это был акт экспансии, насильственного захвата. Эти три страны несли ответственность за историческую трагедию Речи Посполитой.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в ходе разделов завершился прогрессивный и исторически обусловленный процесс воссоединения Украины и Белоруссии с Россией, что отвечало воле и закономерностям исторического развития украинского, белорусского и русского народов.

Несомненно, что главная вина в падении Речи Посполитой лежит на польских и литовских магнатах и шляхте, разваливших страну изнутри, так и не понявших, что сохранить политические свободы невозможно без освобождения крестьянства и наделения его землей, без предоставления равных с католиками прав православным и протестантам, наконец, без крепкой законодательной и исполнительной власти, без понимания того, что свобода должна опираться на дисциплину и соблюдение законов.

Инициаторами разделов выступали Пруссия и Австрия. Россия участвовала в них крайне неохотно и только под давлением этих стран, давлением, которое часто доходило до весьма критических пределов, чреватых военным взрывом. Для правительства Екатерины главным было укрепиться в Крыму и на Черноморском побережье. На западных рубежах Россия предпочитала иметь слабую, но формально независимую Речь Посполитую. Она служила своего рода «буфером», отделявшим Россию от воинственных держав Фридриха Великого и Иосифа II.

Вместе с тем необходимо отметить, что отношение России к разделам Речи Посполитой было неоднозначным. В правительственных кругах постоянно имелась и точка зрения, противоположная мнению Екатерины II и Н.И. Панина. Придворная группировка братьев Орловых, а позднее Платон Зубов предпочитали прямой захват восточных областей Речи Посполитой, предлагая действовать вместе с Пруссией и Австрией.

Важно и то, что в ходе разделов Польши Россия не приобрела ни пяди национальной польской территории.

Для Пруссии, Австрии и России разделы после кратковременной сиюминутной выгоды (Пруссия, правда, получила ранг и влияние великой державы) несли новые осложнения и имели явно отрицательные последствия. В Центральной и Восточной Европе появился «польский вопрос» — «проклятый» вопрос внутренней и внешней политики всего XIX века, Первой и Второй мировых войн.

Глава V. Дальний Восток и Китай

Правительство Петра I, осуществляя широкомасштабные внутренние преобразования, как уже говорилось, значительно активизировало и внешнюю политику России, диктовавшую необходимость защиты национальных интересов Русского государства. Один из первых шагов в этом направлении был связан с обеспечением безопасности границ страны на востоке и развитием отношений с крупнейшей страной Дальнего Востока — империей Цин. В 1692 году в Пекин направилось посольство Избранта Идеса.

В организации этой миссии нашел отражение и личный интерес Петра к подлинным результатам заключенного три года назад Нерчинского договора. Петр стремился уточнить размеры территориальных потерь русской стороны. Эти потери молодой царь расценивал как еще одну попытку, на этот раз на востоке, отрезать Россию от выхода к океану и от мировых торговых путей.

Русское правительство осознавало, какой ущерб для него означала потеря Амура. Существует свидетельство, что Петр I в одной из бесед с Меншиковым указывал на необходимость для России овладеть устьями рек Невы, Дона и Амура¹.

Петр лучше других российских государственных деятелей того времени понимал значение выхода России к берегам Великого, или Тихого океана, а также огромную стратегическую важность Сибири и Дальнего Востока с их морским побережьем. Он проявлял неустанную заботу о дальнейших географических исследованиях этих районов, их более полном экономическом освоении.

Однако внешняя политика государства всегда определяется жесткими приоритетами, и основную часть периода 30-х годов правительство России развертывало свою деятельность на западе и юге страны. Мудрость Петра как государственного руководителя проявлялась в том, что он ясно видел главное для конкретного исторического момента развития страны. А такой первоочередной внешнеполитической задачей в конце XVII — начале XVIII века для России было возвращение выхода к Балтийскому морю. Сосредоточение усилий политики России на балтийском направлении и заинтересованность правительства в расширении торговых отношений с Цинской империей настоятельно требовали сохранения на южных границах Сибири и на Дальнем Востоке мирных и дружественных отношений с соседними государствами.

1. Политика русского правительства в отношении Китая (1700–1725 гг.)

Мирные отношения двух стран должны были обеспечить строгое выполнение Нерчинского трактата. Россия заявила о своей приверженности заключенному в 1689 году договору о неукоснительном соблюдении его условий и обеспечила практическое выполнение этой задачи. В апреле 1700 года нерчинский воевода приказал собраться в городе всем казакам, проживавшим по Шилке, для ознакомления с текстом Нерчинского договора, а в 1706 году Петр I издал специальный указ о необходимости соблюдения русскими подданными границы с Китаем.

Правительство Петра I было заинтересовано в установлении дипломатических и торговых отношений и с Японией. Дипломатические связи поддерживались Россией и с Джунгарским ханством.

Важными факторами дальневосточной политики России стали русские географические открытия на крайнем востоке Азиатского континента и дальнейшее расширение территории России — на северо-восток Сибири, Шантарские и Курильские острова. Географические открытия русских землепроходцев меняли старые представления о Северо-Восточной Азии.

Осуществлялись русские исследования побережья Охотского моря вплоть до лимана Амура, появлялись новые проекты использования Амура в интересах Российского государства. Главную роль в общественно-политической и экономической жизни русского Дальнего Востока стали играть такие административные центры края, как Нерчинск и Якутск.

Отмеченное российской историографией развитие русских поселений в Сибири из военно-административных пунктов в торгово-промышленные центры, то есть собственно города, убедительно прослеживается на примере Нерчинска. Нерчинск возник как русский военный острог в «новой землеце Даурской», на пустом месте, в устье реки Нерчи. Нерчинск — исконно русский город, построенный на земле, являвшейся законным владением Российского государства. Нерчинску были подчинены остроги: Аргунский, Телембинский, Иргенский, Еравнинский и Итандинский.

В 1689 году Нерчинск был объявлен городом и вступил в XVIII век процветающим торговым центром Дальнего Востока, сосредоточившим в своих руках все нити транзитной русско-китайской торговли. Его торговые обороты были по тому времени огромными². В частности, служилые люди Нерчинска вели торговлю с наунскими селами, то есть с местными даурами и солонами, проживавшими по ту сторону китайской границы, откуда в обмен на меха, скот и предметы ремесел поступали хлопчатобумажные ткани и чай.

После отмены караванов, организовывавшихся в Нерчинске для торговли с Китаем, и особенно после 1728 года, когда роль центра русско-

китайской торговли начала постепенно переходить к Кяхте, развитие горной промышленности в Нерчинском уезде до известной степени компенсировало городу его серьезные экономические потери.

В течение всего XVIII века за городом прочно сохранялась роль главного административного и культурного центра Забайкалья. Через Нерчинск в 1724 году прошла экспедиция российского ученого-географа Д. Мессершмидта. С 1753 года здесь действовала Секретная Нерчинская экспедиция, перед которой были поставлены важные задачи исследования бассейнов рек Шилки и Амура, побережья Тихого океана и открытия морского пути в Китай и Японию.

Наряду с Нерчинском и его крупным очагом земледелия в Забайкалье, на юго-востоке, дальнейшее развитие получил и Якутск как административный и хозяйственный центр всего северо-востока Сибири. Якутск занимал чрезвычайно важное экономическое положение, находясь в центре богатого ценными мехами, моржовыми клыками, мамонтовой костью, скотом, рыбой и различными полезными ископаемыми края, на пересечении важнейших водных путей и сухопутных дорог и трактов. Торговые связи Якутска были довольно широкими, особенно после учреждения в нем с 1768 года ярмарки.

Проблемы Приамурья, открытого и первично освоенного русским трудовым населением, а также использования такого удобного водного пути, связывающего Даурию с русскими землями на побережье Тихого океана, каким являлся Амур, неизменно находились в центре внимания правительства России. Оно никогда не оставляло мысли вернуть край России, однако внешнеполитическая обстановка побуждала отложить решение этого вопроса на длительное время.

Русская общественность также не расставалась с идеей использовать Амур в интересах и к пользе Российского государства. Подобные настроения были чрезвычайно сильными в русском народе, свидетельством чему служит возникновение среди казаков и служилых людей Сибири легенды о восстановлении русскими Албазина, который в действительности, конечно, никогда не восстанавливался.

Необходимость использования Амура для удовлетворения различных русских интересов все более возрастала с укреплением влияния России на Тихоокеанском побережье Азии и в Русской Америке.

Нерчинский договор не запрещал ни одной из сторон осуществлять исследования неразграниченного пространства, не говоря о морском побережье и островах, на которые действие договора не распространялось. Оба государства пользовались этим правом. Задачи исследования Охотского побережья и лимана Амура ставились русским правительством перед всеми крупными экспедициями 1701–1743 годов.

Как известно, территориальные статьи Нерчинского договора значительно ущемляли интересы России. Наиболее удобный выход в Тихий

океан непосредственно с базовой, освоенной и развитой территории Нерчинского и Албазинского уездов был для страны в результате этого договора временно закрыт.

Потеря этого удобнейшего водного пути поставила в русско-китайских отношениях так называемый амурский вопрос; вместе с тем она значительно задержала дальнейшее освоение русскими людьми побережья Охотского моря, острова Сахалин и других прилегающих к побережью островов, а равно и непосредственные контакты с Японией и ее народом, хотя, конечно, не могла остановить этого естественного процесса. Обычный для XVII века путь сюда с запада был закрыт; оставался лишь более протяженный и труднопроходимый путь к русским владениям на Тихом океане с севера и северо-востока — со стороны Якутска и Охотска,

Нерчинский договор задержал не только плавание россиян к третьему крупному государству региона Восточной Азии — Японии*, оставшейся в течение всей первой половины XVIII века вне системы международных отношений на Дальнем Востоке, но и установление непосредственных торговых и дипломатических сношений между двумя странами, а в конечном счете значительно осложнил формирование морской русско-японской границы. Временная утрата Россией Приамурья как бы законсервировала экономическое развитие этого района более чем на полтора столетия.

Вместе с тем эта потеря канализировала огромную энергию русских землепроходцев в русло дальнейших открытий и освоения северо-востока Азиатского материка и Русской Америки. Исследовательская активность русского трудового населения обратилась на освоение Камчатки, Чукотки, на Американский континент и морские острова. Такая концентрация энергии народа обеспечила исключительно быстрые темпы продвижения России на север и северо-восток Сибири и на Американский материк. Действительно, уже с 1700 года началось открытие и освоение Камчатки; в 1711–1713 годах были открыты и присоединены к России все Курильские острова; в 1731 году получены первые сведения о географических условиях Чукотки; в 1732 году осуществлено первое плавание к берегам Северо-Западной Америки и открытие этого континента со стороны Азии.

В апреле 1713 года стольником, ближайшим сподвижником Петра I Ф. Салтыковым была составлена записка, переданная Петру через А.Д. Меншикова. В 1714 году Ф. Салтыков развил свои предложения и подготовил новый вариант записки «Изъявления прибыточный государству», которая наглядно свидетельствует, что государственные деятели России уделяли огромное внимание развитию не только морских, но и речных коммуникаций, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке, прекрасно понимая их значение. В последней записке особую Главу XXV составили развернутые

* Лишь в 1739 году первые русские суда достигли берегов Японии.

предложения Салтыкова «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Амурского устья и до Китая».

В этих документах привлекает внимание прежде всего отношение автора к задачам уточнения дальневосточных границ России, к проблеме Амура и отношениям с Китаем (Цинской империей) и Японией. Можно утверждать, что Салтыков отводил важное место Амуру в развитии внешней торговли России и укреплении ее безопасности. Следует также признать вклад экспедиции Филькеева— Татарина 1718–1721 годов в изучение неразграниченного пространства, лежавшего к югу от бассейна Уды, географическая неизведанность которого являлась важнейшим препятствием для решения этого вопроса на какой-либо будущей русско-китайской конференции.

Русская сторона располагала данными о прохождении где-то на юге этого обширного района границы с соседним «Ханским государством», но казачья партия Татарина, совершив свое плавание почти до устья Амура, не только не вошла ни в какое соприкосновение с официальными границами этого государства, но даже не встретила здесь его подданных. В действительности границы Цинской империи лежали юго-западнее, тяготея к устью реки Сунгари.

Экспедиция показала, таким образом, наличие к югу от реки Уды обширной полосы земель, свободных от каких-либо политических притязаний соседних крупных государств — как Китая, так и Японии.

В 1719–1721 годах в Цинскую империю состоялось посольство, возглавляемое гвардии капитаном Преображенского полка Львом Васильевичем Измайловым. 16 сентября 1720 года Измайлов из Селенгинска отправился в урочище Стрелка и 20-го прибыл, как указывают документы, «на границу китайскую» в Сорочины, в 50 верстах от Селенгинска. 18 ноября Измайлов и его сопровождение были уже в Пекине.

Главными целями посольства Л. Измайлова стали восстановление односторонне прерванной маньчжуро-цинами русско-китайской торговли, основание в Пекине русского консульства и постройка там русской церкви. Полномочий на ведение пограничных переговоров, а тем более на размежевание границ между Россией и Цинской империей Лев Измайлов не имел. Тем не менее именно переговоры по пограничным вопросам заняли основное место в его дипломатической деятельности в Пекине.

Цинская империя ставила своей целью дальнейшие территориальные захваты в Центральной Азии. Представители Китая на переговорах с Измайловым не только пытались игнорировать уже имевшуюся к этому времени условную границу в Халха-Монголии, но и стремились объявить «пограничной» реку Ангару и на этом «основании» требовали сношения ряда русских городов, построенных в Сибири, в том числе Амункана, Селенгинска, Удинска и даже Нерчинска. Беспочвенность этих претен-

зий очевидна; возникновение их было обусловлено экспансионистской политикой Цинской империи.

А.В. Измайлову удалось оставить в Пекине в качестве российского агента сотрудника Коллегии иностранных дел А. Ланга и добиться разрешения на открытие здесь православной церкви, но вслед за этим из-за вопроса о многочисленных перебежчиках переговоры были прерваны. Измайлов выехал из Пекина в марте 1721 года. А. Лангу также вскоре было предложено покинуть столицу.

По возвращении в Петербург А.В. Измайлов привез Петру I известие о новых громадных территориальных притязаниях маньчжуро-цинов на русские земли Сибири — до Байкала — и их требованиях, становившихся все более и более настоятельными, о разграничении владений двух государств в Халха-Монголии, что, по опыту нерчинских переговоров, обещало быть делом чрезвычайно трудным. Эти известия не могли серьезно не обеспокоить Петра, поставленного ныне перед неотложной необходимостью принять меры для эффективной защиты рубежей Российского государства на востоке. Этот внешнеполитический аспект полностью учитывался при определении целей Первой Камчатской экспедиции В. Беринга (1724–1730 гг.).

Активная русская деятельность в континентальных районах Восточной Сибири и на Тихом океане, географические открытия здесь русскими землепроходцами новых земель, присоединение к России местных малых народов, хозяйственное освоение новых районов в период 1700–1721 годов явились важным этапом в подготовке условий для постановки перед цинским правительством вопроса о возможности плавания русских судов по Амуру и в создании предпосылок для возвращения района Приамурья России. Однако русское правительство действовало в этом вопросе с чрезвычайной осторожностью, отдавая предпочтение политическим и дипломатическим средствам, но не военным.

Отношения России и Цинской империи сохраняли мирный и стабильный характер. Но назревала необходимость нового тура территориального размежевания двух великих держав на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Эта важная задача была поставлена перед посольством в Китае С.А. Владиславича-Рагузинского.

В результате победоносной Северной войны Россия превратилась в великую державу, к голосу которой теперь прислушивались во всем мире. Активизация внешней политики страны и высокорезультативные русские научные и практические географические исследования на востоке и северо-востоке Сибири привели к значительному расширению территории Российского государства на восток и превращению его в тихоокеанскую державу. Общее значительное укрепление международных позиций России как на Западе, так и на Востоке, обеспечение внутри страны условий

для быстрого экономического, политического и культурного развития, сближение ее на международной арене со странами Европы и Азии явились и важнейшими факторами второго этапа территориального размежевания России и Цинской империи, происходившего уже в условиях приблизительного равенства сил обеих держав.

2. Посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского и русско-китайский Кяхтинский договор 1727 года

18 июня 1725 года в Китай было направлено посольство во главе с Саввой Лукичем Владиславичем-Рагузинским. В инструкции государственной Коллегии иностранных дел перед ним ставилась задача «прямо при дворе китайском в том трудиться и по своему искусству прежнее доброе согласие и свободное отправление купечества восстановить и утвердить». Для достижения этой цели посланнику давались все необходимые полномочия. Поскольку решение торговых вопросов цинская сторона связывала с разграничением двух держав в Халха-Монголии, Екатерина I указала «определить к тому разграничению особливых комиссаров: комнатного стольника Степана Андреевича и Петра Ивановича Власова», которые поступали в полное распоряжение Владиславича-Рагузинского и могли «в потребном случае с комиссарами, с китайской стороны определяемыми, в оное разграничение вступить, и по письмам и наставлению его, чрезвычайного посланника и полномочного министра, оное производить». Посланнику предписывалось при этом смотреть «имянно и накрепко, дабы тех мест, в которых имеются российские города и крепости, и к ним и к российской стороне весьма нужные и потребные места, в китайскую сторону не отдав, и тем повреждения интересам ее и. в. не учинить».

Вопросам предстоявшего разграничения русское правительство придавало самое серьезное значение. Опыт нерчинских переговоров показывал, что любые контакты с цинской стороной, вновь выдвинувшей территориальные претензии к России, будут очень трудными. Однако Россия на переговорах в 1726–1727 годах выступала уже в совершенно ином качестве, а сами переговоры происходили в условиях примерного равновесия сил обеих сторон, чего еще не было в Нерчинске.

В инструкции Коллегии иностранных дел был особо выделен вопрос о том пространстве, которое оставалось неразграниченным по Нерчинскому договору 1689 года. Посланнику предоставлялось решить его на месте, по его усмотрению, в зависимости от обстоятельств, но с учетом государственных интересов России: «А о неразграниченных [землях] постановить ему... по своему рассмотрению, выбрав из тех известий, которые о тех землях ему здесь сообщены... как он по известной своей верности и искусству к интересам ее и. в. наилучше и полезнее изобретет»³.

Вторую инструкцию Владиславич-Рагузинский получил от Коммерц-коллегии. Она касалась торговых вопросов, но содержала пункт, вскрывающий всю важность и глубину амурской проблемы, равно как и уверенность русского правительства в конечном возвращении Амура России. Дело касалось торговли с Японией: «И понеже китайцы всегда с японцами торгуют, того ради надлежит, как возможно, об японском торге уведомиться, того ради, что когда ее и. в. изволит учинить рекою Амуром ездить, то верно есть, что из всех торгов российских никакой бы торг так прибыльнейшим не был, как сей, особливо ради малых кошгов или убытков, и без опасения в езде русским и в провозе своих товаров, и оттуда в вывозе других; а у голландцев сие купечество, которое они там имеют, есть самое важное».

Вероятно, появление этого пункта в инструкции Коммерц-коллегии было связано с планами правительства использовать такой удобный транзитный речной путь, каким был Амур, для основания и развития морской торговли не только с Японией, но и с другими странами Дальнего Востока — с Кореей и с самой Цинской империей. О морской торговле с Китаем думал еще Петр I; этого добивался в Пекине и Владиславич-Рагузинский.

Просвещенный дипломат и передовой человек своего времени, он разделял планы использования Амура в интересах России, но вместе с тем лучше других понимал трудности, препятствовавшие их реализации. В связи с этим пунктом инструкции Коммерц-коллегии Владиславич предложил, что он, сколько возможно, будет собирать сведения о Японском государстве, его торгах и пристанях, но «если... допущено будет российским людям рекою Амуром в Океан навигацию иметь, тогда лучше провести можно, а ныне, чаю до того китайцы допустить не позволят, от которой реки они имеют наивящий страх от россиян», и лучше было бы навести справки о Японии «через португальскую или голландскую навигацию».

В посольство были включены пограничные комиссары. Направлялся также полковник Иван Дмитриевич Бухгольц с полком пехоты и ротой драгун для охранения русских пограничных городов и совместных действий с посланником и межевыми комиссарами. В дальнейшем И.Д. Бухгольд, построив крепость на Стрелке (Троицкосавскую), внес тем самым значительный вклад в укрепление обороноспособности русского Приамурья.

Комиссары имели инструкцию: действовать по поручению посланника и стараться получить все «обстоятельные и справедливые» известия о пограничных землях, «а наипаче в бытность на границе Головина без разграничения оставленных» — то есть особенно — Удского неразграниченного пространства; составить о всех землях «справедливейшую ландкарту» для посланника и сообщения в Коллегию; после описания пограничных земель начать их разграничение, работая вместе с цинскими комиссарами, составив по окончании этой работы межевые записи и карту. Комиссары все время должны были оставаться на границе.

27 декабря 1725 года Владиславич-Рагузинский выехал из Москвы и 5 апреля следующего года прибыл в Иркутск. Здесь он пробыл более трех месяцев, собирая от всех сибирских пограничных и внутренних городов сведения о состоянии пограничных дел и о перебежчиках. Много времени заняло также составление и уточнение карты, отражающей происхождение и состояние русско-китайской границы.

После этого Владиславич-Рагузинский отбыл в Селенгинск, куда приехал в августе 1726 года. Отсюда, выслав вперед к ожидавшим его на реке Буре цинским дипломатам Лонготу и Секи капитана Миклашевского с просьбой приготовить для него подводы для поездки в Пекин, он прибыл 24 августа «на границу китайскую, в 10 верстах от Кяхты отстоящую, к речке Буре»⁴.

В своей реляции с Буры от 31 августа 1726 г. Владиславич-Рагузинский сообщил в Коллегию иностранных дел о проведенной им подготовке к предстоящим пограничным переговорам. Он уже сопроводил свое донесение тремя «книгами» (записками): «а) О перебежчиках с российской и китайской стороны и об обидах пограничным российским жителям, от китайцев нанесенных; б) О приисканных им в красноярском архиве списках с трактатов о подданстве России в 1634 году муйгальских владельцев Алтына Хана и сына его Лозона и в) Об описании границ с Китайским государством и географической карты».

2 сентября Владиславич-Рагузинский отправился с Буры в глубь Китая и 21 октября въехал в Пекин. Весь длительный период пребывания Владиславича в Пекине был заполнен напряженными переговорами, в которых участвовали с цинской стороны три высокопоставленных чиновника. Переговоры эти состояли из более чем 30 конференций (заседаний); об их напряженности позволяет судить тот факт, что одних проектов договора о границах было предложено в общей сложности 20.

Географическая ситуация на востоке Приамурья, где по Нерчинскому договору оставалось неразграниченное пространство, была недостаточно проясненной. Но имевшиеся данные свидетельствовали, что любое иное разграничение на востоке, кроме как по Амуру, будет невыгодным для России и нанесет ущерб ее интересам. Эти соображения определили дальновидное решение Владиславича-Рагузинского оставить эти земли по-прежнему неразграниченными и по новому договору, что ему и удалось при согласии цинских представителей, также не располагавших конкретными знаниями об этом районе.

Далее к западу цинские представители предложили установить границей двух стран Байкал и Ангару. Таким образом, маньчжуро-цинская сторона продолжала претендовать на передачу ей более половины территории Нерчинского, Селенгинского, Удинского, Тункинского и Красноярского уездов, на что русский посланник, естественно, не мог согласиться. Столк-

нувшись с его твердой позицией, цинские министры применили тактику давления и угроз. Они изолировали посольский двор от внешнего мира, приставив к нему часовых, и заперли членов русского посольства во внутреннем помещении; была резко сокращена выдаваемая посольству норма продовольствия, поставлялась столь недоброкачественная вода, что она вызвала заболевание половины спутников Владиславича-Рагузинского. Однако эти жестокие меры ни к чему не привели.

После 21 марта 1727 года было решено перенести переговоры непосредственно на границу. Новый тур переговоров оказался не менее трудным, чем в Пекине. Все же 20 августа 1727 года был заключен Буринский предварительный договор. Он определял границу от Кяхты до перевала Шабин-Дабага по линии фактически существовавших русских и монгольских караулов, а где их не было — по селениям, хребтам, сопкам и рекам.

Тексты договора составлялись на русском, латинском и маньчжурском языках.

Затем русскими и цинскими пограничными комиссарами при помощи русских геодезистов была осуществлена огромная работа по демаркации новой границы.

После этого 21 октября 1727 года последовало подписание Кяхтинского русско-китайского договора, в который составной частью вошел Буринский договор. Обмен ратификационными экземплярами состоялся 14 июня 1728 года.

Кяхтинский договор завершил почти трехлетние переговоры в Пекине и на границах, проходившие в общей сложности на 58 конференциях (заседаниях). Договор подводил итог переговорам о границе, а также торговым и дипломатическим отношениям между двумя странами. Он предусматривал право регулярной посылки русских торговых караванов в Пекин, уточнял условия русской торговли с Китаем, в том числе разрешал устройство беспошлинного менового торга возле Нерчинска и в Кяхте⁵.

Было узаконено и постоянное пребывание в Пекине Российской духовной миссии. Кяхтинский договор способствовал длительной стабилизации политической обстановки на Дальнем Востоке и мирным дружественным отношениям между Россией и Цинской империей, развитию между ними торговых отношений.

Статья 6 Кяхтинского договора 1727 года оставляла в Приамурье неразграниченной ту территорию, которая была таковой и по Нерчинскому договору 1689 года. В тексте ст. 7 договора записано, что из-за отказа русского посланника граничить эти восточные земли «понеже ныне не трактуется о реке Уде, ниже о протчих тамошних реках; да останутся по-прежнему; но ваши люди не имеют более завладеть на поселение»⁶.

Подобная формулировка запрета относилась не только к России и русским людям, но также и к Цинской империи и ее подданным. Именно

таково трактование этого пункта и в Уложении китайской палаты внешних сношений: «Никто из подданных обеих держав не должен там ни селиться, ни заводить какой-либо собственности»⁷. «Земли к югу от р. Уди, — подводит итог оценке этого пункта Кяхтинского договора советский историк А.А. Нарочницкий, — по-прежнему оставлены были неразграниченными с условием, что ни одна из сторон не будет их заселять и завладевать ими»⁸.

Итак, посольство Владиславича-Рагузинского окончилось успешно. В процессе подготовки русско-китайских договоров была произведена геодезическая съемка труднодоступных районов Южной Сибири, картографирована вся новая протяженная граница между Цинской империей и Россией, обширные зоны, к ней прилегающие; собирались также разнообразнейшие сведения о географических условиях различных территорий Российской империи, в том числе Приамурья; давалась оценка возможного будущего разграничения Удского неразграниченного пространства; были в полной мере выявлены роль и значение Амура при таком разграничении.

Статья 4 Кяхтинского договора предусматривала, что помимо прихода в столицу Цинской империи русских торговых караванов «еще на границах ради меньшаго купечества удобное место при Нипкове (Нерчинском) и на Селенгинской Кяхте, где построятся дома и оградятся оградой или полисадом, как покажется». То есть имелась в виду организация беспроходной русско-китайской торговли еще в двух пунктах на русско-китайской границе, в том числе один в Кяхте. Другой такой торговый пункт был определен в 1728 году по разменному письму между российским комиссаром Бурцовым и китайским стольником Хубиту; им стал Цурухайту, расположенный на левом, русском, берегу Аргуни.

Впрочем, неудобное расположение Цурухайту и его значительная отдаленность от обычных торговых путей и экономических центров обеих стран так и не позволили этому пункту вырасти в сколько-нибудь значительный центр русско-китайской торговли.

Кяхте же была предуготована совершенно иная судьба, и она на долгие годы — почти до конца XIX века — занимала особое место в жизни Сибири, да и России в целом. Вначале торговые операции здесь носили довольно скромный характер. Но в последующий период произошел значительный рост кяхтинской торговли. В 1744 году в Кяхте и возникшей напротив нее, через границу, китайской торговой слободе Маймайчэне уже было выменено китайских товаров на 287 500 рублей. Подлинный расцвет Кяхты был еще впереди и приходился на период после 1762 года, когда прекратилась отправка в Цинскую империю торговых караванов.

Цели упомянутой выше экспедиции Беринга носили стратегический характер, а ее географические задачи имели подсобное значение. Великие русские географические открытия того времени обоснованно привлекали к себе первоочередное внимание исследователей. Вместе с тем

чрезвычайно важными были политические и стратегические задачи этой и других крупных русских экспедиций XVIII века на Дальнем Востоке. Среди них мы поставили бы на первое место укрепление безопасности дальневосточных территорий России и ее государственных границ. Не стоит забывать, что эти экспедиции имели место в условиях усилившейся экспансии цинского Китая и европейских держав на восточных границах России. Далее следует отметить такую важную цель «проведения» новых земель, как расширение государственной территории, что было следствием экономической заинтересованности государства в эксплуатации новых источников естественных ресурсов. Развитие внешней торговли тоже явилось той целью, с которой постоянно связывалась задача открытия новых морских путей — в Америку, Японию, Китай, Индию. Наконец, безусловно, стратегической целью являлось установление дружественных отношений с соседними странами, это укрепляло позиции России как великой тихоокеанской державы.

Такие важные «внутренние» вопросы, как проблема ускорения хозяйственного освоения дальневосточных территорий Российского государства, более полное включение открытых ранее земель в общероссийский хозяйственный оборот, были также теснейшим образом связаны с этими экспедициями. Каждая из них вносила реальный вклад в развитие производительных сил Дальнего Востока, создание и развитие новых русских поселений и городов, новых стабильных очагов земледелия.

Наряду с целеустремленной хозяйственной деятельностью русских людей в Дальневосточном крае эти правительственные и частные экспедиции тоже постепенно создавали необходимые условия и предпосылки для возвращения Приамурья, делали такое возвращение жизненно необходимым для Российского государства и обеспечили мирное течение самого этого политического процесса.

Благодаря внешней политике Петра I Россия превратилась в великую европейскую державу, прочно стоявшую на Балтийском побережье, — и вместе с тем и в великую азиатскую державу, вышедшую на востоке — на громадном протяжении морской береговой полосы — к широким просторам Тихого океана. Вся логика формирования Россией своей государственной границы в этом регионе подготовила ее к распространению на близлежащий Американский континент.

Приамурью неизменно отводилось в русских исследованиях важное место, как обширному району, значительная часть которого оставалась неразграниченной как по Нерчинскому, так и по Кяхтинскому договору.

Политические и торговые отношения России и Цинской империи в рассматриваемый период характеризовались высокой активностью каждой из сторон, связанной не только с интенсивными двусторонними переговорами по торговым и пограничным вопросам, приведшими

к заключению Буринского и Кяхтинского договоров, урегулировавших нерешенные проблемы русско-китайских отношений и обеспечивших их последующее мирное развитие в течение почти 200 лет, но и со стабильным развитием русско-китайской торговли.

3. Попытки русского правительства добиться частичного разрешения амурского вопроса (1730–1758 гг.)

Неудача в поисках удобной гавани на Тихом океане и возрастающая необходимость доставки в Охотск и на Охотское побережье большого количества продовольствия и снаряжения для растущего населения северо-востока Сибири и продолжения правительственных и купеческих морских экспедиций все более и более настойчиво выдвигали перед русским правительством вопрос об использовании такого важнейшего и наиболее удобного водного пути в регионе, каким являлась река Амур.

В ряде проектов русских ученых и практических деятелей, представленных правительству на протяжении 30–50-х годов XVIII века, затрагивалась проблема Амура в общем контексте китайской политики и обосновывалось право русских судов осуществлять плавание по этой реке.

Большое влияние на формирование русской политики в отношении Цинской империи оказала секретная записка С.А. Владиславича-Рагузинского, поданная им 27 декабря 1731 года⁹.

Вскоре после своего возвращения из Цинской империи Владиславич-Рагузинский изложил некоторые свои соображения о китайских делах, с которыми обратился непосредственно к императрице. Полученная от дипломата, только что удачно прошедшего трудные пограничные переговоры и заключившего важный договор, записка привлекла к себе серьезное внимание двора. К мнению Владиславича правительство прислушивалось, и соображения, изложенные в записке, легли в основу будущей политики Российской империи по отношению к Китаю, направленной на возвращение Приамурья и Приморья.

Владиславич очень точно описал крайне неустойчивую внутривнутриполитическую обстановку в Цинской империи, население которой, по его выражению, стремилось «прежнюю свою вольность получить и освободиться от жестокого ига манжуров, которые над ним, яко над своими рабами поступают».

Автор записки полагал, что соотношение сил, сложившееся между двумя странами, позволяет России вернуть Амур и все земли, отошедшие от нее по Нерчинскому миру. Однако тут же Владиславич подчеркнул, что «сие учинить не весьма легко», а также что последствия подобных действий могут оказаться очень тяжелыми. Во-первых, понадобятся

ся слишком большие затраты на устройство крепостей и содержание войск; во-вторых, прекратится торговля с Китаем; в-третьих, китайцы после этого станут укреплять свои воинские силы, направленные против России. Это был достаточно серьезный анализ политических и экономических факторов, говоривших против какой-либо войны с Цинской империей за возвращение Амура.

В результате Владиславич приходил к выводу: не начинать и не вести войны за возвращение Амура не только теперь, но и в перспективе. «Токмо надлежит, — писал он, — прежде начатия рассуждать всякие случаи, что из того произойти может, и без сильнейшего предуготовления и предуведения всех опасностей такую войну не зачинать, что и предаю твердому разсуждению ея и. в. и высокого министерия, а я токмо для информации от моего доброусердия писал мое мнение»¹⁰.

По мнению автора записки, с амурским вопросом не следовало спешить. Неоправданность применения каких-либо военных средств обуславливала необходимость действовать в первую очередь политическими и дипломатическими мерами. Рекомендации Владиславича легли в основу позиции, которой неизменно придерживалось русское правительство в течение всего XVIII столетия и далее вплоть до решения — исключительно дипломатическими средствами — вопроса о возвращении России территорий Приамурья в конце 50 — начале 60-х годов XIX века.

Более ранние попытки русского правительства добиться частичного решения амурского вопроса успеха не принесли.

После беспрецедентного в истории дипломатических отношений Китая с соседними странами китайского посольства в Россию 1731 года Л. Ланг в донесении Коллегии иностранных дел (1733 г.) настаивал на постановке вопроса о возвращении России района Амура. Он считал, что ситуация для выдвигания такого требования благоприятна. Однако русское правительство не последовало его совету.

В 40-х годах два выдающихся деятеля Второй Камчатской экспедиции — Г.Ф. Миллер и А.И. Чириков — независимо один от другого пришли к одинаковому выводу о возможности, важном значении и удобствах для русской стороны плавания по Амуру из Нерчинска к берегам Тихого океана, а отсюда — в страны, тяготеющие к его бассейну и к тихоокеанским территориям Российского государства.

Г.Ф. Миллер — ученый и историк — обосновывал незыблемые исторические права России на Амур и территорию Приамурья, которыми она владела еще в XVII веке; А.И. Чириков — практик, талантливый русский морской офицер — видел растущую важность Амура и Приамурья в деле экономического освоения и обеспечения безопасности дальневосточных территорий Российского государства. Оба стремились побудить правительство к практическим шагам в решении амурского вопроса.

Проекты Миллера и Чирикова совпадали между собой в одном аспекте: праве русской стороны осуществлять плавание по Амуру — от Нерчинска (на Шилке) до его, Амура, устья. На достижение этой промежуточной цели и были обращены усилия правительства в дальнейших отношениях с Китаем.

После принятия правительством решения о возобновлении деятельности Второй Камчатской экспедиции перед русской стороной, как пишет А. А. Нарочницкий, «весьма остро встал вопрос о возможности пользоваться водным путем по Амуру для снабжения продовольствием Камчатки и русских владений в Америке»¹¹.

Российский Сенат получил заверения Коллегии иностранных дел о том, что с Цинской империей будут возобновлены дипломатические контакты с целью получения официального согласия на плавание русских судов по Амуру. Возникла необходимость посылки специальной миссии в Пекин.

Русское правительство длительное время не могло подобрать подходящей кандидатуры на пост главы этой миссии. Только 30 мая 1758 года таким посланцем был назначен — в ранге дипломатического курьера — В. Ф. Братищев, пожалованный титулом канцелярии советника.

21 декабря Братищеву была дана инструкция из 15 пунктов. Главные задачи миссии состояли в том, чтобы добиваться присылки в Россию цинского посольства, а также получить согласие цинского двора на свободный проход русских судов с продовольствием и припасами для снабжения российских поселений на Азиатском и Американском побережьях Тихого океана. С Братищевым были посланы три грамоты от Правительствующего Сената в цинский Трибунал внешних сношений Лифаньюань. Одна из грамот была целиком посвящена подробному обоснованию необходимости для России использования Амура для снабжения продовольствием тихоокеанских гарнизонов и населения. Братищеву были даны полномочия, если переговоры зайдут в тупик, заявить цинским министрам, что «хотя и без позволения от китайского двора, однако неминуемо будут проходить российские суда рекою Амуром», даже и «с потребною от помешателей обороною для того, что нет иного пути для провозу съестных припасов тем гарнизонам и обывателям».

27 января 1757 года Братищев со свитой отправился из Москвы; 28 мая он уже был в Селенгинске, а 26 июля выехал в Цинскую империю. В Пекин он прибыл 26 сентября.

Сразу же после отъезда в Пекин миссии Братищева Г. Ф. Миллер выступил в печати с двумя яркими статьями по истории Амура, опубликовав их в весьма популярных в то время в Санкт-Петербурге и России в целом «Ежемесячных сочинениях»¹². Его статьи вызвали большой интерес в правительственных и общественных кругах и сыграли свою роль, документально напомнив о несправедливом характере Нерчинского договора 1689 года и о правах России на Приамурье.

Состояние русско-китайских отношений в этот момент было чрезвычайно сложным. Обстановка в Центральной Азии резко обострилась в связи с разгромом Цинской империей Джунгарского ханства. В пределы России устремился поток беженцев из Джунгарии. Маньчжуро-цинское правительство необоснованно требовало их выдачи. Цинские вооруженные отряды вторгались в этой связи на русскую территорию и подходили к русским укрепленным пунктам. В такой обстановке русское правительство оказалось вынужденным 20 мая 1757 года направить в Пекин дополнительный сенатский «лист», излагавший принципиальную позицию в отношении этих выходцев из Джунгарии («зенгорцев»). Очевидность и неоспоримость приводившихся в нем доводов («лист» был получен в Пекине в сентябре и совпал по времени с приездом Братищева) вызвали сильнейшее раздражение у императора Цяньлуна.

Братищев сообщал в Коллегию иностранных дел о гневе маньчжурского богдыхана, который не удержался даже от угроз «многочисленную к российским границам послать армию и вооруженною рукою принятых в российское подданство зенгорцев оттуда исторгнуть». В таких условиях не удалось добиться согласия на присылку в Россию цинского посольства и положительного решения главного вопроса о плавании по Амуру.

После крупного военного успеха в Центральной Азии маньчжуры мечтали восстановить старый порядок одностороннего приема иностранных посольств, как якобы «данических» приездов к пинскому двору «вассальных» соседних правителей. Правда, отказ удовлетворить настояния России последовал не сразу. Обсуждение этого вопроса сопровождалось известными колебаниями цинского двора. Вначале русскому посланцу было заявлено, что «дело это претрудное и довольного требующего рассуждения». В официальном ответе, привезенном Братищевым в Петербург 12 июля 1758 года, говорилось: «Пропуск российских судов с хлебными припасами по многим причинам не дозволен», «для того, что в трактате о сем не упомянуто» и «при таком проезде легко может от непотребных людей повредиться мирное согласие»¹³. В китайском документе делается более определенная ссылка на трактат: «В первоначальном трактате из 11 статей, который мы заключили с русскими, нет статьи, позволяющей одной стране направлять людей через земли другой с целью перевозки различных товаров». Одновременно цинским караулам было дано указание препятствовать прохождению русских судов¹⁴.

С точки зрения права это был необоснованный отказ. Россия имела все юридические основания ставить вопрос о плавании ее судов по Амуру к морю и надеяться на благоприятное его решение. Амур оставался в XVIII — первой половине XIX века международной рекой.

Его верховья и важнейший исток — река Шилка — находились во владении России; другой исток — река Аргунь являлась пограничной.

Район нижнего течения и устье оставались по существующим договорам неразграниченными между двумя государствами. Международное право того времени устанавливало возможность для каждой из заинтересованных сторон осуществлять свободу плавания по пограничным рекам.

Длительные дружественные отношения двух стран тем более давали основание ставить такой вопрос. Подлинной причиной, обусловившей отказ Пекина, был страх Цинов потерять Амур из-за усиления здесь позиций России. Цинское правительство как никто другой знало о слабости своих позиций в Приамурье, в частности и на самом Амуре, где на всем 2000-километровом протяжении его верхнего течения до устья Сунгари был всего один цинский форпост Айгунь (с гарнизоном в 300 маньчжурских солдат, без пушек и достаточного количества боевых судов).

Первая попытка со стороны России даже не возратить захваченное Цинской империей в XVII веке Приамурье, а только дипломатическими средствами сгладить остроту амурской проблемы окончилась неудачей. Однако это не означало, что амурская проблема была снята с повестки дня в отношениях двух стран. В дальнейшем политические реалии, складывавшиеся на Дальнем Востоке, делали решение проблемы Амура все более необходимым.

Хотя миссия Братищева не смогла решить поставленных перед нею задач, само формулирование этих вопросов русской стороной являлось шагом вперед. Миссия способствовала дальнейшей практической и исследовательской работе по подготовке и обеспечению будущего плавания по Амуру.

Все это со временем привело к созданию условий для осуществления первого сплава русских людей по Амуру и мирного возвращения Приамурья России. В этом мы видим конечный результат данного дипломатического демарша русского правительства, который ранее представлялся исследователям совершенно бесплодным.

Глава VI. Россия и Америка

Превращение России в великую державу ознаменовалось не только значительным усилением ее роли в европейских делах, но и расширением внешнеполитических связей страны, распространением их на другие части света. В XVIII веке во внешней политике России появился новый фактор — Америка. Это, с одной стороны, произошло в результате образования первого независимого государства в Новом Свете — Соединенных Штатов, а с другой стороны, явилось следствием того, что сама Россия, будучи европейской и азиатской, с приобретением колоний на северо-западе Америки сделалась отчасти еще и американской державой.

1. Война США за независимость и Россия. У истоков русско-американских отношений

Одним из важных международных событий всего XVIII века стала война североамериканских владений Великобритании за свою независимость. В той или иной степени это событие затронуло политику целого ряда европейских держав, в том числе и России. Военные действия в Северной Америке начались в 1775 году. Они явились итогом достаточно глубоких противоречий между интересами значительной части населения и политикой английской королевской администрации, ущемлявшей эти интересы. Переселенческие колонии на территории будущих Соединенных Штатов начали возникать с первой половины XVII века. К середине XVIII века 13 колоний Великобритании, расположенных по Атлантическому побережью, прошли уже большой путь социально-экономического и политического развития. На этих землях, никогда не знавших феодализма, успешно развивалось гражданское общество, создавались собственные демократические институты, быстро шел процесс складывания самостоятельной американской нации.

Население колоний, прежде всего торгово-промышленные круги, все сильнее тяготилось административно-фискальным гнетом британских властей. Последние, в свою очередь, видя, как уплывает почва из-под ног, проявляли в своем «отеческом покровительстве» над колониями все большую неуступчивость и жестокость. Назревал кризис, симптомы которого стали принимать заметный характер, по крайней мере, уже за десять лет до начала открытого вооруженного противостояния. Весной 1765 года был принят закон о гербовом сборе, согласно которому облагались налогом вся коммерческая и судебная документация, а также периодические издания. Король и парламент намеревались употребить

полученные средства на содержание английских войск в Америке. Это вызвало взрыв возмущения в колониях, население которых протестовало против налогообложения территорий, не имевших своих представителей в британском парламенте.

В своей реляции Екатерине II от 7(18) октября 1765 года российский посланник в Лондоне Г. Гросс доносил: «В столице Новой Англии в городе Бостоне действительно шло до явного народного бунта, но и понеже все провинции Северной Америки меж собою соглашаются, чтоб не признать в аглинском парламенте власть налагать на них подати, претендуя, что то единственно зависит от собственных их провинциальных собраний... А буде им дозволить право, как того желают, по образцу Скотландии своих депутатов иметь в здешней нижней парламентской каморе, то оно, по здешнему признанию, не меньшим несходствам подлежало бы»¹.

В следующем 1766 году гербовый сбор пришлось отменить, однако «несходства» Лондона с его заокеанскими владениями не только не уменьшились, но с течением времени все более возрастали. Русские представители в Лондоне внимательно следили за углублением англо-американских противоречий. В донесениях 1774 года первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел Н.И. Панину посланник А.С. Мусин-Пушкин писал об «упорной американских жителей претительности повиноваться... таким повелениям, кои хотя бы мало клонились к утверждению над ними права здешнего (английского. — *Авт.*) законодательства». «Генеральным в Филадельфии конгрессом решено уже не вывозить сюда никаких американских товаров, а здешних тамо не принимать»².

19 апреля 1775 года произошли первые сражения при Лексингтоне и Конкорде, начиналась американская революция, а векторе Дело приняло и совсем серьезный оборот. Трения между метрополией и ее далекими колониями переросли в войну с участием нескольких держав, превратившись влажную международную проблему. На политической арене появилась молодая американская дипломатия, которая не только быстро освоила методы, практиковавшиеся дипломагической службой Старого Света, но и привнесла новые, невиданные дотоле внешнеполитические принципы и приемы, вытекавшие из провозглашенных демократических начал равенства всех людей и народного суверенитета. Появилась так называемая иррегулярная дипломатия: назначение дипломатических представителей без предварительного согласия принимающей стороны, обращение к общественности через голову официального правительства и т. д.³

Яркий пример такого рода деятельности дал просветитель, ученый-энциклопедист и политик Бенджамин Франклин. Находясь в Париже, сначала в качестве уполномоченного Континентального конгресса, а затем, после того как восставшие колонии объявили себя независимой республикой, и посланника, он многое сделал для завоевания симпатий французской

общественности, для превращения Франции в союзницу Соединенных Штатов. В немалой степени этому способствовали естественность поведения и скромный внешний облик Б. Франклина. Он не придерживался европейской моды, одевался просто, не носил напудренных париков. Все это было весьма необычно, выделяло его из числа других дипломатов и придавало особое обаяние.

Вооруженная борьба в Северной Америке остро поставила проблему союзников и перед Лондоном. Особая надежда возлагалась при этом на Россию, с которой еще с 60-х годов велись переговоры о союзе. Союзный трактат заключен тогда не был, но русско-английские отношения развивались в целом благоприятно. 1 сентября 1775 года король Георг III направил личное послание российской императрице, прося оказать помощь войскам. Речь шла о 20-тысячном экспедиционном корпусе, причем за каждого русского пехотинца английское правительство готово было уплатить по 7 фунтов стерлингов. Дело в том, что Англия не сумела набрать нужного количества войск для отправки в Америку. Решено было поэтому обратиться за содействием к европейским дворам. Кроме России обращение было направлено ряду германских государств. На просьбу откликнулись шесть немецких владетельных князей, у которых англичанам удалось в итоге заполучить за годы войны около 30 тыс. наемников⁴. В Лондоне высокомерно полагали, что в данном вопросе в отношении России и мелких германских государств можно было использовать одинаковые методы. Несколько позднее Н.И. Панин с негодованием отзывался о циничной уверенности английского правительства в том, что «гинеи достанут ему всегда союзников». «Но в сей расчет не могут всемерно входить знатные державы наравне с мелкими германскими князьями, обыкшими кровь поданных своих ставить в цену и продавать за наличные деньги»⁵, — писал он.

Слух о возможном участии России в подавлении восстания за океаном быстро распространился, вызвав настороженность и беспокойство при дворах Европы, да и в самой Америке. Французский министр иностранных дел Ш.Г. Верженн допускал даже наличие завоевательных замыслов у Екатерины II. По его мнению, отправка русских войск за океан должна была встревожить все державы, имеющие владения в Новом Свете. А среди лидеров молодой североамериканской республики вплоть до начала 80-х годов не исчезали опасения, что Россия может стать союзницей Великобритании⁶.

Официальный Петербург, однако, хотя и считал действия восставших незаконными, а их самих мятежниками, вовсе не горел желанием участвовать в карательных операциях. Ответ Екатерины II английскому королю последовал 23 сентября (4 октября) 1775 года. Это был вежливый, но твердый отказ. Лишь недавно окончилась война с Турцией, «я едва только начинаю наслаждаться миром... моя империя нуждается в спо-

койствии», — писала императрица. Сославшись на непрочный мир со Швецией и «не окончательно решенные дела польские», Екатерина также дала понять, что не считает усмирение восстания предприятием, которое прибавит «достоинства» ее империи. Подобные действия, напротив, могли бы послужить и другим державам примером для вмешательства в конфликт. Все это «положительно воспрещает мне... лишить себя значительной части своих войск... хотя я глубоко сожалею о невозможности оказать вам услугу, требуемую вами от моей дружбы»⁷, — говорилось в письме.

Кроме перечисленных в письме существовали и другие причины, побудившие «добрую сестру» английского короля отклонить его просьбу. Только что с большим трудом удалось подавить страшный бунт Пугачёва, посягавшего на самые права ее как государыни и до смерти напугавшего благородное дворянское сословие. Борьба в Новом Свете приобретала все больший размах, а перспективы восстановления там власти англичан становились все более призрачными. Помимо всего прочего, Екатерина II была весьма невысокого мнения о способностях Георга III как монарха и правителя. «В дурных руках все становится дурным... Его превосходные подданные очень им тяготятся... От всего сердца желаю, чтобы мои друзья англичане поладили со своими колониями; но столько моих предсказаний сбывалось, что боюсь, как бы еще при моей жизни нам не пришлось увидеть отпадение Америки от Европы»⁸, — делилась своими мыслями царица в частных письмах.

4 июля 1776 года была провозглашена независимость Соединенных Штатов. 17 октября 1777 года американцы одержали крупную победу при Саратогге, принудив к капитуляции английского генерала Дж. Бургойна. В феврале 1778 года произошло оформление существовавшего уже де-факто союза между США и Францией. Этот союз был обусловлен англо-французскими противоречиями, Франция поспешила воспользоваться затруднительным положением, в котором оказалась Великобритания, ее основной соперник на европейской и мировой арене. Можно было попытаться взять реванш за поражение в Семилетней войне и потерю колоний в Северной Америке. Позднее к США и Франции присоединилась и Испания, которая начала войну против Англии. В 1778 году британское правительство обратилось к России с предложением заключить союз уже не против Америки, а против европейских государств, а затем речь зашла об общем оборонительном союзном договоре. Петербург ответил отказом. В инструкции, данной в июле 1779 года посланнику в Лондоне И.М. Симолину по поводу союзного договора, указывалось, что в теперешнем «критическом и нежном положении» Сент-Джеймского двора «самый вопрос существовать не может»⁹. Н.И. Панин пояснял, что заключение подобного договора между европейскими державами не должно совпадать по времени с войной, причины которой кроются в событиях, происшедших за пределами Европы.

Таким образом, с самого начала американской войны за независимость Россия твердо придерживалась нейтралитета, отвергая попытки Англии связать ее союзными обязательствами. Такая линия Петербурга получила в конце концов должную оценку и в Америке, где поначалу сильно опасались возможного выступления России на стороне Англии. «Мы немало обрадованы узнать из достоверного источника, что просьбы и предложения Великобритании русской императрице отвергнуты с презрением»¹⁰, — писал весной 1779 года главнокомандующий Континентальной армией Дж. Вашингтон.

Позиция российского правительства диктовалась, естественно, его собственными интересами. Оно рассчитывало, что борьба между европейскими державами (Англией, Францией, Испанией) приведет к взаимному их ослаблению и это будет иметь следствием укрепление международных позиций России. Политика нейтралитета поэтому лучше всего отвечала интересам последней. Эта политика имела свои особенности. С одной стороны, требовалось держаться определенной манеры поведения. Отклонив союз с Англией, но не желая излишне обострять отношения с нею, Россия не отступала от курса дипломатического непризнания Соединенных Штатов. Посланник в Париже И.С. Бярятинский общался с американским представителем Б. Франклином только как с частным лицом, внимательно следя за тем, чтобы их встречи не принимали официального характера¹¹. С другой стороны, соображения практического свойства говорили в пользу того, чтобы считаться с фактом появления нового субъекта международной политики — США.

Главным сторонником прагматического подхода являлся первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Н.И. Панин. 31 июля (11 августа) 1779 года руководство Коллегии во главе с Паниным представило Екатерине II секретный доклад о внешнеполитическом положении России и международной обстановке. Касаясь причин и характера войны, которую вела Англия за океаном, авторы доклада отмечали, что «американские ее селения, превратившиеся собственно виною правительства британского в область независимую и самовластную, не иначе противу ее воюют и воевать могут, как внутри своих жилищ и земель, обороняя единственно новое свое бытие по мере ее атаки»¹². Из доклада вытекало, что отделение заокеанских колоний от метрополии надлежит признать уже свершившимся фактом. Далее следовало заключение о том, что подобный факт не только не противоречит пользе России, но даже выгоден ей «в части торговых ее интересов, поколику со временем из Америки новая непосредственная отрасль коммерции с Россиею открыться и завестися может для получения из первых рук взаимных нужд... Англия, лишившись восстанием своих селений всего привоза тамошних продуктов, принуждена теперь заменять их нашими не только в развозе по другим местам, но и в собственном своем употреблении»¹³.

Правительство Екатерины II не только не поддержало Великобританию, но выступило с важной политической акцией — Декларацией о вооруженном нейтралитете, которая имела объективно антианглийскую направленность и в то же время сыграла существенную роль в укреплении позиций молодой заокеанской республики на международной арене. Война, которую вела Англия против США и их европейских союзников, наносила большой ущерб международной морской торговле. Особенно страдали нейтральные государства. Морская торговля испытывала притеснения со стороны военных кораблей разных стран (Франции, Испании, США и др.), но наибольший ущерб наносили ей англичане. За годы североамериканской войны ими было захвачено, в частности, 17 русских судов¹⁴.

Сильнейшая морская держава Великобритания старалась максимально использовать это свое преимущество. Ее действия на море отличались настоящим разбоем и вызвали естественное недовольство других стран. В упомянутом выше докладе отмечалось, что Швеция и Голландия уже решились «прикрывать свою торговлю военным конвоем». Готова была последовать их примеру и Дания, которая «начинает также терять все терпение»¹⁵.

Летом 1779 года и русское правительство послало в северную часть Атлантики 4 линейных корабля и 2 фрегата для защиты торговых судов. Примечательно, что поводом для этого послужили действия одного американского капера, который захватил полтора десятка британских торговых кораблей, создав тем самым угрозу для русско-английской торговли через архангельский порт. Однако, посылая свою эскадру в северные воды, Петербург подчеркивал, что его акция призвана обеспечить «ограждение» торговли от покушений на нее с любой стороны, а вовсе не направлена только против американцев¹⁶. Общие основы морской политики России были изложены в Декларации о вооруженном нейтралитете.

Этот документ датирован 28 февраля (10 марта) 1780 года. Он имел форму обращения Екатерины II к правительствам Англии, Франции и Испании. В преамбуле говорилось, что целью выступления российского правительства с этим обращением является желание устранить «затруднения... причиняемые свободе общей торговли, и торговли русской в частности... Императрица считает своей обязанностью освободить оную всеми средствами, совместными с ее достоинством и благом ее подданных»¹⁷. Конкретные положения были изложены в пяти статьях основной части документа. Декларация провозглашала право нейтральных держав на беспрепятственную морскую торговлю в условиях войны со всеми, в том числе и с воюющими странами. Говорилось о решимости императрицы защищать свое право силой оружия.

Провозглашение вооруженного нейтралитета имело большое международное значение. Устанавливались твердые правовые начала, защищавшие

морскую торговлю нейтральных стран во время войны. Эта важная проблема широко освещена в исторической литературе. Ей посвящены многие работы различных исследователей. Однако и сегодня здесь остаются еще некоторые неясные моменты. Не установлено, например, кто является автором первоначального проекта, подготовленного для императрицы. В литературе называются имена разных лиц — от видных российских государственных деятелей и ученых (Н.И. Панина, П.В. Бакунина, Ф.У.Т. Эпинуса) до иностранных политиков и дипломатов (прусского короля Фридриха II, датского и французского министров Х.Г. Бернсторфа и Ш.Г. Верженна).

Разные соображения высказывались и относительно того, насколько понимала Екатерина II действительное значение провозглашенной от ее имени декларации. Важно, однако, подчеркнуть, что в работах как старых русских, так и современных исследователей утвердилось мнение о том, что провозглашение начал вооруженного нейтралитета явилось естественным результатом предшествующих событий, развития теории морского права и практики торгового мореплавания, что внутренние интересы самой России в то время совпадали с основными принципами декларации; это и стало главной причиной появления ее на свет¹⁸.

В 1780–1783 годах к принципам, выдвинутым Россией, присоединились многие нейтральные государства Европы, их признали также Франция и Испания. Широкое признание Декларации о вооруженном нейтралитете объясняется тем, что она не содержала в себе принципиально новых положений, которые не встречались бы уже в договорных актах прошлых лет, в трудах ученых-юристов или высказываниях государственных деятелей. В тексте декларации имелась ссылка на русско-английский торговый договор, она провозглашала принцип, который упорно отстаивали и американцы, а именно «на свободных кораблях — свободные товары».

Однако отклики, которые встретила акция Екатерины II в Лондоне и за океаном, были далеко не одинаковыми. Если англичане отнеслись к декларации более чем прохладно, то американцы откликнулись с энтузиазмом. Видные деятели американской республики Б. Франклин, Дж. Вашингтон, Дж. Адамс дали очень высокую оценку идеям вооруженного нейтралитета и действиям России. Дж. Адамс, бывший тогда представителем Континентального конгресса в Европе, расценил декларацию чуть ли не как более неприятное для Англии решение, нежели объявление войны. 5 октября 1780 года Континентальный конгресс США принял специальное постановление, одобрявшее декларацию Екатерины II, как основанную «на принципах справедливости, беспристрастия и умеренности»¹⁹.

Провозглашение Декларации о вооруженном нейтралитете и образование затем Лиги нейтральных государств сыграли важную роль в международных отношениях того времени. Хотя декларация формально была равно обращена к обеим воюющим сторонам, по своей сути она оказалась

направленной против деспотизма «владычицы морей». Недаром на протяжении десятилетий британское правительство отказывалось признавать правило «свободные корабли — свободные товары» или «нейтральный флаг покрывает товар». В то же время акт Екатерины II был выгоден для других стран, и в особенности для Соединенных Штатов Америки. История уготовила долгую жизнь идеям защиты прав нейтрального мореплавания, которые сделались солидной основой русско-американского сближения в последующие годы.

Российская дипломатия выступила с еще одной важной инициативой, предложив мирное посредничество между воюющими сторонами. Как и провозглашение вооруженного нейтралитета, эта акция должна была способствовать укреплению международного авторитета России. В уже упоминавшемся секретном докладе Коллегии иностранных дел Екатерине II подчеркивалось, что России выгодно соблюдать нейтралитет, но в то же время ей следует попытаться помирить противников. «В достижении сего предмета заключается верх персональной ее величества славы, ибо мир, между Англией и Бурбонскими домами восстанавливаемый, будет обнимать все части обитаемого света»²⁰, — говорилось в докладе. Характерно, что главными действующими лицами в продолжающейся войне здесь названы европейские державы — Англия, Франция и Испания (Бурбонские дома). Однако не забыты и Соединенные Штаты, хотя упомянуты они не прямо, но лишь как территория, расположенная в другой части света.

Впервые предложение мирных услуг было сделано Н.И. Паниным в неофициальной форме во время беседы с французским посланником Ш.О. Вераком летом 1780 года. Граф Панин полагал, что Англия уже не сможет подчинить себе заокеанские владения. Но, щадя ее самолюбие, следовало бы сначала заключить перемирие, после чего французский король смог бы запросить каждую колонию в отдельности, желает ли она быть независимой. На первый взгляд русское предложение могло показаться более благоприятным для англичан, ибо часть территорий (в частности, Северная Каролина и Южная Каролина) оставалась к тому времени в их руках. Однако учитывая сложное положение на театре военных действий в Америке, а также сравнивая проект Панина с вариантом мирного урегулирования, выдвинутым ранее Испанией, согласно которому за англичанами оставались бы еще большие территории, в том числе город Нью-Йорк, следует признать, что русское предложение было весьма выгодным как раз для американцев. Важно отметить, что русский проект предусматривал применение принципа самоопределения колоний (штатов).

Французский министр иностранных дел Ш.Г. Верженн нашел это предложение приемлемым для Франции и одновременно почетным для Англии. Стало известно, что и Соединенные Штаты не возражают против идеи перемирия и посредничества при условии, что за этим последует

признание их независимости. Русско-французские переговоры велись в глубокой тайне, и англичанам приходилось лишь гадать об их содержании. Однако вскоре дело было переведено на официальные рельсы. 27 октября (7 ноября) 1780 года российским представителям в Лондоне, Париже и Мадриде направили инструкции, в которых говорилось о желании Петербурга сохранять нейтралитет и «оним сообразовать дальнейшие наши подвиги к восстановлению общего в Европе мира»²¹.

К идее мирного посредничества вынуждены были в конце концов прислушаться и в Лондоне. Желая получить лучшую позицию на будущих переговорах, там решили привлечь к посреднической миссии и Австрию. Русское правительство было вынуждено согласиться. Это диктовалось состоянием русско-австрийских отношений: готовилось заключение союзного договора, Россия нуждалась в поддержке Австрии в восточном вопросе.

Мирному посредничеству была посвящена специальная записка Н.И. Панина, одобренная императрицей 22 января 1781 года. В документе отмечалось различие в подходах главных воюющих держав — Англии и Франции — к основному спорному вопросу: «Первая почитает несовместным достоинству своему принятие независимости селений американских, от нее отторгнувшихся. Другая, поступив на признание той независимости и связав себя с ними условиями не вступать без их соучастия ни в какие договоры, в противном первой поставляет свое достоинство», то есть Франция не считает признание независимости США ущемляющим ее интересы. Однако данное обстоятельство не должно стать препятствием монархам России и Австрии «в подвиге, им предлежащем», писал граф Панин. Он предлагал прежде всего заключить перемирие на два или три года «в Европе и прочих частях света», причем «в перемирие сие, конечно, должны быть включены селения американские»²². Первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел разработал достаточно гибкий план, который, по его мнению, мог бы удовлетворить обе стороны.

Российское правительство согласилось, что местом проведения переговоров будет Вена, поскольку эта столица «для всех держав лежит в середине». Выступить «в качестве медиатора» от России должен был посланник Д.М. Голицын. Российским представителям в Лондоне, Париже и Мадриде поручалось содействовать достижению мирного урегулирования. 21 мая 1781 года Д.М. Голицын и австрийский канцлер В.А. Кауниц направили согласованные австро-русские предложения правительствам Франции, Испании и Англии. Они были нацелены как на поиски общего мира, так и на достижение англо-американского урегулирования.

В Соединенных Штатах русско-австрийские предложения, в основе которых лежала записка Панина, встретили благоприятный прием. Континентальный конгресс предоставил американским представителям в Европе полномочия на принятие посредничества и ведение перегово-

ров о мире. Впрочем, один из этих представителей, Дж. Адамс, посчитал предложения двух держав неприемлемыми для США, и все предприятие застопорилось²³. Главной же причиной неудачи проекта посредничества стал отрицательный ответ британского правительства. «В нем содержится отказ от переговоров в том, что касается американских колоний, с которыми твердо намерены вести дела лишь как с подданными... Лишь оружие может быть арбитром в этом серьезном столкновении интересов»²⁴, — писал из Лондона посланник И.М. Симолин.

И действительно, Англия согласилась начать мирные переговоры лишь после того, как было получено известие о капитуляции в октябре 1781 года королевского корпуса под командованием лорда Корнуоллиса при Йорктауне перед объединенными американско-французскими силами. Что касается России, то волею обстоятельств в 1781–1783 годах в ее политике на первый план выдвинулись другие моменты: переговоры о союзе с Австрией, восточные дела в связи с готовившимся присоединением Крыма. Заинтересованность же в посредничестве для восстановления мира на Западе начала уменьшаться по мере того, как основные миротворческие усилия стали сосредоточиваться в Вене, а затем и в Париже. Тем не менее роль российской дипломатии в деле мирного урегулирования не следует преуменьшать. Действия русского правительства, и в особенности посреднический проект Н.И. Панина, сыграли, без сомнения, положительную роль и приблизили открытие прямых англо-американских переговоров, которые и завершились подписанием мира.

Достаточно благожелательное отношение правительства Екатерины II к Соединенным Штатам породило за океаном излишний оптимизм и завышенные надежды. В конце 1780 года Континентальный конгресс без предварительного согласования с русской стороной в соответствии со своей тактикой «иррегулярной дипломатии» решил направить в Петербург американского дипломатического представителя. На эту роль был выбран Ф. Дейна. Ему поручалось согласовать проект договора о дружбе и торговле. «Важнейшая цель ваших переговоров состоит в том, чтобы заручиться благосклонным расположением и получить поддержку ее императорского величества в отношении суверенитета и независимости Соединенных Штатов... Вы без труда убедитесь в том, что вам должно действовать главным образом в направлении, способном доставить Соединенным Штатам официальное признание в качестве участника конвенции нейтральных морских держав по поддержанию свободы торговли»²⁵, — гласила выданная ему инструкция.

Заметим сразу, что последнее предписание исполнить было особенно трудно. США находились в состоянии войны и не могли войти в Лигу нейтральных государств. Да и само намерение направить посланника в столицу державы, официально еще не признавшей независимость США,

вызвало неоднозначную реакцию европейских и американских политиков. Так, французский министр Ш.Г. Верженн, а также Б. Франклин советовали Дейна не торопиться с поездкой. Дж. Адамс, напротив, считал, что момент для этого вполне благоприятен. Ф. Дейна прислушался к мнению последнего. 7 июля 1781 года он отправился в путь из Амстердама и через полтора месяца прибыл в Петербург.

По прибытии Дейна намеревался сразу же официально представиться двору императрицы, однако британский посланник Дж. Гаррис заявил протест против возможного признания «американского агента». Со своей стороны, французский посланник Ш.О. Верак уговорил Дейна не спешить. Он разъяснил, что российское правительство вряд ли согласится аккредитовать представителя еще официально не признанного государства и тем самым дать лондонскому кабинету повод для упреков в недостаточной беспристрастности посредника²⁶. Вняв доводам Верака, Дейна решил отложить свое официальное представление, по крайней мере, до возвращения к руководству российской внешней политикой Н.И. Панина, который находился тогда в длительном отпуске. В первом донесении из Петербурга в сентябре 1781 года американский дипломат писал: «Граф Панин, как мне сказали, в скором времени возвратится ко двору, а из всех министров ее императорского величества он наиболее благоприятно настроен в отношении Соединенных Штатов. Если эти сведения окажутся достоверными, то можно ожидать, что отсрочка даст определенные выгоды»²⁷.

Однако отпуск Н.И. Панина затянулся, а затем и вовсе обернулся отставкой. Препятствием к установлению прямых русско-американских дипломатических отношений явились и действия британской дипломатии, оказывавшей открытое давление на Петербург. Шел месяц за месяцем. Ф. Дейна оставался в русской столице, ведя довольно замкнутый образ жизни. Не будучи принятым официально, он не сумел завязать сколько-нибудь важных знакомств и в кругах русского общества, хотя инструкция Континентального конгресса прямо обязывала его к этому. Слабым оправданием, а скорее упреком американскому дипломату послужило то обстоятельство, что он не только не знал русского языка, но и недостаточно владел французским.

Между тем в начале 1783 года из Парижа пришло известие о заключении предварительного мирного договора между Великобританией и США. Тогда Ф. Дейна решился наконец известить российское правительство, что он назначен посланником Соединенных Штатов в Петербурге. Но Екатерина II не дала ему официальной аудиенции. С ним беседовал вице-канцлер И.А. Остерман, который предупредил Дейна, что императрица сможет принять его и признать в качестве официального представителя лишь после подписания окончательного мира. «Несмотря на это, — продолжал

Остерман, — императрица желает, чтобы не только лично вы, но и все ваши соотечественники, которым случится поехать в Российскую империю по торговым или другим делам, могли встретить самый благожелательный прием и защиту в соответствии с международным правом»²⁸.

Ф. Дейна написал благодарственное письмо И.А. Остерману. Американский дипломат надеялся, что признание его наконец состоится. Однако Континентальный конгресс к этому времени уже принял решение отозвать своего представителя из русской столицы. После подписания предварительного мира независимость США была фактически обеспечена, руководители молодого государства уже не видели острой необходимости в приобретении новых сторонников и союзников. Более того, они опасались, что американская республика окажется вовлеченной в политическую систему Старого Света. Стремление к изоляции от европейских проблем станет впоследствии существенной чертой внешней политики США.

Ф. Дейна покинул Петербург 24 августа (4 сентября) 1783 года. А днем ранее в столице Франции был заключен окончательный мирный договор. Соединенные Штаты получили международное признание. Великобритания соглашалась с тем, что американская республика является суверенным и независимым государством, и отказывалась от всех претензий к ней в будущем. Как видим, в эти годы не произошло установления дипломатических отношений между Россией и США. Последние не были официально признаны правительством Екатерины II. Однако есть основания говорить о признании де-факто.

Отклонение союза с Англией, провозглашение Декларации о вооруженном нейтралитете, предложение мирного посредничества недвусмысленным образом характеризуют отношение России к американской войне за независимость. Объективно ее позиция способствовала укреплению положения США на международной арене. Дело заключалось при этом вовсе не в каких-то «симпатиях» Екатерины II и ее правительства к восставшим колониям, но в соображениях реальной политики и собственных интересов. Сыграли свою роль и недовольство всевластием Англии на море, и стремление не допустить существенного нарушения баланса сил в случае победы Великобритании над ее соперниками, и понимание неизбежности отделения американских колоний от метрополии, что представляло даже определенную выгоду для России в плане торговли, и стремление императрицы выступить арбитром в европейских и мировых делах, а следовательно, повысить международный престиж и влияние России.

После подписания мирного договора произошли определенные изменения и в дипломатической практике. Если ранее российский посланник в Гааге Д.А. Голицын руководствовался предписанием воздерживаться от официального признания Дж. Адамса в качестве посланника США в Гол-

ландии, то новый российский представитель С.А. Колычев действовал уже по-иному. В июне 1784 года он решил «отдать господину Адамсу визиту, но партикулярно» и запросил инструкцию о том, «каким образом впредь должен я поступки мои располагать против господина Адамса»²⁹. Ответ вице-канцлера И.А. Остермана гласил, что поскольку состоялось уже признание независимости США самой Англией, то надлежит действовать согласно общепринятым международным нормам подобно представителям «других беспристрастных держав»³⁰.

Фактическое признание Россией Соединенных Штатов нашло свое выражение в развитии торговых связей между двумя странами, зарождение которых относится еще к колониальному периоду. Первые американские торговые суда совершали плавания в российские порты уже в 60-е годы XVIII века. С началом войны за независимость возрос спрос на предметы русского экспорта, используемые в судостроении: железо, пеньку, корабельные мачты, парусное полотно и т. д. Эти товары доставлялись за океан различными путями: иногда прямыми рейсами из русских портов на американских кораблях, чаще же на борту кораблей других наций — голландских, французских.

Русско-американская торговля, как и внешняя торговля России в целом, осуществлялась в основном через балтийские порты, и в первую очередь Петербург. С каждым годом все больше и больше американских судов приходило в Северную Пальмиру за традиционными предметами русского экспорта. За 1783–1799 годы ежегодное их число выросло с 2 до 62³¹. В самом конце века началась торговля и через Архангельск. Из США, Вест-Индии и других мест на американских кораблях в Россию привозились различные колониальные товары: чай, рис, хлопок, вина, кубинский сахар, бразильский кофе, фрукты, красители. Что касается собственно русских торговых судов, то они стали появляться за океаном, вероятно, только в начале XIX века, хотя первые корабли под русским флагом ходили в Америку еще в годы войны за независимость. Эти корабли снарядил российский консул в Бордо А. Витфот.

Разумеется, США не принадлежали к числу основных торговых партнеров России. Доля русско-американских связей во внешней торговле каждой из двух стран была сравнительно невелика. Укажем, например, что из более чем 2 тыс. судов, прибывших в русские порты в 1785 году, только 6–7 были американскими, тогда как 640 — английскими. В 1786 году на 705 английских судов приходилось 10 американских³². Важно, однако, отметить, что объем русско-американской торговли неуклонно возрастал, и после установления дипломатических отношений между двумя странами в начале XIX века наступил ее подлинный расцвет³³.

Идеи расширения торговых связей с Америкой находили поддержку в русском обществе. Наиболее дальновидные и образованные люди под-

вергали сомнению утверждение британской пропаганды о том, что США станут выступать на рынках Европы лишь конкурентом других стран, в том числе и России. Выгодность для российского купечества торговли с Америкой подчеркивалась и в российской прессе того времени, в частности в изданиях известного публициста, просветителя и масона Н.И. Новикова. В годы войны за независимость и позднее он опубликовал обширный материал, информирующий русского читателя о событиях в Новом свете. Значительная часть этих публикаций появлялась на страницах газеты «Московские ведомости», которую Новиков редактировал в 1779–1789 годах, и в «Прибавлениях» к ней. Материал на американскую тему, помещаемый в газете, свидетельствовал в целом о сочувственном отношении издателя к борьбе колоний за независимость. Будучи человеком осторожным, Н.И. Новиков избегал открытого восхваления американской революции от своего имени. Однако выбор тематики, подбор публикаций, многие из которых представляли собой переводы из иностранных изданий, редакторские примечания недвусмысленно говорили о симпатиях русского просветителя к американцам³⁴.

Американская тематика была широко представлена и на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», которые печатали сообщения из Америки с первых лет своего существования. Особенно много этих сообщений приходится на период, когда отдел иностранных известий редактировал М.В. Ломоносов (1748–1751 гг.). Однако применительно к 70–80-м годам следует заметить, что по сравнению с «Московскими ведомостями» эта газета являлась более официальной, и данное обстоятельство накладывало определенный отпечаток на ее характер. Газета перепечатывала материал о событиях в Америке в основном из британских источников, поэтому ее позиция поневоле зачастую казалась проанглийской³⁵.

В целом американская война за независимость получила в русской печати более правдивое и беспристрастное отображение, чем, скажем, Великая французская революция. Америка находилась слишком далеко, чтобы гамошные события могли оказать непосредственное воздействие на Россию. Поэтому цензура была менее придирчивой в отношении американских сюжетов, нежели французских. К тому же по сравнению с американской французская революция носила гораздо более радикальный характер. Да и правление Екатерины II имело в 70–80-е годы некоторые черты либерализма, которые в 90-е годы, в связи с событиями во Франции, уступили место реакционным тенденциям.

Особое место среди откликов современников на войну за независимость в Северной Америке принадлежит сочинениям А.Н. Радищева.

К тебе душа моя вспаленна,

К тебе, словутая страна,
 Стремится, гнетом где согбенна
 Лежала вольность попрана;
 Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
 Того ж, того ж и мы все жаждем;
 Пример твой мету обнажил³⁶.

Было время, когда полагали, что эти взволнованные строки знаменитой оды «Вольность» обращены к революционной Франции. Однако к настоящему времени считается убедительно доказанным, что речь здесь идет о событиях в Новом Свете³⁷. Радикальный русский мыслитель выражает свое восхищение борьбой американцев («словутая», т. е. «славная» страна) против британского гнета и даже призывает использовать подобный опыт («Пример твой мету обнажил», т. е. показал цель, которой надо следовать). В другой строфе оды писатель уже прямо говорит о войне за океаном, не скрывая своих симпатий к солдатам американской армии:

О воин непоколебимой,
 Ты есть и был непобедимой,
 Твой вождь — свобода, Вашингтон³⁸.

Американская тематика присутствует и на страницах «Путешествия из Петербурга в Москву». А.Н. Радищев приводит характерные отрывки из конституционных актов различных штатов, в которых сказано о гарантиях свободы слова и печати, делает свои сочувственные комментарии к ним. Приветствуя революцию за океаном, он не закрывал глаза и на язвы современной ему Америки, гневно осуждал истребление индейцев, жестокую эксплуатацию негров-рабов, отмечал разительные социальные контрасты. «Назовем блаженную страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова?»³⁹ — писал Радищев на страницах «Путешествия». Самый факт обращения к демократическим и конституционным основам молодой заокеанской республики являлся в условиях России XVIII века делом немало гражданского мужества. Недаром среди обвинений Екатерины II автору крамольной книги было и такое: «Он хуже Пугачёва, он хвалит Франклина». Следует, правда, заметить, что императрица имеет здесь в виду Б. Франклина как политического деятеля, одного из руководителей американской революции. Однако в России не возбранялось хвалить Франклина — просветителя и ученого.

Значимость войны США за независимость как явления мировой истории подчеркнута и таким символическим фактом, как участие в ней представителей других народов. Свой вклад в становление молодой республики внесли француз маркиз Лафайет, поляк Т. Костюшко, менее известные люди из целого ряда стран. Среди участников американских событий были и выходцы из России. Под именем Джона Роуза в войне за независимость

участвовал эстляндский дворянин Г.Х. Веттер фон Розенталь. Очень колоритной фигурой являлся еще один свидетель этих событий — Ф.В. Каржавин, ставший пионером изучения далекой заокеанской страны в России.

Писатель, ученый-филолог, переводчик, издатель, художник, общественный деятель и, наконец, практикующий врач и фармаколог, он имел неумную натуру, был неутомимым путешественником. Выходец из богатой купеческой семьи, получивший прекрасное образование во Франции, Каржавин в конце 60-х годов помогал своему другу архитектору В.И. Баженову в проектировании Большого Кремлевского дворца в Москве. В Америку он попадает в 1777 году, в разгар войны за независимость. Многие события, о которых читающая публика Европы и России узнавала из газет, Каржавин наблюдал своими глазами. Видел армию Вашингтона и английские войска, пересекал фронты и прорывался через блокаду, часто рискуя жизнью. И всегда, в период ожесточенной борьбы и после того, как американцы одержали победу, внимательно изучал жизнь Соединенных Штатов. По его собственным словам, осматривал их «российскими, то есть острыми и примечающими глазами»⁴⁰.

Каржавин провел в США в общей сложности пять с половиной лет. Наиболее любопытным моментом его пребывания там является его сообщение в письме к родителям о намерении американского конгресса направить его с миссией в Россию в качестве своего представителя⁴¹, что, впрочем, не подтверждается другими источниками. В Новом Свете помимо США Каржавин побывал еще и на островах Вест-Индии, занимаясь торговлей и медициной, был переводчиком и табачных дел мастером. В целом его американское странствие продолжалось 11 лет. На долю Каржавина выпало множество испытаний (как он писал в «Сказке, показывающей вкратце, в какое время и в каких местах я находился»), но, будучи «исполнен русским неунывающим духом»⁴², он с честью преодолевал их.

Вольнодумец Каржавин решительно осуждал рабство негров. Ему были присущи демократизм и терпимость, сочувствие к индейцам и «черноцветным народам». «Множество народов я видел, которые не так живут, как мы, не так, как и прочие европейцы; видел я людей разумных, видел и глупых, везде я нашел человека, но дикого нигде, и признаюсь, что дичее себя не находил»⁴³, — рассуждал Каржавин.

В конце XVIII века в Америке побывали и другие русские люди. В 1792 году на постоянное жительство в Соединенные Штаты переехал сын российского посланника в Гааге Д.А. Голицына Дмитрий. Это был человек необычной судьбы. Д.Д. Голицын отказался от княжеского титула, перешел в католичество и принял имя Августин Смит. «Отец Августин» основал католическую колонию в Лоретто, в 200 милях от Филадельфии. Позднее, уже в начале XIX века, российский генеральный консул писал о нем как о «единственном представителе русской аристократии,

поселившемся в Америке»⁴⁴. В 1795–1796 годах по Соединенным Штатам путешествовал знаменитый в будущем мореплаватель Ю.Ф. Лисянский. Он побывал во многих городах, встречался, по-видимому, с президентом Дж. Вашингтоном. Свои впечатления лейтенант российского флота изложил в дневниковых записях, которые были впервые опубликованы только в 1980 году в сборнике документов «Россия и США: становление отношений»⁴⁵.

В свою очередь, и американские граждане посещали Россию. Торговец, банкир и дипломатический агент С. Сейр содействовал становлению торговых связей между двумя странами, находясь в 1780–1781 годах в Петербурге и Архангельске. В 1787–1788 годах большое путешествие по стране совершил Дж. Ледиард. «Выйдя из Гамбурга, он прошел пешком всю Данию и часть Швеции и намеревался так же идти до Охотска... Он привык довольствоваться малым и переносить любые тяготы, почти как туземцы у него на родине»⁴⁶, — писал о нем известный естествоиспытатель академик П.С. Паллас. Сам же Ледиард лишь сетовал на то, что «на избранном пути приходится, подобно лошади, считаться с такими жалкими помехами, как сон и голод». Он пришел к выводу, что «в России вообще, а в особенности в Сибири, гостеприимство считается неизменным. Возмочно, это естественная черта русских»⁴⁷.

Одним из наиболее популярных героев американской истории стал морской офицер Дж.П. Джонс. В его биографии имеется и яркая «русская» страница. После окончания войны за независимость, в которой он прославился как основатель военного флота молодой республики, Джонс приехал в Россию, где был принят на службу. Императрица назначила его контр-адмиралом и направила на Черное море. Командуя парусной эскадрой, Павел Жонес (такое имя он получил на русской службе) участвовал в сражении в Днепровском лимане 16(27) — 18(29) июня 1788 года и внес весомый вклад в победу над турецким флотом. Полный разгром турок был достигнут в значительной степени благодаря губительному огню батарей со стрелки Кинбурнской косы. Батареи установил А.В. Суворов, у которого завязались почти дружеские отношения с «Паулем Жонсом» (еще один вариант имени американского моряка). За действия в Днепровском лимане Дж.П. Джонс получил орден Св. Анны. Менее удачными оказались его усилия на дипломатической ниве. Представленный им по личной инициативе проект тесного военного и политического союза, а также торгового соглашения между США и Россией встретил прохладное отношение со стороны русского правительства⁴⁸.

Посещение русскими Америки и американскими гражданами России способствовали взаимному знакомству таких непохожих и далеких друг от друга стран. Отношения между государствами не сводятся только к деяниям государственных мужей — монархов, министров, дипломатов.

Международные отношения — это, в конце концов, отношения между народами. Свою лепту в их развитие вносят представители самых разных сословий и классов — предприниматели и торговцы, военные и священнослужители, люди науки, литературы и искусства. К XVIII веку восходят и первые научные и культурные связи России и Америки. У истоков их стояли М.В. Ломоносов и Б. Франклин. Двум выдающимся ученым не удалось установить личных контактов. Однако они были осведомлены о научных трудах друг друга. Ломоносов высоко ценил работы Франклина в области электричества, неоднократно ссылаясь на них. Франклин писал о «советнике Ломоносове» в связи с опытами, которые тот проводил совместно с физиком Г.В. Рихманом. Это было, по-видимому, первым упоминанием имени великого русского ученого в американской печати (1754 г.)⁴⁹.

Особенности века Просвещения накладывали свой отпечаток и на русско-американские научные и культурные связи. Ко второй половине 80-х годов относится пример научного сотрудничества между двумя странами на высшем, а с русской стороны — высочайшем уровне. В эти годы Екатерина II проявила интерес к составлению универсального словаря языков мира. Для получения сведений о языках американских индейцев она обратилась к маркизу Лафайету, а тот передал эту просьбу Дж. Вашингтону и Б. Франклину. В самом начале 1788 года Вашингтон направил Лафайету «словарь языков племен шони и делавар», а также «более краткий образец языка южных индейцев». Одновременно в соответствии с привычкой «предаваться размышлениям о человеческой природе в процессе ее постепенного улучшения и совершенствования» будущий президент США выражал надежду, что «нынешний замысел великой северной государыни в какой-то мере заложит основы ассимиляции языков, а таковая повлечет за собою ассимиляцию нравов и интересов и когда-нибудь сможет устранить многие причины вражды среди рода человеческого»⁵⁰. Материалы, присланные из Америки, послужили не только удовлетворению ученых забав просвещенной императрицы. Они были частично использованы при издании четырехтомного «Сравнительного словаря всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенного», который увидел свет в Петербурге в 1790–1791 годах и сыграл немалую роль в развитии языкознания⁵¹.

Взаимное признание заслуг ученых обеих стран выразилось в избрании их иностранными членами научных сообществ России и США. Первым из американцев почетным членом Петербургской академии наук стал, разумеется, Бенджамин Франклин. Это произошло в 1789 году. В том же году, но еще до избрания Франклина, директор Петербургской академии наук и президент Российской академии княгиня Е.Р. Воронцова-Дашкова была единогласно избрана членом Американского философского общества, став первой женщиной, удостоенной подобной чести. В 1791 году в состав этого ученого общества был избран и академик П.С. Паллас. По предло-

жению Е.Р. Воронцовой-Дашковой в 1795 году в Петербургскую академию наук избрали американского физика Дж. Черчмэна. В 1780 году в Бостоне была основана Американская академия искусств и наук, и одним из ее наиболее достойных иностранных членов стал выдающийся российский математик Л. Эйлер.

Имели место и личные контакты деятелей науки и культуры. В августе 1778 года писатель Д.И. Фонвизин встретился в Париже с Б. Франклином. «Представитель юного просвещения России был собеседником с представителем юной Америки»⁵², — писал много позднее об этой встрече поэт П.А. Вяземский. Видный отечественный исследователь Н.Н. Болховитинов высказывает предположение, что благородные черты характера Франклина нашли отражение в образе Стародума в известной комедии «Недоросль»⁵³. Франклин был особенно популярен как в Новом, так и в Старом Свете, и уже с 70-х годов XVIII века в России начали публиковаться переводы его литературных произведений⁵⁴.

Американская тематика постоянно присутствовала на страницах русской печати, а имена Франклина и Вашингтона как бы олицетворяли это присутствие. В 1791 году в «Московском журнале» появилось стихотворение «К текущему столетию», в котором подводились итоги заканчивавшегося XVIII века⁵⁵. Среди нескольких лиц, прославивших этот век, назывались и лидеры молодой заокеанской республики Б. Франклин и Дж. Вашингтон.

2. Начало Русской Америки

Известные отечественные ученые А.В. Ефимов и Н.Н. Болховитинов подчеркивают, что Америка была включена в сферу российской внешней политики уже в первой половине XVIII века благодаря блестящим географическим открытиям, сделанным русскими первопроходцами на севере Тихого океана⁵⁶. В инструкциях геодезистам И.М. Евреинову и Ф.Ф. Лужину в 1719 году, а также капитану В.И. Берингу в 1725 году Петр I ставил задачу «искать», где «сошлася Америка с Азиею»*. Конечная цель экспедиции Беринга состояла в достижении американского побережья. Царь отметил, что Берингу «зело нужно» дать «штюрмана и подштюрмана, которые бывали в Нордной (т. е. Северной. — Авт.) Америке»⁵⁷.

Открытие Америки со стороны Азии состоялось в результате плаваний И. Фёдорова и М. Гвоздева в 1732 году, а также В.И. Беринга и А.И. Чirikова в 1741 году. Последние достигли берегов Нового Света южнее

* Еще в 1648 году С. Дежнёв и Ф. Алексеев (Попов) обогнули Чукотский полуостров и проплыли проливом, отделяющим Азию от Америки. Однако это открытие долгое время оставалось практически неизвестным. Сам Петр I, вероятно, был осведомлен о существовании пролива между двумя материками, но требовалось внести окончательную ясность в этот вопрос.

полуострова, который местные жители-алеуты называли Аляской, что значит «Большая земля». Уже в начале 60-х годов лучшие умы предвидели, что данное событие будет иметь для России очень важное продолжение. В героической поэме «Петр Великий», изданной в 1760 году, М.В. Ломоносов предсказывал устами своего героя:

Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава⁵⁸.

Ему словно бы вторил в 1763 году поэт А.П. Сумароков в своем «Ди-фирамбе государыне императрице Екатерине Второй»:

За протоком Окияна,
Росска зрю Американа,
С Азиатских берегов.
Тщетно глубины утроба,
Мещет бурю, скорь и глад:
Я у Берингова гроба,
Вижу флот, торги и град⁵⁹.

И действительно, за первыми экспедициями последовали другие, как правительственные, так и частные. Следует назвать плавания П.К. Креницына и М.Д. Левашова, И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева, Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова, а также М.В. Неводчикова, С.Г. Глотова, Андреяна Толстых и др. Одних только частных экспедиций в середине и второй половине XVIII века состоялось около восьмидесяти. Они являлись промысловыми по своему характеру, но и внесли большой вклад в исследование Алеутских островов и северо-западного побережья Америки⁶⁰.

Среди «промышленных людей» особо выделился купец из города Рыльска Г.И. Шелихов, которого поэт Г.Р. Державин, используя ставшее крылатым выражение Ломоносова, назвал «Колумбом Росским». В 1784–1786 годах Шелихов основал постоянные поселения на островах Кадьяк и Афогнак. Сложно и неоднозначно проходил процесс освоения этого сурового края. «Росс Шелихов, без войск, без громоносных сил, притек в Америку чрез бурные пучины»⁶¹, — славил отважного купца поэт И. Дмитриев. Сам Г.И. Шелихов с гордостью писал, что «привлек... к себе сердца» местных жителей Кадьяка, которые «назвали меня своим отцом»⁶². В действительности дело обстояло несколько иначе. Сохранились свидетельства весьма жестокого обращения Шелихова с туземным населением. Сведения об этом дошли до Петербурга. «Буде таким же образом открытия свои продолжать станет, то привезут его скованным»⁶³, — пригрозила Екатерина II.

Темные и светлые стороны соседствовали в жизни поселенцев, и в этом смысле русская колонизация не отличалась от английской, испанской или французской. И там и тут насилие и эксплуатация сочетались с ци-

визиторской деятельностью. Особая роль принадлежала православной церкви, миссионерско-просветительская активность которой немало способствовала смягчению колонизационной практики. В 1794 году на Кадьяк прибыла духовная миссия из 8 человек во главе с архимандритом Иоасафом. В первый же год ими было совершено 6740 крещений и 1573 браковенчания⁶⁴. Один из членов миссии монах Герман впоследствии переселился на соседний островок Еловый, основал там монашеский скит и приют для алеутских сирот. Снискав привязанность и любовь островитян, он прожил среди алеутов до самой своей смерти, последовавшей в 1836 году. В 1970 году Герман был канонизирован, став первым православным святым на американской земле. В дальнейшем православные миссионеры совмещали дело пастырского служения с общим просвещением местных жителей и даже научной деятельностью. Они принимали участие в школьном обучении детей туземцев, создавали письменность для алеутов, переводили религиозную литературу, писали труды по этнографии.

Итак, усилиями бесстрашных первопроходцев — моряков, энергичных предпринимателей и администраторов, православных миссионеров — была основана Русская Америка — далекие колонии в Новом Свете. Этот факт приобрел международное признание. «Полученные мною сведения относительно открытий русских в Америке таковы, что... им принадлежит не только вся гряда островов, расположенных между Камчаткой и Америкой, но также побережье Американского континента на большом протяжении»⁶⁵, — доносил своему правительству испанский поверенный в делах в Петербурге в мае 1787 года. Вместе с тем образование российских владений на северо-западе Америки создало еще один узел противоречий между державами.

Россия претендовала на острова и берега Америки к северу от 55°21 с. ш., то есть от точки, достигнутой во время плавания Беринга и Чирикова в 1741 году. На островах и побережье возникли поселения, которые представляли собой небольшие крепости, редуты, а порой и просто одиночные зимовья. Немногочисленные российские поселенцы поначалу были озабочены не столько конкуренцией со стороны представителей «цивилизованных наций», сколько устройством отношений с окружающими их алеутами, эскимосами, а также воинственными индейцами-тлинкитами. Положение осложнилось после того, как в 1778–1779 годах здешние места посетили корабли кругосветной экспедиции Дж. Кука. Англичан привлекали природные богатства северной части Тихого океана, а перед российскими властями встала задача защиты своих далеких окраин.

В конце 1786 года «по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море» Екатерина II издала указ, предписывающий Коллегии иностранных дел принятие мер «к сохранению права нашего

на земли, мореплавателями российскими открытые»⁶⁶. Тогда же было приказано отправить в районы тихоокеанского Севера несколько вооруженных судов, которые должны были совершить первое в российской истории кругосветное плавание. Начальнику экспедиции капитану 1-го ранга Г.И. Муловскому вменялось в обязанность «формально взять во владение» все территории, открытые Берингом и Чириковым. Обнаруженные же при этом «гербы и знаки иных держав, ни по какому праву в сих странах обладать не могущих» предписывалось «скрыть, разровнять и уничтожить»⁶⁷.

Экспедиции предстояло, кроме того, заняться поисками новых земель. Согласно «Наставлению», данному Адмиралтейств-коллегией Муловскому, последнему надлежало «на всех землях и островах, которые... будут открыты впервые... и которые еще никакой европейской державе не покорены, в знак владычества России... торжественно поднять российский флаг». «Наставление» запрещало применять насилие в отношении коренных жителей. «Знатнейших из них и начальнейших» следовало убеждением «склонять к подданству сильного и кроткого самодержавия и уверять впредь навсегда о будущих милостях и покровительстве всемилоостивейшей государыни»⁶⁸.

Кругосветная экспедиция тогда, однако, так и не состоялась. Осенью 1787 года последовал указ об ее отмене в связи с начавшейся войной России с Турцией и назревавшей войной со Швецией. Корабли Г.И. Муловского понадобились для операций в Средиземном море. Между тем на Тихом океане беспокойство русским колонистам доставляли не только действия англичан. Одним из факторов, характеризовавших общую обстановку в регионе, являлось и русско-испанское соперничество, то затихавшее, то обострявшееся.

Это соперничество следует рассматривать в общем контексте отношений России и Испании. Оно никогда не доходило до открытого столкновения двух стран. Но в периоды кризисных ситуаций в Европе усиливалась напряженность и на далеком Тихом океане. В 1799 году Россия как участник Второй антифранцузской коалиции объявила войну Испании, находившейся в орбите политики Франции. Состояние войны продолжалось два года, но носило символический характер. Никаких боевых действий не велось. Однако обе стороны всерьез опасались за свои североамериканские владения. Уже в 70–80-е годы XVIII века испанские морские экспедиции поднимались на север до 61 параллели, то есть гораздо выше 55° с. ш., считавшегося Петербургом южной границей российских колоний. В Мадриде же периодически возникали слухи о возможном проникновении русских в пределы испанских владений, особенно Калифорнии⁶⁹.

Необходимо отметить, что позиция Петербурга относительно политики на севере Тихого океана была непростой. При дворе Екатерины II порой

отсутствовало единство мнений по этому вопросу. В 1788 году главный инициатор исследования Северо-Западной Америки и расширения там русского присутствия купец Г.И. Шелихов и его компаньон И.И. Голиков ходатайствовали об оказании возглавляемой ими Северо-Восточной компании денежной и военной помощи. В такой помощи им было отказано. Сторонником Шелихова выступил влиятельный президент Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов. Однако перевесила другая точка зрения, согласно которой все силы и средства должны были быть направлены на разрешение южных проблем. Действия на юге были персонально связаны с личностью президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала Г.А. Потёмкина. Императрица поддержала своего фаворита. «Пособие монаршее, — писала она, — теперь обращено на полуденные (южные. — Авт.) действия, для которых дикие американские северные народы... оставляются собственному их жребию»⁷⁰. От присоединения новых территорий следовало воздержаться. «Многое распространение в Тихое море не принесет твердых польз. Торговать дело иное, завладеть дело другое»⁷¹, — замечала императрица в связи с просьбой Шелихова и Голикова. Примечательно, что Екатерина II ссылалась при этом на опыт американской войны за независимость, предостерегая против возможного в перспективе конфликта между Россией и ее колониями в Новом Свете: «Американских селений примеры не суть лестны, а паче невыгодны для матери земли»⁷².

Справедливости ради нужно признать, что приведенные выше соображения Екатерины II относятся ко времени войн с Турцией и Швецией, что во многом и объясняет их. В долговременном же плане политика Российской империи на севере Тихого океана в большей степени определялась другой тенденцией — стремлением отстоять и упрочить свое присутствие в регионе. При Павле I возобладала именно эта тенденция, что убедительно проявилось при создании Российско-Американской компании (РАК). Она была учреждена указом Павла I от 8 июля 1799 г. Компания образовалась путем слияния частных торгово-промышленных компаний. Параграф II дарованных РАК «привилегий», которыми определялось содержание ее деятельности, гласил: «Делать ей новые открытия не токмо выше 55° северной широты, но и за оный далее к югу и занимать открываемые ею земли в российское владение... если оные никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость»⁷³.

Правительство рассматривало созданную акционерную монопольную компанию в качестве удобного прикрытия своей политики на севере Тихого океана. РАК не всегда будет послушным орудием в руках официальных властей, и между ними порой станут возникать серьезные разногласия. Однако это случится позднее. Пока же их интересы совпадали и заключались в желании прочно обосноваться на северо-западе Америки, устранив иностранных конкурентов.

Подчеркивая международное значение создания РАК, современный исследователь М.С. Альперович отмечает, что этим актом «был брошен прямой вызов соперникам России на северо-западе Америки: Испании, Англии и отчасти США»⁷⁴. Соединенные Штаты названы здесь наряду со старыми колониальными державами фактором, влияющим на жизнь региона. Роль североамериканской республики действительно становилась заметнее год от года. Экспедиция капитана Р. Грея, открывшего в 1792 году устье реки Колумбии, положила начало регулярным визитам граждан США к северо-западным берегам континента. Предприимчивые «бостонцы», как называли североамериканцев в русских колониях, стали развивать большую активность в пределах российских владений, что стало с начала XIX века предметом постоянных сетований Российско-Американской компании. Служащие РАК жаловались на то, что «бостонские корабельщики» привозят одежду, обувь, железные и стальные изделия, различные безделушки, а также оружие и порох и выменивают все это у местных жителей на пушнину.

Если проследживать истоки интереса американцев к русским владениям на севере Тихого океана, придется вернуться к упомянутому выше путешественнику Дж. Ледиарду. Будучи участником третьего кругосветного плавания Дж. Кука, он еще в 1778 году побывал на одном из Алеутских островов (острове Уналашка), где произошло его первое знакомство с русскими людьми. Выше шла речь о путешествии Ледиарда по России в 80-е годы. Расскажем, чем завершилось его предприятие, которое преследовало как научные, так, видимо, и политические цели. То была предварительная разведка положения на огромных территориях, которые Ледиард намеревался посетить. Он не имел какого-либо задания от официальных властей, действовал по собственной инициативе, но пользовался поддержкой влиятельных лиц. Маршрут путешествия был подсказан ему, например, знаменитым соотечественником, автором Декларации независимости Т. Джефферсоном⁷⁵.

Итак, в начале 1786 года Дж. Ледиард обратился к Екатерине II за разрешением «проехать из Петербурга через Сибирь до Камчатки» и посетить северо-запад Америки. Затем он был намерен пересечь континент и закончить путешествие в Соединенных Штатах, после чего доставить в Петербург подробное описание своих странствий⁷⁶. Императрице этот проект показался подозрительным. Ей особенно не понравилось желание путешественника наведаться в тихоокеанские владения России. Она ответила отказом.

Но настойчивый американец все-таки двинулся в путь и через европейскую Россию и Сибирь добрался до Якутска. Но дальше его не пустили. Роковой для него оказалась излишняя любознательность, которую он проявил в беседах с Г.И. Шелиховым и иркутским генерал-губернатором И.В. Якоби. «Употребляя замысловатые свои спрашивания», Ледиард

пытался узнать о русских промыслах и торгах на островах и «матерой американской земле», о том, «сколько на оных числом российских людей находится» и «под которыми градусами северной широты... поставлены знахи государственные»⁷⁷. Собеседники путешественника заподозрили неладное. Они увидели в Ледиарде предвестника иностранной конкуренции и постарались сделать все, чтобы тот не попал в российские колонии на северо-западе Америки. Донесение Шелихова послужило основой для рапорта Якоби в Петербург, после чего 21 декабря 1787 года последовало повеление императрицы выслать Ледиарда «за надлежащим присмотром, не чиня никакого ему озлобления» в Москву, а затем через Смоленск и Полоцк выпроводить за границу, с тем «чтоб он впредь не осмеливался являться нигде в пределах империи нашей»⁷⁸.

Печальный финал путешествия Ледиарда служит иллюстрацией не столько к истории взаимоотношений между Россией и США, сколько к истории Русской Америки⁷⁹. Стремление русских властей не допускать нежелательных визитов иностранцев в свои американские владения одинаково распространялось на представителей всех стран. Кстати, Якоби и Шелихов полагали, что Ледиард послан англичанами с разведывательными целями, причем Шелихов даже называл его «вояжиром аглицкой нации»⁸⁰. До конца XVIII века именно англичане оставались основными соперниками в регионе.

Правитель колоний А.А. Баранов доносил в июне 1798 года: «Пришельцы аглицкой нации весьма силятца утвердить в соседстве наших занятий свои мочи и права разными образами и знаками... а притом порох, свинец и ружья ко вреду нашему променивают не закрыто и щедро»⁸¹. Весной 1799 года решено было сделать официальное представление в Лондоне по поводу «замашек аглицких промышленников» на российские владения в Северной Америке.

* * *

Однако не ситуация на севере Тихого океана определяла характер отношений между державами, и трения, происходившие где-то на краю света, не могли оказать серьезного воздействия на их политику. Решающие события совершались все-таки в Европе, где Россия и Англия выступали союзницами в борьбе против Франции. Факторы Англии и Франции играли, разумеется, очень важную роль во внешней политике России и накладывали порой серьезный отпечаток на ее отношения с другими государствами, в частности с США. В самом конце XVIII века наметилось русско-американское сближение, носившее в значительной степени производный характер от отношений каждой из двух стран с Англией и Францией⁸².

В 90-е годы XVIII века, при первых президентах Дж. Вашингтоне и Дж. Адамсе, в общем внешнеполитическом курсе молодой американской

республики наблюдались серьезные изменения по сравнению с периодом войны за независимость, когда Англия была врагом, а Франция — союзницей. Дж. Вашингтон и Дж. Адамс представляли федералистскую партию, в политике которой присутствовала тенденция к ориентации на Англию. В 1794 году был заключен «договор о дружбе, торговле и навигации» между двумя странами, известный как «договор Джея» (по имени подписавшего его американского уполномоченного). Он способствовал урегулированию ряда спорных моментов в англо-американских отношениях. Но определенная стабилизация в отношениях с Великобританией привела фактически к разрыву с Французской республикой. В 1798 году дело дошло до необъявленной франко-американской войны на море. Таким образом, Соединенные Штаты помимо своей воли оказались в лагере антифранцузских сил вместе с Англией и Россией.

В такой обстановке и возник еще один проект установления дипломатических отношений между Россией и США и заключения торгового договора. По этому предмету велись беседы российского и американского посланников в Лондоне С.Р. Воронцова и Р. Кинга. 23 апреля (4 мая) 1799 года Павел I писал в рескрипте Воронцову: «Мы тем охотнее поддадимся на установление взаимных миссий, что правительство тамошнее (американское. — *Авт.*) поведением своим в настоящих обстоятельствах приобрело со стороны нашей всякое уважение и что пребывает оно в столь хорошем с Англиею, искреннею союзницею нашею, сношении, а потому, коль скоро назначен будет министр (т. е. посланник. — *Авт.*) упомянутыми Штатами, то и мы к тому приступим»⁸³.

Переговоры Воронцова с Кингом не увенчались успехом. Причиной тому стало наступившее вскоре примирение США с Францией. Сказалось также влияние тех сил в Соединенных Штатах, которые полагали, что в целях экономии средств их слабой еще стране не следует увеличивать число своих представителей за границей.

Официальные дипломатические отношения между Россией и США были установлены позднее, в 1809 году, а в 1832 году состоялось подписание торгового договора. На протяжении последующих десятилетий русско-американские отношения оставались в целом благожелательными и даже дружественными, несмотря на значительные различия в государственном и общественно-политическом устройстве двух стран: одна была самодержавной монархией, другая — президентской республикой. Характер этих отношений определялся в значительной степени тем, что у России и США часто оказывался общий противник на международной арене — Великобритания. А впрочем, не станем забегать вперед. Названные сюжеты принадлежат уже истории XIX века.

Глава VII. Руководство внешней политикой России

1. Учреждение Коллегии иностранных дел и ее функционирование в эпоху петровских преобразований

Превращение России в сильнейшую державу в результате побед в Северной войне сопровождалось укреплением ее дипломатического аппарата, а также установлением постоянных дипломатических отношений с большей частью европейских государств. Петр I, проводя коренную реформу высших и центральных государственных учреждений страны, реорганизовал в первой четверти XVIII века и дипломатическую службу. Преобразование прежнего внешнеполитического ведомства России — Посольского приказа — началось вскоре после вступления России в Северную войну.

Еще отправляясь в первый Азовский поход (1695 г.), царь создал при себе особую дипломатическую канцелярию, получившую позже название Посольской походной канцелярии. Само наличие походной канцелярии не было новшеством: все русские цари и до Петра, направляясь в поход, брали с собой ближних советников из бояр¹. Петр же изменил порядок управления государством: внутренними делами страны во время его отъезда в армию ведали в Москве назначавшиеся им 3–4 боярина, а внешнеполитическими делами занимался он сам. Отсюда — превращение походной канцелярии в дипломатическую. Обслуживание этой походной канцелярии было поручено служителям Посольского приказа: в 1695 году в «Азовские службы» были направлены переводчик Степан Чижинский и подъячие средней статьи Михайла Ларионов, Лев Волков и Иван Меньшой². В 1696–1699 годах в «Азовские службы» продолжали направлять служителей Посольского и Малороссийского приказов. Во главе этого весьма своеобразного дипломатического ведомства в миниатюре царь ставит своего первого учителя и участника всех потешных игр, думного дьяка Никиту Моисеевича Зотова.

Таким образом, Посольская походная канцелярия существовала параллельно с Посольским приказом, но приобретала все большее влияние³. В 1709 году она стала называться просто Посольской канцелярией и с 1710 года обосновалась в Санкт-Петербурге, в то время как Посольский приказ оставался в Москве. В 1709 году царь назначил главой канцелярии канцлера, графа Г.И. Головкина, а его заместителем — подканцлера, барона П.П. Шафирова⁴. Канцлер и подканцлер направляли Посольскому

приказу свои предписания. В непосредственном ведении Посольского приказа остаются лишь административно-хозяйственные дела.

В декабре 1712 года Петр I сделал предварительные распоряжения об учреждении коллегий, в том числе Коллегии иностранных дел, которую он первоначально предполагал назвать «Политической». Окончательное решение ввести коллегии, по-видимому, созрело в 1715 году.

5 апреля 1716 года Посольская канцелярия была переименована в Посольскую коллегия; в ней устанавливался коллегиальный порядок решения дел. Этот указ был составлен лично Петром I. В нем говорилось: «Когда какое дело, совет или указ писать к своим министрам или к чужим дворам и министрам надлежит, написав начерно, прочесть и, поставя на мере, подписать всем министрам той Коллегии, которое оставлять и вносить в протокол. А которое пошлется буде к своим, такоже всем подписывать. Буде же к чужим, подписывать одному канцлеру»⁵.

11 декабря 1717 года был издан указ «О штате коллегий и о времени открытия оных». В коллегиях назначались президенты, вице-президенты, советники и ассессоры. 15 декабря 1717 года президентом в «Иностранных дел Коллегиум» был назначен Г.И. Головкин, вице-президентом — П.П. Шафиров⁶.

Окончательная организация коллегий затянулась. В 1718–1719 годах Петр издал еще ряд указов, регламентирующих их работу. Так, 12 декабря 1718 года был подписан указ «Об управлении во всех коллегиях и в губерниях дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями». В указе приводился реестр девяти созданных коллегий, причем первой называлась «Коллегия чужестранных дел, что ныне Посольский приказ». В ее ведение входили «всякие иностранные и посольские дела, и пересылка со всеми окрестными государствами, и приезды послов и посланников, и приезды курьеров и других иноземцев»⁷.

В 1719–1721 годах создается всего 12 коллегий. Важнейшими считались первые три: Иностранных (Чужестранных) дел, Военная (Воинская) и Адмиралтейская.

Окончательное же устройство Коллегии иностранных дел (КИД) последовало в 1720 году. 13 февраля Петр I прислал канцлеру, графу Г.И. Головкину подписанное им и скрепленное резолюцией — «Быть по сему» — «Определение Коллегии иностранных дел»⁸, ставшее основным законом этого учреждения. Первоначальный, краткий вариант «Определения» был составлен самим Петром⁹.

«Определение Коллегии иностранных дел» было, по существу, ее регламентом. В нем подтверждались назначенные 15 декабря 1717 года руководители, утверждался поименно личный состав и структура Коллегии, определялись функции должностных лиц. «Определение», «Генеральный регламент всех коллегий», принятый 28 февраля 1720 года, Инструкция

от 11 апреля 1720 года об обязанностях секретарей экспедиций КИД¹⁰ и другие указы дают нам довольно точное представление о Коллегии иностранных дел и ее деятельности в петровский период.

Как следует уже из самого названия, это было учреждение коллегиальное, то есть руководила им группа лиц. Поэтому по своей структуре КИД делилась на руководящий орган — Присутствие и исполнительный — Канцелярию. Присутствие представляло собой собрание членов Коллегии, состоящее из 8 человек¹¹. Возглавлял Коллегию президент, его заместителем был вице-президент. Канцелярия делилась на два отделения. Первое занималось вопросами внешней политики и считалось секретным, поэтому сразу же стало именоваться «Секретной экспедицией КИД». Второе занималось хозяйственными и финансовыми делами Коллегии, а также ее личным составом и стало называться «Публичной экспедицией КИД»¹². Первое — секретное отделение, в свою очередь, подразделялось на четыре более мелких экспедиции по языковому принципу: «экспедицию чужестранных дел на русском языке, экспедицию на иностранных языках, экспедицию на польском языке и экспедицию турецкого и других восточных языков»¹³. В Москве же находился филиал Коллегии иностранных дел в виде остатков Посольского приказа, носивших старое название¹⁴, пока он не был заменен в 1722 году на Московскую контору КИД¹⁵. При ней находился Архив Коллегии иностранных дел. Тот факт, что архив находился в Москве, когда сама Коллегия располагалась в Петербурге, создавал большие неудобства в работе, естественным следствием чего стало образование в Коллегии в Петербурге текущего архива, куда очень скоро руководство КИД начинает по приказу царя перевозить наиважнейшие документы, карты и книги, необходимые для оперативной работы¹⁶.

Как уже говорилось, возглавлял Коллегию иностранных дел президент — канцлер, граф Гаврила Иванович Головкин, его заместителем был вице-президент — подканцлер, барон Петр Павлович Шафиров. Другими членами Коллегии были: тайный канцелярии советник Андрей Иванович Остерман и канцелярии советник Василий Васильевич Степанов; и, наконец, начальник Публичной экспедиции полковник и лейб-гвардии капитан Иван Горохов¹⁷ и три его ассессора: находившийся в Петербурге Петр Васильевич Курбатов и два сотрудника Посольского приказа — Михаил Ларионов, возглавивший Московский филиал КИД, и Михаил Петрович Шафиров¹⁸.

«Генеральный регламент всех коллегий» давал в руки президент-канцлера, назначавшегося царем, большую власть. Он управлял всеми делами КИД, наблюдал за правильностью делопроизводства, следил за немедленным исполнением высочайших указов. Президент отвечал и за то, чтобы все члены Коллегии работали со старанием и прилежанием¹⁹. Если он находил членов Коллегии (назначавшихся, кстати сказать, не им, а Сенатом) «мало разумными или слабыми», то мог сделать представление

Сенату с целью замены, а «нерадивых, нанесших вред делу» — понизить в должности или снять совсем²⁰. Сотрудники Коллегии должны были оказывать президенту «респект и чинить послушание»²¹.

Вышеперечисленными документами устанавливался состав служителей канцелярии КИД и их функции.

Первое заседание Коллегии «в палате, где заседают для дел чужестранных», проходило 16 февраля 1720 года. Канцлер, вице-канцлер, «канцелярии-советники» и капитан Горохов «пошли сначала в новые апартаменты» и рассуждали о распределении экспедиций между членами Коллегии. «После того в той палате сели: канцлер — в главном месте президентском, вице-канцлер — по правую руку, против него — тайный советник Степанов и приступили к обсуждению текущих дел. Было решено съезжаться в Коллегию, по крайней мере, четыре раза в неделю»²².

12 марта 1720 года была подготовлена специальная «Инструкция о разборке и описании архивов Коллегии иностранных дел»²³ и передана Алексею Почайнову — одному из первых русских архивариусов. Сначала ему предписывалось разобрать архивы в Петербурге, а потом ехать в Москву.

Петр I назначил также при КИД «гистории описателем» аббата Иоганна Крусали, который должен был «трудиться над составлением истории», но в случае надобности не отказывать в своей помощи секретарям. Царь возлагал большие надежды на сам механизм работы учреждения, полагая, что именно он заставит чиновников следовать законам долга, чести, совести, обеспечит коллегиальность²⁴. Петр уделял особое внимание подбору кадров для Коллегии иностранных дел. «Определение» заканчивалось предписанием, сформулированным лично Петром: «К делам иностранным служителей Коллегии иметь верных и добрых, чтоб не было дыряво, и в том крепко смотреть, а ежели кто непотребного в оное место допустит или ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, те будут наказаны яко изменники»²⁵.

7 июня 1722 года КИД направила в Сенат ведомость «О членах... Коллегии и о служителях канцелярии, о министрах, при чужестранных дворах пребывающих, и о послых, и о министрах от чужестранных дворов приезжающих, и о всех прочих окладных и неокладных расходах, какие всегда бывают и впредь имеют быть...»²⁶. В центральном аппарате КИД (в Петербурге и Москве), согласно штату, числились 142 человека, помимо солдат, вахмистров, сторожей²⁷. По штату КИД 78 человек должны были находиться за рубежом. Среди них послы, министры, агенты, консулы, секретари, копиисты, переводчики, ученики, а также священники.

При Петре I учреждаются постоянные дипломатические российские представительства. В то время они были в Австрии, Англии, Голландии, Испании, Дании, Гамбурге, Польше, Пруссии, Мекленбурге, Турции, Франции, Швеции²⁸. В 1723 году появились русские консульства в Бордо и Кадисе²⁹.

Кроме того, по штату заграничных учреждений КИД в Амстердаме находился агент Фанценбург, в Гданьске (Данциге) — аудитор Эрдман³⁰, в Брауншвейге — Шлейниц (его чин не указывался). В герцогствах Курляндском и Семигальском «ради охранения благочестивых» пребывал русский комиссар. В Китае и Бухаре — Лоренцо Ланг и Флорио Беневени (временные миссии). При «калмыцких ханах» был назначен подполковник Львов³¹.

Штат КИД 1722 года считался «временным» до его утверждения Сенатом, которое состоялось лишь после смерти Петра I.

В 1722 году было определено отношение коллегий к Сенату. Ранее в нем должны были присутствовать все президенты коллегий. Указом от 12 января 1722 года, чтобы придать Сенату значение органа высшего контроля над управлением, присутствие президентов коллегий в Сенате было отменено; для четырех коллегий — Иностранных дел, Военной, Адмиралтейской и Берг-коллегии — было сделано исключение. Указ «признавал необходимым присутствие их президентов в следующих случаях: 1) когда какие от них нужны ведомости; 2) когда нужно обнародовать новый указ; 3) когда в Сенате происходит генеральный суд; 4) когда в Сенате присутствует император»³². Выделение Коллегии иностранных дел и двух воинских в этом указе было весьма знаменательным: в течение всего XVIII века эти коллегии занимали особое место, за ними постоянно признавалось первенствующее значение в государственном управлении. Выражением особого положения стало то, что только они назывались государственными.

17 марта 1722 года была составлена «Инструкция» «оставшемуся в Москве Коллегии иностранных дел члену, о порядке ведения дел»³³. Она состояла из 11 пунктов и обязывала Московскую контору «надзирать и беречь денежную казну», заниматься калмыцкими и малороссийскими делами; принимать духовных лиц, «приезжающих из Палестины и других краев», «о всех случающихся и происходящих делах по вся недели чрез почту в Коллегию уведомлять обстоятельно и о чем потребно, просить решения»³⁴.

Первый пункт упомянутой «Инструкции» был посвящен архиву КИД: «Будучи в Москве, смотреть и беречь дела старые государственные и прочие, которые за взятием в С.-Петербург останутся, чтобы были в добром охранении и от сырости где и от мокроты, и иного не повредились, и к тому делу определен из переводчиков Моисей Арсеньев. А с ним надобно быть одному подканцеляристу, да копиистам трем человекам и те все дела им перебрать и переписать по прежним о сем данным указам»³⁵.

При Петре дипломатические представители за границей именовались по-разному: чрезвычайные и полномочные послы, чрезвычайные посланники, министры, резиденты, а иногда и агенты. Положение последних не было определенным, они стояли ближе к консулам, чем к дипломатам.

Общим термином для русского диппредставителя за границей в XVIII веке, в петровское время и на протяжении всего XVIII века был «министр», какого бы ранга он ни был. Различия между миссиями и посольством в XVIII веке (до штата КИД 1800 г.) не проводилось, и эти названия употреблялись как синонимы³⁶. При Петре I впервые русские представители за границей стали членами дипломатического корпуса. При назначении на дипломатическую должность император отдавал предпочтение русским. При нем редко встречались на дипломатических постах иностранцы, к ним он относился осторожно и «не питал особого доверия»³⁷. Так, в 1717 году после своего первого визита во Францию Петр I назначил туда первого русского диппредставителя Г.-Х. Шлейница, но вскоре заменил его, отправив послом в Париж русского — В.А. Долгорукова.

В первой четверти XVIII века, да и на протяжении всего столетия не существовало требования обязательного образовательного ценза при поступлении на дипломатическую службу, но с царствования Петра I дипломатическая служба стала государственной, высокой по своему положению и значению. Чины служащим Коллегии иностранных дел присваивал Сенат. Согласно указу от 10 ноября 1721 года, получавшие новый чин должны были приносить присягу, и это распространялось на всех чиновников³⁸. В петровское время сложилась целая плеяда дипломатов во главе с самим Петром I: Г.И. Головкин, А.И. Остерман, Б.И. Куракин, П.А. Толстой, П.П. Шафиров, А.А. Матвеев, В.А. Долгоруков, И.И. Неплюев, способных решать важнейшие внешнеполитические вопросы.

В начале 20-х годов продолжалась работа по совершенствованию структуры Коллегии иностранных дел. Так, в 1722 году по указу от 16 мая из ее ведения были изъяты малороссийские дела, а в Глухове была учреждена специальная Малороссийская коллегия³⁹.

В 1710 году в Петербурге на Петербургской стороне было построено здание для Посольской канцелярии, где затем и размещалась Коллегия иностранных дел. В 1723 году на Васильевском острове началось строительство дома, известного под названием «Дом двенадцати Коллегий». Коллегия иностранных дел переехала туда лишь в 1732 году.

В Москве контора и ее Московский архив размещались в палатах Посольского приказа, в обширном здании прежних приказов в Кремле.

В 1724 году Петр I поручил А.И. Остерману «дать приличнейшее образование Коллегии иностранных дел». Тайный советник Остерман, опытный дипломат, составил проект нового штата канцелярии и регламента Коллегии. В АВПРИ сохранился автограф (черновик) упомянутого проекта-записки, названной Остерманом: «К сочинению и определению канцелярии Коллегии иностранных дел предложения». Эти «Предложения» — один из лучших составленных Остерманом документов. Начинались они с характеристики самой Коллегии: «Дела в Коллегии иностранных дел,

или, просто сказать, в тайном совете, суть наиважнейшие»; все эти дела исполняются служителями коллежской канцелярии, которая есть «вечный государственный архив и всем старинным и прошедшим в государстве делам, поступкам, поведением и взятым мерам вечное известие», отсюда следует, «что необходимо установить в ней (канцелярии КИД. — *Авт.*) вечный и основательный порядок». В других государствах к иностранным делам определяются люди «из знатных и честных домов, доброго житья» и знакомые с политическими науками. Недосток таких людей в России может быть восполнен со временем, когда работа канцелярии КИД получит основательный порядок, «ибо честные люди, увидя, что тем порядком к достижению чести путь отворен, сами к тем наукам прилежать будут». Тогда не нужно будет держать в КИД переводчиков, на которых, как на иностранцев, положиться трудно — в смысле сохранения государственных секретов. У секретных дел нужно иметь как можно меньше служителей, но зато «удовольствовать их всем; от таких можно ожидать большей верности и большего трудолюбия». По сравнению с другими государствами в России требуется большее число служителей при иностранных делах, потому что Россия граничит со многими народами, «о которых инде неизвестно».

Вместе с тем необходимо уменьшить число чиновников КИД, а это будет возможно, если порядок делопроизводства сократить, «ибо дела Коллегии и без того не такого состояния, чтоб они по Генеральному регламенту пунктуально отправлены быть могли». По мнению Остермана, служители Коллегии должны быть «умными и в делах уже обученными, и вследствие малолюдства их принуждены будут работать день и ночь, то необходимо им учинить хороший порядок и честное и довольное пропитание: 1) дабы они от скудости диавольским научением в какое погрешение не впали; 2) дабы другим служили примером и побуждением к ревностной службе; 3) дабы те, которые заслуживают повышения, но которых отпустить из Коллегии нельзя, за малочисленностью личного ее состава, были взамен того награждены довольством; 4) дабы они, имея постоянно дело с иностранными министрами, не имели стыда перед ними, чисто и честно себя держали; 5) дабы тем, которые ездят в поход за государем, было на что ехать и что оставить на пропитание своих семейств; 6) дабы, наконец, будучи всем довольны, они не имели каких-либо незаконных прибылей от дел и охота бы к получению их пропала». Вместе с тем служителей предлагалось освободить от постоев, так как они занимались секретными делами, «ибо излишняя компания дома к излишним разговорам часто ведет»⁴⁰.

«Предложения» Остермана не были утверждены из-за смерти Петра I. Однако они изучались и использовались при составлении штатов на протяжении всего XVIII столетия.

Многое из намеченного Петром I не удалось осуществить. Он полагал дать Коллегии большую устойчивость, определенность. Намеревался

сделать из нее школу по воспитанию будущих государственных деятелей, дипломатов, призванных служить в самой КИД или за границей.

Несомненно, правление Петра I в истории российского дипломатического ведомства было временем коренных преобразований, поиска наиболее совершенных структур, рациональных методов управления как центральным аппаратом Коллегии, так и российскими дипломатическими представительствами за границей. В петровское время закладывались основы Государственной коллегии иностранных дел (ГКИД), существовавшей до 1832 года. Коллегия иностранных дел, пришедшая на смену Посольскому приказу, укрепление дипломатического аппарата России, установление постоянных дипломатических сношений с большей частью европейских государств были необходимы для проведения изменившейся в петровское время внешней политики России: от решения задач национальной политики она переходила к постановке и решению имперских проблем, для чего нужна была сильная дипломатическая служба.

2. Государственная Коллегия иностранных дел при преемниках Петра I

После смерти Петра I структура Государственной коллегии иностранных дел сохранялась почти без изменений до 60-х годов. Основные перемены, имевшие место в Государственной коллегии иностранных дел в конце 20–60-х годах, заключались в изменении степени ее зависимости от «Тайных советов и Кабинетов при высочайшем дворе».

Верховный тайный совет, образованный указом императрицы Екатерины I от 8 февраля 1726 года, ограничил самостоятельность и значение ГКИД⁴¹. В состав Совета вместе с президентами Военной и Адмиралтейской коллегий вошли Г.И. Головкин и А.И. Остерман, возглавлявшие в то время ГКИД. Упомянутые коллегии освобождались от подчинения Сенату. Они направляли ему, как равному, уже не «доношения», а «промемории». Но, с другой стороны, усилилась зависимость ГКИД от Верховного тайного совета, большая часть заседаний которого была посвящена вопросам внешней политики.

Указ от 16 марта 1726 года, точнее определивший устройство Совета и его задачи, ставил на первое место «чужестранные дела». Вначале ГКИД представляла Совету проекты рескриптов (указов) и депеш русским представителям за границей, «министерские реляции и доношения». Вся эта переписка изучалась и утверждалась членами Совета.

Таким образом, в указанный период Верховный тайный совет как бы подменял деятельность Коллегии, превратив ее в своего рода исполнительную канцелярию. Заседания Совета проходили в ее помещении, а его «правителем» был один из членов Коллегии. Однако в дальнейшем

вице-канцлер А.И. Остерман и член ГКИД В.В. Степанов получили право докладывать непосредственно императрице «по таким делам Коллегии, которые не требовали обсуждения» в Совете⁴². Проекты рескриптов русским представителям решено было утверждать не в Совете, а в Коллегии. В Совет стали передаваться лишь «важные дела».

Избрание на престол императрицы Анны Иоанновны повлекло за собой падение Верховного тайного совета. Указом от 10 ноября 1731 года учреждался Кабинет ее и. в-ва, возглавляли который руководители ГКИД: канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер А.И. Остерман, действительный тайный советник А.М. Черкасский. Они назывались кабинет-министрами⁴³. В то время Сенат подчинялся Кабинету ее и. в-ва. В ведение Кабинета входила как внешняя, так и внутренняя политика, однако последняя занимала в его делопроизводстве более обширное место. Канцелярия Кабинета ее и. в-ва почти вся состояла из чиновников ГКИД, а в случае необходимости в него направлялось «столько служителей, сколько потребно»⁴⁴. В журналах Кабинета редко упоминалось о совещаниях по вопросам внешней политики: «кабинет-министры, не рассуждая о делах иностранных в заседаниях Кабинета, входили вверх с докладом о них к императрице»⁴⁵. Кабинет ее и. в-ва занимался в основном личным составом, административно-хозяйственными делами ГКИД.

Указом от 12 декабря 1741 года императрица Елизавета Петровна упразднила Кабинет ее и. в-ва. Часть его дел передавалась в ведение Сената, роль которого в качестве высшего государственного органа была таким образом восстановлена. Учреждался новый Кабинет императрицы Елизаветы Петровны — личная канцелярия, сходная по характеру с Кабинетом Петра I, Кабинет императрицы Елизаветы Петровны занимался обсуждением вопросов как внутренней, так и внешней политики России.

Благодаря реформе высших государственных органов роль монарха в системе управления стала преобладающей. Правление Елизаветы Петровны отмечено дальнейшей централизацией власти. Фактически императрица решала единолично не только важные государственные вопросы, но и весьма мелкие⁴⁶. Отчасти это относилось и к внешнеполитическим вопросам. Е.В. Анисимов в книге «Россия в середине XVIII в.» приводит следующие данные о занятиях Елизаветы вопросами внешней политики. В 1743 году императрица уделяла внешней политике в среднем неделю в месяц, а дневные записки Коллегии позволяют утверждать, что Елизавета нередко входила во многие сложные вопросы политики, высказывала свое мнение, дополняла и изменяла подготовленные документы⁴⁷.

Разработка внешнеполитической программы и деятельность российской дипломатии елизаветинской эпохи связаны с именем умного, проницательного политика и опытного дипломата канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина⁴⁸.

Бестужев-Рюмин — карьерный дипломат, прослуживший 25 лет в российских загранучреждениях: посланником в Дании, представителем России в Гамбурге и Лондоне. После казни А.П. Вольтерского Бестужев получил место кабинет-министра, а осенью 1741 года стал вице-канцлером. Он разработал определенную политическую систему, которую последовательно проводил в жизнь. В основе ее лежал союз России с Англией и Австрией для противодействия возрастающему могуществу Пруссии и Франции и для наступления на Турцию⁴⁹.

Французский посол И.-Ж. Шетарди предпринимал немало усилий, чтобы свергнуть Бестужева, доказав его участие в заговоре против императрицы, однако это ему не удалось. Бестужевым были перехвачены депеши Шетарди своему правительству, содержащие данные о производимых им подкупах русских сановников и непочтительные отзывы о самой императрице.

Победа Бестужева привела к назначению его 15 июля 1744 года канцлером, а его сторонника Михаила Илларионовича Воронцова — вице-канцлером. Однако во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) положение А.П. Бестужева пошатнулось, недруги канцлера добились в 1758 году его ареста. Он прожил в ссылке до воцарения Екатерины II, был возвращен, хотя и не вернул свое прежнее влияние.

Вскоре после вступления России в Семилетнюю войну, 14 марта 1756 года, объявляется о создании Конференции при высочайшем дворе⁵⁰. Первоначально она занималась главным образом обсуждением сложной международной политики периода войны. Основной мотивировкой ее учреждения была также необходимость избежать разногласий при руководстве военными действиями. По указу от 14 ноября 1756 года ГКИД была обязана направлять Конференции «все дела, при решении которых возникало хоть малейшее сомнение»⁵¹.

Внутреннее устройство Коллегии, порядок решения дел и роль канцлерской власти прекрасно охарактеризованы в беседе канцлера, графа А.П. Бестужева с членом Коллегии И.П. Веселовским и обер-секретарем Пуговишниковым.

8 декабря 1748 года Бестужев показал своим чиновникам «экстракты» из министерских реляций, присланные ему из Коллегии и накопившиеся в большом количестве, и сказал: «Удивляюсь, для чего в Коллегии о таких делах, между которыми есть и нужные, гг. члены по должности своей старания не прилагают, ибо известно им, что по силе регламента, в делах мнения свои членам наперед с нижних голосов президенту предлагать надобно». «Я, — отвечал Веселовский, — как и другие члены, в Коллегии всегдашнее сидение имеем и по возможности своей в делах упражняемся. И которые дела предложены были нам к решению, как старые, так новые, по тем всем недавно мы, сколько ума нашего было, рассуждение свое дали». На что канцлер возразил: «Мне весьма мало таких дел вид-

но было, которые бы по вашим рассуждениям изготовлены были, и мне небезызвестно, что некоторые дела по полугоду и более в Коллегии без резолюции лежали... Если вы думаете, чтоб я сам наперед на всякое дело свои рассуждения давал, то это не моя должность, да мне и не растянуться стать во всех делах одному, ибо для меня довольно исправлять такие нужнейшие дела, которые времени не терпят и о которых без замедления е. и. в-ву докладывать надобно... И такие дела, которые я уже сам, хотя и сверх должности своей, чтобы не потерять времени, высочайшей апробации у себя дома сочинял и в Коллегию на рассмотрение посылал, долговременно безо всякого действия лежали... Принужден я был вас нарочно теперь к себе позвать и персонально напамятовать, чтоб о делах в Коллегии лучшее старание приложено было»⁵².

ГКИД не всегда находилась в Санкт-Петербурге. Так, при Петре II (начиная с 1728 г.), при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне Коллегия часто переезжала в Москву. В Петербурге оставалась Петербургская контора. Она занималась хозяйственными вопросами, выдачей паспортов и прочими «публичными делами»⁵³. Донесения русских представителей за границу направлялись тогда в Москву.

ГКИД (по данным на 1 января 1762 г.) насчитывала 72 служащих в Секретной экспедиции, 36 — в Публичной, в Московской конторе с архивом — 25, а всего, начиная с канцлера и кончая копиистами, студентами и сторожами, — 261 человек. Мы не располагаем сведениями о составе русских загранпредставительств, которых в 1758 году было 11⁵⁴.

Известный историк С.М. Троицкий попытался на основании «сказок», подававшихся во время переписи чиновников в 1754–1756 годах, охарактеризовать дипломатов середины XVIII века⁵⁵. К сожалению, он использовал только документы ЦГАДА (ныне РГАДА). В АВПРИ в фонде «Внутренние коллежские дела» (оп. 2/1, 2/2, 2/6) отложилось большое количество личных дел служащих Коллегии в XVIII веке. В середине 50-х годов XVIII века в штате Коллегии было 139 человек, имевших офицерские ранги, то есть чиновников, чьи должности были включены в 14 классов Табели о рангах (нижнее звено — канцелярские служители — не учитывалось переписью). Из них 90 человек служили в Иностранной коллегии в Петербурге, 45 — за границей. Из этих чиновников 71,2 % составляли русские, на долю представителей других национальностей (немцы, французы, итальянцы, поляки, турки, грузины, лифляндцы, эстляндцы, калмыки и др.) приходилось 28,8 % (40 человек). Национальный состав чиновников дипломатического ведомства был пестрым на протяжении всей второй половины XVIII века. Нуждаясь в людях, хорошо знающих иностранные языки, правительство набирало на службу иноземцев, следуя в этом отношении старой практике Посольского приказа. Все важнейшие посты в дипломатическом аппарате замещались представителями потомственных и личных дворян.

На должности послов обычно назначали наиболее родовитых и влиятельных сановников из числа русских и иноземных дворян. Послами и министрами были князья Д.М. и Д.А. Голицыны, В.А. и В.С. Долгоруковы, графский титул имели канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, его брат М.П. Бестужев-Рюмин — посланник в Дрездене, вице-канцлер М.И. Воронцов, посол в Лондоне Г.П. Чернышев, в Гааге — А.Г. Головкин; двое — граф Ф.М. Санти и посол в Вене граф Г.К. Кайзерлинг — были иностранцами; посланники в Турции А.М. Обресков и в Швеции Н.И. Панин происходили из родовитых русских фамилий. Чиновники Коллегии в большинстве своем не имели крепостных крестьян, владели небольшими имениями, жили в основном на жалованье. Служившие за границей дипломаты получали более высокие оклады, дабы не подорвать престиж России, а также во избежание подкупа иностранными государствами. Размеры годового оклада зависели от ранга, должности, выслуги лет чиновника, его образования. В то время русские дипломаты имели довольно высокий уровень подготовки. Кроме того, некоторые из дипломатов посылались на обучение за границу. Специфика функций ГКЖД обусловила более высокий уровень общей и профессиональной подготовки ее чиновников. При поступлении они сдавали дипломатический экзамен.

В 50–60-е годы внутреннее устройство Коллегии и порядок решения дел потребовали изменений. В феврале 1758 года М.И. Воронцов, сменивший А.П. Бестужева-Рюмина на посту канцлера и главы ГКЖД, писал императрице Елизавете: «Излишне было бы утруждать в. и. в-во описанием беспорядка, которым поныне в Иностранной коллегии дела производились». Воронцов предлагал упорядочить коллежскую организацию: «Полагая основанием всему Генеральный регламент о Коллегиях, все дела... отправляться будут в Коллегии, и назначены будут экспедиции, по которым распишутся канцелярские служители, а у оных — по знанию и способности их разделяются дела. Стоящие во главе этих экспедиций будут обо всем друг другу сообщать, а подчиненные их будут знать лишь те дела, которые принадлежат экспедициям». «Особливой канцелярии у меня в доме не будет (как было при Бестужеве) и нужды в ней нет; дела самые секретные поверяться могут старшим служителям экспедиции. В доме у канцлера будут лишь дежурить поочередно переводчики Коллегии для приема и отсылки пакетов, промеморий и прочего. Один день в неделю будет определен для свиданий канцлера с иностранными министрами, а для конференций с ними будет назначаться день заблаговременно»⁵⁶.

После смерти императрицы Елизаветы указом Петра III от 28 января 1762 года Конференция упразднялась, а дела ее, несмотря на протесты канцлера М.И. Воронцова, передавались Сенату и ГКЖД⁵⁷. 20 мая 1762 г.

император Петр III создал Императорский совет, состоявший из 8 членов. Совет осуществлял руководство внешней политикой России и был ликвидирован вскоре после восшествия на престол Екатерины II⁵⁸.

В кратковременное царствование Петра III канцлер, граф М.И. Воронцов, пользовавшийся и раньше его расположением, сохранил свое место и значение. 20 мая 1762 г. он назначается членом Императорского совета. М.И. Воронцов «принужден был присутствовать молчаливым зрителем при падении той системы, которую поддерживал в предыдущее царствование»⁵⁹, писали авторы «Очерка истории МИД». В августе 1763 года он испросил разрешения уехать за границу на два года с сохранением звания канцлера. В августе 1762 года Екатерина II вызвала из ссылки А.П. Бестужева-Рюмина, оправдав его от всех возведенных на него обвинений. Он был назначен «первым императорским советником» и первым членом нового, учрежденного при дворе Императорского совета. В этом видится глубокий смысл. Ведь именно Бестужев первым начал разработку независимого и стабильного курса российской внешней политики. По-видимому, в связи с этим императрица возлагала на него большие надежды. Кроме того, Екатерине II импонировали ум, твердая воля и деловые качества этого политика. «Граф Бестужев думал как патриот и им нелегко было вертеть, — вспоминает государыня в своих «Записках», — хотя человеком был сложным и неоднозначным...»⁶⁰.

Упомянувшиеся нововведения М.И. Воронцова не помогли исправить дела Коллегии. В августе 1763 года Екатерина II писала: «Министры наши при чужестранных дворах жалуются, что на многие их реляции ответов и резолюций нет, а мне одной, прочитав реляции, нельзя столько прилежности иметь за множеством дел, чтоб всегда придумать все то, что к доброму успеху дел принадлежит. И тако, сим приказывается Коллегии иностранных дел членам, каждые два месяца, по крайней мере, прочитав сряду всякого министра реляции, положить на мере, соображая с нашими прямыми интересами и собственными нашими приказаниями все то, что оным министрам в ответ и в наставление служить может, через которую апликацию нашей Коллегии иностранных дел мы надеемся весьма изрядного успеха в делах ей порученных, а нам о том подается доклад для аprobации. А ныне из Коллегии иначе ответа не бывает, как только что получены реляции, и ждут от меня резолюций, которая всегда за вышеописанными резонами последовать не может»⁶¹.

Таким образом, в послепетровское время Коллегия иностранных дел не претерпела существенных изменений: ее структура оставалась прежней; насущные задачи внешней политики России требовали (и это понимали лица, управлявшие иностранным ведомством) коренных преобразований, изменения структуры Коллегии, ликвидации излишнего бюрократизма при принятии внешнеполитических решений.

3. Перемены в организации руководства внешней политикой при Екатерине II

Во второй половине XVIII века правительство стремилось перейти от коллегиального начала в управлении к единоличному. Екатерина II осуществляла всю полноту самодержавной власти с помощью генерал-прокурора, руководителей трех главных коллегий (Иностранной, Военной, Адмиралтейской), системы статс-секретарей и Императорского совета. Императорский совет, или, как он официально назывался, Совет при высочайшем дворе, в первые годы царствования Екатерины созываемый эпизодически, с 1769 года стал функционировать как постоянное государственное учреждение. Образованный в связи с началом войны с Турцией (1768–1774 гг.), Совет первоначально занимался только вопросами внешней политики и руководством военными действиями. Постепенно круг его активности все более расширялся. По характеру своей деятельности Совет был историческим преемником Конференции Елизаветы Петровны.

Во времена Екатерины II мероприятия по дальнейшему укреплению абсолютизма привели к ломке центрального аппарата, ликвидации большей части коллегий. В исключительном положении находились только Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская коллегии. Особое положение этих коллегий определялось тем значением, которое их президенты имели в Сенате как члены Конференции и Императорского совета, а также их личным влиянием на государей.

Преемником М.И. Воронцова на посту руководителя внешнеполитического ведомства стал Никита Иванович Панин, карьерный дипломат, бывший посланником в Копенгагене и Стокгольме, назначенный в 1760 году воспитателем великого князя Павла Петровича. С 1762 года он состоял неофициальным советником императрицы по делам внешнего и внутреннего правления. В следующем году по увольнении в отпуск за границу М.И. Воронцова Н.И. Панин становится старшим членом Коллегии, в октябре же, после окончательного удаления от дел А.П. Бестужева-Рюмина, возглавляет ее. Он не был официально назначен канцлером, но поставлен был, по сути, выше вице-канцлера А.М. Голицына и в течение почти двух десятков лет оставался главным советником Екатерины II и руководителем русской внешней политики⁶². В 1764 году Панин предложил императрице свою политическую систему, которой дал название «Северный аккорд». С конца этого года он состоял «первоприсутствующим» в Коллегии. В 1767 году Панин возводится в графское достоинство и получает чин действительного тайного советника. По вступлении в брак великого князя Павла Петровича Никита Иванович оставил должность воспитателя наследника и вскоре, в 1773 году, получил почетное звание «министра первого класса». А.Л. Нарочницкий отмечал: «Никита Панин не был «в

случае», т. е. не был фаворитом Екатерины II, — он был просто человеком, без которого она не могла обойтись в силу его искусства и знаний. Это был политический деятель большого ума, прекрасно образованный и отлично говоривший на нескольких иностранных языках, в общении очень мягкий и любезный, несколько ленивый, но упорный в достижении своей цели. Панин был неподкупно честен, прямодушен... производил блестящее впечатление на иностранных дипломатов, он покорял их своей манерой вести переговоры»⁶³.

23 сентября 1773 года Екатерина II писала Н.И. Панину: «Совершенно важные ваши труды в воспитании сына моего и при том во отпращивании дел обширного иностранного департамента, которые вы несли и отпращивали с равным успехом толико лет сряду, часто в течение оные во внутренности сердца моего возбуждали чувства, разделяющие с вами все бремя различных сих, человеку данных исчерпывающих упражнений, двадцать лет. Обратите ныне с бодрым духом все силы ума вашего к части дел Империи вам от меня вверенной и на сих днях вновь вам подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданам вашим желаемый мною и всеми твердый мир и тишину»⁶⁴. Вот этот человек и управлял российским иностранным ведомством свыше 20 лет (до 1781 г.).

Число служащих Государственной Коллегии иностранных дел во второй половине XVIII века не было постоянным. Оно колебалось в зависимости от потребностей. Так, по состоянию на 10 марта 1767 года в ГКИД числилось 230 человек⁶⁵.

Вопрос о точном законодательном определении личного состава Коллегии и его окладов, неоднократно возбуждавшийся с последних лет царствования императора Петра I, был разрешен лишь императрицей Екатериной II. 28 января 1779 года она издала указ, определивший «штаты Коллегии иностранных дел» — «Секретной и Публичной экспедиции, Московской конторы, Архива, заграничных учреждений»⁶⁶. «Штаты Коллегии 1779 г.», как и «Определение 1720 г.» Петра I, начинаются с упоминания о президенте и вице-президенте Коллегии, первый из них — канцлер, или «первый министр, управляющий иностранными делами», — получает 19 тыс. рублей (вместо прежних 14 тыс. рублей), второй — вице-канцлер — остается при прежнем окладе в 12 тыс. рублей. Екатерина II предписывала, чтобы люди, определяемые в КИД, были «исправные, способные и для дальнейшей службы надежные». Лица, прошедшие в штат, подлежали утверждению в Сенате, а список остальных, оставшихся не у дел, предлагалось препроводить в Сенат «для определения к другим делам по их способности и желаниям». Число переводчиков, протоколистов и прочих канцелярских чинов и служителей в штате не оговаривалась. На них выделялась определенная сумма «для найма потребного числа людей», оклады которым предлагалось определять «соразмерно трудам и способностям

каждого, равно как и из остатков ее делать им награждение за отменное прилежание и успехи в знании, для них нужном, приобретаемые»⁶⁷.

Коллегия по-прежнему делилась на две экспедиции — Секретную и Публичную. Секретная занималась политическими делами, являясь «политическим департаментом» по сношениям с европейскими и азиатскими странами. Публичная экспедиция ведала внутренними делами и состояла из трех отделений — казенных, текущих и почтовых дел. В нее же входил церемониальный департамент. Коллегии «по самому свойству дел», которыми она заведовала, приходилось всегда обращать особое внимание на церемониальную часть при приемах иностранных министров, «при наложении придворных трауров», различных торжествах, в которых участвовали иностранцы.

В Москве находились Московская контора и Архив. Однако в связи с проведением губернской реформы 1775 года все внутригосударственные дела, входившие в ведение Публичной экспедиции, в 1781 году передаются в различные ведомства, например дела о калмыках и других кочевых народах переданы были в ведение начальников тех губерний, где эти народы обитали. Но о политических делах последних губернаторы обязаны были доносить в Коллегию; она же принимала послов от упомянутых народов. В связи с губернской реформой указом от 4 марта 1782 года Публичная экспедиция КИД была упразднена⁶⁸. А перед этим по указу от 4 ноября 1781 года ликвидируется Московская контора Коллегии: ее дела и дом передаются Московскому губернскому правлению⁶⁹. При этом в самостоятельное подразделение выделялся Московский архив Коллегии иностранных дел. Одновременно со штатом центрального аппарата в 1779 году Екатерина утверждает штат заграничных учреждений: «Штат постам министерским вне государства»⁷⁰. Звание посла по этому штату присвоено было лишь русскому представителю в Варшаве; большинство же русских представителей за границей именовались министрами второго ранга; они состояли при дворах как важнейших держав, так и второстепенных стран. Некоторые представители назывались министрами-резидентами. К министерским постам присоединены были также генеральный консул или комиссар в Италии и генеральный консул в Архипелаге.

Как справедливо пишет российский историк А.Б. Каменский, «историки едины в том, что на протяжении всех 34 лет царствования внешняя политика была предметом самого пристального внимания Екатерины, и ни один серьезный вопрос без ее участия не решался. Однако доля этого участия, механизм принятия решений вызывают споры. Биограф Екатерины П. А.Г. Брикнер полагал, что его героиня в области внешней политики с первых дней своего царствования руководствовалась исключительно своими собственными соображениями. По мнению историка, и Панин, и позднее Потёмкин, и Безбородко были лишь исполнителями

воли Екатерины, не подверженной во внешней политике ничьим влияниям». «Вместе с тем, — отмечает Каменский, — надо признать, что Екатерина, особенно в начальный период, принимала решения лишь после тщательных консультаций со своими советниками, и коллективное обсуждение важнейших проблем было в то время нормой»⁷¹.

Как известно, коллегиальная организация управления внешней политикой, установленная в XVIII веке, была, несмотря на выяснившиеся ее недостатки, отменена только в следующем столетии⁷². Указом от 13 февраля 1782 года императрица, настаивая на соблюдении коллегиального порядка решения дел в ГКИД, предписала, чтобы все доклады, доношения и рескрипты подписывались всеми членами Секретной экспедиции; сообщения и указы — одним из членов. Контрасигнатура полномочий, ратификаций, патентов и жалованных грамот отнесена была к обязанности вице-канцлера, так же как подписание вручаемых иностранным министрам нот и меморандумов. Императрица иногда особо требовала мнения Коллегии по тому или иному вопросу. Так, в июле 1779 года она писала Н.И. Панину: «Я желаю иметь мнение ваше, вице-канцлера и прочих членов Коллегии иностранных дел Секретной экспедиции, которых и ожидаю». Такого рода запросы Екатерины II в Коллегии случались, однако, редко — два-три раза в год; личный доклад Панина уже часто в это время заменял обсуждение дел Коллегиальным порядком⁷³. Следует также отметить, что Екатерина II внимательно читала реляции русских представителей за границей — на многих из них сохранились ее резолюции, пометы. Прочитывалась ею и перехваченная корреспонденция иностранных представителей в России.

В правление Екатерины II составлялись доклады по наиболее важным вопросам внешней политики. Так, доклад М.И. Воронцова в 1762 году Екатерине II был отчетом о политике, которая проводилась в правление Елизаветы Петровны; одновременно в нем предлагались рекомендации новой государыне на будущее.

В 1720, 1744, 1758, 1781 и 1791 годах, «рассуждая о наилучшем содержании в секрете всех в Секретной экспедиции дел», Коллегия иностранных дел «определила приказать всем служителям этой экспедиции и архива ни с кем из посторонних людей об этих делах не говорить: не ходить на дворы к чужестранным министрам и никакого с ними обхождения и компании не иметь». Екатерина II подтвердила это условие дважды — в 1781 и 1791 годах, при этом она указала, чтобы, кроме «министров департамента иностранных дел, каковыми ее и. в-во почитает канцлера (или без сего звания управляющего оным департаментом), вице-канцлера и членов “Секретной экспедиции”, никто из прочих членов Коллегии не ходил в дома чужестранных министров, не имел с ними разговоров о делах, никого из них в своем доме не принимал и ни под каким видом не вел с ними переписки или пересылки»⁷⁴.

Во второй половине XVIII века на российской дипломатической службе находилось много иностранцев, да и «природные» русские предпочитали писать свои реляции и донесения на иностранных языках. Екатерина II указом от 3 декабря 1788 года предписала всем «природным» российским представителям за границей писать донесения на ее имя и в Коллегию иностранных дел, а также использовать в переписке между собой русский язык, «исключая только тот случай, где существо дела, предстоящего к их донесению, взysкивать будет точного сохранения слов, употребленных при трактовании оногo»⁷⁵.

Н.И. Панин пестовал свои кадры в КИД, он их хорошо знал, ценил и даже гордился ими. Во всяком случае, служащие Иностранной коллегии, по его мнению, были «совсем иные люди, нежели приказные других мест»⁷⁶. Он редко ошибался в оценках деловых качеств своих сотрудников, у него работало много способных, знающих и добросовестных чиновников. Как считает российский, автор книги о Н.И. Панине А.В. Гаврюшкин, «не в последнюю очередь благодаря его усилиям Коллегия иностранных дел очень долго сопротивлялась бюрократизации»⁷⁷. Как-то в разговоре с послом в Лондоне И.Г. Чернышевым Панин похвастался, что «штиль бумаг, подготовленных в Коллегии иностранных дел, лучше, чем в любом другом учреждении».

В дипломатическом ведомстве России никогда не переводились люди, известные не только своими дипломатическими заслугами, но и блестящими талантами в области литературы и искусства. Еще в первой половине XVIII века в КИД работали В.К. Тредьяковский, Антиох Кантемир (поэт-сатирик, посланник во Францию и Англию), В.Г. Рубан, Ф. Эмин, братья Е. и Ф. Каржавины (литераторы, русские вольнодумцы). В панинское время и позже сотрудниками КИД были И.Ф. Богданович (автор «Душеньки», переводчик в Дрездене), Н.А. Львов (писатель и архитектор), И.В. Хемницер (поэт-баснописец, генконсул в Смирне). И, конечно, самый знаменитый и поныне из писателей «Века Екатерины» Денис Иванович Фонвизин, с 1769 года — секретарь Н.И. Панина. Именно ему поручал Н.И. Панин подготовку проектов государственных реформ и социальных преобразований. Никите Ивановичу и его окружению посвятил Д.И. Фонвизин публицистические письма из Франции. Много позднее великий писатель написал первый краткий очерк жизни «первоприсутствующего в КИД», где было немало теплых строк в адрес Панина.

Карьерные дипломаты тоже составляли целое созвездие: А.М. Обресков, А.С. Стахийев, П.А. Левашов⁷⁸ (писатель, публицист, русский представитель при Порте Оттоманской), И.С. Бярятинский, Н.К. Хотинский, И.М. Си-молин (оставивший в своих донесениях ценный материал для изучения Великой французской революции 1789–1794 гг.⁷⁹). Д.А. Голицын (посланник в Париже и Гааге, известный экономист, мыслитель, член академий

Берлина и Стокгольма) и его кузен Д.М. Голицын, а также А.Р. Воронцов (посланник в Лондоне и Гааге, будущий первый министр иностранных дел — в 1802 г.) выступали посредниками между Екатериной II и ее французскими корреспондентами — Вольтером, Дидро, Д'Аламбером. Брат А.Р. Воронцова и знаменитой княгини Екатерины Дашковой Семен Романович Воронцов был долгие годы послом в Англии. Любопытны наблюдения Н.М. Карамзина в «Письмах русского путешественника» (датированных июлем 1790 г.) о его доме в Лондоне: «Всего чаще обедаю у нашего посла, человека умного, достойного, приветливого, который живет совершенно по-английски, любит англичан и любим ими. Всегда у него человек пять или шесть, по большей части иностранных министров. Обхождение графа приятно и ласково, без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо русскую историю, литературу, и читал мне наизусть лучшие места из од Ломоносова. Такой посол не уронит своего двора»⁸⁰. Стоит вспомнить также А.М. Белосельского-Белозерского (посланника в Дрездене и Турине, адресата И. Канта, писателя, философа и коллекционера), Н.Б. Юсупова (посланника в Сардинии, известного коллекционера), И.М. Муравьева-Апостола (писателя, посланника в Гамбурге, отца будущих братьев-декабристов), представителей в германских государствах братьев Николая и Сергея Румянцевых (совершивших еще в 70-х гг. путешествие по Европе в сопровождении Фридриха-Мельхиора Гримма, корреспондента Екатерины II, автора знаменитых тогда «Корреспонденций литературных, философских и критических», знакомивших на протяжении почти сорока лет коронованных особ с новостями культуры и политики). Кстати, и сам Гримм был в 1796–1798 годах русским диппредставителем в Гамбурге. А Н.П. Румянцев стал министром торговли, канцлером и управляющим МИД России, собирателем раритетов и основателем Румянцевской библиотеки.

Как Н.И. Панин вел переписку с русскими дипломатическими и консульскими представителями? Какая информация стекалась в Коллегию? Посол или министр (посланник) в то время не только официально представлял свое правительство, но был еще и резидентом разведки своей страны, и торговым представителем. Правда, это меньше относится ко второй половине XVIII века, когда после присоединения в 1783 году Крыма к России в Средиземноморье и во многих странах Европы возникает развитая сеть русских генеральных консульств, консульств, вице-консульств, которые возглавляли как штатные, так и внештатные сотрудники КИД — иностранцы и русские⁸¹. Именно в XVIII веке было положено начало институту российских консульств — «одному из богатств России». При организации в то время консульств преследовались не только торговые, но и политические цели.

Дипломатическому и консульскому представителю в то время было непросто поддерживать связь со своим правительством. Обычно писались

реляции на имя государя и депеши канцлеру или вице-канцлеру. Реляции были, как правило, лаконичными, а депеши — более пространными, освещались не только политические, но и культурные, экономические события. Из центра направлялись рескрипты императора или императрицы и предписания канцлера и вице-канцлера; послу при отправлении к месту назначения давалась инструкция. В канцелярских «цидулах» КИД сообщалось о назначениях чиновников, о внутренней жизни иностранного ведомства.

Панин руководил работой русских дипломатов за границей следующим образом. Он сообщал им задачу, предоставлял информацию, которой у посла не было и которая могла ему пригодиться в работе, и советовал, как, по его мнению, лучше достичь желаемого. Дипломатические представители обменивались информацией и между собой. Получая корреспонденцию в Санкт-Петербурге, Н.И. Панин ее внимательно изучал. Кроме реляций и депеш русских дипломатических представителей поступали донесения консулов, тайных агентов и неофициальных представителей — купцов и путешественников,

Никита Иванович отбирал важное, писал на полях свои замечания и предложения и отправлял все императрице. Если вопрос был сложным, к документам прилагался пространный доклад с обоснованием предлагаемых мер. Екатерина II просматривала материалы, вносила пометы: «Быть по сему», «Я весьма с сим мнением согласна и, прочитав промеморию, почти все те же рефлексии делала». Затем на основании этих резолюций в КИД составлялся протокол рескрипта для отправки послу или другие официальные документы, которые Екатерина II также утверждала. Бывали случаи, когда Панин вторично бумаги на утверждение императрице вообще не посылал⁸². Внимательно изучалась и перлюстрированная переписка иностранных представителей в России.

Преемником Н.И. Панина в роли доверенного советника Екатерины II был Александр Андреевич Безбородко. В 1775 году он становится статс-секретарем императрицы. Во время Могилевской поездки Екатерины в 1780 году и ее встречи с австрийским императором Иосифом II Безбородко не только успешно справился со всеми организационными делами, но и проявил немалые дипломатические способности. Эта поездка положила начало его возвышению. Вскоре он назначается в ГКИД и членом Государственного совета, оставаясь статс-секретарем императрицы. К началу 80-х годов в канцелярии Безбородко сосредоточились почти все дела, «восходившие на утверждение или решение императорской власти», то есть дела всех учреждений, составлявших государственный механизм⁸³. Коллегию в последние годы столетия возглавляли: с 1773 года вице-канцлер Иван Андреевич Остерман, сын известного дипломата петровской эпохи; с 1783 года он назывался первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, с 1796 года — государственным канцлером; после увольнения Остер-

мана — А.А. Безбородко, с апреля 1797 года — канцлер. Став канцлером, Безбородко был возведен в княжеское достоинство. В звании канцлера А.А. Безбородко оставался до самой смерти, последовавшей в 1799 году⁸⁴.

Безбородко и Остерман и управляли Коллегией в последние десятилетия XVIII века. Современники характеризовали Безбородко как образованного человека, он знал французский, немецкий, румынский, греческий, латинский языки: «Глубокое знание дипломатики много способствовало его успехам во внешних сношениях. Все занятия его в политике были чужды всякого корыстолюбия: слава и польза Отечества им руководили. Начертанные его пером инструкции послам, официальные донесения и манифесты почитаются образцовыми». Известны заслуги Безбородко в заключении Ясского мира 1791 года. В 1796 году, «расстроив силы свои 32-летним служением», он просит Павла I уволить «от многотрудных занятий», но государь, удерживая его, сказал, что «в нем нуждается Отечество»⁸⁵.

О вице-канцлере, а затем государственном канцлере И.А. Остермане писали: «Из всех действий графа И.А. Остермана видно его неутомимое рвение, и хотя не наследовал высокого ума своего отца, однако усердным исполнением своих обязанностей снискал благоволение монархини. Для пользы Отечества он не дорожил собою. Когда наш кабинет, вопреки предусмотрительности Остермана, представил лондонскому сильные свои замечания по некоторым важным делам, то Англия готовилась нарушить дружеские отношения с Россией. В этих обстоятельствах он явился к монархине и сказал: “Государыня! Предсказание мое исполнилось, но можно еще исправить ошибку. Умоляю в. и. в-во сложить всю вину на меня, объявите английскому посланнику, что Остерман от глубокой старости из ума выжил и отправил ноту без вашего согласия. Запретите мне даже ездить ко двору на некоторое время. Пускай думают, что я в немилости: я готов терпеть унижение и насмешки царедворцев для пользы вашей и любезного Отечества”»⁸⁶. Успехами по дипломатической части Остерман был обязан своим знаменитым сотрудникам: А.А. Безбородко, А.И. Моркову, Ф.В. Ростопчину, А.К. Разумовскому, О.М. и Г.О. Стакельбергам, П.В. Бакунину-младшему, Н.В. Репнину, Я.И. Булгакову, Я.Е. Сиверсу, А.Б. Куракину, В.П. Кочубею, С.А. Кольчеву.

В правление Павла I при быстрой смене внешнеполитического курса правительства происходит и быстрая смена руководства Коллегии иностранных дел. В 1796–1798 годах вице-канцлером был А.Б. Куракин, а в 1798–1799-м — уже В.П. Кочубей. В октябре 1798 года Ф.В. Ростопчин определяется третьим членом ГКЖД, а 25 апреля назначается «первоприсутствующим в Коллегии». Эту должность он сохранил до февраля 1801 года, когда был уволен от всех дел. Из управлявших иностранными делами России в это время дольше всех удержался и имел наибольшее

значение Ростопчин. В сентябре 1799 года одновременно с назначением Ростопчина должность вице-канцлера была поручена Н.П. Панину, однако уже в 1800 году последний вовсе увольняется от службы. В феврале 1801 года последовал указ о вторичном назначении вице-канцлером А.Б. Куракина.

В структуре Коллегии иностранных дел в последние годы столетия происходили некоторые изменения. Ликвидация Публичной экспедиции ГКИД вызвала определенные трудности в деятельности Коллегии в 80–90-е годы, так как все равно необходимо было иметь казначея и бухгалтера для ведения финансово-хозяйственных дел, а также обер-церемониймейстера и церемониймейстера для протокольных мероприятий. Кроме того, ГКИД приходилось заниматься имущественными делами царской семьи, имевшей родственников в Европе. Поэтому Павел I учредил в Коллегии несколько экспедиций, восстановил Публичную экспедицию. Так, указом от 16 ноября 1796 года была организована особая экспедиция «для исправления дел голштинских, ангальт-цербтских и зверских»⁸⁷.

26 февраля 1797 года последовал указ ГКИД «О бытии при оной Коллегии для управления Казенных дел в Публичной экспедиции особому департаменту»⁸⁸. В тот день был дан указ о создании еще одного особого департамента или экспедиции: «Для отправления дел, касающихся до азиатских народов как в подданстве нашем состоящих, так и тех, с коими по соседству торговые и другие сношения производятся...»⁸⁹. Из этого особого департамента позже, в 1819 года, будет создан Азиатский департамент министерства⁹⁰.

8 января 1800 г. учреждается новый штат ГКИД⁹¹. Возглавлял Коллегию по-прежнему канцлер, замещал его вице-канцлер. Присутствие ГКИД состояло из трех человек: двух вышеназванных и одного члена Коллегии. Коллегия делилась на две экспедиции: Секретную и Публичную. Это положение вступало в силу с 1 мая 1800 г. В соответствии с предложением Коллегии иностранных дел штаты были значительно сокращены как в центральном аппарате, так и в заграничных представительствах, однако служащим увеличивалось жалованье. Кроме того, число служащих низшего звена не оговаривалось, на них просто выделялась определенная сумма. Поэтому Коллегия могла нанимать их по своему усмотрению и оплачивать «их труд в зависимости от прилежания и успехов». Одновременно при департаменте азиатских дел учреждалась «ориентальная школа». Особое внимание уделялось архивам.

Строго определялось штатное расписание посольств, миссий, консульств и русских церквей за границей. По штатному расписанию 1800 года министров 2-го ранга заменили послы и посланники. Послы назначались в Вену, Стокгольм; посланники — в Берлин, Лондон, Копенгаген, Мюнхен, Лиссабон, Неаполь, Турин, Константинополь (в Париже, Мадриде, Гааге

в год утверждения этого штата не было российских представителей). В Регенсбурге министра заменил резидент, вместо министров и резидентов в Дрезден и Гамбург были назначены поверенные в делах, а в Данциг и Венецию — генеральные консулы⁹².

8 сентября 1802 года император Александр I издал манифест об учреждении министерств в России⁹³, то был период отказа от коллегиальности. В «Обозрении КИД» так объяснялась необходимость перехода к единоначалию при решении вопросов внешней политики: «Производство политических дел по их свойству не может трактовано быть по большинству голосов ее (Коллегии) членов, но зависит единственно от монаршей воли или же по высочайшему повелению и по важности предметов от суждения Верховного тайного совета»⁹⁴. В 1802 году Государственная коллегия иностранных дел не была упразднена, она продолжала существовать еще 30 лет в XIX веке под руководством министра иностранных дел и его товарища, но постепенно ее значение умахалось и, наоборот, усиливалась единоличная власть министра⁹⁵. Государственная Коллегия иностранных дел окончательно была упразднена указом от 10 апреля 1832 года⁹⁶.

Более 110 лет ГКИД — детище Петра Великого — проводила в жизнь внешнеполитическую программу Российского государства.

Если во времена Петра I были заложены основы Коллегии, предназначены пути ее развития, то екатерининская эпоха внесла новое: была реорганизована ее структура, власти стремились к более рациональному функционированию этого государственного учреждения — приспособлению его к выполнению насущных задач внешней политики. XVIII век воспитал выдающихся русских дипломатов.

Заключение

Перемены, происшедшие в XVIII столетии в развитии России, столь разительны, что потрясают даже нас, привыкших к стремительному темпу исторических событий и к крутым поворотам в жизни страны. Изменилось все — от покроя одежды до самого характера власти самодержца. Что же прежде всего бросается в глаза, если сравнить внешнюю политику России конца XVII века и политику Российской империи конца XVIII века?

Меняется само место России в системе международных отношений. Уже в конце XVII столетия Россия была довольно весомой политической силой, которая оказывала заметное влияние на положение в Центральной и особенно в Юго-Восточной Европе. Победы в Северной войне возвели Россию в гораздо более высокий ранг — в ранг великой европейской державы. Это положение страны было укреплено войнами и политикой Елизаветы Петровны и Екатерины II. Влияние России становится реальным фактором европейской и мировой политики, она оказывает активное воздействие на развитие международных отношений. Другие ведущие европейские державы либо враждуют непосредственно с Россией, либо ищут ее поддержки и союза. Достаточно назвать такие общеевропейские конфликты, в которых позиция России была весьма влиятельной, а то и решающей: войны за польское, австрийское и баварское наследства, Семилетняя война, наконец, войны против революционной Франции. Общеевропейское значение имели и войны России с Османской империей, и балтийская политика, и разделы Речи Посполитой.

Влияние России распространяется не только на Европу. Нормализуются и развиваются политические и экономические связи с Китаем. Россия укрепляет свои позиции на Дальнем Востоке, делает попытки завязать контакты с Японией.

В XVIII веке во внешней политике России появляется новый фактор — Америка. Русская дипломатия сыграла заметную роль в международных событиях, связанных с войной США за независимость. С приобретением колоний на северо-западе Америки Россия, будучи европейской, азиатской, сделалась в известном смысле еще и американской державой.

Основные геополитические проблемы внешней политики России на первый взгляд остались прежними: балтийская, воссоединение украинских и белорусских земель, укрепление южной границы и прорыв к Черному морю, укрепление и освоение Сибири и Дальнего Востока. Но само содержание этих проблем изменилось.

Россия отвоевала надежный и безопасный выход в море. И тем не менее говорить об окончательном решении этой проблемы было бы неверно.

Дело в том, что определенные круги при шведском дворе и в риксдаге вынашивали идею реванша и неоднократно пытались военной силой и дипломатическим путем отторгнуть у России жизненно важные прибрежные земли.

Позднее эту цель ставила Пруссия. Усиление России на Балтике привело к обострению отношений с Британией, которая тоже была недовольна появлением новой морской державы.

От завоевания выхода в море Россия должна была перейти к укреплению своих позиций на побережье. Все более важное значение приобретал вопрос о свободном мореплавании через зундские проливы. На протяжении XVIII века Россия становится ведущей политической и военной силой на берегах Балтийского моря.

Полностью, окончательно и бесповоротно была решена проблема воссоединения украинских и белорусских земель с Россией. В отечественной историографии несколько упрощенно, явно под влиянием трехсотлетнего юбилея Переяславской рады, писали о воссоединении как о единовременном акте 1 октября 1653 года — 8 января 1654 года. Между тем это был процесс, связанный не только с добровольным государственным единством, с национальной и культурной общностью, с единством исторических судеб. Речь шла и о политическом преобладании в Юго-Восточной Европе.

До середины XVII века в круге стран и народов, ограниченном европейской Россией, Речью Посполитой, Причерноморьем, Молдавией, Валахией и Балканами, преобладало влияние Речи Посполитой. По мере ослабления Польско-Литовского государства, после тех поражений, которые потерпело оно от Хмельницкого и России в 1648–1667 годах, от Османской империи в 1672 году, влияние ее падает. Напротив, воссоединение с Украиной увеличивает влияние России в этом регионе, а успешные русско-турецкие войны 1677–1700 годов делают это влияние скорее всего преобладающим.

Вполне понятно, что на протяжении XVIII века, по мере того как растет влияние России в Речи Посполитой, еще более усиливается ее авторитет среди народов Украины, оставшихся в составе Польши и на Балканах. Ослабление и постепенный развал Речи Посполитой привели к тому, что уже в начале XVIII века балканские народы именно в России видят надежду на спасение и национальное возрождение.

Завершение процесса воссоединения Украины и Белоруссии с Россией связано с разделами Речи Посполитой. Безусловно, разделы Польши отнюдь не явились следствием воссоединения либо результатом целенаправленной политики России. Виновны в падении независимости этого государства прежде всего крупные земельные магнаты, кичившиеся своим патриотизмом, «золотой вольностью» и ради сохранения своих прав и привилегий не допустившие централизации власти в стране.

Гораздо больше, чем Россия, были заинтересованы в разделе Польши другие ее соседи — Пруссия и Австрия, стремившиеся к захвату польских земель. Для России, занятой войнами за Черноморское побережье, важнее было сохранить формально независимую Речь Посполитую (фактически находившуюся под контролем России) как своего рода политический буфер. Лишь под угрозой вмешательства в русско-турецкие войны и враждебных действий в других направлениях политики Пруссия и Австрия вынудили Екатерину II пойти на эти разделы. Необходимо отметить, что в ходе разделов собственно польские земли к России не были присоединены. С Россией воссоединились земли Правобережной Украины и Белоруссии, население которых уже давно боролось за единство с Левобережной Украиной и Россией. Однако присоединение Литвы к России было актом экспансии.

Но на смену одной проблеме приходит другая. Разделы Речи Посполитой породили польский вопрос, который в XIX веке стал центром внимания политических сил Франции, Пруссии (позднее Германии), Австрии (позднее Австро-Венгрии) и России и который явился одной из причин обеих мировых войн.

В конце XVII и в XVIII веке заметно меняется политика России на южном направлении. В XVII веке ее центральной осью, стержнем была оборона территории и населения от опустошительных вторжений крымских татар и других кочевых народов Дикого поля (степи). По мере продвижения русских на юг борьба за безопасность границы перерастает в борьбу за выход к Черному морю. В ходе русско-турецких войн эта проблема была решена. Но по мере ее решения постепенно вызревала и к концу XVIII века сформировалась в основных чертах новая геополитическая проблема, порожденная изменившимся положением России, — проблема Черноморских проливов. В конце столетия Россия не ставила вопроса о непосредственном контроле над этими проливами, но возможность военного и торгового судоходства через Босфор и Дарданеллы, запрет другим военным флотам проходить через них — все это уже волновало российскую дипломатию. Нужно было защитить вновь приобретенное Северное Причерноморье — своеобразное «мягкое подбрюшье» России. Логическое решение черноморской проблемы и проблемы проливов могло бы, вероятно, обеспечить «греческий проект» Екатерины II: воссоздание под покровительством России Греческой империи во главе с внуком Екатерины Константином Павловичем.

Выдвижение к берегам Черного моря и завершение процесса воссоединения Украины с Россией, освободительное движение народов Балканского полуострова, экспансия на Балканы Австрии и Венеции поставили перед Россией новую задачу — балканскую. Решить ее Россия и Австрия попытались уже в XVIII веке. По соглашению Екатерины II и Иосифа II

в 1781 году югославянские земли от Адриатического моря до Белграда и далее по Дунаю до реки Олты и по западному берегу Олты отходили непосредственно к Австрии. Россия получала Черноморское побережье между Южным Бугом и Днестром, а на прочих землях Балканского полуострова и по Дунаю создавалось королевство Дакия (зависимое от России).

Уже в этом проекте бросается в глаза довольно заметное различие между австрийской и русской политикой на Балканах: Россия стремилась создать зависимое от нее, но формально самостоятельное государство. Австрия готова была прямо включить новые земли в состав Империи.

Проекты создания зависимых от России Дакии и Греческой империи раскрывают характерный прием внешней политики Екатерины II — учредить вдоль границ буферную зону из полузависимых от России государств. Эта буферная зона должна была, по замыслу Екатерины, прикрыть всю западную и южную границы. Екатерина вплоть до 1792 года пыталась сохранить зависимую от России Речь Посполитую, чтобы иметь «прослойку», предохраняющую от жестких столкновений с Пруссией и Австрией, юго-западные рубежи прикрывала бы Дакия. Роль буфера на юге отводилась «независимому» Крымскому ханству, а после его ликвидации в 1783 году — Греческой империи (которая, кстати, контролировала бы и проливы).

Идея политического буфера, конечно же, не была изобретением Екатерины II. Еще Ш. Монтескье в своих сочинениях говорил о необходимости создания вокруг границ сильного монархического государства таких «защитных зон». В политической практике ведущих стран Европы XVII — XVIII веков можно было найти такие примеры. Наконец, с определенной долей допущения можно говорить и об исторических традициях России. Свообразным «буферным государством» была вплоть до конца XVIII века автономная Украина, самостоятельность, автономия которой угасали очень медленно и постепенно по мере ликвидации опасности со стороны Османской империи и Крымского ханства. «Буферной прослойкой» для Российской империи являлись автономные казачьи области на окраинах страны.

После приближения границ России к Кавказу, Каспийского похода Петра I и присоединения к России в 1774 году Кабарды и Северной Осетии в политике России появляется кавказская проблема, связанная и с борьбой против Османской империи, и со стремлением обосноваться на торговом Шелковом пути, и с захватом новых земель, и с защитой местного, в первую очередь христианского, населения от физического уничтожения.

Великая французская революция породила новый клубок противоречий, в который активно ввязалась и российская дипломатия. Первоначально Екатерина не приняла всерьез события в Париже. Ей казалось, что это обычное народное выступление и причиной всему король, который «всякий

вечер пьян». Она даже предписывала посланнику Симолину установить контакты с деятелями Национального собрания и надеялась на сближение с Францией, дабы создать противовес Пруссии и Австрии на западе.

Ситуация изменилась после бегства и ареста короля в 1791 году. Екатерина выступила горячей сторонницей создания Первой антифранцузской коалиции и принципа легитимизма. С Францией были разорваны дипломатические отношения, а когда в Петербурге узнали о казни короля, Екатерина слегла в постель и долго болела. Императрица горячо приветствовала войну Пруссии, Англии и Австрии против революционной Франции. И тем не менее до конца своих дней (умерла она 7 ноября 1796 г.) Екатерина так и не послала против Франции ни одного солдата. Объяснялось все это довольно просто: императрица хотела, чтобы прусский король и австрийский император как можно реже смотрели на восток...

Вступивший на престал Павел тоже вначале предпочитал поддерживать мир с Францией: необходимо было преодолеть расстройство внутреннего управления и финансов. В 1797 году Павел даже начинает переговоры с Директорией о восстановлении дипломатических отношений. Ситуация меняется, когда Франция разворачивает агрессию в Средиземном море и подталкивает турецкого султана к возобновлению войны против России. Султану обещают помочь вернуть Крым и Грузию. Отношения между Парижем и Санкт-Петербургом вновь прервались. Тревожили Павла I и заигрывания Бонапарта с польской шляхетской эмиграцией.

После высадки Бонапарта в Египте в 1798 году Турция объявила Франции войну, и султан просил помощи у России. В Средиземное море была направлена эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова.

Соединенные силы России и Австрии нанесли удар французам в Северной Италии. Русскими войсками командовал А.В. Суворов. Для Австрии ход войны сложился неудачно, и в 1799 году ее войска были выведены из Италии. Героический переход А.В. Суворова через Альпы спас русскую армию. Тем не менее дипломатические отношения с Австрией были разорваны.

Павел не мог больше рассчитывать на полную победу над Францией, к тому же Бонапарт стал искать мира с Россией. Последняя уже решила свою главную задачу: экспансия Франции в Средиземном море была остановлена, опасность Крыму и Причерноморью ликвидирована, в Константинополе явно преобладало русское влияние. Между Францией и Россией начались переговоры о мире и даже союзе против Англии. Корпус донских казаков был двинут в поход на Индию.

Сближение Павла I с Бонапартом вызвало тревогу у Англии и недовольство в придворных кругах России. Взбалмошный и романтически экзальтированный характер императора, его страстная любовь к регламентации всех и вся, к прусскому порядку, его вера в собственную непогрешимость

усугубили неприязнь дворян к Павлу I. В итоге сформировался заговор, и 11 марта 1801 году император был убит. Смерть Павла I помогла избежать русско-английской войны. Британский адмирал Нельсон уже вошел в Балтийское море и имел задание нанести удар по столице.

После убийства Павла I политический курс России вновь меняется. Приближающаяся русско-английская война так и не разразилась.

Возникает вопрос: правомерно ли говорить о внешней политике России XVIII века как об имперской по преимуществу? Нам представляется, что в этот период она носила как бы переходный характер. Решались большие национальные задачи, но параллельно уже в ходе петровских войн и позднее захватывались земли и страны, никогда не принадлежавшие России (Литва, побережье Каспия, часть Кавказа, Крым). Но это не являлось спецификой только русской внешней политики.

Во всем тогдашнем мире шел процесс складывания национальных государств, да и самих наций. В ходе него более сильные и многочисленные народы стремились к расширению своей территории до «естественных границ», приумножению богатств, захвату выгодных торговых путей, колоний.

Без подобных захватов не могла бы сформироваться и национальная территория России. Думается, что в основных своих проявлениях внешняя политика России XVIII столетия была национальной и определялась реальными нуждами страны и ее народов, которые порой совпадали с интересами сопредельных народов и государств, а в других случаях вступали в противоречие с ними

Сложную, кипящую страстями, полную противоречий жизнь России петровского и екатерининского времени невозможно ограничить узкими рамками схемы. Большинство крупных событий внешней политики века несло заряд и положительный, и отрицательный: они и благотворно влияли на судьбы народов, и несли им новые бедствия. В целом во внешней политике России в том столетии преобладали национально-прогрессивные, положительные тенденции.

Примечания

Глава I

¹ Саннин Г.А. Южная граница России во второй половине XVII — первой половине XVIII в. // *The Frontier in Russian History (Russian History. Vol. 19. No 1–4)*. University of Southern California, 1992. P. 433–441.

² *Ibid.* P. 453.

³ *Bataglia O.F.* Jan Sobieski, Król Polski. Warszawa, 1983. S. 253–283; *Urbafikski T.* Rok 1683 na Podolu, Ukrainie i w Moldawii. Lwów, 1907.

⁴ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. М., 1941. С. 66.

⁵ Цит. по: *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра I. М., 1984. С. 65.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 511.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПиБ). Т. 13. Вып. I. М., 1992. С. 121, 341 (1713, апреля 3. А.Д. Меншикову).

⁹ Цит. по: *Павленко Н.И.* Петр I. М., 1976. С. 51.

¹⁰ Цит. по: *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 26.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Там же. С. 40–41.

¹⁴ См.: *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 98.

¹⁵ См.: *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 93.

¹⁶ См.: *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 349; *Саннин Г.А.* Петр I — дипломат. Великое посольство и Ништадтский мир // *Русская дипломатия в портретах*. М., 1992. С. 34.

¹⁷ См.: *Саннин Г.А.* Указ. соч. С. 34.

¹⁸ См.: *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 103.

¹⁹ См.: *Саннин Г.А.* Указ. соч. С. 37.

²⁰ Там же. С. 39.

²¹ Цит. по: *Гриневский О.А.* Прокофий Возницын, или мир с турками. Документальная повесть из истории русской дипломатии. М., 1992. С. 90.

²² Там же. С. 101.

²³ Там же. С. 119.

²⁴ См.: *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 28.

²⁵ Там же. С. 30.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 31.

²⁸ См.: *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 85.

²⁹ См.: *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

³⁰ См.: *Санин О.Г.* Внутренняя борьба в Крыму в 1701–1703 гг. и ее влияние на русско-крымские отношения/Проблемы истории Крыма (Тезисы докладов научной конференции 23–28 сентября 1991 г.). Симферополь, 1991. С. 45.

³¹ *Санин Г.А.* Южная граница России. С. 442.

³² См.: *Костомаров Н.И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. шестая. Т. 16: Мазепа. СПб., 1905. С. 424–426, 521 и др.

³³ См.: *Санин Г.А.* Борьба за господство в Восточной Европе и государственная независимость Украины и Речи Посполитой в XVII — XVIII вв. // Славяне и их соседи. Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XIV–XVIII вв. Тезисы XI конференции. М., 1992. С. 60.

³⁴ Цит. по: *Бобылев В.С.* Указ. соч. С. 61, 62.

³⁵ *Воззрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 271.

³⁶ Цит. по: *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 355, 356.

³⁷ Цит. по: *Бобылев В.С.* Указ. соч. С. 62.

³⁸ *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 280–281.

³⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. V. М., 1989. С. 6.

⁴⁰ *Воззрин В.Е.* Указ. соч. С. 274.

⁴¹ См.: *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 356.

⁴² См.: *Бобылев В.С.* Указ. соч. С. 72.

⁴³ Там же. С. 82–83.

⁴⁴ *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 357.

⁴⁵ ПиБ. Т. 13. Вып. I. М., 1992. С. 180–186. 1713 г., июня 13. Адрианопольский мирный договор России с Османской империей; Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. I. Т. V. СПб., 1830. С. 119–121. 1714 г., июня 13. Межевая запись о разграничении земель по Адрианопольскому миру 1713 г.

⁴⁶ См.: *Орешкова С.Ф.* Указ. соч. С. 93–137; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 29–49; *Санин Г.А.* Антиосманская борьба югославянских народов и внешняя политика России во 2-й пол. XVII — начале XVIII в. / Югословенске земле и Руси ја у XVIII веку. Београд, 1986. С. 47–48.

⁴⁷ См.: *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 64; *Gerowski J.* Traktat przyjasni Polski z Francia 1714 г. Warszawa, 1965. S. 101–103.

⁴⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб., 1867. С. 81–82. 1715 г., января 10. Петр I к Б.И. Куракину.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 89, 92–95.

⁵¹ Там же. С. 100

⁵² *Chance J.F.* The Northern question in 1716 // *English Historical Review*. Vol. XIX. No 73. P. 109.

⁵³ *Ibid.* P. 110.

⁵⁴ *Ibidem.*

⁵⁵ *Бобылев В.С.* Указ. соч. С. 102–104.

⁵⁶ Там же. С. 104.

⁵⁷ *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 384.

⁵⁸ Цит. по: *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 396.

⁵⁹ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. IV. М., 1989. С. 233.

⁶⁰ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 281.

⁶¹ Цит. по: *Никифоров Л.А.* Указ. соч. С. 476.

⁶² *Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С.* История Грузии. Ч. 1. Тбилиси, 1946; История армянского народа. Т. V. Ереван, 1974 (на арм. яз.); *Левиатов В.Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948.

⁶³ См.: *Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С.* Указ. соч. С. 185.

⁶⁴ См.: *Иоаннисян АХ.* Историческое введение к сборнику документов «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века». Т. II. Ч. 1. Ереван, 1964. С. XIX.

⁶⁵ См.: *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Тбилиси., 1970. С. 63.

⁶⁶ См.: *Католикос Есаи Асаи Джалалян.* Краткая история страны Агванк. Иерусалим, 1868. С. 48 (на древнеарм. яз.).

⁶⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. Сношения России с Персией (далее — СРП). 1724. Д. 7. Л. 84.

⁶⁸ См.: *Иоаннисян А.Г.* Указ. соч. С. XXX.

⁶⁹ См.: *Табазуга И.М.* Грузино-французские взаимоотношения во 2-й половине XVII — 1-й половине XVIII в. Тбилиси, 1972. С. 315 (на груз. яз.).

⁷⁰ См.: *Ананян Ж.А.* Основные этапы армяно-русских отношений (конец XVII — первая треть XIX в.). Подходы к проблеме // *История и историки*. М., 1995. С. 61–77.

⁷¹ Там же.

⁷² В своих показаниях пленный турецкий генерал Салех-паша недвусмысленно заявил: «Султан приказал уничтожить... армян и персиян, так как войска русского царя заняли этот берег [Каспийского] моря, нам следует наступить на них, следует изъять армян, врезывающихся клином между нами; нам следует убрать встречающиеся на нашем пути препятствия и тем открыть нам дорогу — не будь вас [армян], мы давно бы наступили на издревле принадлежавшие нам Дербент и Баку». *Иоаннисян А.Г.* Указ, соч. С. XXV–XXVI.

⁷³ АВПРИ. Ф. СРП. 1727. Д. 8. Л. 30–31.

⁷⁴ См.: *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 69.

⁷⁵ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 576.

Глава II

¹ В основу данной главы положены исследования Некрасова Г.А.: 1) Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964; 2) Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976; 3) Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984; 4) Внешняя политика России // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 321–373, 394–402, 408–422.

² Записка частично опубликована. См.: *Остерман А.И.* Генеральное состояние дел и интересов всероссийских... // Северный архив. 1828. № 1, 2. С. 3–61; Русский вестник. 1841. Т. I. С. 389–396; Сборник русского исторического общества (далее: Сб. РИО). Т. 58. СПб., 1887. С. 3.

³ Письма о России в Испанию Я. де Лириа / Осмнадцатый век. Кн. 3. М., 1869. С. 41.

⁴ Полиевктов М.А. А.И. Остерман // Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1905; *Андреев В.В.* Представители власти в России после Петра I. СПб., 1871.

⁵ *Некрасов Г.А.* Роль России. С. 17–18.

⁶ Там же.

⁷ Сб. РИО. Т. 58. С. 185.

⁸ *Остерман А.И.* Генеральное состояние дел. // Северный архив. 1828. № 1. С. 35–36; *Некрасов Г.А.* Роль России. С. 24–25.

⁹ Сб. РИО. Т. 58. С. 6, 7, 38–39, 493–495, 501; *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. Кн. III. С. 41–44, 46–47, 49–50.

¹⁰ Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее: ЧОИДР). 1913. Кн. 3. С. 25.

¹¹ См.: *Некрасов Г.А.* Роль России... С. 12–24.

¹² Сб. РИО. Т. 64. СПб., 1888. С. 267; См.: *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 109–110; *Вандаль А.* Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911. С. 92–94; *Некрасов Г.А.* Роль России... С. 29–30.

¹³ *Некрасов Г.А.* Русско-шведские отношения, С. 167–168; *Он же.* Роль России... С. 24–47.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 64. С. 280.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886. С. 7–22; Т. 64. С. 173–175, 186–187, 197–198, 278–279; *Брикнер А.Г.* Указ. соч. // Русская мысль. 1895. Кн. II. С. 40–41, 48; Кн. III. С. 50–56.

¹⁶ Цит. по: *Брикнер А.Г.* Указ. соч. // Русская мысль. 1895. Кн. VII. С. 109; Кн. IX. С. 30–33.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 55. С. 156, 207–208, 422–424.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 56. СПб., 1887. С. 46–47.

¹⁹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Кабинет Петра Великого. Отд. 1. Д. 59. Л. 536.

²⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V. СПб., 1880. С. 232–250.

²¹ Там же. С. 26, 39–40; Сб. РИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 74, 121.

²² См.: *Брикнер А.Г.* Указ. соч. // Русская мысль. Кн. II. С. 53; Сб. РИО. Т. 55. С. 310; Т. 3. СПб., 1868. С. 443.

²³ См.: *Арсеньев К.И.* Царствование Петра II. СПб., 1839. С. 51–54; Оснадацый век. Кн. 2. М., 1869. С. 34; Сб. РИО. Т. 55. С. 373, 387–389, 470–471; Т. 56. С. 26–28.

²⁴ ЧОИДР. 1913. Кн. 3. С. 13–14.

²⁵ Сб. РИО. Т. 55. С. 256–261.

²⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. I. СПб., 1874. С. 32–44; *Бантыш-Каменский Н.А.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. I. М., 1894. С. 52–53.

²⁷ ЧОИДР. 1913. Кн. 3. С. 14, 18.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ Там же. С. 16–18, 27–28.

³⁰ Там же. С. 6–8, 20–24.

³¹ Русская старина. 1909. Т. 137. С. 554.

³² Там же. С. 208.

³³ Там же. С. 201.

³⁴ Цит. по: *Берендтс Э.Н.* Несколько слов о коллегиях Петра Великого. Ярославль, 1896. С. 19.

³⁵ Сб. РИО. Т. 64. С. 371, 373, 496, 512; См.: *Безобразов П.В.* Указ. соч. С. 114.

³⁶ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 48–63.

³⁷ См.: *Щеткин Е.Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. СПб., 1902. С. 4–5.

³⁸ См.: *Полиевктов М.А.* Указ. соч. С. 412.

³⁹ См.: Оснадацый век. Кн. 3. М., 1869. С. 77–79.

⁴⁰ Там же. С. 166.

⁴¹ Там же. С. 81.

⁴² См.: *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. Варшава, 1897. С. 19–21.

⁴³ См.: *Некрасов Г.А.* Роль России. С. 207–209.

⁴⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). СПб., 1892. С. 62–90.

⁴⁵ См.: *Остроухов Н.А.* Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914. С. 41, 111. *Лебедев В.И.* Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Ученые записки МГУ. Вып. 167. Кафедра истории СССР. М., 1954. С. 121–132; Reading D.-K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven, 1938.

⁴⁶ См.: *Некрасов Г.А.* Роль России. С. 239–240.

⁴⁷ Там же. С. 241–243.

⁴⁸ См.: Оснадацый век. Кн. 3. С. 92–94.

⁴⁹ См.: *Герье В.И.* Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С. 44–45, 82, 87.

⁵⁰ ЧОИДР. 1913. Кн. 3. С. 6–8.

- ⁵¹ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 56; *Герье В.А.* Указ. соч. С. 275–276.
- ⁵² *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 65–67; *Герье В.И.* Указ. соч. С. 302–305.
- ⁵³ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 68–69; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 59.
- ⁵⁴ См.: *Некрасов Г.А.* Роль России. С. 222–228.
- ⁵⁵ См.: *Русский двор сто лет тому назад.* СПб., 1907. С. 75–76.
- ⁵⁶ См.: *Ардабацкая А.М.* Из истории борьбы русской дипломатии с прусской агрессией в 40-е гг. XVIII в. // Ученые записки Саратовского университета. Т. 66. Саратов, 1958. С. 125–145; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. V. С. 309; *Бантыш-Каменский Н.А.* Указ. соч. С. 62.
- ⁵⁷ См.: *Тереженко А.А.* Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России. Ч. II. СПб., 1837. С. 63–70.
- ⁵⁸ Цит. по: *Пекарский П.П.* Маркиз де ла Шетарди в России. 1740–1742. СПб., 1862. С. 510–513.
- ⁵⁹ Там же. С. 515.
- ⁶⁰ См.: *Бескровный А.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 261.
- ⁶¹ См.: *Вандаль А.* Указ. соч. С. 154–156.
- ⁶² См.: *Некрасов Г.А.* Внешняя политика. С. 407–408.
- ⁶³ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 90–109.
- ⁶⁴ Там же. С. 112–113; *Русский двор сто лет тому назад.* С. 75–80.
- ⁶⁵ Архив кн. Воронцова (далее — АКВ). Кн. 2. М., 1872. С. 76, 94; *Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen.* Bd. 2. В., 1880. S. 271, 413.
- ⁶⁶ Сб. РИО. Т. 105. СПб., 1899. С. 399; см.: *Русский двор сто лет тому назад.* С. 75–90; *Коробков Н.М.* Семилетняя война. М., 1940. С. 16–20.
- ⁶⁷ См.: Из записок Фридриха Великого о России в первой половине XVIII в. // *Русский архив.* 1872. Кн. I. С. 18–19; *Politische Correspondenz.* Bd. 2. S. 412.
- ⁶⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. V. С. 332–352; см. также: *Щепкин Е.А.* Указ. соч. С. 8–10; *Безобразов П.В.* Указ. соч. С. 181–184.
- ⁶⁹ См.: *Русский двор сто лет тому назад.* С. 75–80; АКВ. Кн. I. М., 1870. С. 462–463.
- ⁷⁰ АКВ. Кн. 1. С. 535–536; Сб. РИО. Т. 105. С. 233.
- ⁷¹ АКВ. Кн. 2. С. 18–24.
- ⁷² Там же. С. 22–23, 78–81.
- ⁷³ Там же. С. 21–23.
- ⁷⁴ Там же. С. 19–21.
- ⁷⁵ См.: *Тереженко А.А.* Указ. соч. С. 86–90.
- ⁷⁶ АКВ. Кн. 2. С. 71–72, 81–82, 93.
- ⁷⁷ АКВ. Кн. 6. М., 1873, С. 96–97; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 145–146; Т. V. С. 337, 356–359; *Коробков Н.М.* Указ. соч. С. 17.
- ⁷⁸ См.: *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 30–33; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. V. С. 359; *Коробков Н.М.* Указ. соч. С. 18.
- ⁷⁹ АКВ. Кн. 7. М., 1875. С. 125–126; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 136–137.

- ⁸⁰ АКВ. Кн. 7. С. 143–147, 149.
- ⁸¹ Там же. Кн. 2. С. 385–436; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 145–146.
- ⁸² *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 147–177,
- ⁸³ Там же. Т. IX (X). С. 144–147.
- ⁸⁴ Там же. С. 147–165.
- ⁸⁵ Там же. С. 165–172.
- ⁸⁶ Там же. С. 142.
- ⁸⁷ См.: *Юровская Е.Е.* Поход русской армии в Восточную Пруссию // Исторический журнал. 1944. № 2, С. 27; См.: *Коробков Н.М.* Указ. соч. С. 18–19.
- ⁸⁸ См.: *Анисимов Е.А.* Россия в середине XVIII в. М., 1986. С. 101; *Черкасов П.П.* Тайная дипломатия Людовика XV и Россия (1749–1756 гг.) // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 254–255.
- ⁸⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 178–183; Т. IX (X). С. 173–177.
- ⁹⁰ Там же. Т. IX (X). С. 183–184; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 101.
- ⁹¹ См.: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 102–103.
- ⁹² См.: *Черкасов П.П.* Указ. соч. С. 279–283; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 103–106.
- ⁹³ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. 1 серия. Т. 3. М., 1967. С. 505.
- ⁹⁴ Семилетняя война. Сборник документов и материалов. М., 1948. С. 25–26.
- ⁹⁵ Сб. РИО. Т. 136. СПб., 1912. С. 54–56.
- ⁹⁶ См.: Семилетняя война. С. 72–79, 80, 92.
- ⁹⁷ Сб. РИО. Т. 140. СПб., 1912. С. 29–31, 41–54.
- ⁹⁸ См.: Семилетняя война. С. ПЗ–120.
- ⁹⁹ Записки Фридриха II // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. I. С. 5–21.
- ¹⁰⁰ АКВ. Кн. 7. С. 330–551.
- ¹⁰¹ Письма Петра III Фридриху III // Русский архив. 1898. Кн. 1. С. 5–10.
- ¹⁰² Там же. С. 10–12; Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 17–20; Сб. РИО. Т. 12. СПб., 1873. С. 10–17; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 304–308.
- ¹⁰³ Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 30–32, 34–40.
- ¹⁰⁴ См.: *Бильбасов В.А.* Новые русские материалы по истории Семилетней войны. СПб., 1887. С. 470–476.
- ¹⁰⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. V. С. 367–378.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 380–384.
- ¹⁰⁷ См.: *Некрасов Г.А.* Международное признание российского великодержавия в XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 381–388; *Он же.* Роль России. С. 308–309.

Глава III

¹ См.: главу IV.

² См.: *Ключевский В.О.* Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913. С. 318–319.

³ Там же. С. 347–348.

- ⁴ Там же. С. 349.
- ⁵ *Сегюр А. Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия глазами иностранцев. Л., 1989. С. 318.
- ⁶ *Щербатов М. М.* Соч. Т. II. СПб., 1898. С. 133.
- ⁷ *Герцен А. А.* Собр. соч.: В 30 т. Т. XIII. М., 1958. С. 272.
- ⁸ См.: Записки императрицы Екатерины II. М., 1990.
- ⁹ См.: *Тарле Е. В.* Екатерина II и ее дипломатия. Ч. I–II. М., 1945.
- ¹⁰ См.: *Скаакни С. Д., Дружинина Е. И., Станиславская А. М., Клокман Ю. Р., Алефиренко П. К.* Внешняя политика // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.
- ¹¹ См.: *Каменский А. Б.* Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3.
- ¹² Нравственные идеалы Екатерины II / Публикация С. Соболевского // Русский архив. 1863. Изд. 2-е. М., 1866.
- ¹³ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 16. Я. Л. Барсков. XVII. № 7.
- ¹⁴ Сб. РИО. Т. 19. СПб., 1876. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. С. 390.
- ¹⁵ *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. 1989. № 1.
- ¹⁶ См.: *Терещенко А. В.* Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России. Т. 3. СПб., 1892; *Гаврюшкин А. В.* Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989.
- ¹⁷ Сб. РИО. Т. 19. СПб., 1876. С. 209.
- ¹⁸ Там же. С. 42–43.
- ¹⁹ Там же. Т. 14. СПб., 1874. С. 61.
- ²⁰ См.: *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 4. М., 1833; Дипломатический словарь. Т. II. М., 1971; *Дружинина Е. И.* Русский дипломат А. М. Обресков // Исторические записки. Т. 40. М., 1952.
- ²¹ Рескрипты Екатерины II от 21 и 24 июня 1762 г. // Сб. РИО. Т. 48. СПб., 1885. С. 31–33.
- ²² *Левашов П. А.* Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны от дня объявления оной по 1773 г. СПб., 1790. С. 47.
- ²³ См.: Хрестоматия по русской военной истории / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1947. С. 203.
- ²⁴ *Румянцев П. А.* Документы. Т. II: 1768–1775. М., 1953. С. 59.
- ²⁵ Фельдмаршал Румянцев. Сб. док. и материалов. М., 1947. С. 160–161.
- ²⁶ *Румянцев П. А.* Документы. Т. II. С. 376.
- ²⁷ Там же. С. 493–494.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 1744. Л. 115.
- ²⁹ Там же. Д. 1686. Л. 7.
- ³⁰ Цит. по: *Уляницкий В.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке // Московский главный архив МИД. Вып. 3–4. 1883. С. 406.

- ³¹ Там же. С. 445.
- ³² Цит. по: Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1905. С. 63.
- ³³ См.: *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 349–360.
- ³⁴ Цит. по: *Дружинина Е.И.* Русский дипломат А.М. Обресков. С. 247.
- ³⁵ Архив Государственного Совета. Т. I; Совет в царствование императрицы Екатерины II. 4.1. СПб., 1869. С. 223.
- ³⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. Военно-ученый архив (далее — ВУА). Д. 2011. Л. 6.
- ³⁷ Цит. по: *Уляницкий В.* Указ. соч. С. 453–455.
- ³⁸ Фельдмаршал Румянцев. Сб. док. и материалов. С. 199.
- ³⁹ *Клокман Ю.Р.* Фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М.; Л., 1951. С. 145–149.
- ⁴⁰ См.: *Лецинский Л.М.* Военные победы и полководцы русского народа. М., 1959. С. 100.
- ⁴¹ ЧОИДР. 1865. Кн. II. С. 301.
- ⁴² ПСЗРИ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XIX. № 14614. С. 957–967 (договор ратифицирован 15(26) июля 1774 г.).
- ⁴³ См.: *Уманец Ф.* Понятовский и Репнин // Древняя и новая Россия. 1875. № 7.
- ⁴⁴ Цит. по: Русский биографический словарь. Т. 17. Пг., 1918. С. 545.
- ⁴⁵ См.: *Достян И.С.* Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в политике России на Балканах конца XVIII–XIX вв. // *Etudes balkaniques.* Sofia, 1975. No 2. P. 100; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 10.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1867. Л. 105–106 об.
- ⁴⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 50, 66–68, 70–71.
- ⁴⁸ См.: *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
- ⁴⁹ Политические и культурные отношения. Док. 273, 275, 281 и др.
- ⁵⁰ Там же. Док. 223, 255, 262.
- ⁵¹ Там же. Док. 262.
- ⁵² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1787–1788. Д. 2060. Л. 118–121.
- ⁵³ *Суворов А.В.* Документы. Т. II. М., 1951. Док. 298–300. С. 318–319, 326, 337–343.
- ⁵⁴ См.: *Головачев В.* Действия русского флота во время войны России со Швецией в 1788–1790 годах. СПб., 1870. С. 20.
- ⁵⁵ См.: *Веселаго Ф.* Краткая история русского флота. Изд. 2-е. М.; Л., 1939. С. 130; Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 288–289.
- ⁵⁶ См.: Русские и советские моряки на Средиземном море. М., 1976. С. 56.
- ⁵⁷ *Ушаков Ф.Ф.* Документы. Т. I. М., 1951. С. 61.
- ⁵⁸ *Суворов А.В.* Документы. Т. II. С. 480–481.
- ⁵⁹ См.: Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. С. 594.

⁶⁰ Суворов А.В. Документы. Т. II. С. 535.

⁶¹ Там же. С. 526–577.

⁶² Государственная деятельность Безбородко исследована в монографии Н.И. Григоровича «Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени» (Т. I–II. СПб., 1879, 1881). 14 глав биографии, примечания и приложения к ним вошли в состав 29-го тома Сборника РИО за 1881 год. Там же опубликованы Протоколы конференции по заключению Ясского мира (Приложение № X. С. 548–630), а также копии с рескриптов Екатерины и письма Безбородко к разным лицам.

⁶³ Сб. РИО. Т. 29. СПб., 1881. С. 224.

⁶⁴ Там же. С. 141.

⁶⁵ АКВ. Кн. XIII. М., 1879. С. 231–232.

⁶⁶ Сб. РИО. Т. 29. С. 171, 481.

⁶⁷ Там же. С. 175, 176.

⁶⁸ Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 87.

⁶⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIX. № 17008.

⁷⁰ Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 88, 89.

⁷¹ Там же. С. 90–91.

⁷² АКВ. Кн. XIII. С. 351–353.

⁷³ Сб. РИО. Т. 29. С. 238–239.

⁷⁴ Там же. С. 245.

⁷⁵ Там же. С. 224.

⁷⁶ Цит. по: Юзефович Т. (сост.). Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. 41–49.

⁷⁷ Цит. по: Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 111.

⁷⁸ Там же. С. 161.

⁷⁹ См.: Алефиренко П.К. Правительство Екатерины II и Французская буржуазная революция // Исторические записки. 1947. № 22.

⁸⁰ См.: Сорель А. Европа и Французская революция. Т. V. СПб., 1906; Нарочницкий А.А. Международные отношения европейских государств с 1794 по 1830 г. М., 1946; Деджула К.Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972.

⁸¹ Деджула К.Е. Указ. соч.

⁸² Русский архив. 1866. Вып. 3. С. 399–422.

⁸³ Деджула К.Е. Указ. соч. С. 335–340.

⁸⁴ См.: Нарочницкий А.А. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой (Сопротивление и приспособление) // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986. С. 92.

⁸⁵ См.: Нарочницкий А.А. Международные отношения. С. 11–12.

⁸⁶ Цит. по: Борисов Ю.В. Шарль-Морис Талейран. М., 1986. С. 78.

⁸⁷ См.: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. СПб., 1901; Миллютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. Т. 1–5. СПб., 1852–1853; Клочков М.В. Очерки правительственной дея-

тельности времен Павла I. Пг., 1916; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907; *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. V. М., 1989; *Эйдельман Н.А.* Грань веков. М., 1982. С. 348.

⁸⁸ См.: *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории е. и. в. благоверного государя цесаревича Павла Петровича, СПб., 1881.

⁸⁹ См.: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 322.

⁹⁰ См.: *Порошин С.А.* Указ. соч. С. 323.

⁹¹ Русский архив. 1876. Кн. 2. С. 82.

⁹² АКВ. Кн. XIII. С. 372, 373.

⁹³ Цит. по: *Фригоревич Н.И.* Указ. соч. Т. II. СПб., 1881. С. 378.

⁹⁴ АКВ. Кн. XIII. С. 400–402.

⁹⁵ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. I. Берлин, 1870. С. 20.

⁹⁶ *Корф М.А.* Жизнь графа М.М. Сперанского. Т. II. СПб., 1861. С. 378.

⁹⁷ *Державин Г.Р.* Соч. Т. III. СПб., 1866. С. 377.

⁹⁸ Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина (1770–1837). Т. 2. СПб., 1890. С. 468.

⁹⁹ См.: *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 85.

¹⁰⁰ АКВ. Кн. XVIII. М., 1880. С. 142.

¹⁰¹ *Noradounghian G.* Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Vol. 2. Paris, 1900. P. 24–27 (текст договора без секретных статей); *Милютин Д.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 3. СПб., 1857. С. 79–80 (секретные статьи).

¹⁰² См.: *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. Политика России в Ионической республике, 1798–1807. М., 1976; *Она же.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. 1798–1800 гг. М., 1983.

¹⁰³ См.: *Милютин Д.* История войны 1799 года. Т. 2. СПб., 1857. С. 108–109, 147.

¹⁰⁴ Там же; *Петрушевский А.Ф.* Генералиссимус князь Суворов. Т. 3. СПб., 1884; *Клаузевиц К.* Швейцарский поход Суворова. 1799 г. М., 1939; *Кавтарадзе А.Г.* Итальянский и швейцарский походы А.В. Суворова в 1799 г. // Новая и новейшая история. 1981. № 3.

¹⁰⁵ Сб. РИО. Т. 70. СПб., 1890. С. IV.

¹⁰⁶ См.: *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 167.

¹⁰⁷ Сб. РИО. Т. 70. С. 2.

¹⁰⁸ Там же. С. XXVII.

¹⁰⁹ Цит. по: *Борисов Ю.А.* Указ. соч. С. 174.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. СРП. 1727. Д. 8. Л. 107–107 об.

¹¹¹ АВПРИ. Ф. СРП. 1733. Д. 3. Л. 40.

¹¹² Цит. по: *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1970. С. 168.

¹¹³ См.: *Ананян Ж.А.* Основные этапы армяно-русских отношений (конец XVII — первая треть XIX в.). Подходы к проблеме // История и историки. М., 1995. С. 69.

¹¹⁴ Еще в 1726 году видный внешнеполитический деятель России А.И. Остерман отмечал, что «Россия в свои провинции (имеется в виду побережье Западного Каспия. — *Авт.*) кроме персов никого впустить не может, и тем персам надобно, чтоб какой основательный владетель был» (Сб. РИО. Т. 55. С. 112).

¹¹⁵ См.: *Иоаннисян А.Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1990. С. 12.

¹¹⁶ Там же. С. 13.

¹¹⁷ См.: *Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. С. 86, 183.

¹¹⁸ *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XII. М., 1964. С. 151.

¹¹⁹ *Ананян Ж.А.* Указ. соч. С. 71–72.

¹²⁰ *Мачафадзе В.Х.* Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Ч. III. Вып. I.: Русско-турецкая война 1768–1774 годов и Грузия. Тбилиси, 1988. С. 151.

¹²¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. V. М., 1989. С. 43, 47.

¹²² Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии / Под ред. А.А. Цагарели. Т. I. СПб., 1891. С. 165.

¹²³ *Абдуллаев Г.Б.* Указ. соч. С. 497.

¹²⁴ Там же. С. 504.

¹²⁵ Сб. РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 436.

¹²⁶ Цит. по: *Абдуллаев Г.Б.* Указ. соч. С. 550.

¹²⁷ *Ананян Ж.А.* Указ. соч. С. 71.

¹²⁸ *Бутков И.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб., 1869. С. 166.

¹²⁹ *Иоаннисян А.Р.* Указ. соч. С. 35.

¹³⁰ *Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхиа Ш.А.* История Грузии. Т. I. Тбилиси, 1962. С. 395–396.

¹³¹ *Месхиа Ш.А., Цинцадзе Я.З.* Из истории русско-грузинских взаимоотношений X–XVIII вв. Тбилиси, 1958. С. 140.

¹³² *Иоаннисян А.Р.* Указ. соч. С. 184.

¹³³ *Ананян Ж.А.* Указ. соч. С. 74.

¹³⁴ АВПРИ. Ф. СРП. 1795. Д. 8. Л. 104.

¹³⁵ *Маркова О.П.* Присоединение Грузии к России в 1801 г. // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 83.

¹³⁶ *Ананян Ж.А.* Указ. соч. С. 76.

Глава IV

¹ *Müller M.G.* Die Teilungen Polen. 1772, 1793, 1795. München, 1984. S. 8.

² *Ibid.* S. 92.

³ *Пушкин А.С.* Сочинения в трех томах. Т. I. М., 1985. С. 501–502.

⁴ *Соловьёв С.М.* История падения Польши. М., 1863; *Кареев Н.П.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888; *Костомаров Н.А.* Последние годы Речи Посполитой. Т. 1–2. СПб., 1886; *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896.

⁵ *Schmidt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. 4t — Lwów, 1868–1884; *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. 1764–1794. 2t, Kraków, 1897–1898; *Konopczyński W.* Polska a Szwecja od roku traktatu Oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej. 1660–1795. Warszawa, 1924; *Idem.* Anglia a Polska w XVIII wieku // Pamiętniki biblioteki Komeckiej. 4 (1947); *Idem.* Polska a Turcja 1683–1792. Warszawa, 1936; *Idem.* Konfederacja Barska. 2t. Warszawa, 1936–1938.

⁶ *Zabórski A.* Stanisław August politik. Warszawa, 1966; *Michalski J.* Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // Historia dyplomacji polskiej. Т. 2. Warszawa, 1982; *Rostworowski E.* Polska w układzie sił politycznych XVIII wieku / Polska w epoce Oświecenia. Warszawa, 1971; *Idem.* Ostatni kraj Rzeczypospolitej. Genesis i upadek konstytucji 3 maja. Warszawa, 1966; *Maciszewski J.* Słachta polska i jej państwo. Warszawa, 1969; *Кондзеля А., Цегельский Т.* Концерт трех черных орлов. Споры о разделах Польши // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. С. 83–106.

⁷ *Müller M.G.* Op. cit. S. 8.

⁸ См.: *Юсунов Р.Р.* Польский вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Вестник Моск. ун-та, Сер. 8: История. 1980. № 3; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. М., 1967. С. 526–527, 547–550; *Дружинина Е.А.* Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). С. 90–145.

⁹ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 19.

¹⁰ *Müller M.G.* Op. cit. S. 9; *Michalski J.* Rousseaus a sarmacki republikanizm. Warszawa, 1977.

¹¹ См.: *Костомаров Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 49.

¹² Там же. С. 75–76.

¹³ См.: *Маркина В.А.* Крестьяне Правобережной Украины. Конец XVII — 60-е гг. XVIII ст. Киев, 1971. С. 15–29.

¹⁴ См.: *Костомаров Н.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 71; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. С. 315.

¹⁵ См.: *Виммер Я.* Пехота в Войске Польском XV — XVIII веков // История военного дела в Польше. Избр. вопросы. Диссертация. Очерки. Варшава, 1970. С. 90.

¹⁶ См.: *Юсунов Р.Р.* Указ. соч. С. 39.

¹⁷ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 90.

¹⁸ Там же. С. 91–92.

¹⁹ Цит. по: *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 106.

²⁰ Там же. С. 107, 117–146.

²¹ Там же. С. 237.

²² См.: *Юсунов Р.Р.* Указ. соч. С. 38.

²³ См.: *Костомаров Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 97.

- ²⁴ *Konopczyński W.* Frederik Wietki a Polska. Poznan, 1947. S. 333–334.
- ²⁵ См.: Юсупов Р.Р. Указ. соч. С. 38.
- ²⁶ *Konopczyński W.* Op. cit. S. 337.
- ²⁷ См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 101.
- ²⁸ *Zabórski A.* Op. cit. S. 63.
- ²⁹ Цит. по: Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 123.
- ³⁰ Цит. по: Юсупов Р.Р. Указ. соч. С. 44, 45.
- ³¹ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 321–322.
- ³² См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 139–141; *Zabórski A.* Op. cit. S. 83–84.
- ³³ Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 139–141.
- ³⁴ *Michalski J.* Dyplomatia Polski. S. 526, 527.
- ³⁵ Ibid. S. 527.
- ³⁶ Кондзеля Л., Цегельский Т. Указ. соч. С. 92.
- ³⁷ Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 145.
- ³⁸ *Zabórski A.* Op. cit. S. 86.
- ³⁹ *Michalski J.* Między I rozbiorem a wojną wschodnią (1772–1786) // Historia dyplomacji polskiej. Т. 11. Warszawa, 1982. S. 568.
- ⁴⁰ Ididem.
- ⁴¹ Ibid. P. 574.
- ⁴² См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 193.
- ⁴³ Там же. С. 192–193.
- ⁴⁴ *Zabórski A.* Op. cit. S. 143.
- ⁴⁵ Ibid. S. 145.
- ⁴⁶ Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 210.
- ⁴⁷ См.: Кондзеля Л., Цегельский Т. Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁸ *Michalski J.* Dyplomacja Polski. S. 616.
- ⁴⁹ Кондзеля Л., Цегельский Т. Указ. соч. С. 96.
- ⁵⁰ *Zabórski A.* Op. cit. S. 285.
- ⁵¹ Ibid. S. 289.
- ⁵² Ibid. S. 299–300.
- ⁵³ Ibid. S. 296.
- ⁵⁴ Ibid. S. 300.
- ⁵⁵ См.: Кондзеля Л., Цегельский Т. Указ. соч. С. 105.

Глава V

¹ См.: Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 26.

² См.: Яковлева П.Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора 1689 г. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). М., 1966; Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984.

³ Цит. по: *Бантыш-Каменский Н. А.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 449.

⁴ *Мелихов Г. А.* Экспансия Цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 71 и др.

⁵ См.: *Нарочницкий А. Д.* [и др.]. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1: С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. С. 38.

⁶ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 20–21.

⁷ Цит. по: *Липовцев С.* Уложение Китайской палата внешних сношений. Т. I–II. СПб., 1828.

⁸ *Нарочницкий А. А.* [и др.]. Указ. соч. С. 38.

⁹ *Владиславич-Рагузинский С. А.* Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства // Русский вестник. 1842. № 3.

¹⁰ Там же. С. 325–326.

¹¹ *Нарочницкий А. А.* [и др.]. Указ. соч. С. 128.

¹² *Миллер Г. Ф.* Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Т. V. 1757. Апрель; *Он же.* История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением // Там же. Т. VI. Июль — октябрь.

¹³ Цит. по: *Трусевич Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. С. 53–54; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 278.

¹⁴ Правдивые записи о правлении императора Циньлуна Великой Цин. Токио, 1937. Гл. 544. А. 1–2 (на кит. яз.).

Глава VI

¹ Россия и США: становление отношений. 1765–1815. Сб. документов (далее — Россия и США) / Сост. Н. Н. Башкина, Н. Н. Болховитинов, Дж. Браун [и др.]. М., 1980. С. 20.

² Там же. С. 27, 32.

³ См.: История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1994. С. 7, 18.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Россия и США. С. 55.

⁶ См.: *Старцев А.* Американский вопрос и русская дипломатия в годы войны США за независимость // Русско-американские этюды. М., 1995. С. 12–14.

⁷ Россия и США. С. 35.

⁸ Сб. РИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 44, 154.

⁹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 2: Материалы. Варшава, 1897. С. 196.

¹⁰ Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Россия и война США за независимость. 1775–1783. М., 1976. С. 33.

¹¹ См.: *Старцев А.* Указ. соч. С. 15–16.

¹² Россия и США. С. 55.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ *Madariaga I. de.* Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. Sir James Harris's Mission to St. Petersburg during the American Revolution. New Haven, 1962. P. 374.

¹⁵ Россия и США. С. 56,

¹⁶ См.: *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 37–38.

¹⁷ Россия и США. С. 59–60.

¹⁸ См.: *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 41–44.

¹⁹ Россия в США. С. 65.

²⁰ Там же. С. 57–58.

²¹ Там же. С. 68.

²² Там же. С. 76, 77.

²³ См.: *Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 76.

²⁴ Россия и США. С. 85, 92.

²⁵ Там же. С. 72.

²⁶ См.: *Болховитинов Н.Н.* Россия и война США за независимость. С. 74; *Старцев А.* Указ. соч. С. 24.

²⁷ Россия и США. С. 89.

²⁸ Из истории русско-американских отношений / Подгот. Н.Н. Башкина, В.И. Жиленко, В.И. Мазаев // *Международная жизнь.* 1974. № 7. С. 160.

²⁹ Россия и США. С. 144.

³⁰ Цит. по: *Международная жизнь.* 1974. № 7. С. 160.

³¹ Россия и США. С. 682.

³² Там же; см. *Болховитинов Н.Н.* Россия и война США за независимость. С. 100; *Он же.* Россия открывает Америку — С. 167.

³³ См.: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966. С. 382–439; *Он же.* Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975. С. 358–373; *Kirchner W.* Studies in Russian-American Commerce, 1820–1860. Leiden, 1975; *Crosby A. W.* Jr. America, Russia, Hemp and Napoleon; American Trade with Russia and the Baltic, 1783–1812. Columbus (Ohio), 1965.

³⁴ См.: *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М., 1981. С. 27–60.

³⁵ Там же. С. 11, 20–22, 40.

³⁶ *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 14.

³⁷ См.: *Семенников В.П.* Радищев. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 1–24.

³⁸ *Радищев А.Н.* Указ. соч. С. 11.

³⁹ Там же. С. 317.

- ⁴⁰ Цит. по: *Николюкин А.Н.* Указ. соч. С. 114.
- ⁴¹ Россия и США. С. 145.
- ⁴² Цит. по: *Николюкин А.Н.* Указ. соч. С. 388 (Приложения).
- ⁴³ Цит. по: *Болховитинов Н.А.* Становление русско-американских отношений. С. 143.
- ⁴⁴ Россия и США. С. 392.
- ⁴⁵ Там же. С. 196–202.
- ⁴⁶ Там же. С. 153.
- ⁴⁷ Там же. С. 154, 160.
- ⁴⁸ Там же. С. 168–172, 177–178; см. также: *Болховитинов Н.Н.* Россия и война США за независимость. С. 193–208.
- ⁴⁹ См.: *Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. С. 27.
- ⁵⁰ Россия и США. С. 165.
- ⁵¹ *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. С. 234–235.
- ⁵² Цит. по: История США (в 4-х томах). Т. 1. М., 1983. С. 613.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См.: *Николюкин А.А.* Указ. соч. С. 77–99.
- ⁵⁵ Московский журнал. [1791]. Часть вторая. Июнь. 2-е изд. М., 1802. С. 229.
- ⁵⁶ См.: *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 27, 280–291; *Болховитинов Н.А.* Становление русско-американских отношений. С. 14.
- ⁵⁷ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов / Под. ред. А.А. Нарочницкого. М., 1984. С. 30, 33, 36.
- ⁵⁸ *Домоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. М.; Л., 1959. С. 703.
- ⁵⁹ Цит. по: *Николюкин А.Н.* Указ. соч. С. 25.
- ⁶⁰ См.: История Русской Америки. 1732–1867 (в 3-х томах) / Под ред. Н.Н. Болховитинова. Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799. М., 1997. С. 445–454.
- ⁶¹ Цит. по: *Пасенюк Л.М.* Мореход Герасим Измайлов // Американский ежегодник. 1994. М., 1995. С. 107.
- ⁶² Там же. С. 108.
- ⁶³ Цит. по: Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. С. 178.
- ⁶⁴ См.: *Болховитинов Н.Н.* У истоков православия в Северной Америке (середина XVIII века — 1794 год) // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 127.
- ⁶⁵ К предыстории Нутка-зундского кризиса 1789–1790 гг. / Сост., перев. и автор вступ. ст. М.С. Альперович // Американский ежегодник. 1995. М., 1996. С. 187.
- ⁶⁶ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. документов / Отв. ред. Р.В. Макарова. М., 1989. С. 232–233.
- ⁶⁷ Там же. С. 238.
- ⁶⁸ Там же. С. 239.

⁶⁹ См.: *Альперович М.С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М., 1993. С. 76–86, 170, 210–213.

⁷⁰ Там же. С. 112.

⁷¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Сб. документов / Ред. и автор вступ. ст. А.И. Андреев. М., 1948. С. 282.

⁷² Там же. С. 281.

⁷³ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799–1815. Сб. документов / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1994. С. 21.

⁷⁴ *Альперович М.С.* Указ. соч. С. 216.

⁷⁵ См.: *Болховитинов Н.А.* Становление русско-американских отношений. С. 282–283.

⁷⁶ Россия и США. С. 148.

⁷⁷ Там же. С. 156, 162.

⁷⁸ Там же. С. 164. Подробнее о путешествии Ледиарда см.: *Духаров З.* Необычайные похождения в России Джона Ледиарда-американца. СПб., 1996.

⁷⁹ Истории Русской Америки посвящено большое количество книг и статей как научного, так и научно-популярного характера. Назовем основные работы, в которых говорится об основании и начальном периоде существования российских колоний. В русской дореволюционной литературе наиболее значительным трудом по богатству содержащихся в нем сведений является двухтомник П.А. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени» (Ч. I–II. СПб., 1861, 1863). Из более поздних работ помимо уже упомянутых выше можно выделить следующие: *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939; *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968; *Фёдорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971; *Алексеев А.И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975; *Гринёв А.В.* Индейцы глинокиты в период Русской Америки (1741–1867). Новосибирск, 1991. Закономерным итогом работы отечественных исследователей является фундаментальная трехтомная «История Русской Америки. 1732–1867», издающаяся под редакцией академика Н.Н. Болховитинова, первый том которой («Основание Русской Америки. 1732–1799») опубликован в 1997 году. Очень обширна заокеанская литература — от вышедшего в прошлом веке сводного труда зачинателя изучения истории Аляски в США Х. Бэнкрофта (*Bancroft H.H.* History of Alaska, 1730–1885. San Francisco, 1886) до последних монографий, документальных и справочных изданий. См.: *Golder F.A.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850. Cleveland, 1914 (reprint. New York, 1971); *Chevigny H.* Russian America. The Great Alaskan Venture. 1741–1867. New York, 1965; *Kushner H.I.* Conflict on the Northwest Coast. American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest. 1790–1867. Westport (Conn.). London, 1975; *Gibson J.R.* Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. New York, 1976; To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Record / Ed. and Transl. by B. Dmytryshyn, E.A.P.

Grownhart-Vaughan, Th. Vaughan. Vol. 2–3. Portland, 1988–1989; *Pierce R. A.* Russian America; A Biographical Dictionary. Fairbanks; Kingston, 1990.

⁸⁰ Россия в США. С. 157.

⁸¹ Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Основание Русской Америки; 1732–1799 // Русская Америка. Вып. VII (1996 г.). С. 17.

⁸² См.: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. С. 204–205.

⁸³ Россия и США. С. 221.

Глава VII

¹ См.: *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1883. С. 421.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 138. Оп. 1. 1700. Д. 6. Л. 2.

³ См.: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 197–198.

⁴ См.: Очерк истории МИД. СПб., 1902. С. 38–39.

⁵ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 1. Л. 111.

⁶ См.: *Воскресенский Н.А.* Указ. соч. С. 219; ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. V. С. 527–528.

⁷ ПСЗРИ. Т. V. С. 601.

⁸ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 1. Л. 112–114 об. (копия).

⁹ Подлинники «Определения» хранятся ныне в РГАДА: Ф. 9. Отд. 1. Д. 32. Л. 294–295; Ф. 142. Оп. 2. Д. 11. Л. 19–21. До 1917 года они находились в архивах МИД России.

¹⁰ АВПРИ. Ф. ВКД, Оп. 2/6. Д. 1. Л. 116–124.

¹¹ Там же. Д. 11. Л. 17.

¹² Эти названия встречаются в документах Коллегии уже в 1720 году (АВПРИ. Ф. Приказные дела новых лет. Оп. 15/3. 1720 г. Д. 5), хотя ни в указах, ни в «Определении» их нет.

¹³ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 1. Л. 112–114 об.

¹⁴ Коллегия иностранных дел адресовала в 1720–1721 годах документы в Москву Посольскому приказу либо Посольской канцелярии (АВПРИ. Ф. Приказные дела новых лет. Оп. 15/3. 1720 г. Д. 11. Л. 4, 191, 200, 241).

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. С. 485. Указ об открытии в Москве от каждой коллегии по конторе «для управления дел по указам своей коллегии». Возглавлять конторы должны были коллежские советники попеременно по одному году на основании инструкций своих коллегий.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Приказные дела новых лет. Оп. 15/3. Д. 11. Л. 111 об.

¹⁷ 26 января 1720 г. Горохова сменил лейб-гвардии Семеновского полка капитан Петр Вельяминов-Зернов в чине подполковника (АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 1004. Л. 1–3).

- ¹⁸ АВПРИ. Ф. ВКД, Оп. 2/6. Д. 11. Л. 172; Д. 1. Л. 115.
- ¹⁹ ПСЗРИ. Т. VI. С. 145.
- ²⁰ Там же. С. 150.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Очерк истории МИД. С. 41.
- ²³ АВПРИ. Ф. Приказные дела новых лет. Оп. 16/3. 1724 г. Д. 12. Л. 75–77 об.
- ²⁴ См.: *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. М., 1989. С. 250.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. ВКД, Оп. 2/6. Д. 1. Л. 114 об.
- ²⁶ Там же. Л. 316–316 об.
- ²⁷ Там же. Л. 138–142.
- ²⁸ См.: *Турилова С.А.* Русские дипломатические представители за границей в конце XVII–XVIII вв. Справочник. Машинопись. Библиотека АВПРИ. С. 116, 189.
- ²⁹ См.: *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Т. I. С. 1.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. ВКД, Оп. 2/6. Д. 1. Л. 144 об.
- ³¹ Там же. Л. 146 об.
- ³² ПСЗРИ. Т. VI. С. 479–480. В.В. Похлебкин ошибочно приводит 1725 г. как год образования Государственных Коллегий (см.: *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. Справочник. М., 1992. С. 208–210).
- ³³ Цит. по: *Воскресенский Н.А.* Указ. соч. С. 250.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. ВКД, Оп. 2/6. Д. 1. Л. 49 об. — 52.
- ³⁵ Там же. Л. 49. О Моисее Арсеньеве см.: *Турилова С.А.* Мемуары русского разночинца первой половины XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990. С. 10–15.
- ³⁶ См.: *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. Варшава, 1897. С. 102–103.
- ³⁷ Там же. С. 120.
- ³⁸ ПСЗРИ. Т. VI. С. 452.
- ³⁹ Там же. С. 687.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. ВКД, Оп. 2/6. Д. 1. Л. 158–164 об.
- ⁴¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. С. 568–569.
- ⁴² См.: Очерк истории МИД. С. 57.
- ⁴³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. С. 552.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф. ВКД, Оп. 2/6. Д. 2757. Л. 1–3.
- ⁴⁵ См.: Очерк истории МИД. С. 58.
- ⁴⁶ См.: *Наумов В.П.* Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 60; *Кислятина Л.Г.* Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVII–XVIII вв. М., 1991. С. 70.
- ⁴⁷ См.: *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в. М., 1986. С. 164–165.
- ⁴⁸ См.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 48–65.
- ⁴⁹ См.: История дипломатии. Т. I. М., 1959. С. 354, 359.
- ⁵⁰ См.: Очерк истории МИД. С. 60.

- ⁵¹ Там же. С. 61.
- ⁵² Там же. С. 62–63.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/1. Д. 1591–1598.
- ⁵⁴ См.: Очерк истории МИД. С. 68.
- ⁵⁵ См.: *Троцкий С. М.* Русские дипломаты в середине XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 398–406.
- ⁵⁶ Цит. по: Очерк истории МИД. С. 63.
- ⁵⁷ Там же. С. 61.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 53.
- ⁶⁰ Екатерина II. Записки. СПб., 1907. С. 710.
- ⁶¹ Цит. по: Очерк истории МИД. С. 63.
- ⁶² См.: Российская дипломатия в портретах. С. 67.
- ⁶³ См.: *Нарочницкий А. А.* Международные отношения накануне и во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. М., 1946. С. 27.
- ⁶⁴ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 920. Л. 1–1 об.
- ⁶⁵ Там же. Д. 49. Л. 206–213.
- ⁶⁶ Там же. Д. 16. Л. 1–7.
- ⁶⁷ Там же. Л. 2 об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 25. Л. 1–6.
- ⁶⁹ Там же. Д. 23. Л. 3–7 об.
- ⁷⁰ Там же. Д. 16. Л. 17–22.
- ⁷¹ Цит. по: *Каменский А. Б.* Под сению Екатерины. Вторая половина XVIII в. Л., 1992. С. 217–218.
- ⁷² См.: История дипломатии. Т. I. С. 372.
- ⁷³ Очерк истории МИД. С. 64.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 22. Л. 4–66.
- ⁷⁵ Там же. Д. 7196. Л. 103.
- ⁷⁶ Цит. по: *Гаврюшкин А. В.* Граф Никита Панин. М., 1989. С. 100.
- ⁷⁷ Там же. С. 99.
- ⁷⁸ См.: *Турилова С. А., Овсянников О. И.* О качествах, потребных послу // Международная жизнь. 1994. № 1. С. 96–102; № 5. С. 105–111.
- ⁷⁹ См.: *Турилова С. А.* Русский дипломат Иван Матвеевич Симолин // Дипломатический вестник. 1992. № 8. С. 44–47.
- ⁸⁰ Цит. по: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М., 1988. С. 442.
- ⁸¹ См.: *Уляницкий В. А.* Указ. соч. Т. 1, 2.
- ⁸² См.: *Гаврюшкин А. В.* Указ. соч. С. 105.
- ⁸³ *Григорovich Н. И.* Канцлер князь А. А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. Т. 29. СПб., 1881. С. 8, 12.
- ⁸⁴ См.: *Похлёбкин В. А.* Указ. соч. С. 212–213.
- ⁸⁵ Цит. по: *Тереженко А. А.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. 1. СПб., 1837. С. 184.

⁸⁶ Там же. С. 161.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 7117. Л. 5.

⁸⁸ Там же. Д. 7118. Л. 15.

⁸⁹ Там же. Д. 7279. Л. 84.

⁹⁰ См.: *Турилова С. А.* 190 лет МИД России // *Международная жизнь.* 1992. № 2. С. 138.

⁹¹ АВПРИ. Ф. Административные дела (АД). IV-53. 1800 г. Д. 1. Л. 3–8 об.; *Турилова С. А.* Из истории структуры МИД России 1720–1917 гг. // *Дипломатический вестник.* 1993. № 1–2. С. 70.

⁹² АВПРИ. Ф. Государственная Коллегия иностранных дел (ГКИД). Оп. 506. Д. 3. Л. 162; Ф. АД. IV-53. 1800 г. Д. 1. Л. 3–3 об.

⁹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVII. С. 244.

⁹⁴ АВПРИ. Ф. ГКИД. Оп. 506. Д. 3. Л. 169.

⁹⁵ См.: *История дипломатии.* Т. I. С. 372.

⁹⁶ См.: *Турилова С. А.* Из истории структуры МИД России. С. 70; *Она же.* Структура внешнеполитического ведомства России (1720–1917 гг.) // *Дипломатический вестник.* 1996. № 12. С. 77.

Оглавление

Предисловие (Г.А. Санин)	5
Глава I. Петр I и его внешняя политика	10
1. Традиционное и новое в политическом курсе (Г.А. Санин)	10
2. Становление великой державы (Г.А. Санин)	34
3. Политика России в Закавказье (Ж.А. Ананян)	48
Глава II. При преемниках Петра Великого (1725–1761 гг.)	59
1. Внешнеполитическая программа Петербурга. Россия и страны Венского и Ганноверского союзов (1725–1730 гг.) (Г.А. Некрасов)	59
2. Европейская политика России. Войны с Польшей и Турцией (30-е годы) (Г.А. Некрасов)	73
3. Международные дела России в правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) (Г.А. Некрасов, А.Н. Шапкина)	86
Глава III. Дипломатия при Екатерине II и Павле I (1762–1801 гг.): в горниле войн и революционных потрясений	110
1. Начало царствования Екатерины II. Россия в системе международных отношений (А.П. Бажова)	111
2. Война 1768–1774 годов. Кючук-Кайнарджийский мир (А.П. Бажова)	117
3. Россия и балканские земли (А.П. Бажова)	125
4. Русско-турецкая (1787–1791 гг.) и Русско-шведская (1788–1790 гг.) войны. Ясский мир (А.П. Бажова)	129
5. Великая французская революция, европейские монархии и Россия (А.П. Бажова)	136
6. Внешняя политика Павла I (А.П. Бажова)	139
7. Россия и Закавказье (Ж.А. Ананян)	150
Глава IV. Разделы Речи Посполитой (Г.А. Санин)	168
1. Кризис Речи Посполитой. Россия и реформы управления	168
2. Разделы Речи Посполитой и политика России, Пруссии и Австрии	181
Глава V. Дальний Восток и Китай (Г.В. Мелихов)	198
1. Политика русского правительства в отношении Китая (1700–1725 гг.)	199
2. Посольство С.А. Владиславича-Рагузинского и русско-китайский Кяхтинский договор 1727 года	204
3. Попытки русского правительства добиться частичного разрешения амурского вопроса (1730–1758 гг.)	210
Глава VI. Россия и Америка (В.Н. Пономарев)	215
1. Война США за независимость и Россия. У истоков русско-американских отношений	215
2. Начало Русской Америки	233

Глава VII. Руководство внешней политикой России (С.А. Туфилова).....	241
1. Учреждение Коллегии иностранных дел и ее функционирование в эпоху петровских преобразований.....	241
2. Государственная Коллегия иностранных дел при преемниках Петра I.....	248
3. Перемены в организации руководства внешней политикой при Екатерине II	254
Заключение (Г.А. Санин)	264
Примечания.....	270

Научное издание

**История внешней политики России
XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона)**

Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Крылов К.А.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Исакова Т.В.
Коновалова Т.Ю.

Подписано в печать 16.10.2018. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,4. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

ООО «Парадигма»,
адрес: 141070, Московская обл., г. Королев,
ул. Мичурина, д. 21, кв. 372

Отпечатано в областной типографии «Печатный двор»
(открытое акционерное общество),
адрес: 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academpro.ru.
